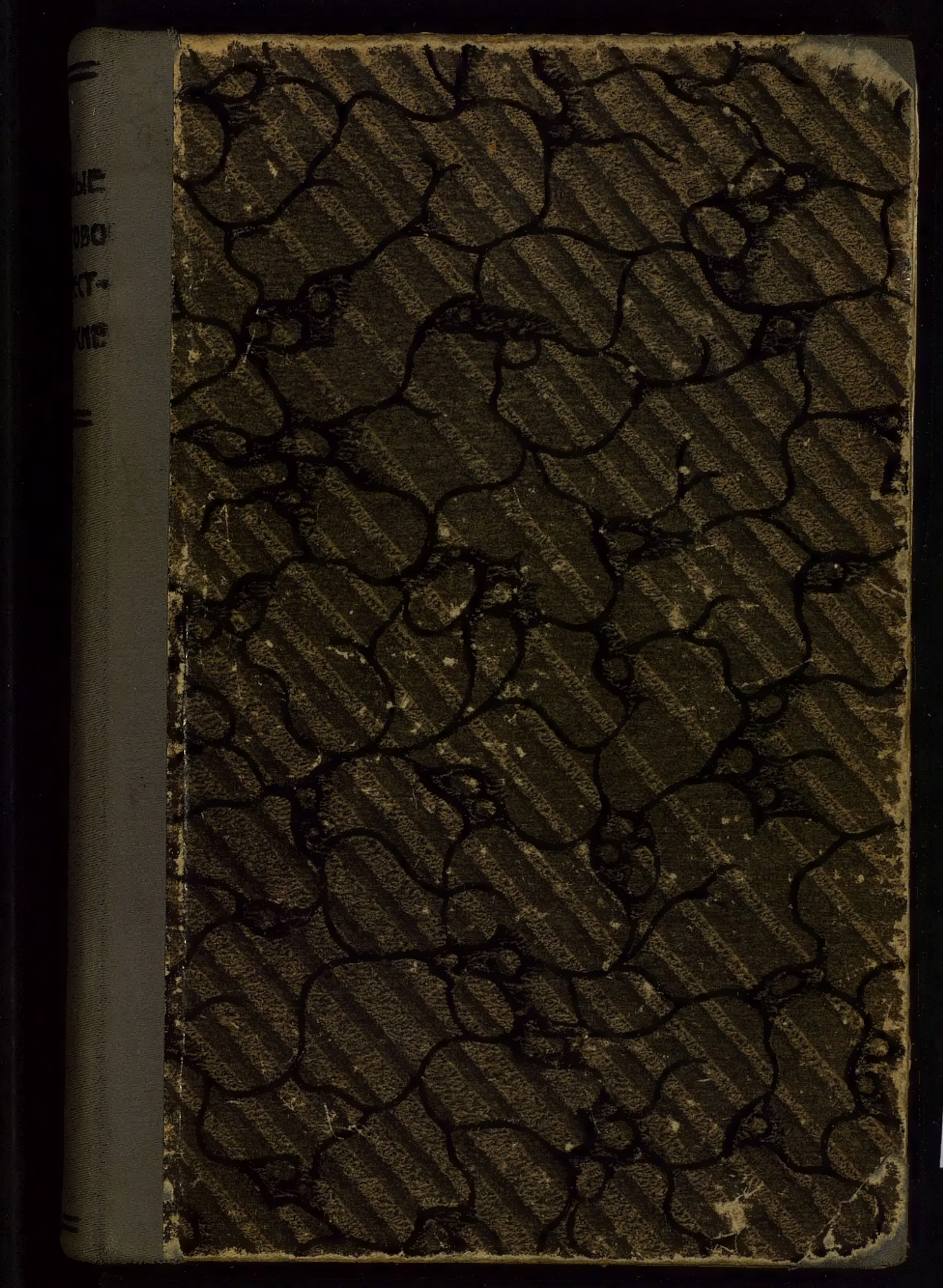
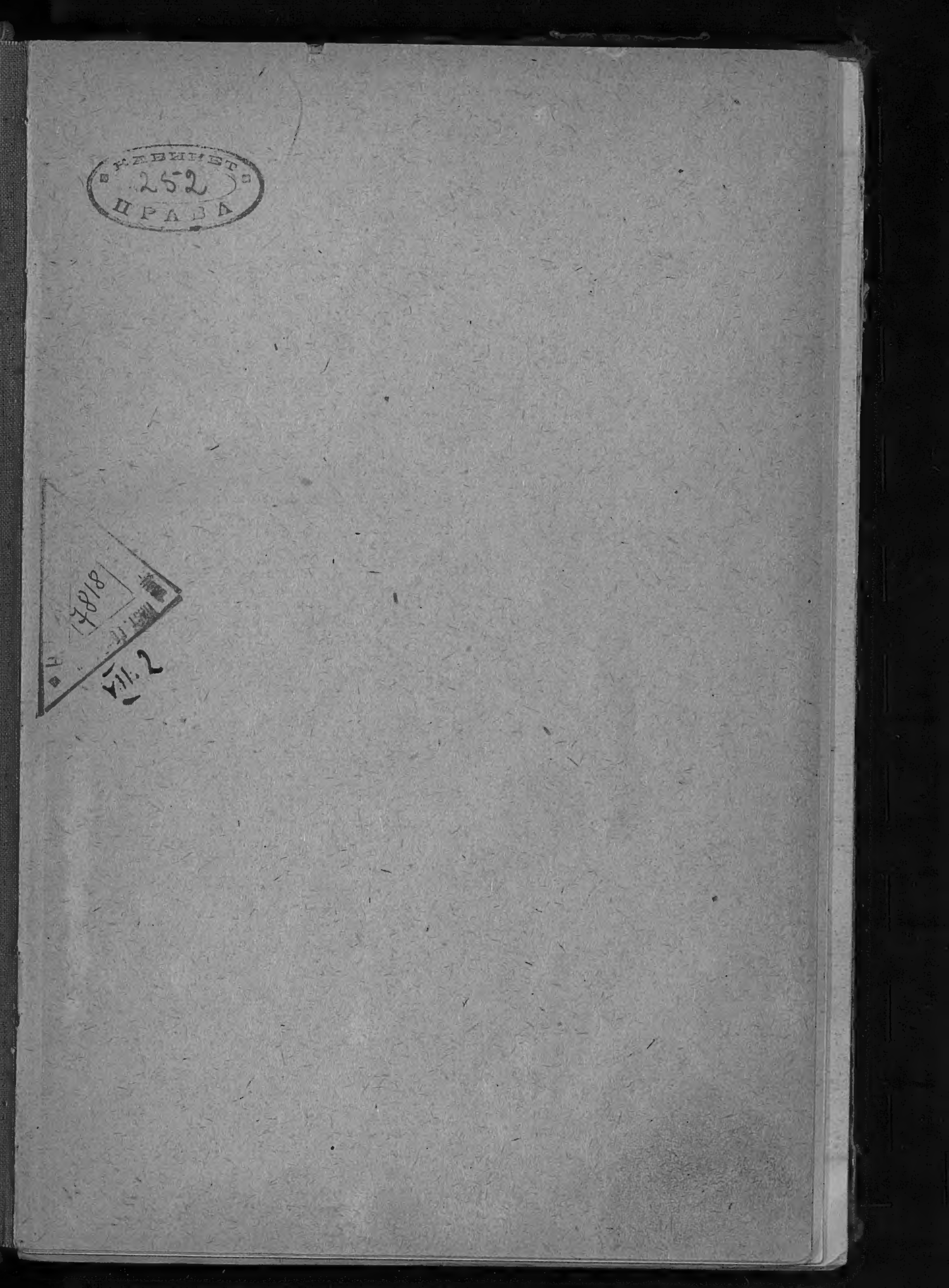



КАБИНЕТ
252
ПРАВА
7818
XII. 2

МИРНЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ

В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

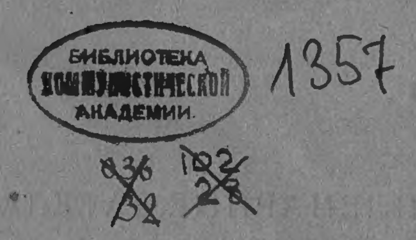
с 22/9 декабря 1917 г. по 3 марта (18 февраля) 1918 г.

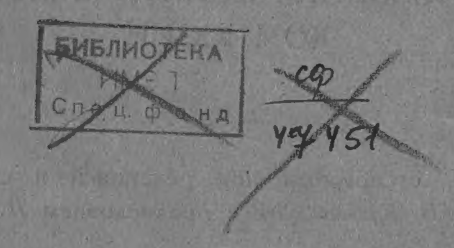
ТОМ I

ПЛЕНАРНЫЕ ЗАСЕДАНИЯ
ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОМИССИИ

Полный текст стенограмм под редакцией и с примечаниями *А. А. Иоффе (В. Крымского)*, с предисловием *Л. Д. Троцкого*.

Издание Народного Комиссариата Иностранных Дел
Москва—1920.





Типография «III Интернационал».

С ЛЕВОЙ СТОРОНЫ:

1. Цекки-Паша. 2. Мерей. 3. Леопольд Баварский. 4. Гофман. 5. Гантчев. 6. Горн. 7. Гей. 8. Розенберг. 9. Бринкман. 10. Чакки.

С ПРАВОЙ СТОРОНЫ:

1. Каменев. 2. Иоффе. 3. Биценко. 4. Карахан. 5. Альтфатер. 6. Фокке. 7. Доливо-Добровольский. 8. Липский. 9. Цеплит.

Брестский этап.

Брест-литовские мирные переговоры—в наше быстротекущее время—отошли уже в область далекого прошлого. Если Буасси д'Англа считал, что год великой французской революции равнялся столетию, то какой же масштаб выбрать для нашей эпохи—мировой капиталистической свалки и мировой революции?..

В Брест-Литовск мы отправлялись для того, чтобы заключить мир. Почему? Потому что воевать не могли. На совещании представителей фронта мы произвели предварительно анкету, вывод которой был совершенно ясен: армия не хочет и не может воевать. Вывод этот был, впрочем, только формальным подтверждением вполне очевидного факта. Солдаты, пробужденные революцией, восстановленные ею против империалистической войны, неуспевшие еще ни передохнуть, ни тем более разобраться во всей сложности мировой обстановки, не хотели более ни одного лишнего дня оставаться в окопах. Раз мы не могли вести войну,—мы вынуждены были заключить мир.

Но в то же время мы стремились использовать самые переговоры в целях международной революционной пропаганды.

По-истине, брест-литовская конференция была самой причудливой комбинацией, какую могла создать история: по одну сторону стола—представители могущественного тогда милитаризма, насквозь проникнутого победоносным солдафонством, кастовой надменностью и величайшим презрением ко всему не истинно гогенцоллернско-прусско-немецкому; по другую сторону—представители пролетарской революции, вчерашние эмигранты, которые в Берлин Гогенцоллерна въезжали не иначе, как с фальшивым паспортом в кармане *).

*) В одной из речей пред петроградским Советом я высказался в том смысле, что русская пролетарская революция доказала свою международную силу тем, что вынудила Вильгельма вести переговоры с ней, как со стороной. Газетный репортер изложил это место так, точно я гордился тем, что Вильгельм разговаривает с нами, как «равный с равными». Эту фразу взял в серьез жалкий ренегат Парвус и попытался разъяснить русскому пролетариату, что если Вильгельм оказывает-де нам честь, беседуя с нами, как с равными, то это заслуга Шейдемана и Компании. Pfui Teufel!

Конечно, немцы в эпоху переговоров были несравненно сильнее нас,—на это не раз «намекал» в выражениях полированной грубости барон фон-Кюльман, не говоря уже о генерале Гофмане, который не переставал громыхать и угрожать нам, представителям побежденной страны. Да, мы это слишком хорошо знали и без их слов. Но у нас было в то же время одно огромное преимущество: мы гораздо лучше знали и понимали наших партнеров, чем они нас. Кюльман и те, кого он представлял, были, повидимому, вполне уверены, что имеют дело со случайной группой, временно вознесенной сумасшедшим капризом истории на высоту, и что германский империализм за протянутый палец сможет получить все, что захочет, а в любой момент сможет без затруднения выдернуть палец. Кюльман представлял себе большевиков, как революционную разновидность тех колониальных «политиков» без роду и племени, выскочек, демагогов, которых можно на одном повороте истории использовать, чтобы затем, если понадобится, толкнуть их в спину. Пред глазами Кюльмана и Чернина вставали, вероятно, образы балканских дипломатов с их германо-или англофильскими и-фобскими симпатиями, связями и взятками. Кюльман долго не хотел верить, что мы каким-то качеством отличаемся от дипломатов... Киевской Рады. Можно не сомневаться, что германский империализм никогда не затеял бы с нами мирных переговоров, если бы *понимал* нас, если бы предчувствовал, какая опасность ему отсюда грозит. Воевать мы все равно были бессильны. Восточный фронт был, следовательно, и без мирного договора пассивным для центральных империй, и они могли безнаказанно снимать свои войска и перебрасывать их на запад. Если они вступили с нами в переговоры, то именно потому, что в их высокомерной ограниченности было не мало исторического тупоумия. Они не понимали нас. Мы же знали их и предвидели последствия того, что произойдет. Вот почему брест-литовские переговоры в последнем счете целиком пошли на пользу русской и международной революции.

Руководящая роль в делегации Четверного Союза принадлежала по праву барону Кюльману. В этом баварце не было и тени пресловутого баварского добродушия; католик не вносил никакого диссонанса в прусско-бисмарковскую школу архипрусских волкодавов. Если этот незаурядный реакционер с полной готовностью пошел навстречу открытым переговорам и во время их нимало не уклонялся от «принципиальной» постановки вопросов, то только потому, что не сомневался в том, что открытые переговоры нам нужны лишь для того, чтобы найти благовидную форму для нашей дружбы с династией Гогенцоллернов. И так как фон-Кюльман не сомневался в нашей дипломатической беспомощности, то готовился от избытка своей изобретательности найти подходящие юридические и политические формулы для капитуляции пролетарской революции пред мировой политикой германских юнкеров и биржевиков. Ошибочность расчета скоро обнаружилась, и этот господин, которому нельзя отказать в выдержке, все более и более раздражался по мере того, как убеждался, что мы относимся с полной серьезностью к собственным программным заявлениям и отнюдь не склонны принимать за чистую монету—хотя бы

только притворно—благожелательное вранье капиталистической дипломатии. Кюльман и его сообщники прежде всего недоумевали, с чем имеют дело: с ограниченностью ли новичков, которые не разобрались в собственной выгоде, или с прямой недобросовестностью партнеров, которые нарушают правила молчаливо припятого соглашения.

Именно в этом последнем смысле изображали ход и смысл переговоров дипломаты и печать стран Согласия. Там не сомневались или притворялись, что не сомневаются, в наличности предварительного соглашения между Советской властью и Вильгельмом II. Брест-литовские переговоры оценивались, как более или менее неуклюжее прикрытие уже состоявшейся сделки пред лицом обманываемых революционных масс. В таком освещении печать Парижа, Лондона, Рима и Нью-Іорка ежедневно преподносила осколки брест-литовских переговоров общественному мнению рабочих масс стран Согласия. Мало, того, жалкие пошляки типа Бернштейна обвиняли нас внутри самой Германии в противо-революционном сотрудничестве с правительством Гогенцоллерна.

В этом обстоятельстве заключалось большое политическое, то-есть агитационно-психологическое затруднение для формального заключения мира. Отсюда возникли разногласия. Мы все были солидарны в том, что переговоры нужно тянуть как можно долее, чтобы извлечь из них весь агитационный «капитал» и в то же время выгадать как можно более времени, дав истории возможность приблизить нас к германской и обще-европейской революции. Разногласия начинались с вопроса: как быть в случае ультиматума? Тов. Ленин ставил вопрос ребром: ни в каком случае не доводить переговоров до разрыва. Раз мы не можем вести войну, то не позволительно играть с войной. Меньшинство партии, наоборот, считало обязательным довести переговоры до разрыва, чтобы ответить на наступление партизанской войной. Наконец, было течение, которое считало невозможным военное сопротивление, но в то же время находило необходимым довести переговоры до открытого разрыва, до нового наступления Германии, так, чтобы капитулировать пришлось уже перед очевидным применением империалистской силы и вырвать тем самым почву из-под ног инсинуаций и подозрений, будто переговоры являются только прикрытием уже состоявшейся сделки. Этот агитационный довод представлялся решающим автору настоящих строк. При борьбе двух крайних течений в партии временное преобладание получила «средняя» точка зрения, давшая каждому из флангов надежду на то, что дальнейший ход событий подтвердит правильность его диагноза и прогноза.

Переговоры были прерваны. Германия перешла в наступление даже без оговоренного перемирием предупреждения за семь дней. Тот минимум усилия, который понадобился для этого мошенничества, был братски поделен бароном Кюльманом и генералом Гофманом, которые, вообще говоря, во всех других отношениях жили, как кошка с собакой. Переход немцев в наступление, захват ими ряда городов, расстрелы коммунистов на Украине—все это слишком ясно показало, что дело идет не о закулисной сделке. Нам ничего не оставалось, как временно капитулировать перед силой.

IV

Нет никакого сомнения в том, что если мы не оказались вовлеченными в безнадежную войну, которая закончилась бы разгромом русской революции в течение 2—3 месяцев, то этим партия и революция обязана той решительности, с какой т. Ленин поставил вопрос о необходимости временной капитуляции,—«перехода на нелегальное положение по отношению к германскому империализму», как выражался он на партийных собраниях. Но, оглядываясь назад, можно сейчас с полной уверенностью сказать, что временный разрыв брест-литовских переговоров и переход германских войск в наступление против нас в последнем счете не повредил, но, наоборот, помог делу европейской революции. После захвата немцами Двинска, Ревеля и Пскова английские и французские рабочие не могли, разумеется, верить, что дело идет о закулисном сотрудничестве большевиков с Гогенцоллерном. Это надолго затруднило бандитам Согласия возможность наступать на нас. Тов. Раковский однажды выразился так: «Если подписание брестского мира второй формации избавило нас от дальнейшего наступления германского империализма, то предшествовавший отказ подписать брестский мир первой формации надолго избавил нас от наступления стран Согласия». Во всяком случае, здесь уместно более, чем где бы то ни было, сказать: все хорошо, что хорошо кончается.

Время пребывания в Брест-Литовске не принадлежало к самым приятным дням нашей жизни, как и общество, в котором приходилось проводить ежедневно несколько часов, не являлось самым привлекательным. Выше я уже определил тон Кюльмана, как лощеную наглость. Этот тон господствовал—с теми различиями, что одни немного более подчеркивали лоск, другие откровенно нажимали на наглость.

Граф Чернин с достаточной полнотой выражал расслабленную в своей преступности природу Австро-Венгерской империи. Он слыл в своем роде «пацифистом». Руководящие австрийские социалисты шушукались с ним и, не прекращая фамильярной полемики в представительных учреждениях, обнадеживали в то же время рабочих насчет «искреннего» стремления графа Чернина заключить мир. Во время брест-литовских переговоров граф Чернин свой «пацифический» оттенок выражал только в том, что брал на себя, по поручению Кюльмана, наиболее непримиримые заявления, приправляя их полуоткрытыми угрозами.

При Чернине состояли венские профессора из катедер-социалистов, справа примыкающих к австро-марксистам и считающих себя глубокими знатоками вопросов пролетарской революции, так как в венских кафэ им доводилось болтать об этом с «самими» Бауэром и Реннером.

Турецкие делегаты, как старо- так и младотурецкой школы, открыто приглашали на комиссионных заседаниях плюнуть на принципы и заняться «делом». У них при этом был проницательный вид старых и опытных фальшивомонетчиков. Болгары не раскрывали рта.

Но самым постыдным пятном конференции являлась бесспорно делегация Киевской Рады. Трудно передать тот букет вороватого

плутовства, провинциального самодовольства, мелкобуржуазного подхалимства и напыщенной глупости, который излучался во все стороны от господина Голубовича. Перед верховным трибуналом фон-Кюльмана и генерала Гофмана киевские дипломаты многословно и плаксиво жаловались на антидемократический образ действий советской власти и на нарушение ею высших принципов социализма. Самодовольная низость достигала отвратительного апофеоза, когда, по окончании своей жалобы, Голубович, раздвинув сзади фалды дипломатического сюртука, почти с гордостью опускался на стул против Талаат-Паши. Если брест-литовские переговоры не были лишены черты подлинного исторического трагизма, то дипломат Довгочхун из Миргорода вносил в переговоры элемент полагающегося в старой трагедии шутовства.

«Здесь сегодня слышалось дуновение истории», сказал как-то т. Каменев, выходя с одного из заседании конференции, на котором разыгрался принципиальный конфликт двух миров. Ибо, даже заигрывая с нами внешним образом в начале переговоров, австро-германские дипломаты противостояли нам с открытой враждебностью, как представители всего капиталистического мира. Они уже тогда брали против нас по возможности под защиту буржуазные классы и правительства стран Согласия, ибо чувствовали, что каждый удар, какой мы наносим английскому империализму, рикошетом ударяет и по ним. Весть об аресте нами румынского посланника Диаманди вызвала явное «возмущение» в их среде, хотя Румыния находилась еще с ними в войне, а Диаманди—типичный румынский дипломат со взломом—стоял в центре преступных заговорщиков светельного и уголовного типа...

Мы же тогда уже выступали против империалистов центральных империй, как представители международного и в том числе австро-германского пролетариата.

Знаменитая январская стачка 1918 года въ Австрии и Германии— первая зарница надвигавшейся в центральных империях революции — была непосредственно вызвана брест-литовскими переговорами. В первый момент она произвела великое смущение в рядах буржуазии и особенно социал-патриотов, пресса последних стала заигрывать с Советской Россией и требовать от своей дипломатии смягчения требований, пугая ее революционным развитием событий. Но как только соединенными усилиями социал-предательской дипломатии, буржуазной лжи и гогенцоллернского террора стачечное движение было подавлено, тон правящих сразу переменился. Чем более они испугались, тем оголеннее прорвалась их ненависть к большевизму. Правое крыло требовало разрыва переговоров, умеренные буржуазные партии вяло настаивали на заключении мира, обнадеживая быстрым падением большевиков, и, наконец, социал-демократы требовали уступчивости от нас, пугая нас новым натиском германского милитаризма. Столбцы «Форвертса» того времени представляли, поистине, альманах низости и предательства. И когда ныне Шейдеманы и Эберты обличают задним числом «непримиримость» гогенцоллернской дипломатии и жадность имущих классов в разгроме Германии, приходится пожалеть, что на лбу этих обличителей, не выжжены их собственные январские и февральские речи и статьи.

После нашей формальной капитуляции в Брест-Литовске германский империализм не продержался и 9 месяцев. История доставила нам недурной реванш—пока еще, правда, далеко не полный: во-первых, партия Либкнехта и Люксембург не вырвала еще власти из рук лакеев, временно пришедших на смену господам; во-вторых, победители наших бывших победителей еще не побеждены. Англо-французский империализм еще не только жив, но и опасен.

Со своей стороны, мы готовы были повторить брест-литовские переговоры с новыми англо-французскими партнерами: история показала, что от первого Бреста не мы оказались в накладе. Но именно поэтому буржуазные классы Антанты после всех колебаний, шатаний и пересудов, повидимому, окончательно отказались от переговоров с правительством большевиков. В этом отказе есть весьма ценное историческое признание как правильности нашей брест-литовской политики, так и нашей возросшей силы. Германский империализм вступил с нами в переговоры, ибо надеялся справиться с нами без труда. Англо-французский империализм не верит себе и потому боится нас. Если для того, чтобы опрокинуть австро-германский империализм, истории понадобился этап Бреста, то это вовсе не значит, что, уходя от Бреста, англо-французские хищники уйдут от гибели. История изобретательна, и в распоряжении ее имеется много методов и средств, а мы не доктринеры и охотно примем гибель наших врагов, независимо от того, в каком виде она обрушится на их головы.

Воронеж-Курск,
1 августа 1919 года.

Л. Троцкий.

Приезд Российской делегации в Брест-Литовск.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Первый период

с 22/9 декабря по 28/15 декабря 1917 г

Состав мирной конференции.

Русская делегация:

А. А. Иоффе.
Л. Б. Каменев.
А. А. Биценко.
М. Н. Покровский.
Секретарь делегацiи Л. М. Карахан.
Консультант М. П. Велтман-Павлович.

Военные консультанты:

Контр-адмирал В. М. Альтфатер.
Генерал А. А. Самойло.
Капитан В. Липский.
Капитан И. Я. Цеплит.

Германская делегация:

Статс-секретарь по Иностранным Делам фон-Кюльман.
Генерал-майор Гофман.
Посланникъ фон-Розенберг.
Директор Правового Департамента Криге.
Тайный Советник Надольный.
Капитан 1-го ранга Горн.
Майор Бринкман.
Директор Экономического Департамента Иоганнес.

Австро-Венгерская делегация:

Министр по иностранным Делам граф Чернин.
Посол фон-Мерей.
Посланник фон-Визнер.
Легационный советник граф Коллоредо.
Легационный секретарь граф Чаки.
Фельдмаршал лейтенант фон-Чичерич.
Обер-лейтенант Покорный.
Майор фон-Глайзе.

Болгарская делегация:

Министр юстиции Попов.
Посланник Коссов.
Посланник Стоянович.
Полковник Ганчев.
Легационный секретарь Анастасов.

Турецкая делегация:

Великий Визирь Талаат-Паша.
Министр по Иностранным Делам Ахмед Несим-бей.
Посол Ибрагим Хакки-паша.
Генерал-от-кавалерии Цеки-паша.
Легационный секретарь Решад Хикмет-бей.

Принц Леопольд Баварский.

ПРОТОКОЛЫ.

Пленарное заседание мирной конференции.

22/9-го декабря, 1917 года.

Заседание открывается в 4 часа 24 мин. Генерал-Фельдмаршалом Принцем Леопольдом Баварским следующей речью:

Ваше Высочество, Ваши Превосходительства, Господа!

Прежде всего, я хотел бы приветствовать Вас, господа, в моей главной квартире в качестве гостей. Стараниями некоторых из присутствующих лиц удалось после трех с половиной лет войны заключением перемирия положить ей конец. Я надеюсь, что г.г. делегатам держав Четверного Союза и могущественной Российской Республики удастся довести переговоры до такой стадии, что мы в кратчайший срок окажемся перед лицом мира, несущего счастье народам. Я думаю, что выражу общее мнение, если я попрошу Его Высочество Ибрагима Хакки-Пашу, в качестве старейшего, принять пока председательствование на этих переговорах. От всего сердца желаю, чтобы работы, которые Вас, господа, теперь здесь ожидают, вскоре привели к счастливому концу.

После этого, Принц Леопольд Баварский прощается с присутствующими уполномоченными.

Ибрагим Хакки-Паша занимает место председателя и обращается к собранию с речью:

Господа, я очень благодарен за то, что Е. К. В. Главнокомандующий дал мне возможность председательствовать на Вашем первом заседании, и я благодарю Вас за то, что Вы приняли это предложение. Для меня высокая честь и особая радость председательствовать на этом первом заседании мирной конференции делегатов пяти держав, и я надеюсь, что Ваши старания весьма скоро принесут столь желанный мир России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Я приветствую всех делегатов пяти держав, в особенности делегатов Российского Правительства, которое имело мужество провозгласить принципы гуманности перед лицом всего мира.

Господа, мы здесь гости Германского Правительства, желания которого его представитель Е. К. В. здешний Главнокомандующий так любезно выразил. Я убежден, что, действую в согласии с Вами, если выскажу Е. К. В. нашу самую искреннюю благодарность. Точно так же я рассчитываю на Ваше одобрение, предлагая Его Превосходительству г. фон-Кюльману, полномочному Германскому представителю, принять председательствование на себя.

Кюльман *(занимая председательское место)*:

Ваше Высочество, Милостивая Государыня, Господа!

Для страны, которую я здесь представляю, и для меня самого является высокой честью, по предложению Его Высочества Великого Визиря Хакки-Паши и согласно Вашему решению, председательствовать на сегодняшнем первом совещании, на котором сошлись представители Союзных Держав с делегатами Русского народа, чтобы положить конец войне и восстановить мир и дружбу между Россией и представленными здесь державами. Не может быть и речи о том, чтобы в открывающемся теперь совещании условия мира были выяснены до мельчайших деталей. Прежде всего, нам предстоит определить главнейшие принципы и условия, при которых мирные и дружественные сношения, особенно в культурной и хозяйственной области, могли бы быть возобновлены, а также обсудить лучшие средства для излечения ран, причиненных войной. Наши переговоры будут проникнуты духом примирительного человеколюбия и взаимного уважения. Мы должны считаться, с одной стороны, с историческими данными, с историческим развитием, иначе—у нас не будет твердой почвы под ногами; с другой же стороны, мы должны руководствоваться теми новыми и великими идеями, к осуществлению которых стремятся присутствующие.

Позвольте мне отметить, как счастливое предзнаменование окончания наших переговоров, то, что они происходят под знаком того праздника, который много столетий тому назад возвестил нам наступление «мира на земле». Открывая сегодняшнее заседание, я позволю себе, в качестве председателя, выразить желание, чтобы ход наших работ был быстрый и успешный.

Позвольте теперь перейти к самому порядку дня.

Прежде всего, я хотел бы упомянуть о некоторых чисто формальных вопросах. Первый из них касается—это маленькая формальность, но она необходима,—определения порядка рангов. Для этого я предлагаю, чтобы мы, по примеру прежних, подобных заседаний, придерживались инициалов соответствующих стран, в порядке, в коем они следуют в латинском алфавите: напр. Австрия, Болгария... (*Принимается).*

Второй вопрос, это—вопрос о председательствовании. Я предложил бы, чтобы мы не руководствовались прецедентами, а председательствование велось бы попеременно всеми представителями участвующих в конференции держав.

Согласны ли вы с этим предложением? *(Принимается).*

Следующий формальный пункт касается языка переговоров. Я предложил бы, чтобы при переговорах были допущены, как равноправные, языки всех здесь присутствующих держав. Сами мы будем вести переговоры, по примеру переговоров о перемирии, на немецком и русском языках.

Ибрагим Хакки-Паша предлагает допустить и французский язык.

Кюльман. Французский язык допустим, как язык интернациональный, к тому же он признан дипломатическим языком.

Затем, я хотел бы коснуться вопроса о способе переговоров. Поскольку обсуждаются общие принципы и предметы, одинаково интересующие все здесь представленные державы, я хотел бы предложить обсуждать их в пленарных заседаниях. Однако, когда мы покинем почву общих принципов, явится необходимость в переговорах одной державы с другой, напр. скажем: Болгарии с Россией, Турции с Россией. Для этих переговоров я предложил бы применять менее громоздкий аппарат, прежде всего, для того, чтобы дать возможность заседать одновременно двум или трем совещаниям, иначе переговоры слишком затянутся. Каждый раз, конечно, придется решать, путем обсуждения, требует ли стоящая в программе заседания тема общего обсуждения или сепаратных переговоров. Таким образом, с формальной частью, поскольку она подлежала сегодня разрешению, мы покончили. Я позволю себе, с разрешения высокого собрания, просить господина Председателя Русской делегации изложить нам в основных чертах те руководящие мысли, которые, по его мнению, должны быть положены в основу наших работ.

Иоффе. Прежде, чем перейти к изложению положений, выставляемых Российской делегацией, я хотел бы, в связи с формальными вопросами, здесь возбужденными, сказать несколько слов. Со стороны Российской делегации есть еще одно предложение. Мы считаем необходимым, чтобы все заседания были публичными, и чтобы велись подробные протоколы, при чем за каждой стороной остается право публиковать полностью протоколы заседаний.

Кюльман. Господа, вы слышали предложение господина Председателя Русской делегации. Желает ли кто-нибудь высказаться по поводу этого предложения?

Ибрагим Хакки-Паша *(на франц. языке)* выражает по этому поводу свои сомнения.

Кюльман. Я позволю себе вкратце передать замечание, которое Его Превосходительство Хакки-Паша формулировал от имени Турецкой делегации. Оно состоит в том, что, сама по себе, публичность переговоров не вызывает у него возражений, но он держится того взгляда, что ежедневное осведомление печати о ходе пере-

говоров, об отдельных стадиях развития их до их окончания возбудит газетную полемику и может угрожать продолжению и успешному окончанию переговоров.

Ибрагим Хакки-Паша говорит, что подобное вынесение на улицу могло бы помешать, по его мнению, успешности переговоров, и поэтому он предлагает Русской делегации найти средний путь, который, не затрагивая принципа публичности, вместе с тем не подвергал бы ежедневной открытой дискуссии отдельные аргументы и фазисы переговоров.

Иоффе. Мы полагаем, что, наоборот, открытое и гласное обсуждение условий мира полезно и даже необходимо в интересах достижения того мира, за который мы боремся. Я хочу указать на то, что ежедневное опубликование стенограмм технически будет невозможно. Это подтверждается опытом, который был у нас при переговорах о перемирии. Так как протоколы ведутся на русском и немецком языках, то является необходимость сверять протоколы и только после этого публиковать их. Это так быстро не делается, всегда происходит некоторая задержка. Я думаю, что то же самое произойдет и теперь. Но мне кажется, что неправильно было бы обязательно опубликовывать только по окончаний заседания.

Кюльман. Мне было бы особенно неприятно, если бы возникло какое-либо сомнение относительно того, что мы, хотя бы в малейшей степени, заинтересованы в ограничении самой широкой гласности. Наши предложения и наши обсуждения не боятся света самой широкой гласности. Но я признаю, что сомнения, высказанные Его Превосходительством Хакки-Пашой, не могут быть без дальнейшего обсуждения отвергнуты, и я склоняюсь к тому решению, что, после только что сказанного господином Председателем Русской делегации, мы найдем этот средний путь в той форме, на которую он указал, а именно,—что мы будем сравнивать и сверять наши протоколы.

Ибрагим Хакки-Паша заявляет, что он, в общем, согласен с этой постановкой вопроса.

Кюльман. Я могу констатировать, что по поводу предложения Русской делегации разногласий не имеется.

Иоффе. Перехожу к положениям, выдвигаемым Русской делегацией.

Русская делегация исходит из ясно выраженной воли народов Революционной России добиться скорейшего заключения всеобщего демократического мира. Делегация полагает, что единственными принципами такого мира, для всех одинаково приемлемыми, являются принципы, выраженные в декрете о мире, единогласно принятом на Всероссийском Съезде Рабочих и Солдатских Депутатов и подтвержденном на Всероссийском Крестьянском Съезде.

Декрет этот гласит: «Справедливым или демократическим миром,

которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран,—миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий, т.-е. без захватов чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей, и без контрибуций. Под аннексией, или захватом чужих земель, правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности, без точно, ясно и добровольно выраженного согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация, независимо, наконец, от того, в Европе ли или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию,—все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или в возмущениях и восстаниях против национального гнета,—не предоставляется право свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией или захватом и насилием.

Продолжать эту войну ради того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях».

Исходя из этих принципов, Российская делегация предлагает положить в основу мирных переговоров нижеследующие шесть пунктов:

1) Не допускаются никакие насильственные присоединения захваченных во время войны территорий. Войска, оккупирующие эти территории, выводятся оттуда в кратчайший срок.

2) Восстанавливается во всей полноте политическая самостоятельность тех народов, которые во время настоящей войны были этой самостоятельности лишены.

3) Национальным группам, не пользовавшимся политической самостоятельностью до войны, гарантируется возможность свободно решить вопрос о своей принадлежности к тому или другому государству или о своей государственной самостоятельности путем референдума. Этот референдум должен быть организован таким образом, чтобы

была обеспечена полная свобода голосования для всего населения данной территории, не исключая эмигрантов и беженцев.

4) По отношению к территориям, сообитаемым несколькими национальностями, право меньшинства ограждается специальными законами, обеспечивающими ему культурно-национальную самостоятельность и, при наличности фактической к тому возможности, административную автономию.

5) Ни одна из воюющих стран не обязана платить другим странам, так назыв. «военных издержек»; взысканные уже контрибуции подлежат возвращению. Что касается возмещения убытков частных лиц, пострадавших от войны, таковое производится из особого фонда, образованного путем пропорциональных взносов всех воюющих стран.

6) Колониальные вопросы решаются при соблюдении принципов, изложенных в пунктах 1, 2, 3 и 4.

В дополнение к этим пунктам, Российская делегация предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимыми какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной страны другою, при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морскую блокаду, не преследующую непосредственно военных целей и т. п. Вот те основные принципы, одинаково для всех приемлемые, без признания которых делегация Российской Республики не представляет себе возможности заключения всеобщего мира.

Кюльман. Имеет ли кто из других членов Русской делегации что-нибудь добавить к этим соображениям?

Покровский. Это наше общее мнение.

Кюльман. Я хотел бы после этих, имеющих громадное значение предложений, которые нам только что сделал господин Председатель Русской делегации, выразить мнение, что по отношению к этим глубоко принципиальным основным положениям мы не можем занять определенной позиции, пока мы не будем иметь возможности в общей беседе взвесить эти положения и определить нашу позицию по отношению к этим предложениям. Я был бы благодарен, если бы речь господина Председателя Русской делегации, которая, как я смею предположить, уже имеется в письменной форме, как можно скорее была доставлена нам в оттисках, и, кроме того, я хотел бы узнать мнение уважаемых господ делегатов, считают ли они возможным изучить и обсудить эти предложения в течение сегодняшнего вечера и завтрашнего утра, для того, чтобы завтра же ознакомить Русскую делегацию с нашим ответом.

Чернин. Я хотел бы относительно этого предложения сказать, что нам следует попытаться изготовить ответ в течение завтрашнего

утра. Если бы это встретило большие затруднения и оказалось бы невозможным, то мы сможем отложит предполагаемое на завтрашний день заседание.

Кюльман. Тогда я могу предложить следующее: если мы г. Председателю Русской делегации завтра утром не сообщим чего-либо другого, то мы соберемся завтра в 4 часа пополудни, чтобы ответить на предложения Русской делегации.

Нет ли еще каких-нибудь вопросов, которые бы стояли в связи с сегодняшним заседанием?

Тогда я позволю себе заседание на сегодня объявить закрытым.

Заседание закрывается в 5 час. 13 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

25/12 декабря, 1917 года.

Заседание открывается в 10 час. 11 мин. вечера под председательствомъ фон-Кюльмана.

Кюльман. Милостивые Государи! На прошлом заседании, Председатель Русской делегации указал нам, в основных чертах, те положения, при соблюдении которых он считает возможным начало ведения мирных переговоров. На эти общие предложения Союзные Державы, от имени их правительств, дают следующий ответ:

«Делегации Союзных Держав исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться заключения общего справедливого мира.

Делегации союзников, в полном согласии с неоднократно высказанной точкой зрения своих правительств, полагают, что основные положения русской декларации могут быть положены в основу переговоров о таком мире.

Делегации Четверного Союза согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и без контрибуций. Они присоединяются к Русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей. Государственные деятели Союзных Правительств в программных заявлениях неоднократно подчеркивали, что ради завоеваний Четверной Союз не продлит войны ни на один день. Этой точки зрения правительства союзников все время придерживались неуклонно; они торжественно заявляют о своем решении немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без исключения воюющих держав условиях.

Необходимо, однако, с полной ясностью указать на то, что предложения Русской делегации могли бы быть осуществлены лишь в том случае, если бы все причастные к войне державы, без исключения

и без оговорок, в определенный срок, обязались точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия. Договаривающиеся теперь с Россией державы Четверного Союза не могут, конечно, ручаться за исполнение этих условий, не имея гарантии в том, что союзники России, с своей стороны, признают и исполнят эти условия, честно и без оговорок, также и по отношению к Четверному Союзу.

Исходя из этих принципов, мы, по поводу шести пунктов, которые по предложению Русской делегации, должны быть положены в основу переговоров, имеем заявить следующее:

К п. I. В планы и намерения Союзных Держав не входит насильственное присоединение захваченных во время войны территорий. Условия о выводе войск, ныне занимающих оккупированные территории, должны быть определены в мирном договоре, если ранее не будет достигнуто соглашение об отозвании их из тех или других мест.

К п. II. В намерения союзников не входит лишение политической самостоятельности тех народов, которые утратили эту самостоятельность во время настоящей войны.

К п. III. Вопрос о принадлежности к тому или другому государству национальных групп, не имеющих политической самостоятельности, по мнению держав Четверного Союза не может быть решен международно. Он в каждом отдельном случае должен быть решен самим государством вместе с его народами, путем, предусмотренным данной конституцией.

К п. IV. Равным образом, согласно заявлениям государственных деятелей Четверного Союза, ограждение прав меньшинства составляет существенную часть права на самоопределение народов, которое должно осуществиться путем конституции. Правительства союзников проводят в жизнь также и этот принцип всюду, где это практически осуществимо.

К п. V. Союзные Державы неоднократно указывали на возможность взаимного отказа не только от возмещения военных издержек, но и от возмещения причиненных войной убытков. Согласно с этим принципом, каждой из воюющих держав пришлось бы нести только расходы за своих подданных, попавших в военный плен, а также за убытки, причиненные на собственной территории частным лицам, подданным противника, насильственными деяниями, нарушившими международное право.

Предложенное Российским Правительством создание особого фонда для этих целей может подлежать обсуждению лишь в том случае, если другие воюющие державы примкнут к мирным переговорам до истечения известного срока.

К п. VI. Из четырех Союзных Держав одна лишь Германия владеет колониями. Германская делегация, в полном согласии с русскими предложениями по этому поводу, заявляет следующее:

«Возврат насильственно захваченных во время войны колониальных территорий составляет существенную часть герман-

ских требований, от которых Германия ни в коем случае не может отказаться. Русское требование о немедленной очистке противником оккупированных колониальных территорий также согласуется с немецкими намерениями.

Имея в виду природу Германских колоний, осуществление права самоопределения на этих территориях, помимо раньше высказанных принципиальных соображений, в формах, предложенных Русской делегацией, в настоящее время представляется практически невозможным.

В Германских колониях туземцы, несмотря на величайшие затруднения и при минимальных шансах на победу, в борьбе с противником, во много раз более сильным, пользующимся неограниченным подвозом с моря, в самых тяжелых положениях оставались верны до смерти своим германским друзьям.

Это может служить доказательством их привязанности и их решимости при всех обстоятельствах остаться с Германией. Доказательство это по своей вескости и значительности далеко превосходит какое бы то ни было «изъявление народной воли».

Предложенные Русской делегацией, в связи с означенными шестью пунктами, принципы для руководства при воссоздании хозяйственных отношений всецело одобряются делегациями Союзных Держав, всегда отрицавших всякое насилие в области экономической жизни и усматривающих в восстановлении урегулированных хозяйственных отношений, отвечающих интересам всех причастных народов, одно из важнейших условий для подготовки и выработки дружественных отношений между державами, ведущими в настоящее время войну.

К этим положениям я должен добавить следующее: на основании только что оглашенных принципов, мы согласны вступить в немедленные переговоры о мире с нашими противниками. Дабы не было напрасной потери времени, союзники готовы, без всякого промедления, начать специальное обсуждение тех пунктов, разработка которых, как для Российского Правительства, так и для союзников, кажется необходимой во всех отношениях.

Иоффе. Заслушав ответ делегаций Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции на свои предложения, Российская делегация с удовлетворением констатирует, что провозглашенные Российской Революцией принципы всеобщего демократического мира без аннексий восприняты народами Четверного Союза, и что Германии и ее союзникам чужды планы каких-либо территориальных захватов и завоеваний, равно, как и стремление уничтожать или ограничить политическую самостоятельность какого-либо народа.

Признавая все огромное значение этого шага вперед на пути к всеобщему миру, Российская делегация не может, однако, не отметить, что признание принципа «мир без аннексий» в ответном

декларации держав Четверного Союза находит себе существенное ограничение в пункте 3-м.

Отказ от аннексий есть лишь логическое следствие более общего принципа, а именно, принципа самоопределения национальностей, т.-е. права каждой народности самостоятельно решать свою судьбу.

Право это существующими конституциями признается, обыкновенно, в весьма ограниченных размерах, если признается вообще: поэтому, ссылка на обычный конституционный путь, как на средство осуществления названного права, фактически уничтожает самый принцип.

Отказываясь от применения права сильного в отношении к территориям, оккупированным в течение настоящей войны, державы Четверного Союза в то же время дают всем противникам немедленного всеобщего мира основание утверждать, что право сильного, после беспримерного кровопролития, тем не менее, сохраняется, во всей неприкосновенности, внутри каждого из договаривающихся государств.

Война, выдвинувшая вопрос о государственном существовании мелких и подавленных наций, не может закончиться без того, чтобы попранные права этих наций не были восстановлены.

Русская делегация по-прежнему настаивает на том, что эти нации должны в самом тексте мирного трактата, устанавливающего общий мир между всеми воюющими странами, получить, на основах международного соглашения, гарантии того, что их законные права будут ограждены. Историческая давность ни в коем случае не узаконяет насилия одного народа над другим.

Русская делегация с удовлетворением констатирует заключающееся в п. 5-м признание принципа «без контрибуций». Однако, Российская делегация считает необходимым отметить, что вознаграждение за содержание военнопленных, являясь одним из видов военных издержек, может на деле превратится в скрытую контрибуцию.

Подтверждая, что международный фонд должен быть результатом взаимного соглашения всех воюющих держав, Российская делегация настаивает на том, что средства этого фонда должны быть употреблены на возмещение убытков частных лиц, пострадавших от военных действий.

Российская делегация не видит противоречия с заявленными ею принципами в том, что Германские колонии, занятые войсками воюющих с Германией держав, были очищены этими войсками, и что было уничтожено введенное в них во время войны новое управление. Однако, Российская делегация указывает, что факт участия какого-либо народа в военных действиях отнюдь не может лишить его права открытого волеизъявления. Трудности, могущие возникнуть при проведении этого принципа в колониях, подлежат детальному обсуждению в специально созданных для этой цели комиссиях.

В ответ же на заявление Германии и союзных ей держав о приемлемости для них основных положений Русской декларации, как основы

А. А. Иоффе.

для общих переговоров о мире, Российская делегация считает необходимым тут же заявить, что она, в свою очередь, несмотря на указанные выше разногласия, полагает, что заключающееся в декларации держав Четверного Союза открытое заявление об отсутствии с их стороны каких-либо агрессивных планов дает фактическую возможность немедленно приступить к переговорам о всеобщем мире между всеми воюющими державами.

Поэтому, Российская делегация предлагает 10-ти дневный перерыв до 12 час. ночи с 22-го на 23-е декабря 1917 года (до 10 час. вечера 4-го января 1918 года нового стиля), с тем, чтобы народы, правительства которых не примкнули еще к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность достаточно ознакомиться с устанавливаемыми ныне принципами такового мира.

По истечении указанного срока, переговоры должны быть возобновлены, независимо от того, присоединятся ли к переговорам другие воюющие державы и в каком числе.

Мы присоединяемся к предложению господина Председателя о том, чтобы приступить к обсуждению тех именно пунктов договора, которые и при всеобщем мире должны были бы быть особо обсуждены между отдельными державами договаривающихся сторон.

Кюльман. Если бы это было удобно для г.г. членов Русской делегации, то, принимая во внимание лежащие на нас весьма важные обязанности, я бы предложил г-ну Председателю Русской делегации назначить на завтра час для такого заседания.

Иоффе. Мы считаем возможным приступить к этим переговорам завтра с 10 часов утра.

Кюльман. Желает ли кто-нибудь из г.г. присутствующих получить слово,—если нет, предлагаю закрыть заседание.

Заседание закрывается в 10 час. 44 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

26/13 декабря 1917 года.

Заседание открывается в 9 часов 32 мин. утра, под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, приступая к выполнению работ по плану, относительно которого мы пришли к соглашению, мы сегодня начнем с обсуждения тех пунктов, разбор которых, как вчера было установлено, пригодился бы нам в дальнейшем, и разработка, а затем, точная запись которых—опять-таки на всякий случай—значительно облегчила бы и ускорила дело заключения мира. При

осуществлении принципа ведения переговоров, принятого нами еще на первом заседании, по чисто практическим соображениям является целесообразным пока вести переговоры государства с государством, так, что сегодняшние переговоры сводятся к обмену мнений между Русской и Германской делегациями. Но, так как мы по этим вопросам имеем много точек соприкосновения с нашими Австрийскими друзьями и союзниками, то г. Председатель Австро-Венгерской делегации любезно согласился принять участие вместе с своей делегацией в наших переговорах.

Согласно существующим взглядам и правилам международных сношений, война разрывает те договоры, которые существовали до этого между государствами. Я поэтому предлагаю установить, как первый принцип, чтобы восстановление мира, по возможности, восстановило и договоры между Германией и Россией. Я прошу г. Председателя Русской делегации высказаться, согласен ли он считать темой сегодняшних дискуссий высказанные мною соображения.

Иоффе. Мы согласны приступить к обсуждению отдельных вопросов, но предполагаем, что к ним придется вернуться при обсуждении условий заключения всеобщего мира. Для разработки отдельных вопросов придется создать специальные комиссии. Восстановление или подготовка к восстановлению народно-правовых отношений может пока произойти лишь постольку, поскольку оно не противоречит нынешним условиям внутреннего положения России.

Кюльман. Я присоединяюсь к предложению г. Председателя Русской делегации. Как я уже позволил себе высказать в своем вступительном слове, мы здесь можем рассмотреть только общие пункты. Отдельные пункты придется и впредь предоставлять для более детальной разработки комиссиям. Само собой разумеется, что мы не рассчитываем на принятие Русской делегацией или Русским народом восстановления таких договоров, которые несовместимы с теперешним положением.

Я укажу еще на один принцип при переговорах, которого попросил бы придерживаться и г.г. Русских Представителей, в интересах конечных результатов, а именно: обсуждать один за другим отдельные пункты и те из них, по которым мы придем к соглашению, зафиксировать предварительной необязательной редакцией; те же пункты, по которым соглашения не будет достигнуто, оставлять, переходя к следующим вопросам, и, когда весь материал будет исчерпан, вновь заняться пунктами, вызвавшими разногласие.

Иоффе. Мы не возражаем против этого плана.

Кюльман. Руководствуясь только что сказанным, мы могли бы приступить к вопросу о восстановлении государственных договоров. Мое предложение заключается в том, чтобы мы в общей форме принципиально решили:

Восстановить те из государственных договоров, против восстановления которых не имеется особых препятствий.

Иоффе. Я предлагаю изменить редакцию предложения, формулируя его следующим образом: «восстановление тех договоров, содержание которых не противоречит новым условиям России, и постольку, поскольку возможность их восстановления не будет специально оговорена».

Кюльман. Какова была бы точная редакция этого пункта?

Иоффе. «Восстановление государственных договоров, заключенных до войны между Германией и Россией, содержание которых, по существу своему, не противоречит изменившимся обстоятельствам, и постольку, поскольку восстановление не будет ясно и определенно исключено».

Чернин. Я просил бы, хотя я, с своей точки зрения, не имею ничего возразить против отдельных формулировок, чтобы в тексте всегда указывалось: Германия и Австро-Венгрия.

Кюльман. Г. Председатель Русской делегации так и поступил. Было отдельно упомянуто о Германии и Австро-Венгрии. Но, как было уже указано, те формулировки, которые мы сейчас устанавливаем, не являются окончательными. Мы теперь не можем пускаться в обсуждение мельчайших подробностей. Необходимо, прежде всего, выяснить общую картину.

Иоффе. Я не возражаю против редакции этого пункта, но хотел бы еще раз подчеркнуть необходимость того, чтобы содержание этих договоров не противоречило новым условиям, и чтобы неприемлемость отдельных договоров была ясно указана.

Кюльман. Я хотел бы сказать, по поводу замечания г. Председателя Австро-Венгерской делегации, что при обсуждении нами общих вопросов все державы Четверного Союза будут подразумеваться, как одно целое, если даже они и не будут присутствовать при обсуждении отдельных вопросов.

Иоффе. Мы принимаем это к сведению.

Кюльман. Мне бы хотелось обратить внимание г. Председателя Русской делегации на одно затруднение, которое представляет для нас его редакция. По всей вероятности, будет не так легко в короткое время установить, что именно в старых договорах не соответствует теперешним взглядам и условиям. Мне важно, чтобы, как можно скорее, сношения между соседними народами получили какое-нибудь правовое основание. Поэтому, я предпочел бы такую формулировку: «те договоры, восстановление которых явно и очевидно не исключается, рассматриваются, как вновь вступившие в силу». Впоследствии, мы бы имели возможность проверить в деталях, какие части этих договоров соответствуют или не соответствуют

взглядам нынешнего Российского Правительства и современным русским условиям.

Иоффе. Я настаиваю на том, чтобы пункт, касающийся неприемлемости отдельных государственных договоров, был ясно подчеркнут, а именно, тех государственных договоров, содержание которых находится во внутреннем противоречии с настоящим положением России. С нашей точки зрения, следует вставить пункт, ясно выражающий недопустимость противоречия между старыми договорами и настоящим положением вещей. Восстановление мирных сношений можно было бы ускорить принятием второго пункта, аннулирующего все введенные за время войны исключительные законы.

Кюльман. Мы сейчас перейдем к этому. Это тот второй пункт, который я и без того собирался обсудить. Мы, таким образом, сошлись на том, что, принципиально, те договоры, которые существовали в момент возникновения войны, войдут вновь в силу, за исключением тех, которые, по мнению Российского Правительства, по существу своему противоречат теперешним принципам или условиям.

Развивая эту мысль дальше, я сказал бы: вступают в силу те законы, относительно которых Российским Правительством к установленному сроку не будет заявлено, что они в силу вступить не могут. Таким образом, у нас имелась бы широкая основа для восстановления договоров, и мирные сношения могли бы до известной степени возобновиться. Новая редакция целого ряда договоров потребует нескольких месяцев. Если же Российское Правительство впоследствии пожелает сделать частные изменения, эти договоры, как принято в таких случаях, по истечении известного срока могут быть аннулированы или восстановлены. Согласились бы Вы со следующей редакцией: «с момента восстановления мирных отношений возобновляются все те договоры, относительно которых со стороны Российского Правительства не последует определенного заявления о неприемлемости их»?

Иоффе. С дополнением о том, что они не противоречат внутреннему положению России.

Кюльман. Я считаю, что это будет подразумеваться в тех случаях, когда вы нас поставите в известность о неприемлемости данного договора.

Иоффе. Мне думается, что практически это свелось бы к тому же самому, но дополнение наше имело бы известное политическое значение.

Чернин. Его Превосходительство полагает, что решение вопроса о соответствии или несоответствии договоров изменившимся русским условиям должно быть предоставлено Российскому Правительству и, следовательно, в силу должны войти все договоры, за исключением тех, которые будут Российским Правительством сочтены

Статс-секретарь фон-Кюльман.

противоречащими новым условиям. Нам труднее судить о ... ности или отсутствии противоречий, чем вам самим.

Иоффе. Само собою разумеется, что это дело Российского Правительства, но я должен заметить, что, например, договор о политических эмигрантах подлежит исключению.

Кюльман. В таком случае, вы сообщаете, что этот договор не вступит в силу. Предположим, что нормальные мирные сношения начинаются с 1-го февраля; тогда вы до 1-го февраля сообщаете нам: «этот договор о политических эмигрантах не относится к числу договоров, вступающих снова в силу». По правилу, значит, в силу вступает все то, о чем Российское Правительство определенно не заявит, что оно исключается. Ведь принципиальных разногласий нет по этому поводу.

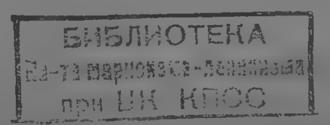
Иоффе. Мне кажется, что в мирный договор могли бы быть включены некоторые из этих договоров.

Кюльман. Против этого у меня нет возражений. Дело в том, что сейчас все договоры отменены. Меч войны разрубает все договоры. Наше предложение сводится к тому, что в удобный для вас момент вы сообщаете, что такие-то и такие-то договоры не действительны. Нам следует лишь согласиться в принципе, что договоры, от которых вы определенно не откажетесь, вновь вступают в силу. Вот пачка договоров, вы говорите: «пункты 3, 7 и 14 нам не подходят, они не приемлемы».

Криге. Мне кажется, что остающиеся возражения можно устранить другой формулировкой. Вы из политических соображений желаете, чтобы в предварительных статьях было ясно указано, что не вступают снова в силу те договоры, которые противоречат новым условиям. Это можно спокойно вставить, прибавив, что оба правительства сообщат друг другу, по истечении известного срока, какие именно договоры следует считать отмененными. Такая оговорка должна, конечно, основываться на взаимности. По моему представлению, эта формулировка по своему содержанию будет приблизительно такой: «все трактаты, договоры и соглашения, бывшие в силе между договаривающимися сторонами до объявления войны, снова вступают в силу, поскольку они не противоречат создавшимся новым условиям. Оба правительства укажут друг другу до такого-то числа те договоры, которые останутся не возобновленными». Этим, кажется мне, совершенно передается ваша мысль, и указывается путь практического выполнения.

Иоффе. Было бы чрезвычайно важно при редактировании принять во внимание, что речь идет не только о договорах.

Надольный. Это не совсем совпадает с формулировкой, но может быть представлено так. Имеется целый ряд договоров, относительно которых можно судить независимо от новых усло-



вий, надлежит ли им оставаться в силе или нет. Помимо этого, имеется целый ряд договоров, относительно которых этого нельзя точно предусмотреть, а потому желательно, чтобы общая оговорка предусматривала эту возможность. Формулировка гласила бы действительно так, как сказал Его Пр-во г. Кригс, но только она должна быть составлена так, чтобы все договоры, о которых не будет заявлено, остались в силе. Кроме того, по представлению г. Председателя Русской делегации, некоторые договоры и соглашения не смогут вступить в силу вследствие новых условий.

Иоффе. Значит, возможно будет сохранить тот же текст, лишь с прибавлением следующего: «помимо тех договоров, которые противоречат изменившимся условиям».

Кюльман. Быть может, г.г. делегаты попытаются составить текст в промежутке между заседаниями. Мне кажется, что принципиальных разногласий по данному вопросу нет. Теперь, так как г. Председатель уже мимоходом затронул эту тему, перейдем к мероприятиям так называемой экономической войны, т.-е. к тем законам, при помощи которых государства, к сожалению, перенесли состояние войны и в область экономики. Я хочу предложить следующее принципиальное решение вопроса: все законы и распоряжения, изданные для проведения в жизнь этой экономической войны, объявляются со дня заключения мира недействительными для подданных обеих сторон.

Иоффе. Так как исключительные законы вообще недопустимы на русской территории, то мы, разумеется, с этим согласны. О точной редакции этого пункта нужно будет, конечно, еще сговориться.

Кюльман. Согласны.

Тогда следующим на очереди стал бы вопрос о восстановлении нормальных экономических сношений между обоими народами. Для этой цели необходимо подвергнуть законодательной регулировке товарообмен. Это можно сделать различными путями; ближайшим, на основании принятого на сегодняшнем заседании порядка, явилось бы восстановление товарообмена,—по примеру восстановления других договоров, существовавших до начала войны,—в особенности, торгового договора, хотя бы предварительного. Позволю себе спросить г. Председателя, не желает ли он сейчас же начать обсуждение этого первого пути? Я лично приветствовал бы обсуждение этого вопроса в первую очередь.

Иоффе. Мы, разумеется, за то, чтобы восстановить торговые сношения, но должны заявить заранее, что восстановление последнего торгового договора невозможно.

Кюльман. Итак, г.г., вы совершенно исключаете возможность восстановления означенного договора?

Иоффе. В России теперь господствуют совершенно новые

принципы и условия, так, что невозможно восстановить договоры, созданные еще при прежних условиях.

Покровский. Организация народного хозяйства в России будет проведена в общегосударственном масштабе. В виду этого, было бы немыслимо восстановить те договоры, которые были заключены при совершенно других условиях между известной группой русских и немецких торгово-промышленников. Что касается предварительного договора, то можно было бы просто восстановить обычное положение, впредь до урегулирования отдельных вопросов путем специальных совещаний.

Кюльман. Мне хочется спросить г. предыдущего оратора, что он подразумевает под выражением «обычное положение»? И мне представляется, что, по истечении срока этого предварительного договора, по восстановлении мира и нормальных условий, мы должны будем заняться реорганизацией наших экономических отношений. Мы все, кажется, с этим согласны, и вы, г.г., должны будете воссоздать эти экономические отношения, согласно тем новым принципам, которые вы желаете осуществить в своем государстве.

Наша задача состоит теперь в установлении предварительных условий, благодаря которым экономические отношения,—они ведь теперь уже установились на фронте, люди занимаются меновой торговлей,—могли бы быть настолько упорядочены, чтобы дать нам известные юридические гарантии. Я был бы чрезвычайно благодарен, если бы г. предыдущий оратор объяснил вкратце, что именно он подразумевает под «обычным положением».

Покровский. О каком предварительном соглашении говорит г. Председатель?

Кюльман. По моему мнению, представляются две возможности предварительного соглашения: одно для ближайшего будущего— скажем, на один год по заключении мира,—мы провозгласили бы взаимную свободу торговли, при чем пошлины не стали бы взиматься ни с той, ни с другой стороны; второй выход заключался бы в том, что обе договаривающиеся стороны поступали бы по принципу «взаимного благоприятствования» в области торговых сношений. Вот вам две возможности временного соглашения.

Покровский. Обе возможности предварительного соглашения встречают некоторые препятствия: полная свобода торговли явилась бы помехой к планомерной разработке русского народного хозяйства в общегосударственном масштабе, благодаря слишком большому наплыву товаров из-за границы, из Германии. Принцип «взаимного благоприятствования» предполагает, что на рынке представлена не одна только заинтересованная сторона, но все нации. Если нет выбора, значит, некому пользоваться преимуществами.

Кюльман. В данном случае, понятие «взаимного благоприятствования» есть понятие отрицательное. Под «благоприятствованием» мы подразумеваем согласие Российского Правительства не создавать других и лучших условий для какой-либо чужой нации, чем для нас.

Иоффе. Решение этого вопроса представляется мне возможным только при планомерной организации товарообмена между Германией и Россией. Рассматривая вопрос с этой точки зрения, можно было бы допустить, что некоторые пункты обоих упомянутых предложений удастся использовать. Вопрос этот очень сложный, а потому было бы желательно предоставить подробную разработку его особой комиссии, предполагая, что товарообмен будет планомерно организован.

Покровский. И что эта комиссия по возможности скорее примется за работу.

Кюльман. Насколько я понял обоих предшествовавших ораторов, то, по их мнению, торговля должна быть национализирована, т.-е. находиться в руках государства. Я, не высказываясь в данном случае по существу, хотел бы только заметить, что пройдет много времени, пока удастся организовать эти торговые сношения между государствами. Этому должна предшествовать грандиозная детальная разработка вопроса. Мне кажется, что великие принципы торговых сношений, которые я предложил собранию на выбор, не зависят от лиц, занимающихся торговлей, и от формы товарообмена, а должны быть установлены народами. Если торговые сношения будут вестись непосредственно между государствами, то мы уже теперь можем установить, согласны ли мы принципиально вести совершенно беспошлинную торговлю, или же, по крайней мере, сойдемся ли мы на принципе не оказывать в области товарообмена предпочтения другим нациям.

Иоффе. Конечно, мы не возражаем против того, чтобы Германия, после заключения мира, встретила к себе в России не худшее и не лучшее отношение, чем другие страны. Весь вопрос состоит лишь в том, чтобы урегулировать отношения обеих сторон.

Кюльман. В таком случае, мне кажется, мы достигли принципиально согласия относительно того, что, после заключения мира, немецкие подданные, суда и товары будут в России находиться не в худших условиях, чем подданные, суда и товары других стран. Следовательно, этот вопрос может быть передан для редактирования, и я уже сегодня заявляю, что мы во всякое время охотно вступим в специальные переговоры о способе наилучшей и наискорейшей организации торговли между обоими государствами.

Иоффе. Итак, редакция этого пункта оставляется для дальнейшего обсуждения.

Кюльман. Достигнув, таким образом, в общих чертах,

соглашения в этой области, мы можем оставить этот вопрос в стороне и обратиться к широкой области дипломатических и консульских сношений. Нам, во всяком случае, придется, в какой бы то ни было форме, поддерживать дипломатические сношения, т.-е. обмен мыслей, начатый здесь столь благоприятно для интересов обоих государств. Когда кончится совместная работа, здесь, в Брест-Литовске, нам придется обратиться к посредничеству лиц, облеченных нашим доверием. Я бы хотел услышать по этому поводу мнение г. Председателя Русской делегаціи.

Иоффе. Само собой разумеется, что восстановление дипломатических и консульских сношений весьма желательно для Российск го Правительства. Я еще не могу сказать точно, в какой именно форме это произойдет, но во всяком случае, предполагаю, что эта форма приблизится к формам, существовавшим до войны.

Кюльман. Относительно формы у нас нет сомнений. Если мы в принципе согласны, то, при условии взаимных дружеских отношений, не трудно будет установить форму.

Покровский. В какой мере принимается Германским Правительством принцип избрания консулов за границей?

Кюльман. У нас существовал в этом отношении двоякий принцип. У нас были, как мне кажется, и в других государствах, так называемые штатные консулы, т.-е. лица с хорошей юридической подготовкой и с солидным экономическим образованием, командированные правительством для защиты его интересов. На ряду с этим, мы имели выборных консулов (большей частью это были видные купцы или люди, хорошо знакомые с местными условиями), от которых не требовалось специальное юридическое образование, как от штатных консулов.

Покровский. Я полагаю, что со стороны Германии и ее союзников не последует возражений против принципа выборности консулов; о деталях можно будет сговориться впоследствии.

Кюльман. Как представляют себе члены собрания принцип выборности? Кто будет избирать и кто подлежит выбору?..

Покровский. Речь идет только о консулах. Консулы должны избираться гражданами соответствующего государства, проживающими в той области, где консулу предстоит работать. Это не касается назначения правительственных консулов.

Иоффе. До сих пор Россия не имела выборных консулов. Теперь мы заявляем, что мы также претендуем на это право.

Кюльман. Это право вам вполне предоставляется. Вы можете выбирать своих консулов по тем принципам, которые вам покажутся удобными и целесообразными. Что касается нас, то я пока затрудняюсь дать вам окончательный ответ, ибо этот вопрос глубоко

захватывает всю организацию консульской службы. Всем известно, что у нас очень считались с настроениями и общественным мнением наших общин за границей при выборах консулов, и, я убежден, что в будущем это будет иметь место еще в большей мере: однако, состав немецких колоний в различных городах бывает часто совершенно случайный. Всегда может случиться, что, в сравнительно очень важном месте, имеется весьма незначительное число постоянных жителей, и что при этом ни один из них не окажется способным к исполнению консульских обязанностей. Следовательно, не представляется никаких возражений против применения вами вашего принципа. Мы относимся к этой мысли отнюдь не враждебно, но я в этом отношении не хочу давать каких-либо обязательств.

Таким образом, мы покончим с этим пунктом и перейдем к обсуждению последствий законов военного времени. Согласно только что принятому решению, законы, которые были изданы при начале войны, с целью поражения и разрушения экономической жизни врагов, должны считаться взаимно упраздненными при заключении мира. Так как эти законы военного времени большею частью цивилизованного мира были признаны несправедливыми законами, противоречащими тому принципу, что гражданские отношения должны как можно меньше страдать от войны, то отмена их, задним числом, вплоть до момента объявления войны, соответствовала бы чувству справедливости. Таким образом, все мероприятия, вызванные законами военного времени, как то: конфискация, ликвидация и проч.—должны быть признаны незаконными, и убытки должны быть возмещены. Употребляя общеизвестное латинское выражение, которое всем присутствующим известно, мы предлагаем: restitutio in integrum[1]).

Покровский. Окончательное решение этого вопроса может последовать лишь тогда, когда нам будут известны все мероприятия, направленные Германией против России, и когда мы сможем сравнить их с мероприятиями России против Германии. Пока можно только сказать, что подписанием мирного договора аннулируются немедленно все законы военного времени, но подробности подлежат еще обсуждению.

Кюльман. Наше законодательство в экономической области руководствовалось точкой зрения взаимности. Следовательно, мы не применяли по отношению к России какого-либо закона, которого она не применяла бы по отношению к нам. Я думаю, что мы в ближайшем будущем будем в состоянии представить Русской делегации полный обзор наших законов военного времени, применявшихся по отношению к России, и, в свою очередь, мы просим Русскую делегацию сделать то же самое. Я просил бы г.г. русских делегатов высказаться, является ли для них формула restitutio in integrum[2]) по отношению к законам войны приемлемой, или же они ее принципиально

---

[1]) и [2]) Восстановление бывших отношений.

отвергают. Если это предложение им симпатично, то я предлагаю, как можно скорее, составить комиссию, которая должна будет установить, что фактически произошло в хозяйственной области, что было ликвидировано и продано, дабы мы имели полную картину и уяснили бы себе, какие именно мероприятия потребуются для проведения принципа restitutio in integrum.

Каменев. Действие военных законов бывает двоякое: оно отзывается прямо или косвенно. Действие законов выражается в том, что они причиняют ущерб отдельным лицам, мешая их торговой деятельности и нанося им убытки. Возмещение этих убытков невозможно, в виду того, что они являются последствием общего нарушения права.

Кюльман. Следовательно, это—lucrum cessans [1]). Но это подробность, разбирать которой нам нет надобности.

Каменев. Конечно, возмещение убытков отдельных лиц в зоне, не затронутой военными действиями, должно быть в принципе признано. Сумма этого возмещения, а также и его срок могут быть установлены лишь по рассмотрении материала, касающегося этого вопроса, и после обсуждения в комиссии.

Кюльман. Итак, господа, вы согласны с принципом в целом и с мыслью об учреждении комиссии.

Каменев. Разумеется.

Кюльман. Этот вопрос влечет за собой другой, который нам не совсем ясен, и, если со стороны Русской делегации не встретится возражений, то я попросил бы дать нам разъяснения относительно принципов, которыми Российское Правительство намерено руководствоваться. В данном вопросе это очень важно.

Не может ли Русская делегация нам сообщить, какую точку зрения она намерена занять по отношению: во-первых, к концессиям, полученным до войны, и, во-вторых, к концессиям, полученным во время войны?

Покровский. Обращаюсь с вопросом к господину Председателю: что надо понимать под концессиями, полученными во время войны, так как Германия и ее союзники за время войны не получали никаких концессий?

Кюльман. Я приведу примеры: Немецкое Общество получило концессию на производство электрического света; эта концессия, вследствие военных законов, отменена и передана Американскому Обществу. Германское Правительство заинтересовано судьбой этой концессии. Помимо этого частного случая, нас,—если Русская делегация ничего против ответа не имеет,—интересуют намерения Российского Правительства в этой области, безотносительно, идет ли

[1]) Прибыль уступленная.

речь о Германии или о какой-нибудь нейтральной стране, напр. Голландии. Если нейтральное общество, напр. голландское, во время войны получает горнозаводскую концессию, финансируемую немецкими капиталистами в Голландии, то, в таком случае, было бы важно выяснить принципиальное отношение Российского Правительства к этому вопросу.

Каменев. Та глубокая ломка экономических отношений, которая сейчас происходит в России, требует государственного контроля в области народного хозяйства, и, разумеется, все сюда относящиеся мероприятия, в том числе и концессии, будут соответственно урегулированы. Пока еще трудно установить, придем ли мы к национализации концессий, а затем к национализации производства.

Иоффе. К национализации тех предприятий, для которых получена концессия.

Кюльман. Значит, производство переходит в руки государства?

Каменев. И в какой форме будет урегулирована финансовая сторона, в смысле удовлетворения отдельных предпринимателей, сейчас нельзя точно установить. Во всяком случае, этим предпринимателям придется считаться с новыми условиями.

Кюльман. Во всяком случае, судя по сообщениям, которые были сделаны Русской делегацией, пока нет намерений исключить ту или иную категорию концессий и аннулировать ее.

Каменев. Об исключительных мерах против той или иной группы предпринимателей, русской или иностранной, не может быть и речи. Однако, отдельные группы предпринимателей должны считаться с установлением государственного контроля.

Кюльман. В таком случае, вопрос о концессиях, которые, вследствие военных мероприятий, могли перейти к другим иностранным или немецким обществам, будет еще подробно обсуждаться комиссией, которая займется рассмотрением последствий законов военного времени.

Иоффе. Против этого мы не возражаем.

Кюльман. Вопросом, относящимся также к области, затронутой военным законодательством, является вопрос о праве собственности на торговые суда. Предложение, которое я хочу сделать Русской делегации по этому поводу, я изложил бы так: торговые суда, которые в момент объявления войны находились во враждебных гаванях, равно, как и призы, еще не присужденные призовым судом, должны быть взаимно возвращены; если же это почему-либо невозможно, то убытки должны быть возмещены деньгами. Я резюмирую: первый пункт относится к торговым судам, которые при объявлении войны находились в гаванях противника, т.е. немецкие и

австро-венгерские—в гаванях России, русские—в гаванях союзников, и которые не были призовым судом объявлены военными призами. Эти суда подлежат, согласно нашему предложению, взаимному возврату.

Иоффе. Мы согласны с тем, чтобы суда, находящиеся в гаванях противника, были возвращены.

Кюльман. Второй пункт говорил бы о тех призах, приговор о которых еще не вступил в законную силу. Подобные суда должны быть возвращены или стоимость их должна быть уплачена.

Иоффе. Если судебное следствие еще не закончено, то следует дождаться его окончания и тогда уже решать в каждом отдельном случае.

Кюльман. Не сойдемся ли мы на том, что суда, не объявленные еще призами, подлежат возвращению, и что стоимость судов, еще необъявленных призами, при заключении мира должна быть возмещена? Впрочем, это—деталь. Относительно первого принципа — мы согласны. Кроме того, я думаю, что в русских гаванях не имеется большого количества немецких судов, так же, как и в наших—русских.

Иоффе. Мы согласны также и с этим пунктом.

Кюльман. Затем, я хотел бы затронуть вопрос об убытках и потерях, чтобы нам и относительно этого вопроса принципиально столковаться. Предложенная мною формулировка гласила бы так: «сначала исчисляются убытки, причиненные в областях договаривающихся сторон военными мероприятиями другой стороны, включая реквизиции и местные контрибуции, так что военная контрибуция не будет уплачиваться». У г.г. делегатов имеется формулировка, переданная им вчера и сходная по своему содержанию с настоящим предложением. Дело идет только о согласовании наших принципов. Более точная редакция отдельных статей могла бы быть поручена комиссии из 2—3 лиц.

Иоффе. С нашей стороны не имеется возражений.

Кюльман. Дальнейшим развитием моей мысли явится следующее предложение: каждая сторона возмещает гражданскому населению другой стороны убытки, причиненные, вопреки международному праву, во время войны, путем насилия над жизнью, здоровьем или имуществом. Убытки устанавливаются смешанной комиссией, которая образуется из представителей обеих сторон и одного нейтрального третейского судьи. Следовательно, дело идет в этом случае о гражданском населении, находящемся вне сферы военных действий, и об убытках, нанесенных за время войны вследствие насильственных деяний; эти убытки должны быть установлены нейтральной комиссией, во главе с нейтральным третейским судьей, и затем взаимно возмещены.

Иоффе. Возмещения должны распространяться не только на гражданских лиц, но и на государственные учреждения, например, на посольства и т. д.

Кюльман. С этим мы согласны. Я не намеревался ставить этот вопрос на обсуждение, но в принципе мы согласны.

Теперь следовало бы обсудить и устранить еще одно из последствий войны. Наше предложение сводится к следующему: интернированные и сосланные лица гражданского населения в обеих странах немедленно освобождаются и, по возможности скорее, доставляются на родину. Речь идет, следовательно, о гражданских лицах обеих держав, интернированных или сосланных. Предложение по этому вопросу гласит: они освобождаются и доставляются на родину по заключении мира.

Иоффе. Во-первых, мы согласны с тем, чтобы уже во время перемирия была организована такая комиссия, во-вторых освобождены должны быть не только такие, но и другие категории арестованных, напр., пострадавшие за свою мирную пропаганду.

Кюльман. В таком случае, прошу дать более точную формулировку. Это новый пункт.

Иоффе. Мы желали бы, чтобы эта мера коснулась не только интернированных и сосланных гражданских лиц, но и лиц, пострадавших за пропаганду мира; это—лишь пожелание, но не предложение.

Кюльман. Таких у нас нет. Я хочу сказать, что мы принимаем это пожелание к сведению, но я полагаю, что у ваших союзников вы найдете в этом отношении гораздо более обширное поле деятельности. (*Смех*).

Иоффе. Я извиняюсь, но такие имеются и у вас. Я мог бы назвать хотя бы Карла Либкнехта, еще до сих пор томящегося в Германии в каторжной тюрьме.

Кюльман. Следовательно, можно считать, что в вопросе об интернированных и сосланных лицах гражданского населения, вы согласны с нашим предложением. Я, лично, очень хотел бы, если со стороны Российского Правительства не будет возражений, предложить приняться за это дело немедленно, во время перемирия. Эти люди столько перенесли, без всякой с их стороны вины, что, чем скорей они снова вернутся к нормальным условиям, тем приятнее это будет для наших правительств.

Иоффе. С этой целью и были в свое время предложены комиссии.

Кюльман. Как, собственно, обстоит дело с комиссией?

Криге. Она, по всей вероятности, уезжает сегодня.

Гофман. Сегодня приедет сюда Председатель комиссии гр. Мирбах. Комиссия завтра выезжает в Петроград.

Кюльман. Она может там остаться и сейчас же приступить к работам.

Если г.г. Представители Русской делегации согласны, то я хочу предложить теперь, после того, как мы разобрали такую массу важных материалов,—и, по-моему, разобрали весьма удовлетворительно,—установить перерыв в работе. Нужно предоставить г.г. делегатам, любезно согласившимся заняться редакцией, возможность зафиксировать тот материал, который дали нам наши переговоры. Предоставляю собранию решить вопрос, устроить ли сегодня еще одно заседание или же отложить обсуждение и дальнейшую разработку добытых сегодня результатов на завтрашнее заседание.

Иоффе. Предложение перерыва само по себе не встретит возражений, по редакции отдельных пунктов следовало бы предпослать общую редакцию территориальных вопросов мирного договора. Я полагаю, что логически пункт о территориальных границах должен стоять на первом месте.

Кюльман. Разработанные нами сегодня пункты еще не нумерованы; они лишь зафиксированы, как уже обсужденные. Известные перерывы необходимы, хотя бы по тому, что внимание присутствующих сильно напрягается и ослабляется. Мы еще не решили ввести в мирный договор пункты в том порядке, в коем мы их сегодня разбирали. Я, кроме того, замечу, что и г.г. переводчики начинают утомляться. Пункты были приняты в порядке, вытекавшем из хода переговоров о возмещении военных убытков, упразднении военных законов и т. д. Разбивку этих пунктов я согласен оставить на полное ваше усмотрение и вполне согласен с тем, что важнейшие пункты должны быть поставлены в начале. Теперь я хотел бы еще узнать мнение г.г. делегатов: желают ли они устроить заседание сегодня вечером или завтра утром?

Иоффе. Мы предпочли бы сегодня вечером.

Кюльман. В котором часу мы, в таком случае, встретимся?

Криге. Громадный материал, который нами обсуждался сегодня утром, если мы примемся за совместную его обработку, займет нас до вечера, так, что раньше завтрашнего дня нечего и думать о пленарном заседании. При редактировании требуются особенная ясность и обостренность мыслей, так, что покончить быстро мы не сможем.

Иоффе. Может быть, мы с редактированием кончим до вечера, и тогда состоялось бы еще одно вечернее заседание.

Кюльман. Тогда я предложил бы собраться еще до обеда. Ночные заседания, хотя и имеют, правда, известную прелесть, но именно, благодаря этому, ими и не следует злоупотреблять.

Криге. Насколько я могу судить, редактирование займет у нас много времени.

Каменев. Если я правильно понял г. Председателя, то вопрос о занятых и подлежащих очищению территориях с немецкой стороны уже был решен и оглашен в общей декларации.

Кюльман. Я полагаю, нам не следует поднимать сейчас этого вопроса. Разговоры на эту тему могут вылиться в совещание, а мы еще не подготовились к обсуждению этой темы.

Каменев. Вопрос о территориях здесь не обсуждался, в связи с данным Вами вчера ответом.

Кюльман. Это само собой разумеется. Никакой обмен мнений на эту тему невозможен.

Если г.г. делегаты согласны, можно прервать сегодняшнее заседание. Место и время следующего мы установим, в зависимости от хода редакционных работ.

Заседание закрывается в 11 час. 30 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

27/14-го декабря 1917 года.

Заседание открывается в 5 час. 5 мин. дня под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, объявляю заседание открытым.

Не угодно ли господину Председателю Русской делегации сделать нам сообщение?

Иоффе. На прошлом заседании мы говорили о том, что первым пунктом будущего мирного договора должен быть не тот пункт, который трактует о вопросах экономического характера, а, в первую очередь, должен быть поставлен вопрос политического свойства, а именно: вопрос об очищении оккупированных территорий. Мы предлагаем первым считать следующий пункт, который я позволю себе сейчас огласить:

«В полном согласии с открытым заявлением обеих договаривающихся сторон об отсутствии у них завоевательных планов и о желании заключить мир без аннексий, Россия выводит свои войска из занимаемых ею частей Австро-Венгрии, Турции и Персии, а державы Четверного Союза—из Польши, Литвы, Курляндии и др. областей России.

В соответствии с принципами Российского Правительства, провозгласившего права всех без исключения народов, живущих в России,

на самоопределение, вплоть до отделения,—населению этих областей дана будет возможность вполне свободно, в ближайший, точно определенный срок, решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства. При этом, в самоопределяющихся областях недопустимо присутствие каких-либо войск, кроме национальных или местной милиции.

Впредь до решения этого вопроса, управление этими областями находится в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения.

Срок эвакуации, в связи с обстоятельствами,—началом и ходом демобилизации армии,—определяется специальной военной комиссией».

Этот пункт в такой формулировке мы предложили бы считать первым пунктом будущего мирного договора.

Кюльман. Благодарю г. Председателя Русской делегации за интересное и важное сообщение содержания 1-го пункта, который, по мнению Русской делегации, должен войти в будущий мирный договор.

Я позволю себе от имени Германской делегации,—думаю, что имею право говорить и от имени Австро-Венгерской Монархии,—внести формулированное контр-предложение, в котором мы стараемся, насколько позволяют нам обстоятельства, пойти навстречу взглядам Русской делегации, с которыми мы ознакомились из хода переговоров.

Наш проект гласит:

«Статья 1-я. Россия и Германия заявляют о прекращении между ними состояния войны. Оба государства решили впредь жить в мире и дружбе.

Германия готова, при условии полной взаимности по отношению к ее союзникам, как только мир будет заключен, и демобилизация русской армии закончится, очистить теперешние позиции и занятые русские области, поскольку это не будет противоречить ст. 2-й.

Статья 2-я. Так как Российское Правительство, в соответствии со своими принципами, провозгласило для всех без исключения народов, входящих в состав Российского государства, право на самоопределение, вплоть до полного отделения, то оно принимает к сведению заявления, в которых выражена воля народов, населяющих Польшу, Литву, Курляндию и части Эстляндии и Лифляндии, об их стремлении к полной государственной самостоятельности и к выделению из Российской Федерации.

Российское Правительство признает, что эти заявления при настоящих условиях надлежит рассматривать, как выражение народной воли, и готово сделать вытекающие отсюда выводы.

Так как в тех областях, к которым применимо вышеизложенное положение, вопрос изменяется в том смысле, что эвакуация не

может быть произведена, согласно ст. 1, то, следовательно, сроки и способы народного волеизъявления—согласно русской точке зрения—путем всенародного голосования, с устранением какого бы то ни было военного давления, предоставляются обсуждению и установлению особой комиссии».

Вот, господа, формулированное контр-предложение. Его следовало бы расчленить на две статьи.

Я был бы благодарен г. Председателю Русской делегации, если бы он нам сделал сообщение об отношении своей комиссии к этому предложению.

Иоффе. Мы считаем, что подлинным выражением воли народной может быть сочтено только такое волеизъявление, которое является результатом вполне свободного голосования, при полном отсутствии чужеземных войск в данных областях. Поэтому, мы и настаиваем на нашем предложении более ясной и точной формулировки этих пунктов, но мы согласны с тем, что, в виду технических затруднений при осуществлении такого референдума, как и при определении точного срока эвакуации, необходимо создание специальных комиссий.

Кюльман. Я констатирую, что по поводу последнего пункта, а именно,—о необходимости обсуждения в комиссии этого сложного технического вопроса, существует полное согласие между здесь присутствующими и Русской делегацией.

Я предлагаю этот пункт, с которым мы таким образом покончим, считать пока рассмотренным и перейти к некоторым другим очередным вопросам. Но сначала разрешите предложить один вопрос информационного характера: не знает ли Русская делегация и не согласилась ли бы она нас осведомить, произошел ли между Петроградским Центральным Правительством и Державами Согласия обмен мнений по поводу бывшего между нами, в начале этого совещания, обмена нотами, и в какой именно форме?

Иоффе. Немедленно, по получении Российским Правительством согласия о вступлении в мирные переговоры со стороны Германии и Австро-Венгрии, Российское Правительство уведомило Союзные Державы о том, что оно приступает к переговорам, и выразило надежду, что союзники России также примут участие в мирных переговорах. Что касается дальнейших наших переговоров, так как они все время велись публично, то все, что здесь происходило, стало достоянием печати. Кроме того, мы полагаем, хотя еще не имеем точных сведений, что декларация Русской делегации и ответная декларация Германии и ее союзников были, вероятно, сообщены также правительствам союзников России.

Кюльман. С благодарностью принимаю к сведению сказанное. Я позволю себе, в связи с затронутым вопросом, предложить еще один вопрос информационного характера. Не согласилось ли бы Российское Правительство, при известных, еще подлежащих ближай-

шему обсуждению условиях, вывести свои оккупационные войска из Лифляндии и Эстляндии, чтобы дать местному населению возможность, без давления со стороны военной силы и на широких демократических началах,—изъявить свое неоднократно выраженное желание соединиться со своими одноплеменниками, ныне живущими в занятых областях?

Иоффе. Со стороны Российского Правительства неоднократно провозглашалось признание права всех народов без исключения на свободное самоопределение, при чем обязательным условием такого свободного волеизъявления признавалась необходимость полного отсутствия чужеземных войск,—чужеземных для данной национальности,—в спорных территориях. Таким образом, и в отношении к губерниям Лифляндии, Курляндии и Эстляндии Российское Правительство, несомненно, применило бы тот же принцип, осуществления которого оно требует от всех, признающих принцип действительного и свободного самоопределения народов.

Кюльман. Я благодарен за это сообщение и сделаю, если это будет угодно Русской делегации, в связи с этими вопросами и ответами, еще одно маленькое замечание экономического характера. Кажется, граф Чернин желал сделать маленькое заявление?

Чернин. Я позволю себе, в кратких словах, дать небольшие разъяснения чисто технического свойства относительно участия Австро-Венгерской делегации в этих переговорах. Между г.г. Представителями Русской делегации и нами было условлено, что касающиеся отдельных государств вопросы будут обсуждаться непосредственно представителями заинтересованных государств в алфавитном порядке,—в данном случае, начиная с Германии. Так как в этих вопросах интересы Германии и Австро-Венгрии почти совпадают, и так как мы не желаем напрасно терять времени, то мы предложили Германской делегации разрешить нам принимать участие в обсуждениях, касающихся ее. Поэтому я прошу принять к сведению, что все соглашения, заключенные здесь представителями России съ представителями Германии, будут иметь силу и для Австро-Венгрии, поскольку я не возражаю против того или другого пункта.

Кюльман. Я позволю себе сделать еще одно заявление экономического характера, в виду того, что это предложение в формулированном виде находится сейчас предо мною. Я надеюсь, что завтра днем можно будет снова собраться в том же составе для обсуждения остальных вопросов, к разбору которых мы уже подготовились.

Предложение касается Дуная и формулировано следующим образом:

«Договаривающиеся стороны согласны, чтобы Европейской Дунайской комиссии было поручено постоянное управление всей областью устьев Дуная, и чтобы она была составлена только из представителей прибрежных государств Дуная и Черного моря. Управление же

думаем, выше Бранлова, должно быть урегулировано между прибрежными государствами».

Мне сейчас не нужен ответ. Я просто сделал это заявление в целях информации.

Если Русская делегация согласна, то поскольку это нас касается...

У Вас есть еще какой-нибудь вопрос, г. генерал?

Гофман. Я предлагаю, пока не закрыто заседание, ответить еще на один вопрос.

Кюльман. Генерал Гофман ставит вопрос, находящийся в связи с затронутыми в начале заседания темами. Он хотел бы знать, в какой стадии находится вопрос о самостоятельности Финляндии.

Иоффе. Прежде, чем ответить на этот вопрос,—точный ответ я дам впоследствии,—я хотел бы напомнить г.г. Представителям Германской делегации, что с точки зрения Четверного Союза, как это ясно было выражено в декларации, представленной в ответ на нашу декларацию, вопросы такого свойства не подлежат международному обсуждению. Что же касается вопроса по существу, то я категорически заявляю, что и на Финляндию Российское Правительство распространяет свой принцип полного права каждой национальности на свободное самоопределение.

Кюльман. Кроме того, г. генерал спрашивает, в каком положении находится и будет находиться пассажирское сообщение с Украиной. Я совсем не знаю, существует ли сейчас такое сообщение и есть ли у вас сведения по сему вопросу.

Иоффе. Я не совсем понимаю вопрос. Если речь идет о том, идут ли пассажирские поезда на Украину, то мы не сомневаемся, что пассажирское движение между Киевом и Петроградом за все время не прекращалось.

Гофман. Как известно г. Председателю Русской делегации, получено радиотелеграфное сообщение от Украинской Центральной Рады, что Центральная Рада будет считать себя связанной мирными переговорами только тогда, когда в этих переговорах будет участвовать ее делегация. С точки зрения Германского Верховного Командования, мне интересно узнать, если таковая делегация прибудет, то каким именно путем, для того, чтобы позаботиться об установлении телеграфной связи и т. п.

Иоффе. Я с благодарностью принимаю во внимание заботливость генерала Гофмана о технических удобствах Украинской части нашей делегации. Мы не преминем известить генерала Гофмана, как только получим сведения о том, что наша делегация пополняется представителями от Украины.

Кюльман. Есть еще вопросы? Тогда, с согласия Русской делегации, объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 5 час. 45 мин.

М. Н. Покровский.

Генерал Гофман.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

28/15 декабря 1917 года.

Заседание открывается в 12 часов 40 мин. дня под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Милостивые Государи! Позволю себе объявить открытым настоящее заседание, которое будет посвящено обсуждению отдельных статей делегациями Русской, Австро-Венгерской и Германской.

Прежде всего, я позволю себе прочесть ряд статей, содержание которых подверглось уже целому ряду обсуждений. Благодаря только что приведенной причине и наличности русских переводов, мы, я думаю, удовлетворимся немецкими текстами и, в виду позднего времени, на этом заседании откажемся от прочтения их в русском переводе.

Могу ли я теперь же просить г. директора Криге быть столь любезным и огласить статьи?

Криге. Первые две статьи, согласно желанию и предложению Русской делегации, должны касаться важного вопроса об оккупированных территориях, так, что мы начнем рассмотрение отдельных статей со статьи 3-ей. Эта статья, в которой говорится о восстановлении государственных договоров, в общей формулировке гласит:

Статья 3.

Трактаты, договоры и соглашения, бывшие в силе между договаривающимися сторонами до объявления войны, вступают опять в силу, поскольку они не стоят в противоречии с изменениями, происшедшими во время войны во владениях этих держав. Каждая сторона обязуется в течение 3 месяцев после подписания прелиминарного мирного договора сообщить о трактатах, договорах и отдельных соглашениях, которые не должны вновь вступать в силу; если дело касается при этом отдельных постановлений, другой стороне предоставляется в течение месячного срока отказаться от договора в целом.

Теряющие силу отдельные постановления договоров должны быть, по возможности скорее, заменены новыми договорами, в соответствии с изменившимися воззрениями и условиями.

Каждая сторона, по истечении известного срока, может считать недействительными те положения договора, которые окажутся противоречащими условиям данного момента.

Статья 4.

Каждая из договаривающихся сторон ни в коем случае не будет относиться к подданным, судам или товарам другой стороны, во всех вопросах правового или хозяйственного характера, с мень-

ным благоприятствованием, нежели к подданным, судам или товарам какого-либо иного государства, не пользующегося в данном отношении никакими установленными договором правами.

Статья 5.

Договаривающиеся стороны согласны, чтобы, по заключении мира, война окончилась и в экономической области. Они не будут участвовать обоюдно ни в каких мероприятиях, которые имели бы целью продолжение враждебных действий в экономической области, прямо или косвенно, и будут всеми находящимися в их распоряжении средствами препятствовать в пределах своего государства таковым мероприятиям, даже если бы они исходили из инициативы частной или какой-нибудь другой стороны. Кроме того, они будут устранять препятствия, которые мешают возобновлению дружеских торговых и деловых сношений, и будут облегчать взаимный товарообмен, в особенности,—путем покрытия избытками одной стороны нехваток другой.

В течение переходного времени, которое потребуется для преодоления последствий войны и нового урегулирования отношений, они будут относиться к пока неизбежным ограничениям сношений, как то: запрещение вывоза, урегулирование вывоза и т. п.,—таким образом, чтобы эти ограничения по возможности менее стесняли обе стороны. С другой стороны, они, в течение этого времени, будут возможно менее обременять доставку необходимых предметов ввозными пошлинами и с этой целью вступят, по возможности скорее, в переговоры, чтобы поддержать и расширить установленное во время войны временное снятие пошлин. Вместе с тем, они используют это время для организации товарообмена. Для этой цели будут образованы смешенные комиссии, которые должны приступить к работе в наиближайшем будущем.

Статья 6.

Договаривающиеся стороны в возможно скором времени вступят в переговоры о заключении, взамен аннулируемого договора о торговле и мореплавании от 1894 и 1904 г.г.,—договора о торговле и мореплавании, постановления которого соответствовали бы новым условиям.

Статья 7.

Безотносительно к заключению нового договора о торговле и мореплавании, договаривающиеся стороны предоставляют друг другу, в течение хотя бы 20-летнего срока, в вопросах торговли и мореплавания права наиболее благоприятствуемых наций.

Ни одна сторона, однако, не будет претендовать на участие в преимуществах, которые предоставляются при мелких пограничных сношениях, или которые Россия предоставит пограничным азиатским странам или самостоятельным государствам, выделившимся из Государства Российского, или же которые Германия предоставит Австро

Венгрии, либо другим, связанным с Германией в настоящее время или в будущем таможенным союзам, странам или колониям.

Статья 8.

Россия выражает согласие на то, чтобы Европейско-Дунайской комиссии было поручено постоянное управление всем устьем Дуная, и чтобы эта комиссия состояла только из представителей прибрежных государств Дуная и Черного моря, и, в то же самое время, управление Дунаем выше Браилова поручается прибрежным государствам этой части реки.

Статья 9.

Военные законы, которые ограничивают частные права германцев в России и русских в Германии, как подданных враждующих государств, отменяются. Частные лица, права коих, вследствие этих законов, потерпели ущерб, должны быть, поскольку это возможно, восстановлены вновь в своих правах; поскольку же это невозможно, они должны быть в соответствующей степени вознаграждены: проданные земельные участки, горные промыслы, предприятия или доля в таковых, во всяком случае, возвращаются их владельцам, поскольку владение это по новому русскому законодательству не сделалось достоянием государства.

Определение подлежащих возмещению убытков производится смешанными комиссиями, образуемыми из представителей обеих сторон, с участием, кроме того, одного нейтрального третейского судьи с каждой стороны.

Статья 10.

Договаривающиеся стороны отказываются от возмещения своих военных издержек, т. е. государственных расходов по ведению войны, а также причиненных войной убытков, а именно—ущерба, нанесенного, вследствие военных мероприятий, им и их подданным в зонах военных действий, включая сюда и реквизиции.

Статья 11.

Каждая из договаривающихся сторон возмещает убытки, причиненные на ее территории во время войны, вследствие противных международному праву насильственных действий, касающихся жизни, здоровья или имущества подданных другой стороны. Определение убытков предоставляется смешанным комиссиям, образуемым из представителей обеих сторон, при участии одного нейтрального третейского судьи с каждой стороны.

Кроме того, каждая сторона возмещает все убытки, причиненные во время войны на ее территории действиями, противными международному праву,—дипломатическим и консульским представителям другой стороны, а также возмещает повреждения посольских или консульских зданий или их инвентаря. В случае разногласий, размер

убытков устанавливаются смешанной комиссией из представителей обеих сторон, с участием одного нейтрального третейского судьи.

Статья 12.

Военнопленные и инвалиды обеих сторон немедленно возвращаются на родину. Обмен остальными военнопленными производится в ближайшем будущем, в определенные сроки, устанавливаемые германско-русской комиссией, а вопрос о возмещении истраченных на их содержание средств, в случае несогласия в определении этих последних, передается на рассмотрение комиссии, с нейтральным председателем во главе.

Статья 13.

Гражданским подданным обеих сторон, интернированным или сосланным, немедленно предоставляется свобода и, возможно скорее, бесплатная доставка на родину.

Статья 14.

Русские граждане немецкого происхождения, в особенности, так называемые, немецкие колонисты, могут в течение 10 лет выселиться в Германию, с правом ликвидировать и взять с собой свое имущество.

Статья 15.

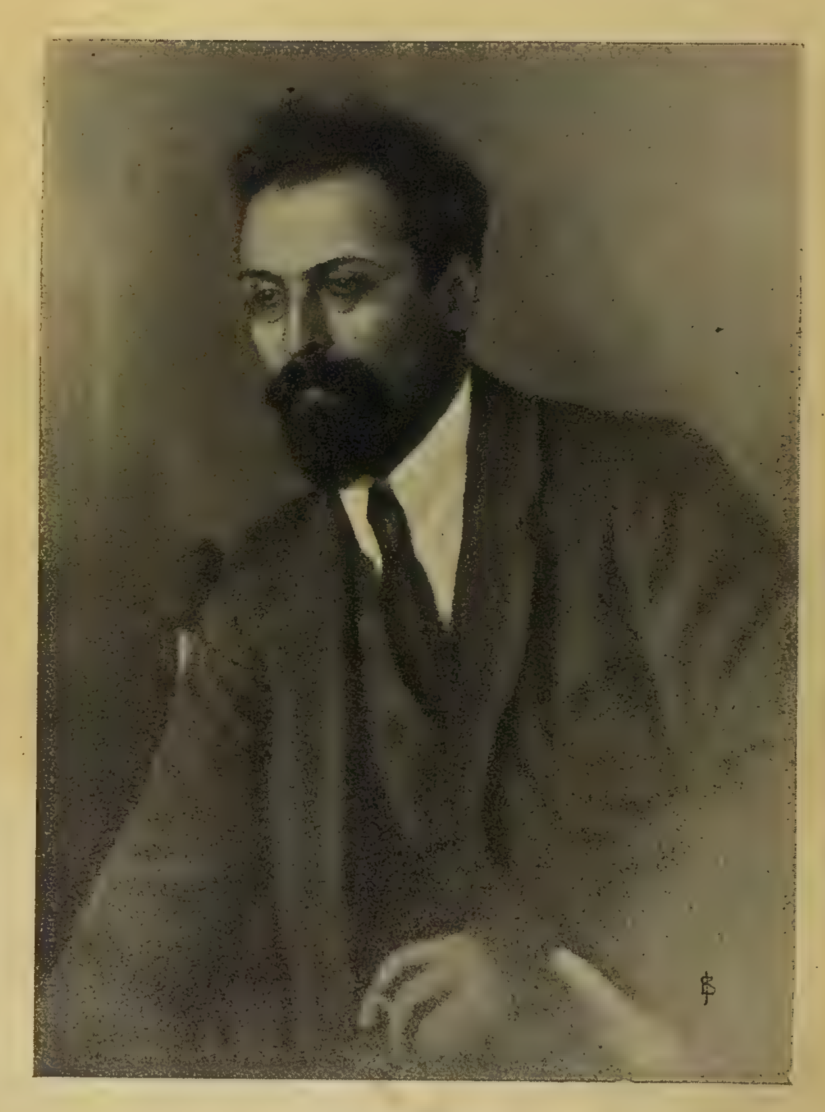
Торговые суда одной из договаривающихся сторон, находившиеся в момент возникновения войны в гаванях другой стороны, а также обоюдные призы, которые до подписания мирного договора еще судом не были присуждены, возвращаются, или, поскольку это невозможно, возмещаются деньгами.

Статья 16.

Дипломатические и консульские сношения между договаривающимися сторонами будут возобновлены при первой возможности.

Кюльман. Желает ли господин Председатель Русской делегации сделать какие-либо замечания?

Иоффе. В предыдущих переговорах уже затрагивались все те отдельные пункты, которые сейчас подлежат обсуждению. Я не стану перечислять всего. Часть наших стремлений выражена в настоящей формулировке, другая часть откладывается до следующих переговоров и совещаний. Статья 14 не обсуждалась в комиссии; она является предметом частного совещания. Русская делегация того мнения, что, в виду изменившихся условий в России, подробное обсуждение этого вопроса является излишним. Русская делегация предлагает даже совсем вычеркнуть эту статью, так как, при современных условиях, в России, каждый имеет полное право на свободный въезд и выезд. Мы оставляем за собой право вносить новые предложения и изменения к этому проекту. Русская делегация принимает к сведению предложения



Л. М. Карахан.

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.

Германской и Австро-Венгерской делегаций и считает, что, в целом, они являются приемлемой основой для дальнейшего рассмотрения тех вопросов, которые затрагиваются статьями 3—16.

Кюльман. Я с благодарностью принимаю к сведению разъяснения Русской делегации, в особенности, я принимаю во внимание желание, высказанное Русской делегацией, об исключении статьи 14-ой, так как, в виду нынешней русской политики и нынешнего русского законодательства, она по содержанию своему является излишней; я оставляю право за Правительствами, от имени которых я имею честь говорить, дать впоследствии разъяснение статьи 14-ой, а также право представить к отдельным статьям дополнительные предложения, по примеру Русской делегации.

Чернин. Согласно заявлениям г.г. предыдущих ораторов, я, со своей стороны, заявляю, что, ознакомившись с изложенными статьями, я уяснил себе те руководящие начала, которые лягут в основу переговоров. После обсуждения этих вопросов с компетентными представителями Монархий, я смогу дать ответ.

Кюльман. Если мне будет позволено еще на несколько минут задержать господ делегатов, то мне хотелось бы обратить внимание Русской делегации на один пункт, который при дальнейших переговорах, по всей вероятности, еще не раз будет затрагиваться. Дело касается Аландских островов. Как всем известно, Аландские острова представляют предмет международного соглашения, которое считалось действительным до объявления войны. Цель этого международного соглашения, под которым значилась также и подпись Германии, состояла в том, чтобы навсегда исключить возможность использования их для военных операций и, в частности, для сооружения каких-либо укреплений. В продолжение этой войны, прежнее Русское Правительство приняло все меры к укреплению этих островов. Из опубликованных нынешним Русским Правительством тайных документов явствует, что прежнее Русское Правительство предприняло дипломатические шаги, с целью сделать из этих островов постоянную базу для военных или морских операций. Теперь мне бы хотелось предложить два вопроса господину Председателю Русской делегации: во-первых, согласно ли нынешнее Русское Правительство заключить новый договор с Германским Правительством, соответственно которому оставался бы в силе прежний принцип, на основании коего Аландские острова ни в коем случае не подлежат укреплению для военно-морских целей? Во-вторых, видит ли Русское Правительство какие-либо препятствия к тому, чтобы другие государства, граничащие с Балтийским морем и поэтому чрезвычайно заинтересованные в разрешении этого вопроса, как, например, Швеция,—присоединились к германско-русскому соглашению?

Иоффе. Русская делегация того мнения, что этот вопрос—вопрос международный. Как известно, договор, о котором идет речь, был подписан многими государствами, здесь не представленными. В виду этого, Русская делегация считает нужным подчеркнуть, что

новое Российское Правительство в данном случае не имеет никаких агрессивных намерений и не склонно поддаться чьим-либо агрессивным планам.

Русская делегация полагает, что обсуждение этого вопроса следует перенести на следующее заседание.

Кюльман. Намерен ли господин Председатель ответить на второй вопрос о возможности участия держав, заинтересованных в судьбах Балтийского моря, или он предпочитает отложить его обсуждение?

Иоффе. Мы полагаем, что этот вопрос подлежит обсуждению не только Скандинавских Государств, но и других народов, живущих у Балтийского моря. Круг участвующих в решении этого вопроса народов должен быть расширен.

Кюльман. Этот ответ является недостаточно ясным. При расширении круга участвующих в обсуждении данного вопроса народов включаются ли или исключаются Скандинавские народы?

Иоффе. Мы считаем, что этот вопрос должен обсуждаться, прежде всего, всеми теми странами, которые подписывали этот договор.

Кюльман. В таком случае, мы отложим обсуждение этого вопроса.

Имеются ли еще сообщения или вопросы?

С согласия г.г. Представителей Русской делегации, я объявляю заседание закрытым.

Мы, значит, встретимся на пленарном заседании завтра в $5^1/_2$ часов.

Заседание закрывается в 1 час. 17 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

28/15 декабря 1917 года.

Заседание открывается в 6 час. 10 мин. вечера под председательством Болгарского Министра Юстиции Попова.

Попов. Высокоуважаемые присутствующие, Ваше Высочество, Милостивая Государыня и Милостивые Государи! Принятые нашей мирной конференцией основные положения создают совершенно новую эру в развитии международного права, обеспечивая политическую самостоятельность и свободу не только отдельных индивидуумов и социальных классов, но и всех государств в мире, будь они слабы или могущественны. Принципиальная недопустимость насильственных территориальных приобретений, т.-е. вопреки воле населения соответствующей области, допущение международных организаций малых народностей, а также принцип разрешения всех международных спорных вопросов мирным путем,—провозглашение

этих принципов в развитии международного права должно считаться Величайшей из Великих Хартий. Человечество должно быть благодарно, в первую очередь, Русской делегации, в лице которой здесь представлены творческий дух и правовое чувство великого Русского народа, и затем, мирным делегациям Четверного Союза.

Считаю за истинное счастье, что мне представилась возможность, не только в качестве представителя небольшого народа, но также и в качестве председателя исторического заседания, приветствовать представителей Русского Народа, а также представителей Четверного Союза. Я их приветствую не только, как первых творцов новой эры в развитии международного права, но и как творцов мира, и позволю себе высказать мою сердечную благодарность и пожелать счастливой новой встречи.

Передаю председательствование г. Председателю Русской делегации, так много потрудившейся для общего дела.

Иоффе. Принимаю с благодарностью председательствование в настоящем собрании. Я хотел бы напомнить, что на предыдущем пленарном заседании нами был предложен перерыв в переговорах до 22-го декабря или 4-го января н. ст.

После того, как отдельные вопросы подверглись рассмотрению г.г. Представителей отдельных государств, это наше заседание является, повидимому, последним перед наступающим перерывом.

Желает ли кто-нибудь из присутствующих высказаться?

Хакки-Паша! Милостивые Государи! Позвольте мне сказать несколько слов перед перерывом, который продлится около 6-ти дней, т.-е. до 4 января н. ст. Когда я 22/9 числа с. м. имел честь, в качестве старейшего, председательствовать на заседании, я выразил надежду, что наша работа приведет нас в скором времени к желательным результатам. Эта надежда была очень смела: ни один практический вопрос тогда еще не был подвергнут обсуждению. Теперь я вижу, что мои надежды меня не обманули. Все эти тяжелые вопросы, которые еще больше осложнились, благодаря трехлетней войне, мы подвергли обсуждению и анализу, и я могу утверждать, что для большинства из этих вопросов мы нашли практическое разрешение. Перед нами стоят еще затруднения, но я уверен, что, когда все делегаты вернутся и подвергнут их последней проверке, все остальные вопросы разрешатся также благополучно. Сегодня было совместное заседание Русской и Турецкой делегаций, и я вынес впечатление, что вопросы, касающиеся России, и Турции найдут себе счастливое разрешение.

Их Превосходительства, г.г. Представители союзных с нами Держав, разделяют мое впечатление. Это хороший результат. Работа, которую мы совершили за эти 6 дней, как мне кажется, заслуживает похвалы; мы с ней справились очень быстро. За достижение таких благоприятных результатов мы обязаны благодарить Русскую делегацию, которая, в течение этих тяжелых переговоров, обнаружила много прямодушия, справедливости и практического смысла. Господа Представители Русской делегации доказали, что они настоящие представители демократии, и, вместе с тем, отличные дипломаты и государственные

деятели. Я желаю им счастливого пути и благополучного возвращения к назначенному сроку.

Я уверен, что, по их возвращении, вопросы, еще неокончательно выясненные, найдут себе удовлетворительное разрешение.

Иоффе. Русская делегация разделяет мнение, что начатые здесь переговоры дают основание надеяться на скорое окончание этой разрушительной войны. Русская делегация глубоко убеждена, что усталые и жаждущие мира народы, которые ясно заявили, что империалистические цели и стремления им абсолютно чужды, решительным волеизъявлением потребуют в самом недалеком будущем заключения настоящего демократического мира между всеми враждующими государствами. Во время предстоящего перерыва все мы будем чувствовать, что за нами стоят миллионы страдающих людей, которые жаждут мира. Сознание ответственности перед народами, перед человечеством и перед историей даст нам надежду и внутреннюю силу проложить путь ко всеобщему миру. Мир может и должен наступить в ближайшем будущем. С этой надеждой объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 6 час. 40 мин.

В. Липский, П. И. Стучка, Л. Д. Троцкий, Л. М. Карахан.
На переднем плане:
Л. Б. Каменев, А. А. Иоффе, А. А. Биценко.

Второй период

С 9 го января 1918 г. (27-го декабря 1917 г.) по 10 февраля (28-го января) 1918 г.

Состав Мирной Конференции.

Русская делегация:

Л. Д. Троцкий.
А. А. Иоффе.
Л. Б. Каменев.
М. Н. Покровский.
А. А. Биценко.
В. А. Карелин.
Секретарь делегации Л. М. Карахан.

Военные консультанты:

Контр-адмирал В. М. Альтфатер.
Капитан В. Липский.
Генерал А. А. Самойло.

Консультанты по национальным вопросам:

К. В. Радек.
П. И. Стучка.
С. Бобинский.
В. Мицкевич-Капускас.

Украинская делегация:

В. М. Шахрай.
И. Г. Медведев.

Делегация Украинской Центральной Рады:

Статс-секретарь Голубович.
М. Левитский.
М. Любинский.
М. Полозов.
А. Севрюк.

Консультанты:

Ротмистр фон-Гассенко.
Профессор Е. Остапенко.

Германская делегация:

Статс-секретарь фон-Кюльман.
Директор Правового Департамента Криге.
Посланник фон-Розенберг.
Тайный Легационный Советник фон-Штокгаммер.
Легационный Советник фон-Балиганд.
Легационный секретарь фон-Гещ.
Генерал-майор Гофман.
Капитан I-го ранга Горн.
Майор Бринкман.

Австро-Венгерская делегация:

Министр по Иностранным Делам граф Чернин.
Директор Департамента д-р Грац.
Посланник барон фон-Миттаг.
Посланник фон-Визнер.
Легационный Советник барон Андриан.
Легационный Советник граф Коллоредо.
Легационный секретарь граф Чаки.
Фельдмаршал-Лейтенант фон-Чичерич.
Обер-Лейтенант Покорный.
Майор фон-Глайзе.

Болгарская делегация:

Министр Юстиции Попов.
Посланник Коссов.
Посланник Стоянович.
Полковник Гантчев.

Легационный секретарь Анастасов.
Легационный секретарь Кермекчиев.
Капитан I-го ранга Нодев.
Капитан Марков.

Турецкая делегация:

Великий Визирь Талаат-Паша.
Министр по Иностранным Делам Нессими-Бей.
Посол Ибрагим Хакки-Паша.
Генерал-от-кавалерии Ахмед Иззет-Паша.
Капитан Хуссен Рауф-Бей.
Секретарь Посольства Вехби-Бей.
Майор Садик-Бей.
Капитан II-го ранга Комал-Бей.

Пленарное заседание мирной конференции.

9 января 1918 г. (27 декабря 1917 г.).

Заседание открывается в 11 час. 10 мин. утра Его Высочеством Великим Визирем Талаат-Пашой.

Талаат-Паша. Я открываю заседание. Прошу собрание передать председательствование Его Превосходительству фон-Кюльману.

Статс-секретарь фон-Кюльман занимает место председателя.

Кюльман. Ваши Высочества, Милостивая Государыня, Милостивые Государи!

Формальности, считавшиеся обязательными для прежних заседаний, будут, я полагаю, и впредь рассматриваться, как обязательные.

Так как в составе отдельных делегаций произошли изменения, то кажется не лишним в начале наших работ бросить ретроспективный взгляд на историю и на ход переговоров до настоящего времени.

Нынешнее Русское Правительство, сообщив в радиотелеграмме от 28-го ноября 1917 года, обращенной ко «всем», некоторые свои решения,—изъявило одновременно свою готовность вступить в мирные переговоры с воюющими державами.

После этого, в пленарном заседании Рейхстага от 29-го ноября, Германский Имперский Канцлер граф фон-Гертлинг в своей программной вступительной речи заявил следующее:

«Вчера Русское Правительство послало из Царского Села правительствам народов воюющих стран радиотелеграмму, подписанную Народным Комиссаром по Иностранным Делам Троцким и Председателем Совета Народных Комиссаров Лениным, в которой предлагается в ближайший срок приступить к переговорам о перемирии и всеобщем мире.

Я должен заявить, что в известных предложениях Русского Правительства могут быть усмотрены такие основы, которые дают возможность приступить к переговорам, и что я готов приступить к таковым, как только Русское Правительство пришлет уполномоченных на то представителей.

Я надеюсь и желаю, чтобы эти стремления скорее приняли конкретные очертания и принесли нам мир».

Ответственные государственные деятели других союзников сделали аналогичные по смыслу заявления.

3-го декабря 1917 года начались переговоры о перемирии, кото-

рые 15-го декабря 1917 года успешно приведены были к концу подписанием договора о перемирии.

Согласно постановлению этого договора в ст. 9-ой говорится, что «договаривающиеся стороны, непосредственно за подписанием этого договора о перемирии, вступят в мирные переговоры».

Державы Четверного Союза послали в Брест-Литовск уполномоченных представителей, приступивших 22-го декабря 1917 года совместно с г.г. Представителями Русского Правительства к переговорам о мире.

Последние распались на две отдельные части:

1) на обсуждение возможности всеобщего мира и

2) на обсуждение тех пунктов, которые, во всяком случае, будут поставлены на обсуждение между державами Четверного Союза и Руским Правительством.

Согласно предложению Русской делегации в заседании от 25/12-го декабря 1917 года, был сделан 10-дневный перерыв в переговорах, «для того, чтобы,—согласно русскому объяснению,—народы, правительства коих еще не присоединились к ведущимся переговорам о всеобщем мире, имели возможность ознакомиться в достаточной мере с выставленными теперь принципами всеобщего мира; по истечении же указанного срока, переговоры подлежали бы возобновлению, независимо от того, присоединятся ли и в каком числе к этим переговорам воюющие государства».

Срок этот истек 4-го января 1918 года в 12 часов ночи, и после того, как Союзным Правительствам стало известно, что со стороны Правительств Согласия не поступило каких-либо сообщений, отвечающих этой цели—Союзные Правительства разослали по радиотелеграфу следующее свое общее решение:

«В своем ответе на предложение Русской делегации, делегации Четверного Союза, 25/12-го декабря 1917 года, в Брест-Литовске, установили некоторые руководящие принципы для заключения немедленного всеобщего мира.

Делегации Четверного Союза поставили обязательность этих принципов в зависимость от того, чтобы все, без исключения, ныне участвующие в войне государства, в продолжение определенного срока и без вяких оговорок, обязались к точнейшему соблюдению условий, одинаково обязательных для всех народов.

С согласия четырех Союзнических делегаций, Русской делегацией после сего был установлен 10-тидневный срок, в течение коего другие воюющие державы, по ознакомлени с высказанными основными положениями немедленного, всеобщего мира, могли бы принять решение относительно присоединения к мирным переговорам.

Делегации Союзных Держав констатируют, что 10-ти дневный срок истек 4-го января 1918 года, и что к ним ни от одной из остальных участниц войны не поступало заявления о присоединении к мирным переговорам».

Как следует из содержания сообщения Союзных Держав от 25/12-го декабря 1917 года, одним из самых существенных условий, которые были в нем поставлены, это—единогласное принятие всеми враждующими державами условий, одинаково обязательных для всех народов.

Неисполнение этого условия повлекло за собой последствие, вытекающее, как из содержания заявления, так и из истечения срока: документ стал недействительным.

Ближайшей задачей нашего собрания является, прежде всего, возобновление переговоров с того пункта, на котором мы остановились до наступления рождественского перерыва.

Русская делегация, однако, телеграммой за подписью г. Иоффе, сообщила генералу Гофману:

«Правительство Российской Республики считает необходимым вести дальнейшие переговоры о мире на нейтральной почве и, со своей стороны, предлагает перенести переговоры в Стокгольм», и еще в другой телеграмме было высказано пожелание перенести место переговоров в нейтральную страну.

Я не хочу здесь подробнее останавливаться на причинах, известных г.г. делегатам из данных в другом месте объяснений, которые делают невозможным ведение переговоров в другом месте, а не в Берст-Литовске, но желал бы уже сейчас заявить окончательное решение держав Четверного Союза, не подлежащее отмене, что они не могут продолжать в другом месте начатые здесь переговоры относительно прелиминарного мира. Как уже было заявлено ранее (в необязательной форме),—они из международной вежливости были бы готовы вести формальные, заключительные переговоры и подписать прелиминарные условия в другом месте, которое подлежало бы установлению совместно с Русской делегацией, и вступить в обсуждение относительно выбора этого места.

Нельзя не упомянуть,—так как при ведении переговоров атмосфера, в которой они происходят, играет огромную роль,—что с момента окончания обмена мнений, происходившего до рождественского перерыва, случилось многое, что казалось способным возбудить сомнение в искреннем намерении Русского Правительства добиться заключения скорого мира с державами Четверного Союза.

Я хотел бы в этом смысле указать на тон некоторых полуофициальных заявлений Русского Правительства, направленных против Правительств Четверного Союза, в особенности же—на одно сообщение Петроградского Телеграфного Агентства, которое рассматривается за границей, как полуофициальный русский правительственный орган.

В этом сообщении — не желая слишком удлинять свою речь, я пока воздерживаюсь от дословной передачи его, оставляя за собой право, если окажется нужным, цитировать его в дальнейшем—подробно передавался ответ, якобы данный г. Иоффе, Председателем Русской делегации, в заседании от 28/15-го декабря 1917 года, который, однако, как убеждает справка в делах, является ничем иным, как плодом фантазии автора.

Это целиком выдуманное сообщение сильно содействовало затемнению понимания хода переговоров и подвергало опасности их результат.

Если же, тем не менее, я не хотел бы расстаться вовсе с надеждой, что переговоры могут привести к плодотворным результатам, то эта надежда основывается, прежде всего, на известном нам и в столь

На переднем плане:
Гофман, Чернин, Талаат-Паша, Кюльман, Попов.

определенной форме высказанном Русской делегацией стремлении Русского народа к длительному и прочному миру, а затем, на впечатлении, которое мы вынесли во время переговоров о безусловно деловитом методе работы Русской делегации.

Поскольку можно судить по переговорам, которые велись до перерыва, я не считаю препятствия настолько существенными, чтобы допустить возможность неудачи дела мира и, вместе с тем, возможность возобновления войны на Востоке с ее неисчислимыми последствиями.

Чернин. Милостивые Государи: Я считаю нужным прибавить к замечаниям моего германского коллеги еще следующее:

Причины, по которым мы категорически отказываемся перенести переговоры в настоящий момент в нейтральную страну,—двоякого рода:

Во-первых, причины технического характера:

Вы, как и мы, связаны отсюда прямыми проводами со своими правительствами, и вы ежедневно обмениваетесь мнениями с Петроградом и Киевом, а мы—с нашими столицами. Мы все не можем обойтись без этого аппарата,— без него переговоры были бы до бесконечности затруднены и замедлены.

Еще важнее, однако, второй мотив. Вы, милостивые государи, в свое время, пригласили нас на всеобщие мирные переговоры. Мы приняли приглашение и пришли к соглашению относительно основ всеобщего мира.

Оставаясь верными принятым основам, Вы поставили союзникам 10-дневный ультиматум. Ваши союзники Вам не ответили, и сегодня речь идет не о всеобщем мире, но о мире сепаратном между Россией и державами Четверного Союза. Перенесение переговоров на нейтральную почву дало бы Согласию давно желанную возможность вмешаться, с целью воспрепятствовать делу мира.

Правительства Англии и Франции открыто и за кулисами испробовали бы все, чтобы помешать осуществлению сепаратного мира. Мы отказываемся дать западным державам эту возможность, но мы готовы закончить формальности переговоров, а также подписать мирный договор в нейтральном городе, который надлежит еще определить.

Что касается территориальной части переговоров, относительно которых еще не достигнуто соглашения между нами и Вами, то мы окончательно условились на последнем пленарном заседании, что эти вопросы мы передадим комиссии, специально для этого образованной, которая немедленно и начнет свои работы.

Все державы Четверного Союза вполне согласны довести переговоры до конца, на основах, развитых Статс-секретарем фон-Кюльманом и мною и признанных обязательными и г.г. Русскими делегатами.

Если господа Русские делегаты преисполнены теми же желаниями, то мы придем к результатам, которые всех удовлетворят; если же нет,— то события пойдут своим неизбежным ходом, но ответственность за продолжение войны падет тогда исключительно на Русскую делегацию.

Талаат-Паша. Я не хочу повторять того, что уже говорили другие делегаты. Оттоманская делегация согласна с делегациями Четверного Союза.

Попов. Я вполне согласен с высказанным.

Гофман. Передо мною лежит здесь целый ряд радиотелеграмм и воззваний, подписанных г.г. Представителями Русского Правительства и Русского Верховного Командования, в которых частью поносятся бранью Германская армия и Германское Верховное Командование, частью же содержатся воззвания революционного характера, обращенные к нашим войскам.

Эти радиотелеграммы и воззвания, без всякого сомнения, противны духу заключенного между обеими армиями перемирия.

От имени Германского Верховного Командования, я самым решительным образом протестую, как против формы, так и против содержания этих радиотелеграмм и воззваний.

Чичерич. От имени Императорского Королевского Верховного Командования, я присоединяюсь к заявлению генерала Гофмана постольку, поскольку этим заявлением имелись в виду и Австро-Венгерские дела.

Гантчев. От имени Болгарского Верховного Командования, я также присоединяюсь к протесту Германского Командования относительно этих радиотелеграмм, которые направлены и против Болгарской армии.

Иззет-Паша. От имени Оттоманской армии, я присоединяюсь к протесту.

Кюльман. Может быть кто-нибудь из г.г. Русских делегатов желает высказаться?

Троцкий. Я предлагаю перерыв заседания.

Кюльман. Назначим ли мы сейчас время для возобновления заседания?

Троцкий. В 4 часа.

Кюльман. В 4 часа. Возражений нет. Итак, с общего согласия, заседание прерывается и возобновится в 4 часа.

Заседание закрывается в 11 час. 55 мин.

Пленарное заседание мирной конференции

10 января 1918 г. (28-го декабря 1917 г.).

Заседание открывается в 11 час. 13 мин. утра, под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Отложенное по желанию Русской делегации на сегодняшний день заседание открывается.

Я предоставляю слово г. Представителю Украинской Центральной Рады.

Статс-секретарь Голубович. Милостивая Государыня и Мило-

стивые Государи! Истощенные и измученные войной народы жаждут мира. Представители демократии Великороссии, пренебрегая нападками части русского общества, а также печати, смело перешли окопы враждующей страны для того, чтобы не на поле брани, кровью и железом, а путем дружественного соглашения народов достигнуть всеобщего мира, положив начало мирным переговорам провозглашением принципа «мира».

Вы, милостивые государи, справедливо объявили перерыв на 10 дней, дабы дать возможность государствам, не принимавшим доселе участия в мирных переговорах, присоединиться к нам.

Государство наше, Украинская Народная Республика, народ которой всегда стремился к миру, первым откликается на Ваш призыв.

Определив третьим Универсалом Украинской Центральной Рады от 20/7-го ноября свое государственное положение Украинская Народная Республика в настоящий момент возобновляет свое международное бытие, утерянное более 250 лет тому назад, и, со всей полнотой присущих ей в этой области прав, выступает сейчас в международных сношениях.

На основании вышеизложенного, Правительство Украинской Народной Республики считает справедливым занять самостоятельное место на нынешних мирных переговорах и имеет честь вручить г.г. делегатам представленных здесь Держав следующую ноту:

НОТА

Генерального Секретариата Украинской Народной Республики ко всем воюющим и нейтральным державам.

Правительство Украинской Народной Республики—Генеральный Секретариат—настоящим доводит до сведения всех воюющих и нейтральных держав о следующем:

«Третьим Универсалом Украинской Центральной Рады от 20/7-го ноября 1917 года провозглашена Украинская Народная Республика, и этим актом определено ее международное положение.

Стремясь к созданию федеративного союза всех республик, какие возникли в данный момент на территории бывшей Российской Империи, Украинская Народная Республика, в лице Генерального Секретариата, становится на путь самостоятельных международных отношений, до того времени, пока не будет создана общегосударственная федеративная власть в России и не будет разделено международное представительство между Правительством Украинской Республики и Федеративным Правительством будущей Федерации.

В связи с этим, Генеральный Секретариат признает необходимым оповестить все державы и народы мира об отношении Украинской Народной Республики к тем переговорам о мире, какие на этих днях начинаются в Брест-Литовске между Представителями Совета Народных Комиссаров и Правительствами воюющих с Россией держав.

Стоя непоколебимо на том, что нынешняя война является самым тяжким бедствием для всех держав и особенно для трудящихся клас-

сов каждой страны, что все воюющие державы должны отречься от завоевательных намерений и немедленно приступить к мирным переговорам, Украинская Центральная Рада—Парламент Украинской Республики—признала необходимым приступить к активной политике в деле мира с первых дней провозглашения Украинской Народной Республики. Провозгласив в своем Третьем Универсале необходимость немедленного мира, Украинская Центральная Рада признала необходимым приступить к переговорам о перемирии. С этой целью были посланы представители Генерального Секретариата на Юго-Западный и Румынский фронты, которые теперь объединены в один Украинский фронт, под властью Правительства Украинской Народной Республики. Одновременно, Украинская Центральная Рада поручила Генеральному Секретариату довести до сведения Союзных Держав об этих переговорах, что и было исполнено в свое время Генеральным Секретариатом.

Далее, когда Совет Народных Комиссаров, в согласии с Правительствами воюющих с Россией держав, приступил к переговорам о перемирии на всех фронтах России,—Генеральный Секретариат выслал своих представителей в Брест-Литовск для наблюдения и информации. При этом, Генеральный Секретариат считает необходимым указать, что г.г. Представители Совета Народных Комиссаров, несмотря на то, что они были извещены о том, что должны присутствовать делегаты Правительства Украины для участия в переговорах, самостоятельно подписали общее перемирие, без всякого соглашения с Правительством Украинской Народной Республики.

Теперь же, когда Совет Народных Комиссаров, согласно с последним пунктом условий общего перемирия, начал мирные переговоры в Брест-Литовске с Правительствами Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии,—Генеральный Секретариат именем Украинской Народной Республики заявляет:

1. Вся демократия Украинской Державы стремится к прекращению войны во всем мире, к миру между всеми воюющими ныне державами, миру всеобщему.

2. Заключенный между всеми державами мир должен быть миром демократическим, должен обеспечивать каждой, даже наименьшей нации, в каждой стране, полную свободу ничем неограниченного самоопределения.

3. Для установления возможности подлиннаго выражения народной воли должны быть даны соответствующие гарантии.

4. Тем самым, никакие аннексии, т.-е. насильственное присоединение или передача той или иной части территории без согласия населения недопустимы.

5. Точно так же недопустимы, с точки зрения интересов трудящихся классов всех стран, контрибуции в каких бы то ни было формах.

6. Малым народностям и державам, разоренным войной, должна быть оказана материальная помощь согласно правилам, выработаным на мирных конгрессах.

7. Украинская Народная Республика, имея теперь на своей территории Украинский фронт и выступая самостоятельно в делах

международных в лице своего Правительства, которое должно охранять интересы народа Украинского,—должна принять участие, наравне с другими державами, во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах.

8. Власть Совета Народных Комиссаров не распространяется на всю Россию и, в том числе, не распространяется и на Украинскую Народную Республику. Поэтому, мир, который может быть заключен в результате переговоров с воюющими с Россией державами, станет только тогда обязательным для Украины, когда условия этого мира будут приняты и подписаны Правительством Украинской Народной Республики.

9. Мир от имени целой России может быть заключен только тем правительством (правительством притом федеральным), которое будет признано всеми республиками всех областей России, а если такое правительство в ближайшее время не будет сконструировано,—то только объединенным представительством этих республик и областей.

Твердо стоя на принципе демократического всеобщего мира, Генеральный Секретариат в то же время, стремясь к возможно более скорому приближению всеобщего мира и придавая большое значение всем попыткам, которые могут приблизить его осуществление,—признает необходимым иметь свое представительство на конференции в Брест-Литовске, вместе с тем надеясь, что окончательно дело мира будет завершено на международном конгрессе, к участию в котором Правительство Украинской Республики призывает всех воюющих.

Председатель Генерального Секретариата: **Винниченко**,
Генеральный секретарь по Международным Делам: **Шульгин**.

Черник. Я позволю себе обратить внимание гг. Украинских делегатов на то, что между французским и немецким переводами имеется противоречие. Я считаю очень важным, чтобы г.г. Украинские делегаты велели изготовить вполне аутентичный (подлинный) перевод на французском или на немецком языке.

Любинский. На французском языке.

Кюльман. Стало быть, оглашенный здесь перевод не может считаться аутентичным.

Любинский. Текст, переведенный на немецкий язык, не может считаться аутентичным, так как только французский текст имеет оригинальные подписи. Стало быть, если между обоими текстами есть противоречие, то французский текст имеет решающее значение.

Кюльман. С большим интересом мы выслушали сделанное Украинской делегацией заявление. Я предлагаю ноту Украинской делегации, как важный исторический документ, приобщить к делам конференции.

Представители Центральных Держав приветствуют, как это было уже сделано в телеграмме от 26/13-го декабря 1917 года прибывших Представителей Украинской делегации. Представители Центральных Держав оставляют за собой право высказаться впо-

следствии по поводу оглашенных здесь заявлений Украинского народа.

Я был бы благодарен за более ясную постановку некоторых вопросов. Это дало бы Центральным Державам возможность занять более определенную позицию по отношению к сделанным заявлениям.

Оглашенные здесь важные заявления Украинского народа смогут при известных обстоятельствах существенно повлиять на весь ход мирных переговоров.

До сих пор относительно всех вопросов, касающихся Российского Государства, переговоры велись здесь с г.г. Представителями Петроградского Правительства.

Я хотел бы предложить г. Председателю Русской делегации вопрос: намерены ли он и его делегация и впредь быть здесь единственными дипломатическими представителями всей России?

Троцкий. Прежде, чем был поставлен г. Представителем Германской делегации этот вопрос, я собирался сделать нижеследующее заявление:

Заслушав оглашенную Украинской делегацией ноту Генерального Секретариата Украинской Народной Республики, Русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что, с своей стороны, не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах.

Кюльман. Считает ли г. Представитель Русской делегации нужным сейчас же ответить на предложенный мною вопрос, или же предпочитает отложить ответ до другого времени?

Троцкий. Я считаю, что сделанное мною заявление является вполне достаточным ответом на вопрос, поставленный г. Председателем Гермнской делегации.

Кюльман. Я с этим не вполне согласен. Насколько я понял перевод ответа господина Председателя Русской делегации, он только признал право на участие Украинской делегации в мирной конференции. Для нас же имеют чрезвычайное значение те права и атрибуты, которыми г.г. Украинские делегаты будут пользоваться при участии в мирной конференции.

Украинская делегация говорит от имени области, границы которой она нам приблизительно указала на предшествующем совещании. Согласно полученным нами разъяснениям, в эту область входит, между прочим, и область Черного моря. Подлежит выяснению, следует ли представителю Центральных Держав переговоры, имеющие отношение к Черному морю, вести с господином Председателем Русской делегации, который представляет так же и Украину, или же с Украинской делегацией?

Троцкий. Я считал свой ответ достаточным, потому что он опирается на определенную принципиальную базу.

Наше Правительство не считает для себя допустимым определять характер и атрибуты представительства тех народов, которые проявляют свою волю к самостоятельности,

Что касается границ той области, от имени которой говорит Украинская делегация, то, по самому существу положения, этот вопрос не может считаться решенным, так как Украинская Республика находится сейчас именно в процессе своего самоопределения. Во всяком случае, эти вопросы о границах и, в частности, о Черном море, не могут стать предметом конфликта между нашей делегацией и делегацией Украинской Республики, так как, в случае расхождения в этом пункте, вопрос разрешился бы свободным голосованием заинтересованного населения.

Кюльман. Я был далек от мысли разрешить здесь спорный вопрос о границах. Я на этом вопросе, как на конкретном примере, хотел только выяснить, каким образом по мнению г. Председателя Петроградской делегации эти международные отношения отразятся на наших переговорах.

Троцкий. Я полагаю, что все эти вопросы разрешатся сами собою в ходе переговоров, путем соглашения между нашей делегацией и делегацией Украинской Республики, и что для делегации противной стороны не возникнет никаких затруднений.

Кюльман. Дело касается не частных вопросов, которые будут обсуждаться в дальнейшем. Нам нужно получить точное представление о взглядах Русской делегации, в виду тех важных и чреватых последствиями решений, которые требуют от нас заявления Украинской делегации.

Вкратце, вопрос сводится к следующему:

Должна ли Украинская делегация считаться частью Русской делегации, или же она в дипломатическом отношении является представительницей самостоятельного государства?

Троцкий. Так как Украинская делегация выступила здесь как совершенно самостоятельная делегация, и так как в нашем заявлении мы признали ее участие в переговорах, не внося никаких ограничений, и так как здесь ни с чьей стороны не было внесено предложения о превращении Украинской делегации в часть Русской делегации,—то этот вопрос, мне кажется, отпадает сам собою.

Кюльман. Я очень благодарен г. Представителю Русской делегации за то заявление, которое он здесь сделал. Это заявление будет служить указанием и основоположением для определения впредь тех форм, в которых Украинская делегация будет участвовать на конференции.

Желает ли г. Представитель Украинской делегации сделать какое-либо заявление?

Голубович. Мы удовлетворены тем заявлением, какое последовало со стороны Русской делегации, и признательны за то, что оно было принято таким образом. Я полагаю, что это уже определяет наше дальнейшее положение здесь, как полноправных членов этой мирной конференции по всем вопросам, которые здесь будут обсуждаться.

Мы просим занести в акты мирных переговоров, что мы, таким

образом, являемся, до известной степени, двумя совершенно отдельными самостоятельными делегациями одного и того же русского фронта бывшей Российской Империи.

Кюльман. Я хотел бы испросить Ваше согласие на то, чтобы снять сейчас с очереди этот прелиминарный (предварительный) вопрос, который будет еще подробно обсуждаться Центральными Державами, и приступить к продолжению наших обсуждений, прерванных вчера по желанию Русской делегации. Я полагаю, что г. Председатель Русской делегации желает высказаться.

Троцкий. Прежде, чем войти в рассмотрение вопросов, поставленных в заявлениях г.г. Представителей Четверного Союза, мы считаем нужным устранить элемент недоразумения, ворвавшийся в ход переговоров.

На официальном заседании от 27/14-го декабря, в ответ на п. 1-ый и 2-ой германского и австрийского проекта, Русская делегация ограничилась противопоставлением своей редакции этих пунктов, определяющих судьбу оккупированных территорий, и кратким заявлением Председателя Русской делегации, указавшего на то, что Российское Правительство не может считать выражением воли населяющих эти области народов заявления, сделанные привилегированными группами населения в условиях военной оккупации.

Мы констатируем, следовательно, что официально опубликованный в немецких газетах протокол последнего заседания в части, излагающей речь. Председателя Русской делегации, соответствует тому, что действительно происходило на заседании от 27/14-го декабря.

Что касается совершенно неизвестной нам, действительной или мнимой, телеграммы Петроградского Телеграфного Агентства, на которую мы находим ссылки в немецкой печати и в заявлении г. Статс-секретаря фон-Кюльмана, то мы затрудняемся сейчас, до наведения справок, установить, каким образом, и какая именно телеграмма могла быть понята, как исправление или дополнение протоколов заседания от 27/14-го декабря.

На самом деле, во всех ссылках на указанную телеграмму речь идет не о каком-либо заявлении Русской делегации в Брест-Литовске, а, насколько мы можем судить,—о резолюции Центрального Исполнительного Комитета в Петрограде, вынесенной после доклада Русской делегации о ходе переговоров и заключавшей в себе, в полном соответствии с позицией нашей делегации, решительное отклонение такого трактования самоопределения, при котором воля народов в действительности подменяется волей отдельных привилегированных групп, действующих под контролем оккупационных властей.

Сожалея о происшедшем недоразумении, которое не стоит ни в какой связи с работами нашей делегации, и непосредственный источник которого подлежит выяснению, мы считаем однако необходимым установить тот факт, что самая возможность подобного недоразумения вызвана тем обстоятельством, что не все официальные заявления Русской делегации доводятся до сведения народов Центральных Импе-

рий, частью же доходят в измененном виде, как то было, например, с ответом нашей делегации на декларацию от 25/12-го декабря, из которого в германском официальном сообщении выпала вся критика п. 3-го о самоопределении наций.

В этой неполной осведомленности общественного мнения о ходе мирных переговоров мы усматриваем действительную опасность для успешного завершения наших работ.

Что же касается протеста генерала Гофмана против статей нашей печати, радиотелеграмм, воззваний и проч. поскольку они подвергают критике монархический или капиталистический строй тех или других стран,—протеста, поддержанного г.г. военными Представителями трех других делегаций,—то мы считаем необходимым заявить: ни условия перемирия, ни характер мирных переговоров ни в каком смысле и ни с какой стороны не ограничивают свободы печати и свободы слова ни одной из договаривающихся стран.

Во всяком случае, мы, представители Российской Республики, оставляем за собой и за нашими согражданами полную свободу пропаганды республиканских и революционно-социалистических убеждений.

В то же время, мы заявляем, что не усматриваем, с своей стороны, никакого повода для протеста в том обстоятельстве, что Правительства Четверного Союза распространяют среди русских пленных и среди наших солдат на фронте полуофициальные германские издания, проникнутые духом крайней тенденциозности и капиталистическими воззрениями, которые мы считаем глубоко враждебными интересам народных масс.

После этих предварительных замечаний, мы можем перейти к рассмотрению по существу тех деклараций, которые здесь были оглашены вчера г.г. Председателями Германской и Австро-Венгерской делегаций.

Прежде всего, мы подтверждаем, что, в полном соответствии с принятым до перерыва решением, мы намерены вести дальнейшие переговоры о мире, совершенно независимо от того, присоединятся ли к нам Правительства Держав Согласия или нет.

Принимая к сведению заявление делегации Четверного Союза о том, что те основы всеобщего мира, которые были формулированы в их декларации от 25/12-го декабря, отпадают ныне в виду того, что Державы Согласия не присоединились в течение десятидневного срока к мирным переговорам,—мы, с своей стороны, считаем нужным заявить, что провозглашенные нами принципы демократического мира, которые мы будем продолжать отстаивать, не погашаются ни десятидневным, ни иным сроком, так как они представляют собой единственно мыслимую основу сожительства и сотрудничества народов.

Прежде, чем прибыть сюда после десятидневного перерыва, мы, в соответствии с письменным заявлением, сделанным нами на имя генерала Гофмана еще до начала переговоров о мире, возбудили по телеграфу вопрос о перенесении дальнейших переговоров в нейтральную страну.

Этим предложением мы хотели достигнуть такого решения вопроса

о месте переговоров, которое, ставя обе стороны в однородные условия, тем самым благоприятствовало бы нормальному течению самих переговоров и облегчило бы скорейшее заключение мира.

Вполне соглашаясь с мыслью г. Председателя Германской делегации, что «для ведения переговоров атмосфера, в которой они протекают, имеет величайшее значение», и не входя в обсуждение того, насколько атмосфера Брест-Литовска облегчает противной стороне заключение мира, обсуловленного широкими политическими, а не стратегическими мотивами,—мы считаем, во всяком случае, неоспоримым, что для Русской делегации пребывание в Брест-Литовской крепости, в главной квартире неприятельских армий, под контролем немецких властей, создает те невыгоды искусственной изоляции, которых не может возместить пользование прямым проводом для неотложных сообщений.

Эта искусственная изоляция, сама по себе создавая неблагоприятную атмосферу для наших работ, поселяет в то же время тревогу и беспокойство в общественном мнении нашей страны.

Элементы, чуждые всякого шовинизма, наоборот, стремящиеся к установлению самых дружественных отношений между народами воюющих ныне стран, протестуют против того, что Русская делегация ведет переговоры в крепости, оккупированной германскими войсками.

Все эти соображения получают тем большее значение, что в ходе предшествовавших переговоров мы непосредственно подошли к вопросу о судьбе живых народов, поляков, литовцев, латышей, эстонцев, армян и др., при чем обнаружилось, что именно в этом вопросе существуют глубокие разногласия между двумя сторонами.

Мы считали, в виду этого, крайне нежелательным продолжать переговоры в таких условиях, которые давали бы право утверждать, будто бы мы, отрезанные от источников всесторонней информации, изолированные от общественного мнения мировой демократии, не имея даже гарантий того, что наши заявления доходят до ведома народов Четверного Союза, участвуем в решении судьбы живых народов за их спиной.

Какие же причины могли помешать перенесению мирных переговоров в нейтральную страну? В своем объяснени г. Председатель Германской делегации сослался, повидимому, на ту речь, которую г. Рейхс-Канцлер произнес в Главном Комитете Рейхстага по этому вопросу.

Отметив технические трудности перенесения переговоров в нейтральную страну,—трудности, которые, по нашему мнению, могли бы быть при доброй воле обеих сторон без труда преодолены,—г. Рейхс-Канцлер заявил, что «махинации Согласия могут поселить раздор и недоверие между делегатами Российского Правительства и нами, найдя там новую для этого почву».

Ту же самую мысль развил г. Председатель Австро-Венгерской делегации в своем вчерашнем заявлении.

Поскольку мы теперь оказываемся перед необходимостью оценить этот довод, мы считаем полезным прежде всего напомнить, что забота об охранении Российского Правительства от вредных махинаций должна целиком ложиться на само же Российское Правительство.

Мы говорим это с тем большим правом, что Революционная Российская Власть в достаточной мере обнаружила свою независимость по отношению к дипломатическим махинациям, за которыми всегда скрывается стремление к угнетению трудящихся масс.

Нашу борьбу против войны мы начали в тот еще период, когда царские войска победоносно наступали в Галиции; эту борьбу мы вели, независимо от менявшихся стратегических ситуаций, через все препятствия, отметая все махинации, откуда бы они ни исходили. Став у власти, мы выполняем то, что обещали, когда находились в оппозиции.

Мы опубликовали тайные договоры и категорически отвергли их, поскольку они противоречат интересам затрагиваемых ими народов и социалистической морали. Опубликование тайных документов мы продолжаем и сейчас. Ни одна из стран, как союзных, так и враждебных, к сожалению, до сих пор не последовала за нами по этому пути открытой и действительной борьбы с дипломатическими махинациями.

Мы вступили на путь переговоров о перемирии, игнорируя предупреждения, угрозы и махинации Союзных Посольств. Мы подчинялись лишь нашей социалистической программе.

Мы отвечали и отвечаем суровыми репрессиями на все попытки контр-революционных махинаций со стороны Союзных дипломатических агентов в России, имеющих целью сорвать мирные переговоры.

Мы решительно не видим оснований полагать, что дипломатия Согласия могла бы на почве нейтральной страны оперировать против мира с большим успехом, чем в Петрограде.

Что касается заподозренной г. Статс-секретарем «искренности» нашего стремления к миру, то мы полагаем, что в этой области вопрос разрешается не психологическими догадками, а фактами. Искренно стремится к миру тот, кто готов сделать все необходимые выводы из права наций на самоопределение.

Наше отношение к делу мы показали в вопросах о Финляндии, Армении и Украине. Противной стороне остается показать свое отношение, хотя бы только на оккупированных областях.

И если г. Председатель Австро-Венгерской делегации граф Чернин выражает свое опасение по поводу того, что Правительства Англии и Франции предпримут все от них зависящее «как открыто, так и за кулисами», чтобы воспрепятствовать заключению мира,—то мы считаем уместным разъяснить, что наша политика обходится вообще без кулис, так как это орудие старой дипломатии радикально упразднено Русским народом, наряду со многими другими вещами, в победоносном восстании 25-го октября.

Все эти заподазривания нас в участии в англо-французских интригах, дополняющие лондонские и парижские инсинуации о наших тайных соглашениях с Берлином, отметаются нами с той решительностью, на которую нам дает право наша политика, руководящаяся не случайными комбинациями, а основными историческими интересами трудящихся классов всех стран.

Если мы, таким образом, не усматриваем ни одного технического

или политического обстоятельства, которое действительно связывало бы судьбу мира с Брест-Литовском, как местом переговоров, то мы не можем, с другой стороны, пройти мимо того аргумента, который на вчерашнем заседании не был назван по имени, но который освещает собой все другие аргументы и который с достаточной яркостью был выдвинут в речи г. Рейхс-Канцлера. Мы говорим о той части речи, где, на ряду со «справедливостью и лойяльной совестью», имеется ссылка на «могущественное положение» Германии.

Милостивые Государи, у нас нет ни возможности, ни намерения оспаривать то обстоятельство, что наша страна ослаблена политикой господствовавших у нас до недавнего времени классов.

Но мировое положение страны определяется не только сегодняшним состоянием ее технического аппарата, но и заложенными в ней возможностями, подобно тому, как хозяйственная мощь Германии не может измеряться одним лишь нынешним состоянием ее продовольственных средств.

Широкая и дальновидная политика опирается на тенденции развития, на внутренние силы, которые, раз пробужденные к жизни, проявят свое могущество, днем раньше или позже.

Подобно тому, как Великая Реформация XVI-го столетия и Великая Революция XVIII-го столетия вызвали к жизни творческие силы Германского и Французского народов, так и наша Великая Революция, на более высокой мировой технической и культурной ступени, пробудила и раскрыла творческие силы нашего народа.

Наше Правительство во главе своей программы написало слово «мир», но оно обязалось, в то же время, перед народом подписать только справедливый демократический мир.

Наш народ исполнен величайшего уважения к трудовым массам Германии, на которых держится вся германская культура. Через посредство тех партий, которые поставлены нашей революцией у власти, наш народ издавна научился высоко ценить немецкий рабочий класс, его организации, его дух международной солидарности.

С чувством глубокой симпатии относится наш народ и к народам Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Эти ужасные годы войны, самой жестокой и самой бессмысленной из всех войн, не только не ожесточили сердца наших солдат, но, наоборот, создали новую связь между нашими солдатами и солдатами неприятельских армий, связь общих страданий и общего стремления к миру.

Именно поэтому, Всероссийские Съезды русских рабочих, крестьян и солдат открыто протянули руку примирения народам, находящимся по ту сторону окопов.

С нашей стороны ничто не изменилось. Мы попрежнему хотим скорейшего мира, основанного на соглашении народов.

В этих условиях, отказ г.г. Представителей Германского, Австро-Венгерского, Турецкого и Болгарского Правительств перенести переговоры в их нынешней стадии из областей, оккупированных немецкими войсками, в нейтральную страну, обеспечивающую элементарнейшее равноправие сторон, вряд ли может быть объяснен иначе, нежели стремлением названных Правительств или влиятельных

аннексионистских кругов итти путем, основанным не на принципах соглашения народов, а на так называемой карте войны. Это стремление является одинаково пагубным, как для Русского, так и для Германского народа, ибо карты войны меняются, а народы остаются.

Еще до вчерашнего заседания мы отвергали тенденциозное утверждение захватнической части германской печати, что в вопросе о месте переговоров позиция Германского Правительства ультимативна.

Мы считали, что в вопросе о том, где обе стороны должны вести переговоры, не может быть места ультиматумам, а может быть только добросовестное деловое соглашение.

Мы ошиблись. Нам поставлен ультиматум: либо переговоры в Брест-Литовске, либо никаких переговоров. Этот ультиматум, который может быть понят только в том смысле, что Правительства или те элементы Четверного Союза, которые ведут политику захватов, считали бы более благоприятным для этой политики разрыв переговоров по формальным техническим вопросам, нежели по вопросу о судьбе Польши, Литвы, Курляндии и Армении. Ибо нельзя не признать, что разрыв переговоров, вызванный ультиматумом по техническому поводу, чрезвычайно затруднил бы народным массам Германии и ее Союзницам действительное понимание причин конфликта и облегчил бы работу тех официальных захватнических агитаторов, которые пытаются внушить Германскому народу, будто за прямой и открытой политикой Российской Революционной Власти стоят английские или иные режиссеры.

Исходя из этих соображений, мы считаем необходимым открыто, перед лицом всего мира и, прежде всего,—Германского народа, принять предъявленный нам ультиматум.

Мы остаемся здесь, в Брест-Литовске, чтобы не оставить неисчерпанной ни одной возможности в борьбе за мир народов. Как ни необычно поведение делегаций Четверного Союза в вопросе о месте переговоров, мы, делегаты Русской Революции, считаем своим долгом перед народами и армиями всех стран сделать новое усилие, чтобы здесь, в главной квартире Восточного фронта, узнать ясно и точно, возможен ли сейчас мир с четырьмя объединенными Державами без насилий над поляками, литовцами, латышами, эстонцами, армянами и др. народами, которым русская революция, с своей стороны, обеспечивает полное право на самоопределение, без всяких ограничений и без всяких задних мыслей.

Снимая в данный момент свое предложение о перенесении переговоров в нейтральную страну, мы предлагаем перейти к продолжению самих переговоров. В заключение, позволю себе выразить надежду на то, что наше заявление дойдет до сведения тех народов, с которыми наш народ искренно стремится жить в дружбе.

Голубович. Не входя в обсуждение создавшегося недоразумения, мы подчеркиваем, что дальнейшая работа была бы возможна лишь по получении соответствующих ответов, как на наше заявление, так и на заявление Русской делегации относительно Украинской Народной Республики.

Кюльман. Я не могу присоединиться к мнению Украинской делегации, что наперед необходимо выяснить вопрос относительно ее положения. Со стороны Русской делегации, так же, как и со стороны делегаций Четверного Союза, нет возражений против участия Украинской делегации в совещании.

Полагаю, что следует сейчас же приступить к дальнейшему обсуждению вопросов, стоящих на очереди. Наши переговоры и так уже задерживаются неприятными инцидентами. Такая отсрочка непонятна народам и вряд ли может быть ими одобрена. От имени Четверного Союза я предлагаю, соглашаясь с господином Председателем Русской делегации, приняться за продолжение работ мирной конференции в ускоренном темпе. Нет, конечно, препятствий к тому, чтобы специальные вопросы разрешались в спешном порядке, на специальных совещаниях г.г. Представителями Четверного Союза совместно с г.г. Представителями Русской и Украинской делегаций.

Сейчас нет возможности ответить на подробное заявление Русской делегации. Для этого нужна предварительная работа и предварительное обсуждение всех Союзнических делегаций. Я полагаю, что ответ наш пока можно отложить и продолжение наших работ не ставить в зависимость от него. Предлагаю собраться сегодня же для дальнейших работ, при чем остается открытым вопрос,—соберемся ли мы в пленарном заседании или же устроим предварительное совещание между нашей и Русской делегацией. Опыт прежних заседаний говорит за то, что предварительное расмотрение вопросов чрезвычайно полезно для работ пленарных заседаний. Нет ли возражений?

Иоффе. Обсуждение не в комиссиях, а государства с государством.

Троцкий. Мы присоединяемся к тому, что будет хорошо и полезно, если некоторая часть работ будет исполнена путем отдельных переговоров государства с государством.

Голубович. Мы не можем дать сейчас окончательного ответа, пока мы не обсудим создавшегося для нас, Украинской делегации, положения.

Кюльман. Я предложил бы сегодня, в $5^1/_2$ час., устроить собеседование между двумя государствами, т.-е. между Русской и Германской делегациями. Я, на всякий случай, приведу лишь двух или трех представителей, во избежание громоздкости собрания.

Троцкий. Я понял так, что переговоры будут вестись одновременно г.г. Представителями Германской и Австро-Венгерской делегаций.

Кюльман. Я вполне согласен.

Чернин. Если мой коллега не возражает, я также согласен.

Троцкий. Затем, я, от имени нашей делегации, должен сказать, что и этим подготовительным работам в комиссиях, так же, как и совещаниям государства с государством, мы придаем формальный характер, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Кюльман. С этим я вполне согласен. Если нет возражений, то я объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 1 час. дня.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

10 января 1918 г. (28 декабря 1917 г.).

Заседание открывается в 5 час. 30 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Согласно уговору, состоявшемуся сегодня утром, я хотел бы на этом заседании государства с государством, в котором Русская делегация совещается с делегациями Австро-Венгерской и Германской, прежде всего возбудить практический вопрос о том, как лучше организовать нашу работу.

При обсуждении экономических вопросов, происходившем до рождественского перерыва, в необязательной форме, оказалось, что г.г. Русские делегаты не были в курсе всех экономических вопросов. Они обещали нам либо ознакомиться с этими вопросами, либо, если это окажется нужным, привести с собой специалистов по тем или иным вопросам. Я хотел бы задать г. Председателю Русской делегации вопрос, будет ли Русская делегация в состоянии дать нам исчерпывающие сведения, если мы перейдем к обсуждению экономических вопросов?

Троцкий. Для нас вопросы экономического характера стоят в полной зависимости от улажения основного разногласия, которое возникло между обеими делегациями по вопросу о праве на самоопределение. Мы не думаем, что в экономической области могут встретиться непреодолимые затруднения.

Насколько я осведомлен, наша делегация это выразила в течение предшествовавших заседаний. Мы считали бы нецелесообразным начинать сейчас обсуждение экономических вопросов, пока мы так или иначе не ликвидировали того основного вопроса, который нас сейчас так остро разделяет.

Это—вопрос о судьбе Польши, Литвы, Курляндии и Армении. Отправляясь в Брест-Литовск, мы пригласили с собой только часть делегации, ибо на первом плане стоял для нас вопрос о месте ведения дальнейших переговоров. Теперь мы вызвали дополнительную делегацию, которая будет участвовать в разрешении национальных и политических вопросов, и только благоприятное разрешение этого рода вопросов расчистит путь для постановки и решения вопросов экономического характера.

Кюльман. Я согласен с господином Председателем Русской делегации, что, если это окажется возможным, нам следовало бы, прежде всего, решить трудные национальные вопросы. Я руководствуюсь в своем предложении исключительно желанием не терять времени,

т.-е. по возможности скорее добиться ясности. Не исключена, однако, возможность, что дебаты по национальному вопросу отнимут у нас несколько дней, в виду их важности и большой трудности их разрешения и в виду желания, которое, я полагаю, есть у обеих сторон,—довести их до благополучного конца. Эти работы, согласно предложению, которое мы сейчас обсудим, потребуют присутствия только части делегаций, и я полагал бы целесообразным, чтобы остальная часть делегаций занялась разработкой экономических и правовых вопросов. Если бы мы не пришли к соглашению по политическим вопросам,—тогда, по крайней мере, определенная область уже будет выяснена и разработана, и эти предварительные работы окажутся полезными для всякого мира, а мир ведь, во всяком случае, будет заключен между обеими сторонами. Если же нам удастся притти к соглашению, то окончание всех наших работ значительно ускорится, благодаря тому, что в двух остальных областях, мною затронутых, правовой и экономической, работа будет одновременно подготовлена. Мы можем обождать решения, которое примет Русская делегация по этому вопросу, а затем, я сообщу наши взгляды на наиболее целесообразный способ обсуждения политических вопросов.

Сейчас мы переходим к предполагаемому нами разбору политических вопросов.

В заседании от 27/14-го декабря, подробности которого, конечно, известны вам, господа,—Русская делегация, в лице господина Иоффе, предложила нам формулировку. Мы противопоставили нашу формулировку. После этого, г. Иоффе высказал свой взгляд. Я разрешаю себе огласить самые важные места протокола:

«Мы считаем, что подлинным выражением народной воли может быть сочтено только такое волеизъявление, которое является результатом вполне свободного голосования, при полном отсутствии чужеземных войск в данных областях. Поэтому, мы и настаиваем на нашем предложении более ясной и точной формулировки этих пунктов, но мы согласны с тем, что, в виду технических затруднений при осуществлении такого референдума, как и при определении точного срока эвакуации, необходимо создание специальных комиссий».

По этому поводу я высказал следующее:

«Я констатирую, что по поводу последнего пункта, а именно, о необходимости рассмотрения комиссией этого сложного технического вопроса, существует полное согласие между здесь присутствующими и Русской делегацией. Я предлагаю этот пункт, с которым мы таким образом покончим считать пока рассмотренным и перейти к некоторым другим очередным вопросам».

В непосредственной связи с последним обсуждением этого вопроса, нам следует сейчас разработать вопрос о назначении и составе соответствующих комиссий, о которых было достигнуто соглашение между Русской и Союзническими делегациями. Эта комиссия, по нашему мнению, прежде всего должна будет заняться вопросами, которые обсуждались в заседании от 27/14-го декабря,

Господин Председатель Русской делегации включил в число вопросов, которые он причислил к национальным, также и армянский во-

прос. Армянский вопрос на последних заседаниях, насколько я помню, и насколько это следует из протоколов, не играл существенной роли. Я поэтому предлагаю исключить пока из работ комиссий этот вопрос и ограничиться только темами, затронутыми 27/14-го декабря. При этом, я считаю нужным оговориться, что мы армянский вопрос сможем считать вопросом только тогда, когда будем знать, как его формулирует Русская делегация.

Я руководствуюсь также и тем соображением, которым руководствовался и господин Председатель Русской делегации, когда говорил об экономических вопросах, а именно,—если нам удастся добиться соглашения по остальным вопросам, разрыв переговоров из-за армянского вопроса мне кажется мало вероятным. Мы предполагаем назначить в эту комиссию Председателей Австро-Венгерской и Германской делегаций, по одному специалисту по военным вопросами и по одному дипломатическому сотруднику и секретарю. Я буду признател г. Председателю Русской делегации, если он нам сообщит, согласна ли Русская делегация на такой состав комиссии.

Троцкий. Прежде всего, я считаю своим долгом ответить на вопрос г. Председателя Германской делегации относительно Армении. Этот вопрос не является новым в данной стадии переговоров, так как до рождественского перерыва переговоры велись одновременно и с Турецкой делегацией; в этих переговорах армянский вопрос играл крупнейшую роль. Руководствуясь этими соображениями, я сослался на Армению, в отношении которой были нами выдвинуты те же принципы, как и в отношении областей Российского Государства, пострадавших от настоящей войны.

Что касается комиссии, то я должен сказать, что из постановки этого вопроса г. Председателем Германской делегации мне не совсем ясно,—будет ли эта комиссия носить технический или политический характер. В речи г. Представителя Русской делегации сказано, что мы настаиваем на более ясной и точной формулировке этих пунктов о свободном голосовании, при полном отсутствии чужеземных войск. В тексте говорится:

«В связи с условиями технического осуществления референдума и с определением срока эвакуации».

Таким образом, есть предварительный политический вопрос: «Принципиальная обеспеченность свободного голосования при отсутствии чужеземных войск» и технический вопрос «об осуществлении референдума и о сроках эвакуации войск».

Из заявления г. Председателя Германской делегации можно заключать, что вопрос идет только о технической стороне дела.

Кюльман. Я ни в коем случае не намерен ограничить работу этой комиссии технической стороной дела. Так как политическая сторона вопроса еще недостаточно выяснена, то выяснение ее должно составить первую задачу этой комиссии.

Троцкий. Тогда мне не совсем понятно такое ограничение состава комиссии, особенно, поскольку дело идет о специалистах по данным вопросам. Я считаю более правильным не стеснять ни одной

из делегаций в привлечении такого количества работников, какое эта делегация найдет целесообразным.

Кюльман. Я не буду возражать, если господин Председатель Русской делегации увеличит число членов комиссии. Но мой опыт,—он совпадает, наверно, с опытом других господ делегатов,— учит меня, что, чем меньше в общем комиссия, тем больше она приспособлена к практической работе. Относительно больших комиссий есть опасение, что будут говориться красивые речи, которые очень приятно читать, но работа в таких комиссиях подвигается туго.

Троцкий. Длинные речи можно держать и при небольшом числе членов комиссии. Разумеется, мы все должны принять меры к тому, чтобы, независимо от числа членов, не было слишком длинных речей; но раз г. Председатель Германской делегации не возражает против возможности привлечения компетентных лиц для справок и т. д., то ,мне кажется, мы имеем перед собой именно такую комиссию в составе здесь собравшихся.

Кюльман. С нашей стороны потребовались бы лишь незначительные изменения, чтобы образовать эту комиссию из сегодняшнего нашего состава. Я хотел бы только еще возбудить вопрос, уже ранее затронутый, чтобы, помимо этой главной комиссии, если ее можно так назвать, каждая сторона назначила одно лицо, которое, совместно с представителем другой стороны, в необязательной форме подготовляло бы правовые и экономические вопросы. Если нам удастся преодолеть все эти большие затруднения, мы, при известной подготовленности, могли бы скорее приступить к нашим заключительным работам.

Троцкий. Я позволю себе спросить, идет ли речь о тех экономических и правовых вопросах, которые изложены в 16-ти пунктах проекта, выработанного Германской Австро-Венгерской делегациями?

Кюльман. Я не могу в данную минуту сказать, не возникнет ли еще другие вопросы, помимо содержащихся в этом материале; этот материал, во всяком случае, содержит почти все вопросы, подлежащие нашему обсуждению.

Троцкий. Тогда мы примем меры к тому, чтобы это предложение с нашей стороны получило положительное разрешение.

Кюльман. Следовательно, я могу считать, что по вопросу о составе комиссии мы пришли к соглашению. Мы предоставим г.г. делегатам, которым будет поручена разработка экономических и правовых вопросов, самим сговориться о времени и месте их работ. Мы ограничимся только работой и заседаниями главной политической комиссии. Я полагаю, что лучше всего было бы, не теряя времени, начать с более трудного и назначить завтра утром заседание для обсуждения главных политических вопросов.

Троцкий. Я согласен.

Кюльман. В какое время, господа, вам было бы удобнее— в 10 или 1/2 11-то?

Л. Д. Троцкий.

Троцкий. В 10 часов.

Кюльман. Итак, я прошу г.г. делегатов, принадлежащих к комиссии, собраться здесь в 10 часов.

Заседание закрывается в 6 час. 15 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.)

Заседание открывается в 10 ч. 5 мин. утра под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, мы образуем комиссию, составленную еще до рождественскаго перерыва, для разбора вопросов, связанных с областями, оккупированными войсками Четверного Союза. Вопрос об оккупированных областях занимал обширное место в переговорах до рождественского перерыва, как это и соответствует его важности. Обе точки зрения по этому вопросу были высказаны в этом заседании, как г. Иоффе от имени Русской делегации, так и мною от имени Союзнических делегаций в виде формулированных предложений. Мы и теперь придерживаемся этих предложений, но, в виду решающей важности этих вопросов, мы готовы обсудить их самым подробным образом по пунктам. Я предлагаю в основу нашего обсуждения положить, прежде всего, проект нашей статьи 1-й.

Первое предложение первого пункта вряд ли даст повод для дискуссии, так же, как и второе.

Третье предложение заключает в себе заявление о принципиальной готовности Германии,—статья имеет в виду Германию, но по своему смыслу касается и других Союзных Держав,—оставить занимаемые теперь позиции и очистить занятые русские области, при условии полной взаимности по отношению к Союзницам Германии. Высказанная здесь готовность очистить области обусловливается требованием полной взаимности с русской стороны по отношению к Союзницам Германии. Далее устанавливается тот момент, начиная с которого существует эта готовность очистить области. Это момент заключения мира и демобилизации русских вооруженных сил.

Я просил бы г. Председателя Русской делегации ознакомить нас с его точкой зрения относительно редакции статьи 1-й.

Троцкий. Мы считаем совершенно и безусловно неприемлемыми те предложения противной стороны, которые формулированы в пунктах 1-ом и 2-ом.

Кюльман. Пункт 2-й не подлежит обсуждению. Я прошу г. Председателя высказаться по пункту 1-му.

Троцкий. Я не могу принять предложения г. Председателя, являющегося одновременно и заинтересованной стороной; г. Председатель не может мне предписывать той формы, в которой я излагаю свои мысли.

Кюльман. Значит, г. Председатель Русской делегации отклоняет обсуждение пункта 1-го, как такового?

Троцкий. Нет, я не отклоняю обсуждения, а я отклоняю предложение г. Представителя,—не г. Председателя, а г. Представителя Германской делегации,—положить в основу обсуждения германский проект, ибо есть наш проект, наше предложение, которое является такой же основой обсуждения, и нам необходимо условиться, какая из этих формулировок, или в каком порядке обе эти формулировки будут подвергнуты анализу.

Кюльман. Значит, если я правильно понял г. Председателя Русской делегации, он готов обсудить по пунктам обе формулировки?

Троцкий. После того, как будет установлено, которая из двух формулировок подлежит обсуждению. Этого мы еще не решили.

Кюльман. Какие причины приводит г. Председатель в пользу того, чтобы обсудить сперва предложение Русской делегации?

Троцкий. Я хотел бы знать доводы в пользу принятия предложения Германской делегации.

Кюльман. Немецкая формулировка значительно подробнее. Я не возражаю против обсуждения обоих предложений одновременно, потому что в них разбирается почти один и тот же материал.

Троцкий. Я позволю себе заметить, что, прежде всего, при всякой дискуссии нужно избегать неясности. В данном случае, может создаться впечатление, будто немецкая формулировка соответствует взглядам всех присутствующих; этого нет и быть не может, а, между тем, говорится о том, чтобы предложение Германской делегации было положено в основу обсуждения.

Кюльман. Такое толкование совершенно не соответствует моим намерениям. Я готов, без всяких оговорок, согласиться обсуждать вопросы, высказанные в первых абзацах,—мы называем их статьей 1-й, (Русская делегация поместила свои контр-предложения в первом абзаце)—на основе обоих предложений. Всякий мирный договор, в том числе и настоящий, должен начаться известным вступлением, в котором сказано, что состояние войны кончилось, и что обе стороны намерены впредь жить в мире и дружбе. По этому поводу, я полагаю, обсуждение является излишним.

Троцкий. Я бы осмелился внести предложение исключить вторую фразу, которая, в виду глубоко условного декоративного характера, не отвечает, мне кажется, сухому деловому смыслу документа.

Кюльман. Очень интересно установить, что г. Председатель Русской делегации объяснил от имени делегации, что заявление о решении обоих государств жить впредь в мире и дружбе он считает декоративным. Это чрезвычайно показательно для тех намерений, с которыми Русская делегация приступает к переговорам. А затем,

я хотел спросить г. Председателя Русской делегации, какими именно существительными и прилагательными он хотел бы охарактеризовать будущие отношения между обоими народами, как он их себе представляет?

Троцкий. Я указал на то, что упомянутое предложение представляет собою обычную условную фразу, которая переписывается из документа в документ и никогда не характеризовала сама по себе действительного отношения государств. Я надеюсь и выражаю свою глубокую уверенность в том, что на отношения обоих народов в будущем будут влиять иные и более серьезные факторы, нежели выраженные в этой условной фразе.

Кюльман. Я указываю на то, что это совсем не условное предложение. В тексте нет никакого условия.

Чернин. Я не понимаю, как эта фраза может вызвать малейшее сомнение. Ведь совершенно ясно: целью всякого мира является сожительство в мире и дружбе. Будет ли это достигнуто и каким путем,—это другой вопрос, решить который все-таки можно будет, исходя только из этого основания.

Кюльман. Мой вопрос, какую формулировку предлагает г. Председатель Русской делегации для выражения более серьезных отношений, на которые он рассчитывает, до сих пор остался без ответа.

Троцкий. Я предложил бы просто исключить вторую фразу. Мы в первой фразе констатируем факт прекращения войны. Это есть важное содержательное заявление после трех с половиной лет войны. А в дальнейшем, документ характеризует содержание тех отношений, которые сложатся после прекращения войны.

Если бы понадобилась характеристика отношений, то она могла бы получить более обширный исторический характер. Я бы охотно ее представил, но я сомневаюсь, чтобы она могла войти в рамки формального дипломатического документа.

Кюльман. Если г. Председатель сам того мнения, что его редакция не соответствовала бы рамкам мирного договора, то я полагаю, что вряд ли нужно отнимать еще драгоценное время у комиссии.

Троцкий. В этом заключалось мое предложение.

Кюльман. Ваше предложение гласит: «Оба народа решили впредь жить в мире».

Троцкий. Оба государства.

Кюльман. Обе нации.

Троцкий. Здесь написано: «оба договаривающихся государства».

Кюльман. «Обе нации решили»; поэтому, я и удивляюсь, что Вы так сильно возражаете.

Троцкий. Плохой перевод.

Кюльман. За перевод мы не ответственны. Приемлема ли для Вас редакция: «обе нации»?

Троцкий. Еще более—«оба народа»

Чернин. Редакция—«оба народа» невозможна, потому что в Австро-Венгрии живет очень много народов, которые все надеются жить с Россией в мире и дружбе.

Кюльман. Редакция имела в виду Германию и Россию, потому что договоры будут заключены индивидуально, а потом только соединены.

Чернин. Следовало бы сейчас сговориться и выработать соответственную редакцию, которая подошла бы и для нас, так как редакция «оба народа» для нас не приемлема. В моем проекте говорится: «обе договаривающиеся стороны».

Кюльман. Наш проект для Германско-Русских отношений гласиит: «обе нации».

Чернин. Я ничего не имел бы против того, чтобы сказать: «договаривающиеся стороны».

Троцкий. Обменявшись мнениями по данному вопросу, быть может, не следует задерживаться на редакции этого пункта, а было бы целесообразнее перейти к дальнейшему обсуждению.

Кюльман. Я присоединяюсь. Следующий вопрос, разбирающийся в первых абзацах, это—вопрос об эвакуации. Занятие определенной области есть фактическое состояние, которое возникает во время войны. Германия заявляет свое принципиальное согласие очистить занятые области, на что я уже указал раньше. Это общее заявление поставлено в зависимость от условия. Условие это формулировано, как требование полной взаимности по отношению к ее Союзницам. Взаимность состояла бы только в том, что и Россия заявила бы, что она, с своей стороны, готова очистить области, занятые у наших Союзниц; у нас, слава Богу, Россия ничего не заняла. Российское Правительство согласилось на это, что и выражено в его редакции абзаца, где ясно обещан вывод русских войск из областей Австро-Венгрии, Турции и Персии.

Желает ли г. Председатель Русской делегации сделать предметом обсуждения этот принцип взаимности, как таковой?

Он этого, значит, не желает? Тогда мы можем перейти дальше к вопросу о сроке очищения занятых областей.

Моментом, с которого вступила бы в силу готовность очистить занятые области, является заключение мира с Россией и демобилизация русских вооруженных сил, а именно—окончание демобилизации. Почему выбран именно этот момент,—объяснить очень легко. До тех пор, пока мир не заключен, и русская армия не демобилизована, каждую минуту есть опасность, что русская армия снова предпримет наступательные действия. Это возможно, как вследствие перемены правительственной системы в государстве,—что не один раз имело место во время войны,—так и вследствие перемены курса у нынешнего Российского Правительства.

По вопросу о сроке эвакуации вряд ли требуется обсуждение.

Троцкий. Позвольте мне, прежде всего, внести поправку в первоначальный текст русского предложения—поправку, которая, надеюсь, не встретит возражения ни с чьей стороны. Здесь сказано: «Россия выводит свои войска из занимаемых ею областей Австро-Венгрии, Турции и Персии».

Персидский поверенный в делах в Петрограде обратил мое внимание на то, что здесь Персия ставится как бы в ряду воюющих стран. Между тем, Персия не является ничьей союзницей, так, что никто не может благодарить Бога за то, что оккупирована Персия, а не его земля. Поэтому, я предлагаю слово «Персия» удалить, а в конце фразы сказать: «Россия обязуется вывести в кратчайший срок свои войска из нейтральной Персии».

Кюльман. Мы принимаем это предложение к сведению. Вряд ли нужно сейчас же выяснить наше отношение к нему. Без сомнения, возражения г. Персидского посла, высказанные по поводу предложенной Русской делегацией редакции, имеют свои веские основания. Но, как уже сказано, является затруднительным сейчас же высказаться по важному вопросу. Если предложение Русской делегации будет нам передано в письменной форме, мы выскажемся по поводу него.

Троцкий. Я хотел бы только присовокупить, что у нас нет решительно никаких других соображений в пользу этого изменения, кроме желания отметить ту вопиющую несправедливость, которая была причинена нашим прежним Правительством нейтральной стране.

Кюльман. Я тем более приветствую это заявление, что и Центральные Державы питают к Персидскому народу с его древней культурой самые живые симпатии, и мы желаем только, чтобы Персидский народ в будущем мог свободно и без давления со стороны своих соседей развивать свою национальную культуру.

Троцкий. Мы, с своей стороны, будем приветствовать, если такое же заявление последует со стороны Турции, союзницы Германии.

Кюльман. Я не уполномочен говорить от имени Турции, но я поговорю с нашими турецкими друзьями по вопросу, затронутому г. Председателем Русской делегации, и, не предрешая ответа Турецкого Правительства, я уже сейчас могу обещать, что, если г. Председатель Русской делегации возьмет на себя труд убедить своих английских друзей очистить Персию, тогда ни один турецкий солдат не останется в Персии и лишнего часа.

Троцкий. Я не могу брать на себя обязательства по отношению к тем странам, которые не участвуют в настоящих переговорах. И если бы возник вопрос в такой широкой постановке, то пришлось бы возбудить вопрос и о некоторых других нейтральных странах, напр., о Бельгии.

Кюльман. Я безусловно отклоняю обсуждение этого вопроса. После этой маленькой экскурсии в нейтральные страны, мы снова возвращаемся к обсуждению вопроса об очищении занятых областей.

Троцкий. Я надеюсь, что при этом мы не будем затрагивать вопроса о правительствах, здесь не представленных.

Кюльман. Вопрос возник потому, что г. Председатель Русской делегации при обсуждении вопроса об очищении Персии упомянуло здесь не присутствующем Турецком Правительстве.

Троцкий. Это недоразумение. Я имею в виду не те правительства, которые не представлены в этой комнате, а те правительства, которые не представлены на мирных переговорах.

Кюльман. Так как Персия не представлена здесь и, вообще, не принимает участия в переговорах, то, я думаю, было бы хорошо оставить этот вопрос.

Троцкий. Персия не участница переговоров, а, к несчастью для себя, она лишь объект переговоров.

Кюльман. Я не знаю, как Персидское Правительство отнесется к подобному толкованию. Как уже указано, я хотел бы оставить вопрос о Персии.

Троцкий. Раз здесь затронут вопрос об отношении Персидского Правительства, то я должен напомнить, что Персидское Правительство выразило нам глубокую признательность за то, что, благодаря нашей постановке вопроса, Персия перестает быть объектом переговоров.

Кюльман. Как я уже объяснил, это направление русской политики вполне соответствует нашей политике.

Возвращаясь к самому вопросу об очищении областей, мне кажется установленным, что между нами нет принципиальных разногласий по вопросу о необходимости эвакуации, по вопросу о взаимности, которой мы требуем в данном случае по отношению к Союзникам, и по вопросу о сроке, с которого должно начаться очищение.

Троцкий. По отношению к принципу очищения территорий, как и по отношению к взаимности в очищении территорий, у нас нет и не может быть никаких возражений. Другое дело—относительно срока. Мы считаем, что очищение территорий должно производиться параллельно с демобилизацией, в известной технической зависимости, которая подлежит точному установлению.

Мы понимаем те соображения, которые высказал г. Председатель Германской делегации относительно возможных изменений политических комбинаций. С своей стороны, мы также предвидим возможность изменения правительственной системы. Это в порядке вещей. Но мы считаем, что все эти изменения, благодаря опыту войны, будут содействовать не обострению отношений между народами, а наоборот, все большему и большему устранению опасности новых конфликтов. Мы, думаем, что это ни в каком смысле не может препятствовать установлению параллельности двух процессов: очищения занятых территорий, с одной стороны, и демобилизации—с другой.

Кюльман. Господин Председатель был бы прав,—историческое развитие шло часто так, как он изложил,—если бы и для Германии,

так же, как и для России, заключение этого мира означало бы окончание военного положения. Но, в виду того, что это, как всем известно, не так, то с военной точки зрения несомненно будет правильнее не соглашаться на очищение этих областей до заключения всеобщего мира. Готовность Германии очистить русские области, непосредственно после окончания русской демобилизации, не дожидаясь заключения всеобщего мира, большая уступка, которая была вызвана духом до-рождественских переговоров. Поэтому, я должен заявить, что с нашей стороны по вопросу об установлении срока не может быть допущено изменения.

Чернин. В дополнение к этим замечаниям, я хотел бы еще указать, что все дальнейшее обсуждение облегчится, если Русская делегация признает несомненную правильность того, что между Россией, с одной стороны, и Союзниками, с другой, нельзя провести параллели, потому что Россия после заключения мира вступит в состояние всеобщего мира, в то время, как Союзники, во всяком случае, будут принуждены продолжать оборонительную войну.

Кюльман. Я считаю, что мы окончили обсуждение общих и теоретических вопросов об очищении занятых областей. Сейчас 11 часов. Согласны ли вы, господа, сделать перерыв на 10—15 минут и в 11 час. 15 мин. продолжить заседание.

Троцкий. Я согласен.

Перерыв от 11 час. до 11 час. 15 мин.

Кюльман. Мы продолжим только что прерванное обсуждение. Содержание понятия об очищении областей, формулированное в нашем предложении в статье 1-й, я полагаю уже настолько разобрано, что дальнейшее обсуждение излишне. Мы переходим сейчас к следующему пункту, а именно к вопросу, на какие области должно распространиться очищение, предусмотренное в статье 1-й. Как это вытекает из характера понятия очищения, оно распространяется на все области, занятые во время войны, поскольку для некоторых из них, по особым соображениям, ясно не оговорено исключение.

По существу, оно распространяется поэтому, конечно, только на области, еще составляющие часть территории того государства, с которым заключается мир. На те области, которые к моменту наступления мира уже не составляют части этой государственной территории, оно не распространяется.

Итак, следовало бы обсудить, какие части бывшей русской территории к моменту заключения мира подлежит рассматривать, как относящиеся еще в полном объеме к русской территории. Российское Правительство, согласно своим принципам, провозгласило для всех без исключения народов, живущих в России, право на самоопределение, вплоть до полного отделения.

Мы утверждаем, что в некоторых частях занятых нами областей органы, фактически уполномоченные представлять соответствующие народы, пользуясь правом на самоопределение, высказались уже за отделение от России, и что, по нашему мнению, эти области се-

годня уже не могут рассматриваться, как часть Российского Государства.

Прежде, чем приступить к рассмотрению подробностей, я хотел бы сделать предметом обсуждения это общее теоретическое положение.

Троцкий. Мы не возражаем против этого порядка обсуждения, после того, как мы установили, что в первом пункте нас разделяет только понимание срока очищения оккупированных территорий. Мы сохраняем в полной силе сделанное нами заявление о том, что все народы, населяющие Российское Государство, имеют полную, никаким внешним воздействиям не подверженную свободу самоопределения и, стало быть, свободу полного отделения от России.

Само собой разумеется, что этот принцип должен быть в полном объеме применен и к тем областям, которые подверглись оккупации. Мы не можем, однако, признать применение этого принципа иначе, как по отношению к самим народам, а не к какой-либо привилегированной их части. Мы категорически должны отвергнуть то толкование, которое дал г. Председатель Германской делегации вотумам соответствующих учреждений, которые он назвал «фактически уполномоченными органами». Эти «фактически уполномоченные органы» не могли сослаться на провозглашенные нами принципы, потому что эти принципы имеют чисто демократическую основу, выраженную волей соответствующих народов. Вместе с тем, мы считаем, что воля народа может проявляться свободно только при условии предварительного очищения соответствующих территорий от чужих войск.

Причем, так как относительно соответствующих областей поставлен всем предшествовавшим ходом событий вопрос об их самоопределении, то мы под чужими войсками понимаем одинаково, как оккупационные войска Германии и Австро-Венгрии, так и русские войска, и, стало быть, исключаем возможность введения русских войск после удаления войск Германии и Австро-Венгрии.

Так как оккупация не совпадает, что ясно само собою, с реальными границами соответствующих народов, то мы, с своей стороны, как мы уже неоднократно заявляли, готовы предоставить такое же право на самоопределение и населению областей, смежных с оккупированными областями, при условии, что соответственные учреждения, о характере которых надлежит условиться, признают, что линия, которая должна в общих чертах определить территорию самоопределяющихся народов, проходит за пределами оккупации.

Кюльман. Итак, одним из условий, которые вы ставите для осуществления права на волеизъявление народа, является условие, чтобы этнографическая граница этого народа пролегала вне теперешних границ оккупации?

Троцкий *(говорит по-немецки)*. Я сказал, что границы оккупации Литвы или Курляндии не могут быть смешаны с этнографическими границами на русской территории, и что эти последние должны быть временно установлены органами, достаточно компетентными,—чтобы в будущем эти национальные границы сделать свободными, и чтобы референдум, который мы предлагаем, распро-

странился не только на оккупированные области, но и на всю область данной национальной группы.

— Кюльман. Я не хочу пока останавливаться на вопросе, затронутом г. предыдущим оратором в конце его речи, так как вопрос этот несколько выходит из рамок того, что я хотел сделать, прежде всего, предметом нашего обсуждения.

Мы сейчас находимся в центре обсуждения основного пункта нашего вопроса, а именно: какие требуются предпосылки, чтобы народ, пользуясь своим правом на самоопределение, мог изъявить свою волю на полное отделение. Господин Председатель Русской делегации, по крайней мере implicite[1]), объявил волю Русского народа источником этого права на самоопределение. Это заявление последовало без указаний каких-либо условий или сроков и поэтому создало такое правовое положение, о котором ни в коем случае нельзя утверждать, что действие его распространяется только на отношения внутри Российского Государства; наоборот, очевидно само собой, что им затрагиваются, коренным образом, и международные отношения. К существенным частям права на самоопределение принадлежит, конечно, и возможность определить до известной степени внешнее положение государства, так как это право возникает автоматически. После возникновения народного целого, в момент, когда новое государство высказывает желание завязать международные сношения с государствами, помимо Государства Российского, возникают важные вопросы международного права. Мы на практике пережили такой случай на примере Финляндии, которая объявила себя самостоятельной. Финляндия сейчас же сообщила свое решение завязать международные сношения с государством, не имевшим пока с нею дипломатических связей, и добилась уже широкого признания своей независимости.

Вчера, здесь, в нашем тесном кругу, благодаря многозначительному заявлению Украинской делегации, перед нами встала практически подобная проблема, но гораздо более важная и значительная. Если внимательно разобраться, в чем расходятся во взглядах г. Председатель Русской делегации и Союзнические делегации, то следует сказать, что они разно определяют момент, с которого возникает независимое и дееспособное юридическое лицо нового государства. Согласно нашему пониманию, народ, как целое, возникает и в праве делать имеющие юридически-обязательную силу заявления об основных вопросах своего существования с того момента, когда какой-нибудь представительный орган, опирающийся на широкие массы или черпающий авторитет из своего исторического прошлого, являясь подходящим органом для выражения несомненной воли преобладающего большинства народа,—заявит, пользуясь своим правом на самоопределение, о своем решении быть самостоятельным. Мне кажется, что наше понимание права на самоопределение гораздо более соответствует характеру и фундаментальной важности его, чем то понимание, которое г. Председатель Русской делегации

[1]) Неясно, в общих чертах.

высказал здесь только в общих чертах. Правда, он заявил, что такое волеизъявление должно произойти на демократической основе, но не сказал нам, как должен возникнуть и организоваться тот орган, задача которого взять на себя, в этих, в большинстве своем, еще не сконструировавшихся, но стремящихся к самостоятельности народах, организацию на широких основаниях вотума, являющегося, по мнению г. Председателя Русской делегации, необходимой предпосылкой для возникновения нового государства, как юридического лица. Мне кажется, что это самый существенный и основной вопрос, который надо решить предварительно, потому что выдвинутый г. Председателем Русской делегации на первый план вопрос о степени влияния вооруженных сил на результаты голосования кажется мне подлежащим обсуждению только после рассмотрения вопроса, который мы сейчас разбираем.

Если г. Председателю Русской делегации угодно, то я предложил бы остановиться на только что затронутом вопросе. Этот вопрос гласил бы: когда, по мнению г. Председателя Русской делегации, возникает народ, как единое целое, и каковы, по его мнению, способы волеизъявления у такого вновь возникшего народного целого, при посредстве которого оно могло бы фактически проявить свою волю к самостоятельности и, в частности, к отделению?

Троцкий. Формально г. Председатель Германской делегации совершенно правильно констатировал разногласие, указав, что оно относится к вопросу о том, когда именно на международной арене появляются новые государственные единицы.

Я не могу, однако, согласиться,—и это есть мнение нашего Правительства,—что всякий орган, который застигнут оккупацией на данной территории и который считает себя выразителем данной народности, при чем претензия данного органа опирается, быть может, именно на присутствие здесь чужих войск, действительно может и должен быть нами признан выразителем воли данного народа.

Во всяком случае, поскольку речь идет о государстве, созданном народом, а не о государстве, которое искусственно образуется той или иной могущественной державой сверху,—у каждого органа, претендующего на выражение народной воли, всегда есть возможность дать объективную проверку своих полномочий. И до этой проверки воля данного органа не может рассматриваться иначе, как частное политическое заявление. Пока проверка может и должна состоять в голосовании всего населения, которое считается призванным к самоопределению. Такого рода опрос носит название референдума.

Что касается интересующих нас областей, то на их территории имеются органы, несравненно более компетентные выразить волю народа, но которые до сих пор не имели этой возможности, потому именно, что опирались на самые широкие массы. Таким образом, теорию, которую развил г. Председатель Германской делегации о том, что каждый орган, претендующий на выражение народной воли, призван ее выразить,—эту теорию мы считаем находящейся в коренном противоречии с подлинным принципом самоопреде-

ления, ибо в ту эпоху, когда исторически унаследованные органы выражали свою волю, право самоопределения народов ни в каком смысле еще не было признано. В частности, это касается Финляндии. Здесь мы как раз имеем наиболее удобный пример для иллюстрации нашей мысли: Финляндия не была оккупирована чужими войсками. Воля Финляндского народа выразилась в тех формах, которые могут и должны быть названы демократическими. И с нашей стороны не представляется никаких решительно возражений против того, чтобы осуществилась тотчас же на практике воля народа, выраженная таким демократическим путем.

Что касается Украины, то там такого рода демократическое самоопределение еще не закончилось. Но на Украине нет иностранных войск, а русские войска удалятся с украинской территории и не будут и не могут чинить никаких препятствий к самоопределению Украины. Так как это чисто технический, а не политический вопрос, то мы не видим решительно никаких препятствий к тому, чтобы самоопределение Украинского народа происходило на почве признания независимости Украинской Республики.

Более того, те соображения, какие развил г. Председатель Германской делегации, при нынешнем положении самоопределяющихся народов практически исключают возможность ясного волеизъявления. Они практически неосуществимы, потому, что воля того или другого ландтага может встретиться с выражением воли других частей населения, имеющих свои общественные и политические организации.

И мы не найдем иного критерия для решения конфликта, нежели волю всего населения в целом. Если мы возьмем, например,—я это беру только, как пример,—Ригу, то там старый муниципалитет был смещен новым муниципалитетом, и, следовательно, весь вопрос о воле населения Риги сводится к тому, какое из этих представительств мы будем считать или должны были бы считать действительным выразителем воли городского населения.

А если принять во внимание, что данные области России переживали в момент оккупации процесс глубочайшей демократизации, то, с точки зрения г. Председателя Германской делегации, судьба соответствующих областей зависела бы от того, какого числа и в какой момент оккупационные войска вступили в эти области и какие органы они там застали. Такая постановка вопроса, без всякой принципиальной основы, лишила бы будущие государственные отношения устойчивости.

Мы полагаем, что для того, чтобы во вновь образовавшихся государственных единицах воля народа могла выражаться ясно и определенно, необходимо создание временного органа, который представлял бы наличные в данной стране общественные и политические организации и группировки с достаточной полнотой и который имел бы своей прямой и непосредственной задачей опрос всего населения страны относительно желательных форм управления и будущей его судьбы.

К ю л ь м а н. Я сначала остановлюсь на вопросе, затронутом г. предыдущим оратором в конце его речи, и позволю себе спросить, кто должен создать этот орган, и из какого источника тот, кто создаст

его, будет черпать свои полномочия на это? Кто даст ему право навязывать этим народам референдум, который кажется г. предыдущему оратору идеалом, но который, быть может, не соответствует желаниям и настроениям этого народа?

Троцкий. Я с большим интересом принимаю участие в прениях по этому вопросу, рамки которых раздвигаются при столь любезном содействии г. Председателя Германской делегации. Я должен сказать, что те правовые затруднения, которые здесь выдвигает г. Председатель Германской делегации, остаются, по крайней мере, в такой же силе и при его постановке вопроса, ибо ни одному из ландтагов, если взять этот пример, никто не давал права политически определять судьбу соответствующих областей. И момент, когда тот или другой ландтаг выразил волю к независимому государственному существованию, был моментом нарушения права. Я говорю это не для того, чтобы возражать против таких нарушений права. С нашей стороны Германская делегация разумеется меньше всего может этого ожидать. Вот вопрос для нас чрезвычайно интересный: кто имеет революционное право оборвать правовую преемственность? Мы считаем, что те общественные организации, которые представляют широкие народные массы, имеют гораздо более прав на революционный прием—порвать государственную преемственность и от имени тех слоев населения, на которые они опираются, взять на себя инициативу опроса населения. Если бы оказалось, что народ отвергает референдум,—у народа всегда останется возможность своим голосованием передать полномочия ландтагу.

Я не знаю, однако, в истории примера, чтобы всеобщее избирательное право или референдум оказались навязанными народу извне и не отвечали бы его идеалам, и, если бы только эта опасность стояла перед нами, то я думаю, дело было бы разрешено к общему нашему удовольствию без всяких затруднений.

Кюльман. Г. Председатель Русской делегации, судя по тону его замечаний в начале речи, несогласен с тем, чтобы наше обсуждение получило такую широкую постановку.

Троцкий. Совсем наоборот.

Кюльман. В виду огромной важности вопросов, которые мы разбираем, и в виду большой ответственности, которую возлагает на нас их решение, я считаю нужным обсудить их внимательно и с их теоретической стороны.

На мой вопрос, из какого источника те государства, которые навязали бы соответствующим народам их конституции—к этому практически сводится вопрос—черпали бы на это свои полномочия, г. Председатель Русской делегации ответил, что революция не обязана доказывать свои права. Я полагаю, что и г. Председатель согласен со мной, что революция основывает свои права на силе. Я, однако, пока не хочу стать на эту точку зрения. Раз вопрос переходит в область силы, кончается обсуждение, и начинает проявляться действие силы. Но наша задача состоит как раз в том, чтобы из области силы перейти на почву соглашения.

Троцкий. Я совершенно с этим согласен, и на этом основывается вся моя аргументация,—другими словами, я полагаю, что, если бы те или иные области получили устройство, не соответствующее их воле и навязанное им силой, опирающейся на чисто внешнее давление, созданное внутренне-изжившими себя унаследованными органами,—то у соответствующего населения останется всегда право апелляции к революции.

Но именно поэтому я считаю, что задача переговоров состоит в том, чтобы избавить соответствующее население от очень трудной задачи революционным путем восстанавливать утраченные права. Именно поэтому мы и предлагаем создать такие формы, которые возлагали бы ответственность за тот или иной способ государственного самоопределения на самое население.

Кюльман. Я остановился на источнике права, на которое могли бы опираться предложенные г. предыдущим оратором новые правительства или организации, просто потому, что я выставляю положение, что там, где нет других исторически возникших представительных органов, существующие должны, хотя бы временно, признаваться, как представительства народа.

Я должен отстранить упреки, будто бы эти органы образованы под внешним давлением, или будто бы они под внешним давлением приняли то или иное решение, но я хотел бы, в течение наших дальнейших прений предоставить опровержение обвинений в каждом отдельном случае более подходящему лицу. Я могу следующим образом обобщить в кратких словах сказанное: г. предыдущий оратор предложил создать представительные органы, которым следовало бы поручить организацию и утверждение тех условий, которые мы пока, чисто теоретически, считаем необходимыми для волеизъявленя и народного голосования на более широких основаниях. Мы же стоим и должны остаться на той точке зрения, что, в виду отсутствия других представительных органов, существующие исторически возникшие органы следует считать временно выразителями воли народа, в особенности по жизненному вопросу о стремлении наций к национальной самостоятельности.

Троцкий. Во избежание возможных недоразумений,—на что обращает мое внимание мой коллега и друг Каменев,—я считаю необходимым еще раз заявить то, что само собою вытекает из всей нашей позиции. Из того факта, что народы, о которых идет речь, входили в состав народов Российской Империи, мы не делаем решительно никаких выводов, которые могли бы в какой бы то ни было степени ограничивать или урезывать будущее самоопределение этих народов.

Весь вопрос сводится для нас к тому, чтобы будущее самоопределение фактически стало самоопределением, не ограниченным внешними влияниями.

Вместе с тем, я должен обратить внимание на то обстоятельство, что мы расходимся не только по вопросу о структуре временного органа, но также, и в особенности,—относительно его полномочий. Прежде всего, г. Председатель Германской делегации признает, вместе

с нами, возможность отсутствия на соответствующей территории правомочных органов для выражения народной воли. Он считает необходимым, в виду отсутствия таких органов, признать временно-уполномоченными созданные для других целей органы. Но он тут же немедленно расширяет их полномочия в такой мере, которая не соответствует обстоятельствам дела, вместо того, чтобы признать эти органы вспомогательными при выработке органов, выражающих общенародную волю. Он признает фактическое их существование уже за выражение народной воли.

Мы же суживаем деятельность тех временных учреждений, которые мы считаем необходимыми создать, и предлагаем их задачу видеть только в выявлении наиболее совершенного выражения воли народа.

Что касается протеста против утверждения, будто воля этих ландтагов находилась под давлением извне, то, совершенно не входя сейчас, как г. Председатель Германской делегации, в разрешение вопроса по существу, я считаю, однако, необходимым указать на самую сущность дела, которая не может быть оспариваема, а именно,—что эти органы опираются на очень узкий круг населения, и что их волеизъявление происходило в период пребывания чужеземных войск на данной территории. А к этому сводится для нас сущность вопроса.

Кюльман. Я хотел бы указать на то, что до рождественскаго перерыва Русская делегация была склонна признать наше предложение, согласно которому существующие представительные органы считаются представительствами de facto[1]) и имеют de facto[2]) право считаться выразителями воли народа. Это была одна из причин, которая давала мне основание смотреть на исход наших переговоров оптимистически.

Наши точки зрения, я полагаю, достаточно выяснены сказанным. Я буду рад, если в результате нашего обсуждения и нынешний г. Председатель Русской делегации станет на ту точку зрения, которую готова была признать делегация раньше.

Если бы, вопреки моим надеждам и ожиданиям, это оказалось не так, то я был бы признателен г. Председателю Русской делегации, если бы он сообщил нам в формулированном виде свои предложения, из которых было бы ясно, кто должен создать эти временные органы, в каком отношении они должны находиться к существующим представительным органам, и каков, по его мнению, круг задач этих временных органов управления.

Предпочитает ли г. Председатель Русской делегации ответить сейчас или после перерыва?

Троцкий. По существу?

Кюльман. Я просил, чтобы Русская делегация, если она не согласна стать на точку зрения, к которой склонялась Русская делегация до рождественского перерыва, а именно: признать временно существующие органы управления пригодными для волеизъявления

---

[1]) и [2]) De facto—фактически.

народа,— сообщила нам в краткой формулировке, кто, по ее мнению, должен назначить эти временные органы управления, каково должно быть их отношение к существующим органам, и каковы полномочия этих новых органов.

Троцкий. Что касается рождественского перерыва, который здесь несколько раз упоминался и, будто бы, оказал влияние на перемену во взглядах делегации (мне это кажется не имеющим никакого основания),—что касается этого, то я думаю, что мой коллега, бывший Председатель нашей делегации Иоффе лучше мог бы на это ответить, и сейчас ответит. С своей стороны, я должен сказать, что делегация вернулась к нам в Петроград, до рождественского перерыва, с двумя предложениями, которые отражали всю глубину противоречий между нами и противной стороной.

Иоффе. Я хочу, как бывший председатель Русской делегации, добавить к тому, что сказал нынешний ее Председатель,—и я берусь подтвердить это выдержками из протоколов наших заседаний до рождественского перерыва,—что Русская делегация не оставляла никаких сомнений относительно абсолютной неприемлемости для нее голосования в оккупированных территориях в период занятия их чужеземными войсками; равным образом, уже совершившееся голосование не может быть нами признано, как законное волеизъявление данного народа.

Поэтому, мы именно и настаивали на том, чтобы были приняты обе формулировки, в которых резко подчеркивается разногласие, именно, по этому вопросу.

Кюльман. Слова г. Иоффе не совсем опровергают мое замечание. То, что он сказал, совершенно правильно. Но у меня было впечатление, на которое я не могу сослаться категорически, потому что оно не запротоколировано, что Русская делегация была склонна, до поры до времени, признать существующие органы временными выразителями воли этих народов.

Чернин. Я еще должен дополнить слова моего немецкого товарища. Насколько, наверно, помнят г.г. Каменев и Иоффе,— это, правда, никогда не было занесено в протокол или официально признано решением,—в частных разговорах мы, несомненно, пришли к соглашению, что подобного рода временное решение было бы большим шагом вперед к нашей цели.

Иоффе. Я, конечно, не могу нести ответственность за то впечатление, которое вынесли г.г. Председатели Германской и Австро-Венгерской делегаций. Но я хотел бы еще раз подчеркнуть, что, как в частных разговорах, так и в официальных дебатах никто из нас не оставлял никогда ни малейшего сомнения в том, что предложение пунктов 1-го и 2-го в Австро-Германской редакции ни в коем случае не может быть принято Российским Правительством. Я хотел бы указать на то, что мы постоянно подчеркивали необходимость народного голосования при условии отсутствия оккупационных войск. Быть может, мы в частных разговорах ссылались на то, что в

упомянутых областях нужно провести народное голосование, и что оно могло бы оказать известное влияние на существующие выборные органы.

Кюльман. Это приближается к тому впечатлению, которое вынесли гр. Чернин и я. Я просил бы г. Председателя Русской делегации затем ответить на те вопросы, которые я разрешил себе поставить ему или, если ему будет угодно, ответить после перерыва, который придется сейчас назначить.

Троцкий. Прежде, чем ответить на этот вопрос, я хотел бы сказать два слова. Для нас заявления ландтага могут иметь крупнейшее политическое значение, так как мы отнюдь не исключаем из общей воли народа ту его часть, которая представлена ландтагом. И если бы, даже без оккупации, такого рода ландтаг заявил, что он требует для Литвы и для Курляндии самостоятельного существования, то мы считали бы это достаточным для того, чтобы поставить в порядок дня вопрос о референдуме. В этом смысле, наша позиция по данному вопросу ничем не отличается от той, которую мы занимали до рождественского перерыва.

Что касается поставленных здесь вопросов, то они имеют известное значение, но это, в конце концов, скорей вопросы подчиненные, технические. Мы дадим на них письменный ответ, как только мы его формулируем. Но, предварительно, нам казалось бы необходимым обсудить некоторые принципиальные предпосылки создания такого рода временного органа.

Кюльман. Против этого я не возражаю. Насколько я понял, г. предыдущий оратор указал, что, если бы занятые области,—он имел в виду Курляндию и Литву,—не были оккупированы, то он, со своей стороны, был бы готов признать существующие органы временными учреждениями, имеющими право проводить народное голосование, которое он определил, как референдум. Во избежание каких-либо недоразумений, я буду признателен, если это будет еще раз выражено со всей определенностью.

Троцкий. Для того, чтобы был вообще поставлен вопрос о дальнейшей судьбе того или другого народа, входящего в состав определенного государства, необходимо, чтобы из среды данного народа раздались достаточно авторитетные голоса и заявления, требующие изменения его судьбы. Такие требования могут получить различную форму: в одном случае, это могут быть восстания, как в Ирландии, в Индии, в другом случае,—это могут быть заявления ландтагов, муниципалитетов, земств. И мы рассматривали бы голос ландтага, как выражение стремлений известной влиятельной части народа, точно так же, как заявления, скажем, крестьянских организаций или рабочих профессиональных союзов в тех же областях. Все это дало бы нам возможность заключить, что данный народ недоволен своим государственным строем, и отсюда следовал бы единственный возможный вывод — апеллировать к авторитетному и решающему мнению самого народа в целом, а для этого необходимо было бы

создание такого временного органа, который обеспечивал бы действительно свободное голосование заинтересованного населения.

Кюльман. Полагаю, что мы должны будем прервать заседание. Чтобы не терять времени, я предлагаю собраться сегодня после обеда в ½ 6-го.

Итак, мы встретимся здесь в ½ 6-го.

Заседание закрывается в 1 час 15 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

11 января 1918 г. (29 декабря 1917 г.)

Заседание открывается в 5 час. 33 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Мы были заняты формулировкой нашего отношения к тем органам, задача которых состояла бы в подготовке и осуществлении народного представительства на широких основаниях. Мы высказали по этому поводу нашу точку зрения и ожидаем, что г. Председатель Русской делегации противопоставит свою формулировку и тем самым даст возможность сравнить обе точки зрения.

Троцкий. Дело в том, что другая сторона тоже не представила до настоящего времени определенного предложения, если не считать мнений ландтагов, которые нам также пока не были предъявлены.

Например, относительно бывшего Царства Польского нам не указали до сих пор, какие учреждения там созданы или предполагается создать для выяснения воли населения. И вообще, мне казалось, что наши прения остановились на вопросе о политических предпосылках волеизъявления, а не на его техническом осуществлении. Я именно и указал г. Председателю Германской делегации, что нам необходимо совершенно точно выяснить политические предпосылки опроса населения. Я хотел бы еще раз повторить, что необходимо устранить одно возможное недоразумение, будто бы представители Российской Республики ищут путей и средств искусственно удержать в пределах России интересующие нас в данном случае области.

Это, как я уже однажды заявил, относится, как к оккупированным, так и к неоккупированным частям соответственных областей.

В таком вопросе мы, разумеется, имеем право требовать от другой стороны, чтобы она проверяла наши заявления, в соответствии с общим смыслом нашей политики. Это не есть для нас уступка Германии и Австро-Венгрии. Мы в этом не видим ущерба для нашей страны и для нашего народа. Это есть выполнение той программы, которая должна, наоборот, усилить и укрепить наш народ, нашу страну.

Если бы г.г. Представители другой стороны дали себе труд понять эту нашу позицию, то у них отпали бы многие лишние сомнения и

многие соображения. В то же самое время, в виду того противоречия, которое существует между декларацией Германии и Австро-Венгрии от 25/12-го декабря и между их формулировкой 1-го и 2-го пунктов в условиях от 28/15-го декабря,—в виду этого несомненного противоречия, мы, как и общественное мнение нашей страны, считали бы совершенно необходимым, чтобы Германская и Австро-Венгерская делегации с такою же ясностью и категоричностью, как и мы, определили бы свое отношение к тем государственным единицам, которые могут сложиться в оккупированных областях.

Итак, мы, со своей стороны, заявляем, что из факта бывшей принадлежности оккупированных областей к Российской Империи нынешнее Российское Правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственные и правовые обязательства по отношению к Российской Республике.

Мы обязуемся не принуждать этих областей, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народов. И мы хотели бы знать, могут ли Германская и Австро-Венгерская делегации сделать заявления в этом же смысле, т.-е., что Правительства Германии и Австро-Венгрии настоящим категорически подтверждают отсутствие у них каких бы то ни было притязаний на включение в германскую и австрийскую территории областей бывшей Российской Империи, ныне оккупированных германскими и австро-венгерскими войсками,—на так называемое «исправление границ» за счет этих областей,—что Правительства Германии и Австро-Венгрии заявляют о своем отказе от прямого или косвенного принуждения этих областей к принятию той или иной формы государственного устройства, от ограничения их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения народов.

Что же касается практического и подчиненного вопроса о том, как должен быть сконструирован переходный временный орган, то, как я уже сказал, мы представим точную формулировку этого технического вопроса, при содействии компетентных лиц, прибытия которых мы ожидаем завтра.

Кюльман. Для нас невозможно здесь занять сейчас определенную позицию по всем вопросам, которые затронул в своей речи г. Председатель Русской делегации. Я хотел бы только остановиться на некоторых из них, оставшихся у меня в памяти.

Г. Председатель Русской делегации прежде всего счел нужным отметить противоречие между заявлениями Союзных Правительств от 25/12-го декабря и проектами от 28/15-го декабря. Таких разногласий нет, нет даже в мелочах.

Оба документа, родственные по духу и являющиеся плодом одной и той же политики, выражают ту руководящую линию, которую

провозгласил г. Рейхс-Канцлер, граф Гертлинг, в своей программной речи в Рейхстаге. Эта речь, которую вероятно, читали и в России, содержала в себе принципиальное согласие приступить к мирным переговорам, на основе русской радиотелеграммы; она содержала, таким образом, уже в зародыше принципы, высказанные в декларации от 25/12-го декабря; в ней же содержалось и указание, что Германская Империя намерена определить свое отношение к Польше, Литве и Курляндии, руководствуясь принципом самоопределения народов. Так как оба эти документа являются плодом одной и той же политики, то было бы ошибочно стараться создать между ними противоречие.

Объяснение г. предыдущего оратора относительно причин, определяющих отношение его товарищей к принципу самоопределения, мы выслушали с интересом.

Отношение Союзных Держав к указанным областям освещено, по моему мнению, достаточно полно в течение настоящих переговоров. Никто из нас не думает оказывать каким бы то ни было способом давление на эти страны или навязать им то или другое политическое решение, которое не соответствовало бы их собственным желаниям. В этом отношении политика Центральных Держав вполне совпадает с точкой зрения, высказанной Русской делегацией. Но в то же время, мы не разделяем точки зрения, будто бы эти новые народы не имеют права, посредством договоров, заключенных с иными державами по любым вопросам, устроить свою будущую судьбу, в той форме, которая им покажется целесообразной. Мы стоим на той точке зрения что они уже сейчас правомочны вступать в договоры, которые они считают для себя выгодными и полезными. Если бы в этих договорах были обязательства касательно их территорий, которые г. Председатель Русской делегации назвал «исправлением границ», то непонятно, почему эти области не должны иметь права распоряжаться собою в этих вопросах так же свободно, как и в других. Главное различие между точкой зрения, высказанной г. предыдущим оратором, и тою, которую развивал я, заключается в том, что он рассматривает эти новые государства, как находящиеся еще в промежуточном состоянии, и согласен признать их полное государственное бытие только после волеизъявления народа на широких основаниях; мы же стоим на той точке зрения, что они уже имеют свою государственную жизнь и уже дееспособны в государственном отношении, что, правда, эти государственные органы еще подлежат дальнейшему развитию, и что, по завершении этого процесса, важные решения, принятые в начале их существования, могут быть закреплены и торжественно подтверждены вотумом на более широких основаниях.

Г. предыдущий оратор спросил, какой орган, по нашему мнению, является правомочным для выражения интересов Польши. В пределах своей компетенции, без сомнения, Польское Министерство, на ряду с другими Польскими учреждениями, нужно считать правомочным представлять страну. Именно Польша, о которой заговорил г. предыдущий оратор, является ярким примером того, что, если смотреть

на вещи с практической точки зрения и bona fide [1]), то никто не сможет оспаривать решения населения сделать определенный политический шаг,—в данном случае, создать самостоятельное Польское Государство,—даже и тогда, если этому решению не предшествовало сложное народное голосование. Именно Польша является примером того, каким образом можно создать и развить при подобных обстоятельствах механизм самостоятельной государственной жизни там, где ее еще не было, и если, как это следует ожидать, с течением времени, там возникнут еще и парламентские представительные органы, то тогда Польша будет иметь для проявления своих национальных стремлений аппарат, о котором никто в мире не сможет сказать, что его решения не являются также решениями Польского народа. Я хотел бы узнать от г. Председателя Русской делегации, каково отношение нынешнего Российского Правительства к Польше. Ибо, если мне не изменяет память, некоторые Представители Русской делегации стояли до рождественскаго перерыва на той точке зрения, что независимость Польского народа уже признана и настоящим Российским Правительством.

Троцкий. Я, к сожалению, должен констатировать, что между принципиальной декларацией от 25/12-го декабря и формулировкой тех же пунктов от 28/15-го декабря имеется глубокое противоречие,—противоречие, еще более усуглубляющееся теми разъяснениями, которые дал сегодня г. Председатель Германской делегации.

Не мы одни констатируем это противоречие. Г. Председатель Германской делегации сослался на речь г. Германского Рейхс-Канцлера и высказал совершенно справедливое предположение, что мы следим за германской печатью.

В германской печати почти нет разногласий по вопросу о том, что между декларацией от 25/12-го декабря и постановкой вопроса от 28/15-го декабря имеется глубокое противоречие, с той только разницей, что одна часть германской печати жалеет об этом противоречии, а другая его приветствует, ибо видит в формулировке от 28/15-го декабря отказ от принципов, провозглашенных 25/12-го декабря. Так именно это и было понято общественным мнением нашей страны и нашим Правительством. Я повторяю, те разъяснения, которые сегодня были даны, показывают, что противоречие это гораздо глубже, чем предполагали даже наши крайние пессимисты.

Утверждение г. Председателя Германской делегации, будто бы те народы, о которых идет речь, представляют сейчас государственные единицы, которые могут заключать договоры и соглашения и уступать свою территорию,—является полным и категорическим отрицанием принципа самоопределения.

Если государственные единицы могут уступать свою территорию, то почему представители тех органов, которые уполномочены производить такие действия, не приглашены сюда, в Брест-Литовск для участия в мирных переговорах?

---

[1]) С полным доверием

Здесь было сказано, что возникновение государства связано с его международным самоопределением, с его правом устанавливать те или иные отношения к другим государствам. Если в лице этих новых государств мы имеем уже самостоятельные государственные единицы, то, очевидно, относясь серьезно и bona fide[1]) к принципу самоопределения народов и полагая, что этот принцип уже реализовался в данных областях, Союзнические делегации должны были бы считать себя обязанными предложить прервать наши переговоры до прибытия сюда полномочных представителей упомянутых государств. В действительности, это не было и не будет сделано, потому что перед нами не самодовлеющие участники переговоров, а объекты переговоров, подлежащие разделу и воздействию сверху. На том условном языке, который мы употребляем в таких случаях, это обозначается не словом «самоопределение» народов, а совсем другим выражением; это другое выражение гласит: «аннексия». И мы сейчас, в данной стадии переговоров, находимся в таком положении, как если бы мы строили сложные леса вокруг какого-то здания, а затем оказалось бы, что никакого здания нет. Можно строить мирные переговоры на разных принципах,—на принципе самоопределения и на принципе аннексий.

И то и другое имеет свое оправдание. Но то или другое должно быть принято по существу, серьезно. Мы не признаем таких принципов, которые служат только для прикрытия противоречащего им содержания.

Мы—революционеры, но мы и реалисты, и мы предпочитаем прямо говорить об аннексиях, нежели говорить, подменивая подлинное название псевдонимом.

Именно, в отношении к польской независимости, которую мы менее всего склонны оспаривать, мы видим, как создаются правительства или министерства, по принципу, который вряд ли может показаться удовлетворительным самым консервативным политикам любой страны. Мы признаем право Польского народа распоряжаться своей судьбой, мы первые будем приветствовать исправление величайших исторических преступлений по отношению к Польскому народу, но мы не можем признать, что те или другие территориальные комбинации нынешнего Польского Министерства, здесь не представленного, являются действительным волеизъявлением Польского народа.

Я думаю, что этим достаточно ярко освещается вся глубина противоречия между двумя сторонами.

Мы защищаем не владения России,—мы отстаиваем права отдельных народностей на свободное историческое существование. И мы никогда, ни в коем случае, не согласимся признать, что все те решения, которые принимаются и, быть может, уже приняты или будут приняты в ближайшее время, под контролем германских оккупационных властей, через посредство органов, созданных оккупационными властями, или при их содействии, или произвольно признанные, в на-

[1]) С полным доверием.

честве полномочных органов,—что эти решения являются подлинной волею этих народностей и могут определять их историческую судьбу.

Кюльман. Мне трудно будет ответить г. предыдущему оратору по всем пунктам его пространных объяснений, если у меня не будет в руках их текста.

Г. предыдущий оратор, в подтверждение своего мнения, ссылался на заявления германской печати.

Завидую ему, что ему удалось найти в германской печати такое единодушие, хотя бы по одному из мелких вопросов. Но ошибочная точка зрения еще не делается правильнее от того, что она высказывается печатью.

Я совсем не хочу отнимать у кого бы то ни было права усмотреть для себя лично разногласие между заявлениями от 25/12-го и 28/15-го декабря, но тем настойчивее я должен подчеркнуть, что обе эти декларации являются результатом одной и той же политики, и что между ними нет, конечно, никакого принципиального противоречия.

Г. предыдущий оратор жаловался на то, что в переговорах не участвуют еще представители тех народов, о которых идет речь. Если он этим хотел сказать, что, и по его мнению, эти народы, как государственные единицы, уже существуют и правомочны в своих международных сношениях, то я охотно согласен поставить на обсуждение вопрос,—но при непременном признании со стороны Русской делегации этой предпосылки—об участии их в переговорах. Я с интересом выслушал бы объяснения г. Председателя Русской делегации по этому вопросу.

Что касается выработки наших предложений, то я полагаю, что это наше и только наше дело построить их, соответственно нашим принципам и целям, и я должен настаивать на том, чтобы их толковали именно в том смысле, в каком эти предложения делались.

Мне интересно было услышать, что Русская делегация, правда, признает Польшу, но одновременно отрицает за Польским Министерством право говорить от имени Польского народа. Критика г. предыдущего оратора была бы неправильной и в том случае, если бы образование Польского Государства протекало в условиях мирного существования. Но она вдвойне неправильна по отношению к стране, которая до сих пор была тылом мировой войны. И мы хотим поддержать в полной мере право на самоопределение тех народов, которые нас в особенности интересуют. Если же г.г. делегаты противной стороны смотрят на дело так, что хотят осчастливить эти народы благами той формы государственности, которую они вчера объявили здесь единственно правильной, тогда, конечно, я должен установить, что мы ни в коем случае не можем итти по пути этой политики.

Чернин. Я должен констатировать, что разъяснения г. Председателя Русской делегации в достаточной мере освещают его отношение к нам.

Г. Председатель Русской делегации высказал пожелание, чтобы

здесь присутствовали представители оккупированных областей, и, в то же самое время, заметил, что это пожелание неосуществимо.

Мой немецкий коллега сейчас же на это ответил, что он согласен ближе подойти к этому вопросу, потому что у нас нет никакого основания отклонить такое пожелание a limine[1]).

Но если г. Председатель Русской делегации в то же самое время объявляет существующие в этих областях органы неправомочными говорить от имени этих народов, то я очень хотел бы знать, каким образом вообще произвести выборы этих представителей, так как трудно ведь, например, произвести польский плебисцит здесь, в Брест-Литовске.

Троцкий. Я не думаю, чтобы в той плоскости, в которой сейчас поставлен вопрос, дальнейшие прения были очень плодотворны. Я просил бы, в виду чрезвычайно важных заявлений, сделанных г. Председателем Германской делегации, назначить перерыв нашего заседания, чтобы дать возможность Русской делегации устроить совещание и, если возможно, снестись с нашим Правительством.

Кюльман. В таком случае, я прерываю заседание и назначаю продолжение его на завтра, в 11 часов утра.

Заседание закрывается в 6 час. 42 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

12 января 1918 г. (30 декабря 1917 г.).

Заседание открывается в 11 час. 40 мин. утра под председательством графа Чернина.

Чернин. Милостивые Государи! На пленарном заседании от 10-го января (28-го декабря) г. Статс-секретарь по иностранным делам Украинской Народной Республики предъявил делегациям Четверного Союза ноту Генерального Секретариата Украинской Народной Республики от 24/11 декабря 1917 года за № 726. В пункте 7-м этой ноты содержалось заявление, что Украинская Народная Республика, представленная Генеральным Секретариатом, самостоятельно выступает в международных делах, и что она намерена так же, как и все другие державы, участвовать во всех мирных переговорах, конференциях и конгрессах.

В ответ на эту ноту, от имени делегаций Четверного Союза, я имею честь заявить нижеследующее:

Мы признаем Украинскую делегацию, как делегацию самостоятельную и как полномочное представительство самостоятельной Украинской Народной Республики. Формальное же признание со стороны Четверного Союза Украинской Народной Республики, как самостоятельного государства, найдет свое выражение в мирном договоре.

Не желает ли кто-нибудь высказаться по этому вопросу?

---

[1]) a limine—до предела.

Троцкий. В связи с вопросом, ответ на который дан в только что оглашенном заявлении делегации Четверного Союза, я считаю необходимым, в целях информации и устранения возможных недоразумений, сделать следующее заявление:

Те разногласия, которые происходили между Российским Правительством и Генеральным Секретариатом, и фактическая сторона которых, в большей или меньшей степени, известна г.г. присутствующим, не имели и не имеют никакого отношения к праву на самоопределение Украинского народа, а были вызваны лишь противоречиями между политикой Совета Народных Комиссаров и Генерального Секретариата, противоречиями, которые находят свое выражение, как на территории Украины, так и за ее пределами.

Что же касается совершающегося на деле самоопределения Украины в Народную Республику, то этот процесс не давал и не может дать места никаким разногласиям между двумя братскими республиками.

Принимая во внимание, что на Украине нет оккупационных войск, что политическая жизнь слагается там в условиях полной свободы, что там нет ни средневековых сословных органов, которые претендовали бы на представительство страны, ни назначенных сверху, по праву силы, фиктивных министерств, действующих в тех пределах, в каких им это диктуется сверху; принимая во внимание, что на территории Украины действуют повсеместно свободно избранные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, и что при выборах во все органы самоуправления применяется принцип всеобщего равного, прямого и тайного голосования,—нет и не может быть никаких сомнений в том, что процесс самоопределения Украины завершится в тех географических пределах и в тех государственных формах, какие отвечают подлинной воле Украинского народа.

В виду всего этого, Русская делегация, согласно своему заявлению в заседании от 10-го января (28-го декабря), не видит никаких препятствий к самостоятельному участию делегации Генерального Секретариата в мирных переговорах.

Чернин. Я прошу г. Председателя Русской делегации присоединить этот документ к актам сегодняшнего заседания. Не желает ли кто-нибудь высказаться по этому вопросу?

Голубович. Милостивые Государи! заслушав ответную декларацию держав Четверного Союза на ноту Генерального Секретариата, мы считаем ее достаточной для нашего участия в дальнейших мирных переговорах.

Чернин. Мы исчерпали этот пункт порядка дня, слова просит генерал Гофман.

Гофман. Из ответа, который дал г. Председатель Петроградской делегации на заявленный мною протест, я усматриваю, что он, очевидно, не понял, почему я заявил в своем протесте, что упомянутые радиотелеграммы и заявления противоречат духу договора о перемирии. В первых строках договора о перемирии стоят слова: «для

достижения длительного мира». Русская пропаганда нарушает это условие, потому что она добивается не длительного мира, а желает разжечь революцию и гражданскую войну в нашей стране.

Троцкий. Я попрежнему считаю односторонним толкование которое дает фактам генерал Гофман. В настоящее время, в Россию имеет свободный доступ вся германская печать. Некоторые из органов этой печати, и притом самые влиятельные официальные и официозные органы, рассматриваются общественным мнением русских реакционных кругов, как прямая политическая поддержка их позиции.

И многим из русских контр-революционеров представляется, на основании правильно или неправильно понимаемых ими органов германской печати, что Николая Романова, нашего бывшего царя, следовало бы перевести из Тобольска в Петроград, а мы должны были бы занять его место. Мы, с своей стороны, с этим решительно не согласны. Тем не менее, мы не считаем возможным требовать ограничения свободы германской печати, в том числе и той, которая поддерживает взгляды генерала Гофмана.

Несомненно, что поддержка, получаемая нашими реакционными кругами в определенной линии поведения и в определенных заявлениях германских официальных кругов, содействует нашей гражданской войне, в том направлении, которое возглавляется сторонниками старого режима.

Тем не менее, мы не считаем возможным связывать этот вопрос ни с условиями перемирия, ни с ходом мирных переговоров. Мимоходом, я считаю нелишним заметить, что, подобно тому, как генерал Гофман представляет здесь не только Правительство Берлина, но, насколько я знаю, и—Дрездена и Мюнхена, точно также мы имеем отношение не только к Петрограду, но и к Москве и к некоторым другим городам.

Гофман. Я хотел внести поправку в последнюю фразу г. предыдущего оратора. Я не являюсь здесь представителем того или иного правительства, а представляю Германскую Армию. Относительно заявлений общего характера г. Председателя Русской делегации я хотел бы сказать следующее: я опять должен констатировать, что г. Председатель Русской делегации меня не понял. Я не говорил о «печати». Понятно, что ни мы, ни Русская делегация не можем иметь влияния на то, что болтает печать обеих сторон. Мой протест касался и касается официальных заявлений Российского Правительства и официальной пропаганды за подписью Верховного Главнокомандующего Крыленко. Я не думаю, что г. Председатель Русской делегации может указать воззвания или заявления подобного же характера, которое носило бы подпись Главнокомандующего Восточным фронтом или Статс-секретаря по иностранным делам.

Троцкий. Я очень сожалею, что мне не удается, как повторил генерал Гофман, понять его позицию в этом вопросе. Это объясняется, по-моему, глубоким различием исходных точек зрения. Различие это, я вынужден это сказать, запечатлено судебным приговором

по моему адресу во время войны. Подробности можно найти в анналах—я точно не помню—Лейпцигского или Штуттгартского суда.

Во всяком случае, я должен совершенно определенно заявить, что ни условия перемирия, ни возможные условия мирного договора не заключают в себе и не могут заключать каких-либо ограничений для заявлений, выражения мнений и для пропаганды граждан Российской Республики или ее правящих либо руководящих кругов.

Кюльман *(обращаясь к генералу Гофману)*. Вам угодно?

Гофман. Нет, довольно.

Кюльман. Я хотел бы только указать по поводу слов г. предыдущего оратора, что невмешательство во внутренние дела России есть основной принцип Германского Правительства, но что такого рода принципы могут существовать только на основе полной взаимности.

Троцкий. Так как партия, к которой я принадлежу, и другие партии, которые представлены в нашем Правительстве, имеют глубоко интернациональный характер, то мы считали бы только шагом вперед, если бы и Германское Правительство, в тех пределах, в каких это делаем мы, сочло возможным или необходимым открыто и чистосердечно высказывать свои суждения о внутреннем положении дел в России, во всех тех формах, в каких оно это найдет нужным и целесообразным.

Чернин. Порядок дня исчерпан, если никто не желает высказаться.

Заседание закрывается в 12 ч. 10 м.

Заседание Русской, Украинской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

12 января 1918 г. (30 декабря 1917 г.).

Заседание открывается в 4 часа дня под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Мы, господа, продолжаем сейчас прерванные в прошлый раз переговоры.

Слово принадлежит графу Чернину.

Чернин. Я хотел бы, господа, вернуться к одному из вопросов, на котором г. Статс-секретарь фон-Кюльман уже останавливался в прошлых заседаниях.

Господин Статс-секретарь недавно предложил, одновременно с этой комиссией, создать комиссию для выяснения правовых и экономических вопросов. Я снова останавливаюсь на этом предложении, потому что оно имеет большие преимущества и, в то же время, не имеет недостатков.

Для меня возможны только два решения:

Либо мы придем к определенным результатам,—и тогда предварительные работы дадут нам громадные преимущества, ибо, благодаря им, облегчится решение общих вопросов,—либо мы не придем ни к какому результату, и переговоры оборвутся; тогда работы этих комиссий будут излишними. Но в этом нет особенной беды. Они оказались бы тогда излишними, как и вся наша работа. Я был бы очень признателен г. Председателю Русской делегации, если бы он мне ответил, согласен ли он с моим предложением?

Троцкий. Я уже в прошлый раз сказал, что мы всецело присоединяемся к этому предложению, и сегодня вечером мы ожидаем прибытия лиц, необходимых нам для этого рода работ. Как я уже объяснял, запоздание было вызвано тем, что мы явились сюда в ограниченном составе, предполагая перенести работы в другое место.

Чернин. Благодарю г. Председателя за разъяснения, которые меня вполне удовлетворяют.

Кюльман. Прошу г.г. присутствующих принять участие в дальнейшем рассмотрении тех пунктов, которые занимали нас вчера.

Многое, например, вопросы, затронутые в нашей ст. 1-й, уже выяснено, и мы пришли к соглашению по всем пунктам, за исключением одного пункта. Главный вопрос также отчасти выяснен, но, по-моему, следовало бы продолжить обсуждение для большей ясности.

Сущность вопроса такова, что нельзя избежать чисто теоретических рассуждений. Однако, поскольку это будет зависеть от меня, мы не задержимся на отвлеченностях. Нам всегда надо иметь в виду практические и политические цели наших переговоров.

Вчера наши прения, главным образом, вращались вокруг того вопроса, с какого момента возникает юридическое лицо государства, и посредством каких органов новый государственный организм может выразить свою волю, в формах, обязательных для международных сношений.

Мы, прежде всего, заявили, что народы, живущие на прежней западной границе Российского Государства, уже выразили в убедительной для нас форме свое желание быть самостоятельными.

Отвечая на вопрос, поднятый г. Председателем Русской делегации, мы высказали мнение, что мысль об участии этих новых государств в мирных переговорах приемлема.

Но Русская делегация до сих пор еще не объяснила нам, существуют ли уже, по ее мнению, эти государства, как юридические лица, или,—повторяя выражение г. Председателя Русской делегации,—могут ли эти народы участвовать в конференции, или же следует их и впредь считать только объектами дипломатического искусства.

Наша точка зрения в продолжение дебатов уже достаточно выяснилась. Однако, я очень желал бы получить от Русской делегации ответ, не оставляющий никаких сомнений.

Каменев. Последние прения обнаружили разногласия, могущие приобрести чрезвычайное значение. Во время перерыва мы подвергли эти прения подробному анализу и пришли к убеждению, что, во избежание каких-либо недоразумений и нежелательных осложнений, необходимо несколько изменить метод наших работ.

Мы поэтому позволим себе внести следующее предложение относительно дальнейшего хода занятий в комиссиях:

После того, как на двух заседаниях вопрос о судьбе оккупированных областей подвергся теоретическому обсуждению,—Русская делегация считает совершенно необходимым, чтобы обе стороны представили в письменном виде резюме высказанных во время прений взглядов—для того, чтобы правительства и общественные круги имели перед собой точную формулировку и могли дать себе ясный отчет, как в принципиальных исходных позициях, так и в практических предложениях обеих сторон.

В связи с этим, Русская делегация заявляет по поводу статьи 2-й Германского предложения от 28/15-го декабря 1917 года, что она не может почитать выражением воли населения оккупированных областей, о которых идет речь в указанной статье,—заявлений, сделанных теми или другими общественными группами и учреждениями, поскольку эти заявления последовали при режиме чужеземной оккупации и исходили от органов, не только не получивших своих прав при народном избрании, но и вообще прозябающих в пределах, в которых это не противоречит планам оккупационных военных властей.

Делегация констатирует, что за время оккупации нигде,—ни в Польше, ни в Литве, ни в Курляндии,—не создано и не могло быть создано и не существует какого-либо демократически избранного органа, который с наималейшим правом мог бы претендовать на роль выразителя воли широких кругов населения.

Сказанное относится к формальной стороне дела, т.-е. к признанию или непризнанию указанных органов уполномоченными представителями народной воли.

Что же касается самой сущности заявлений о стремлении к полной государственной самостоятельности, заявлений, на которые ссылается статья 2-я Германского предложения,—то Русская делегация считает своим долгом заявить:

1) Из факта принадлежности оккупированных областей к составу бывшей Российской Империи—Российское Правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственно-правовые обязательства по отношению к Российской Республике.

Старые границы бывшей Российской Империи, границы, созданные насилием и преступлениями против народов и, в частности, против народа Польского,—пали вместе с царизмом.

Новые границы братского союза народов Российской Республики и народов, которые пожелают выйти из ее пределов, должны быть определены свободным решением соответствующих народов.

2) Поэтому, Российское Правительство считает основной задачей

ведущихся переговоров не отстаивание каким-либо образом дальнейшего насильственного причисления указанных областей к пределам Российского Государства,—но лишь обеспечение этим областям действительной свободы самоопределения по вопросам внутреннего государственного устройства и международного положения.

Только тогда Российская Республика будет чувствовать себя гарантированной от попыток втянуть ее вновь в какие-либо территориальные споры и конфликты, когда она будет уверена, что граница, отделяющая ее от соседних областей, определена свободной волей самих народов, живущих на этих границах, а не односторонним насилием, способным лишь временно подавить эту волю.

3) Понимаемая так задача предполагает предварительное соглашение Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и России,—с другой, по четырем главнейшим пунктам:

I. Относительно объема территорий, население которых будет призвано воспользоваться правом на самоопределение.

II. Относительно общих политических предпосылок, при которых должно произойти решение вопроса о государственной судьбе соответствующих территорий и наций.

III. Относительно того временного переходного режима, который должен быть установлен вплоть до окончательного государственного конструирования этих областей.

IV. Относительно тех способов и форм, в которых население этих областей будет призвано выразить свою волю.

Совокупность ответов на эти вопросы и представит те статьи мирного договора, которые должны занять место статьи 2-й Германского предложения от 28/15-го декабря 1917 года.

Русская делегация, со своей стороны, указывает на возможность следующего решения этих вопросов:

К п. I) Территория.

Право на самоопределение принадлежит нациям, а не только частям их, находящимся в оккупированной зоне, которая имеется в виду в статье 2-й Германского предложения от 28/15-го декабря 1917 г.

В виду этого, Российское Правительство по собственной инициативе предоставляет возможность одновременно воспользоваться правом на самоопределение и тем частям указанных наций, которые оказались вне оккупированной зоны.

Россия обязуется не принуждать эти области, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей.

Правительства Германии и Австро-Венгрии, в свою очередь, категорически подтверждают отсутствие у них каких бы то ни было притязаний на включение в германскую или австро-венгерскую территорию областей бывшей Российской Империи, ныне оккупированных германскими или австро-венгерскими войсками, или на так называемое

«исправление границ» за счет этих областей, а, равным образом,—обязуется не принуждать эти области, ни прямо, ни косвенно, к принятию той или иной формы государственного устройства, не стеснять их самостоятельности какими бы то ни было таможенными или военными конвенциями, заключенными до окончательного конструирования этих областей на основе политического самоопределения населяющих их народностей.

К п. II) Решение вопроса о будущей судьбе самоопределяющихся областей должно происходить в условиях полной политической свободы и отсутствия какого-либо внешнего давления.

Поэтому, голосование должно производиться после вывода из этих областей чужеземных войск и возвращения на родину беженцев и выселенцев. Срок окончательного вывода войск устанавливается особой комиссией, в соответствии с состоянием транспортных, продовольственных и прочих, находящихся в связи с условиями незаконченной мировой войны обстоятельств.

Охрана порядка и прав самоопределяющихся областей принадлежит национальным войскам и местной милиции.

Предоставляется полная свобода и материальная возможность возвращения на родину беженцам, а также принудительно выселенным с начала войны жителям данной области.

К п. III) С момента подписания мира и вплоть до окончательного государственного конструирования указанных областей, внутреннее управление в их пределах, заведывание местными делами, финансами и проч. переходит в руки временного органа, составленного путем соглашения политических партий, обнаруживших свою жизнеспособность в среде данного народа, как до—так и во время войны.

Основной задачей этих временных представительных органов народа, на ряду с поддержанием нормального течения общественной и хозяйственной жизни, должна явиться организация дальнейшего опроса населения.

К п. IV) Окончательное решение о государственном положении упомянутых областей и о форме их внутреннего государственного устройства устанавливатся путем всенародного референдума.

В целях ускорения работ мирной конференции, Русская делегация полагала бы чрезвычайно важным получить от Германской делегации вполне точный ответ по всем вопросам, поставленным в настоящем заявлении.

Что касается остальных вопросов,—то они могли бы быть разобраны в связи с решением этих основных пунктов.

Гофман. Я должен, прежде всего, протестовать против тона этих заявлений. Русская делегация заговорила так, как будто бы она представляет собой победителя, вошедшего в нашу страну. Я хотел бы указать на то, что факты как-раз противоречат этому: победоносные германские войска находятся на русской территории. Я хотел бы дальше указать, что Русская делегация требует признания права на самоопределение в такой форме и в таком объеме, в каковых ее Правительство не признает этого права в собственной стране.

Ее Правительство основывается исключительно на насилии, по-

средством которого оно подавляет всякого инакомыслящего. Всякий инакомыслящий просто объявляется контр-революционером и буржуа, стоящим вне закона.

Я хотел бы это свое мнение иллюстрировать только двумя примерами. В ночь с 30-го на 31-е декабря, первый Белорусский Конгресс в Минске, который хотел настоять на праве самоопределения Белорусского народа, был разогнан большевиками посредством штыков и пулеметов.

Когда Украинцы потребовали себе права на самоопределение,— Петроградское Правительство поставило ультиматум и попробовало настоять на своем посредством вооруженной силы.

Насколько это видно из радиотелеграмм, лежащих сейчас передо мной, гражданская война еще не кончилась. Вот какое проявление получает принцип самоопределения народов у большевистского Правительства на практике.

Поэтому, Германское Верховное Командование считает нужным отклонить вмешательство в дела оккупированных областей.

Для нас очевидно, что народы оккупированных областей уже заявили о своем желании отделиться от России в ясной и не оставляющей никакого сомнения форме. Как на самые важные решения этих народов, я хотел бы указать на следующие:

21-го сентября 1917 года Курляндское Народное Собрание, которое совершенно определенно называет себя представительством всего Курляндского народа, обратилось за защитой к Германской Империи.

11-го декабря 1917 года Литовский Ландрат, который был признан литовцами, как внутри страны, так и за границей, единственным правомочным органом Литовского народа, объявил о полном разрыве всех государственных связей, которые у него когда-либо существовали с другими государствами.

24-го декабря 1917 года Городское Управление города Риги высказало подобное же пожелание по отношению к Германской Империи. К этому предложению присоединились и Купеческая Управа г. Риги, Большая Гильдия, представители сельского населения, так же, как и 60 обществ города Риги.

В декабре 1917 г., наконец, и представители дворянства, сельских, городских и церковных обществ островов Эзеля, Даго и Моона во многих заявлениях отказались от до сих пор существовавших государственных связей.

Равным образом, и из технически-административных соображений Верховное Германское Командование должно отклонить очищение Курляндии, Литвы, Риги и островов Рижского залива. Все эти области не обладают органами управления, не имеют судов и органов судебной защиты, не имеют железных дорог, телеграфа и почты. Все это создано Германией и управляется Германией.

Равным образом, в ближайшем будущем эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию из-за отсутствия соответствующих органов, которые могли бы создать все это.

Кюльман. Я должен указать, что подробный ответ по всем пунктам прочитанной декларации сейчас невозможен. Я оставляю за собой право на такой ответ в будущем, но я хотел бы выразить только свое личное мнение, сказав, что предложенный Русской делегацией способ ведения переговоров, посредством взаимного обмена письменными текстами предложений, не приведет к ускорению переговоров, в особенности, если эти письменные формулировки будут подобны предложенной нам сегодня.

Сегодняшнее заседание дает мало оснований надеяться на благополучный исход переговоров и смотреть оптимистически на их конечные результаты.

Я, лично, того мнения, что было бы более целесообразно продолжать наши переговоры, в начатой вчера форме, пока не будет разобран весь материал, подлежащий обсуждению.

Потом, после подробного устного обсуждения, если бы это оказалось необходимым,— следовало бы зафиксировать в письменной форме результаты этих обсуждений. Но, в виду того, что Русская делегация, в соответствии с сегодняшним своим предложением, стала на другую точку зрения,—я предлагаю прервать заседание, чтобы дать нам возможность обсудить с нашими Союзниками создавшееся положение.

Троцкий. Само собой разумеется, что в наши намерения никоим образом не входит затруднять технику переговоров. Если бы противная сторона считала, что для предъявления точных формулировок не настал еще час, то наше предложение осталось бы—как проект для дебатов, и мы сохранили бы за собой право в процессе дальнейших прений возвращаться к нашим предложениям в целом и в частностях, отнюдь не пытаясь навязать другой стороне аналогичных способов обсуждения вопроса.

Кюльман. Я не могу принять этого предложения.

При публичности наших переговоров, была бы крайне нежелательна наличность письменных, точно формулированных предложений с одной стороны, которым с другой стороны не была бы противопоставлена подобная же точная формулировка.

Поэтому, я придерживаюсь и далее той точки зрения, что прежде, чем высказаться относительно создавшегося положения, нужно обсудить его совместно с нашими Союзниками. Я предлагаю закрыть заседание.

Заседание закрывается в 5 ч. 13 м. веч.

Л. Б. Каменев.

Делегаты отправляются на заседание.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

14/1 января 1918 года.

Заседание открывается под председательством фон-Кюльмана в 5 час. 8 мин. пополудни.

Кюльман. Господа, я открываю сегодняшнее заседание.

К замечаниям, сделанным мною во время последнего заседания, я хотел бы, прежде всего, присовокупить, что Правительства Союзных Держав пришли, после обсуждения, к решению ответить устно на формулированные предложения Русской делегации и также в формулированном виде.

Но я хотел бы еще раз подчеркнуть, что считаю способ, при котором делегации обмениваются формулированными письменно заявлениями, очень длительным и мало способствующим благополучному исходу переговоров.

Если мы здесь ведем переговоры,—я хотел бы остаться при этом мнении, пока мне не будет доказано противное,—то мы делаем это для того, чтобы фактически достигнуть мирного соглашения; поэтому, я настоятельно предлагаю в будущем придерживаться иных методов, нежели до сих пор.

Я хотел бы предложить, чтобы мы, как это всегда делается при подобных переговорах, обсудили весь материал, и, после такого обсуждения, каждая сторона поручила бы одному лицу редакцию, потом оба лица, в качестве редакционной комиссии, постарались бы совместно выработать, насколько это возможно, общую редакцию; в случае, если бы это им не удалось,—формулировали бы разные точки зрения и письменно зафиксировали бы их. Таким образом, мы, при известных условиях, могли бы ускорить работу. При другом методе, я полагаю, мы только потеряем время.

Вчера мы не назначили заседания, чтобы выгадать время для обсуждения и разработки ответа.

Кроме того, мне кажется, что подчеркивание разногласий обеих сторон не облегчает работу нашей специальной комиссии, а, наоборот, осложняет ее.

Ответ Союзных Держав по существу на формулированные предложения Русской делегации, сделанные на-днях, любезно согласился прочесть г. фон-Визнер, так как граф Чернин, к сожалению, по болезни лишен возможности это сделать.

Визнер. Ответ наш гласит: «Предъявленные Германской и Австро-Венгерской делегациям предложения Русской делегации относительно будущего оккупированных Центральными Державами областей России,—настолько расходятся со взглядами Союзных Держав, что в предложенной формулировке их следует считать неприемлемыми.

Не касаясь более подробно оценки внешней формы этих предложений, нельзя не заметить, что они далеко не носят того компромис-

сного характера, к которому стремятся Центральные Державы, но скорее являются требованием с Русской стороны, требованием, в котором отсутствует желание считаться даже и со справедливыми доводами противной стороны.

Тем не менее, Германская и Австро-Венгерская делегации согласны еще раз, и на этот раз в формулированном виде, высказать свои взгляды на обсуждаемые вопросы и еще раз попытаться узнать, есть ли надежда на компромисс, которого они добиваются.

В статье 1-й Германского проекта говорилось о части занятых Союзниками областей. Этот вопрос уже достаточно обсуждался, а посему не нуждается в дальнейшем рассмотрении.

Вопрос относительно занятых Союзниками в настоящее время областей, живущих собственной государственной жизнью, следовало бы разделить хронологически на четыре периода: на период с момента заключения мира с Россией до окончания русской демобилизации; на период с заключения мира с Россией до заключения всеобщаго мира; на период переходной стадии для новых народов и, наконец, на окончательный период, в который новые государства вполне осуществят свое государственное строительство.

Еще раз следует указать на то, что для Центральных Держав заключение мира с Россией не влечет за собой всеобщего мира, как это будет с Россией, но что Центральные Державы вынуждены будут продолжать войну с другими своими противниками.

Союзнические делегации вновь заявляют Российскому Правительству, что, по их мнению, органы самоуправления этих новых государственных образований следует пока считать вполне уполномоченными выражать волю широких кругов населения.

По вопросу о возникновении государства, как юридического лица, большое значение имеет решение Верховного Суда в Вашингтоне в 1808 г., в котором указывается, что «суверенные права Соединенных Штатов Северной Америки должны быть признаны возникшими окончательно со дня объявления ими своей независимости, т.-е. с 4-го іюля 1776 года, совершенно независимо от их признания Англиею в договоре 1782 г.». (Fiore. Droit International Codifié, p. 160).

Союзническе делегации принимают к сведению заявление, что: «Из факта принадлежности оккупированных областей к составу бывшей Российской Империи Российское Правительство не делает никаких выводов, которые налагали бы на население этих областей какие-либо государственно-правовые обязательства по отношению к Российской Республике.

Старые границы бывшей Российской Империи, границы, созданные насилием и преступлениями против народов и, в частности, против народа Польского—пали вместе с царизмом.

Новые границы братского союза народов Российской Республики и народов, которые пожелают выйти из ее пределов, должны быть определены свободным решением соответствующих народов».

А также заявление о том, что «Российское Правительство считает основной задачей ведущихся переговоров не отстаивание каким-либо образом дальнейшего насильственного причисления ука-

занных областей к пределам Российского государства, но лишь обеспечение этим областям действительной свободы самоопределения по вопросам их внутреннего государственного устройства и международного положения».

В связи с этим, следует возбудить вопрос, на каком юридическом основании нынешнее Российское Правительство признает за собою право и считает своим долгом добиваться действительной свободы самоопределения этих областей всеми силами, даже, при известных обстоятельствах, продолжением войны. Если факт прежней принадлежности оккупированных местностей к территории бывшей Российской Империи не налагает на население этих местностей никаких обязательств по отношению к Российской Республике,—то с первого взгляда непонятно, на чем Российская Республика, с своей стороны, основывает свои права и обязанности по отношению к этому населению.

Если же, однако, стать, как это делает Русская делегация, на ту точку зрения, что Российская Республика обладает таким правом, то возникают целых четыре вопроса, подлежащих разрешению, а именно:

1) вопрос об объеме территории;

2) вопрос о политических предпосылках, необходимых для осуществления права на самоопределение;

3) вопрос о переходном режиме;

4) вопрос о форме волеизъявления.

Вот те четыре пункта, по которым нужно достигнуть соглашения.

К п. 1. Утверждение, что право на самоопределение принадлежит целым нациям, а не, равным образом, и частям наций,— не соответствует нашему пониманию права на самоопределение. И части наций вполне правомочны решать вопросы о своей самостоятельности и своем отделении.

Это, однако, отнюдь не означает, что границы оккупации должны иметь решающее значение при определении границ этих частей.

Курляндия, Литва и Польша составляют и с исторической точки зрения национальное целое.

Германия и Австро-Венгрия не имеют намерения включить в свой состав занятые ими ныне территории. Они не намерены принуждать эти области к принятию той или иной государственной формы; однако, они должны оставить за собою и за народами занятых областей право на заключение всякого рода договоров.

К п. 2. Что касается высказанного по этому поводу, то им не затрагивается принципиальное разногласие, на которое неоднократно указывали Союзнические делегации.

Вывод войск до окончания мировой войны невозможен; однако, можно стремиться к сведению количества войск,—поскольку это будет допускаться военными обстоятельствами,—до минимума, необходимого для поддержания порядка и технического аппарата страны. Можно также стремиться к созданию национальной жандармерии.

Что касается возвращения беженцев и лиц, эвакуированных в течение войны, то мы обещаем благожелательное отношение в каждом отдельном случае. Так как этот вопрос не имеет решающего политического значения, то он может быть передан в особую комиссию.

К п. 3. Предложение Русской делегации в своих подробностях недостаточно ясно и требует дальнейшего пояснения. Но, несомненно, следует признать, что, по мере постепенного приближения к всеобщему миру, — избранным представителям населения данной области должно быть предоставлено право участия в делах управления все в больших и больших размерах.

К п. 4. Союзнические делегации в принципе согласны присоединиться к мнению, что волеизъявление народа, организованное на широких основаниях, должно будет санкционировать решения по вопросу о государственной принадлежности этих областей.

Нам кажется, однако, непрактичным одностороннее требование референдума.

Точно так же, по мнению Союзнических делегаций, достаточно волеизъявления представительного органа, избранного или пополненного на широких основаниях.

Следует упомянуть, что и признанные Правительством Народных Комиссаров государственные образования в пределах бывшей Российской Империи, как напр. Украина и Финляндия, возникли не путем референдума, а по решению национальных собраний, избранных на широких основаниях.

Преисполненные желанием вновь попытаться прийти к соглашению с Российским Правительством, — Правительства Германии и Австро-Венгрии сделали эти далеко идущие предложения, считая, однако, нужным присовокупить, что эти предложения составляют крайние рамки, в пределах которых они надеются достичь мирного соглашения.

При составлении этих основных положений, Правительства Германии и Австро-Венгрии руководствовались не только долгом не ослаблять своей боеспособности, пока еще длится злочастная война, — но и желанием предоставить некоторым народам, живущим по соседству с ними, возможность решить окончательно и самостоятельно свое будущее, не рискуя, вместе с тем, очутиться в крайней нужде и нищете.

Соглашение между Россией и Центральными Державами по этим тяжелым вопросам возможно лишь в том случае, если Россия проявит серьезное желание прийти к соглашению, и если она вместо того, чтобы диктовать свои условия, постарается взглянуть на дело и с другой точки зрения и, таким образом, станет на единственный путь, ведущий к мирному соглашению.

Делегации Союзных Держав могут питать надежду на мирный исход конфликта лишь в том случае, если эти мысли разделяются и Русской делегацией».

Троцкий. Считаю необходимым сделать одно заявление, прежде, чем перейти к обсуждению некоторых предварительных замечаний, в связи с занимающим нас сегодня вопросом. В полученных

нами вчера немецких газетах от 12-го января нов. ст. помещен официальный отчет о пленарном заседании 10-го января. (28-го декабря).

От имени Русской делегации, самым решительным образом протестую против тенденциозной обработки текста заявления Русской делегации в этом отчете. Достаточно сказать, что из фразы: «Наше Правительство во главе своей программы поставило мир, но оно обязалось в то же время перед народом подписать только справедливый мир, демократический мир», в отчете немецких газет приведена только первая половина фразы,—чтобы бросить надлежащий свет на весь отчет, служащий не столько для информирования германского общественного мнения, сколько для введения его в заблуждение.

Придавая огромное значение точному ознакомлению общественных кругов всех стран с действительным ходом мирных переговоров, я вынужден был вчера по прямому проводу предложить нашему Правительству воспользоваться всеми доступными ему средствами— пригласить европейское общественное мнение считаться только со стенографическими отчетами, которые наша официальная печать публикует без каких-либо изменений и сокращений.

Что касается вопроса по существу, то мы надеемся, что сегодняшний ответ делегаций Четверного Союза устраняет, во всяком случае, одно формальное затруднение,—затруднение, которое представил для нас заслушанный нами в прошлый раз ответ генерала Гофмана.

Генерал Гофман дважды обратил мое внимание на то, что он представляет здесь не Германское Правительство, а Германское Верховное Командование. В данном случае, я не претендую на суждение о внутренней структуре Германской Империи; но я все же думал, что мы в данном случае ведем переговоры только с лицами, которые представляют Германское Правительство. Г. Статс-секретарь, по другому поводу, считал необходимым указать на то, что все пункты переговоров, включая и те, которые нам кажутся противоречивыми, соответствуют единой руководящей воле Германского Правительства. До тех пор, пока это формально никем не опровергнуто, мы считаемся с этим, как с формальным заявлением; тем не менее, не выходя из пределов замечаний генерала Гофмана, я считаю необходимым отметить в речи генерала Гофмана некоторые пункты и подчеркнуть, что они затрудняют ведение переговоров.

Генерал Гофман, прежде всего, протестовал против тона нашего заявления и обратил наше внимание на то, что этот тон не стоит в соответствии с тем фактом, что германские войска находятся на нашей территории. Если бы мы придерживались того принципа, который нам рекомендует генерал Гофман, то мы должны были бы разговаривать иначе с представителями Германии, нежели с представителями Австро-Венгрии, Турции или нейтральной Персии. Мы полагаем, однако, что общие положения, которые мы выдвигаем, дают нам право вести переговоры с представителями всех государств в одном и том же духе. Г. генерал указал далее на то, что наше Правительство опирается на силу и применяет насилие ко всем инакомыслящим, которых оно клеймит, как контр-революционеров и буржуа. Прежде всего, я приветствую тот факт, что г. ге-

нерал так быстро откликнулся на мое приглашение вмешаться во внутренние дела России. Затем, я должен указать, что г. генерал был вполне прав, когда говорил, что наше Правительство опирается на силу. В истории мы до сих пор не знаем других правительств. До тех пор, пока общество будет состоять из борющихся классов, государство останется по необходимости орудием силы и будет применять аппарат насилия. Я, однако, категорически протестую против совершенно неправильного утверждения, будто мы всех инакомыслящих ставим вне закона. Я был бы очень рад, если бы социал-демократическая печать в Германии пользовалась той свободой, какой у нас пользуется печать наших противников и печать контрреволюционная.

То, что поражает и отталкивает правительства других стран в наших действиях,—это тот факт, что мы арестуем не стачечников, а капиталистов, которые подвергают рабочих локауту, тот факт, что мы не расстреливаем крестьян, требующих земли, но арестуем тех помещиков и офицеров, которые пытаются расстреливать крестьян. И когда Румынское Правительство,—я привожу это, как пример,—попыталось у нас, на нашей территории, применить меры насилия по отношению к революционным солдатам и рабочим, то мы отсюда, из Бреста, просили Правительство в Петрограде арестовать Румынского посланника, со всем составом Посольства, а также и Румынскую военную миссию. Мы получили ответ, что это уже сделано, и мы считаем, что это насилие—есть насилие, диктуемое нам волею миллионов рабочих, крестьян и солдат, и что оно направлено против того меньшинства, которое стремится удержать народ в рабстве,—что это есть насилие. освященное историей и прогрессом

Что касается двух примеров, которые привел генерал Гофман, то они ни в каком смысле не характеризуют нашей политики в области национальных вопросов. Мы навели справки о Белорусском конгрессе. Этот Белорусский конгресс состоял из представителей Белорусских аграриев. Он сделал попытку присвоить себе те права, которые составляют исключительную собственность Белорусского народа. И, если он встретил отпор, то этот отпор исходил от солдат, среди которых были одинаково великороссы, малороссы и белоруссы.

Я указал в одном из наших заявлений, что те конфликты, которые у нас имелись с Украинской Радой и которые, к сожалению, еще не ликвидированы, ни в каком отношении не могут ограничивать права Украинского народа на самоопределение и ни в коем случае не препятствуют нашему признанию независимой Украинской Республики. Я, вместе с тем, позволю себе обратить внимание на то, что в своей речи генерал Гофман, категорически отказавшись от эвакуации оккупированных областей, свой отказ мотивировал тем, что все эти области не имеют органов управления. Именно из этого факта он выводил необходимость дальнейшей длительной оккупации на неопределенный срок. Г. Статс-секретарь мотивировал самостоятельное право этих областей вступать в международные сношения с Центральными Державами и их право отчуждать свою территорию—именно тем, что у них имеются органы, достаточно авторитетные для такого рода международных действий.

Позволю себе усмотреть в этом некоторое противоречие. Я думаю, что, если какая-нибудь область не имеет органов самоуправления и нуждается в опеке, то этой области лучше подождать с заключением международных соглашений, ибо органы, недостаточно сформировавшиеся для внутреннего управления, естественно, неправомочны и для определения международных судеб данного народа. Я должен, однако, признать, что, если в исходных философских предпосылках можно установить разногласие между г. Статс-секретарем фон-Кюльманом и генералом Гофманом, то вывод, к которому они благополучно приходят, является почти тождественным: из признания наличности полномочных органов и из признания отсутствия их вытекает один и тот же вывод, который гласит, что судьба этих стран может и должна быть решена сейчас же, в период оккупации, независимо от того, в состоянии ли данный народ взять управление страной в свои руки или нет. Позволю себе заметить, что этот пример может нас снова укрепить во взгляде на весьма подчиненное значение правовой философии в разрешении судеб живых народов. Это относится целиком и к правовой философии Американского Верховного Суда. Кто знаком с историей Американского Верховного Суда, тот знает, как часто изменялась его правовая философия, в зависимости от желания расширить территорию Соединенных Штатов. Я думаю, что, в связи с этим вопросом, было бы гораздо интереснее провести параллель не с решением Американского Верховного Суда,— но с мнениями и суждениями тех великобританских юристов, которые доказывали свое право удержать в своих руках американскую колонию.

Что касается формы, в которой мы предложили вниманию противной стороны наши суждения, то мне не совсем ясно, в чем именно г. Статс-секретарь усматривает неудобство. Он указал на то, что при точной формулировке выдвигаются разногласия обеих сторон. Но, насколько я понимаю, страны воюют именно из-за того, что их разделяет, а не из-за того, что их соединяет. И именно поэтому мы должны в переговорах выдвигать на первый план те пункты, которые составляют предмет разногласий, и выдвигать их со всей необходимой решительностью, ибо только в таком случае может быть найдено справедливое решение.

Принципы, разумеется, могут служить удобными алгебраическими формулами, но в конечном счете дело всегда сводится к арифметическим величинам, и тогда лишь полезны и допустимы алгебраические формулы, когда им отвечают арифметические величины. Мы внесли на обсуждение нашу формулировку потому именно, что нам казалось, что в той плоскости, в какой прения велись в последних заседаниях, как-бы подыскивалась формула, навязывающая противной стороне то, что для нее совершенно неприемлемо по существу. В этом смысле тон генерала Гофмана казался нам гораздо более реалистичным. Мы ведь вовсе не заявляли, что мы считаем Германское Правительство одушевленным нашим мировоззрением; мы хотим только ясно и точно знать, какая судьба ожидает Польшу, Литву и Курляндию. К этому сводится весь вопрос.

Правда, г. Председатель Германской делегации поставил нам вопрос, что нам дает право интересоваться судьбами этих стран, раз мы заявили, что прежняя их принадлежность к России не налагает на них никаких обязательств международного характера. Но ведь и г. Председатель Германской делегации основывает свое право интересоваться этими областями не на голом факте оккупации, а на принципе самоопределения народов, правда, несколько им ограниченного. Я полагаю, что этот принцип сохраняет, во всяком случае, не меньшую силу и для нас и дает нам право интересоваться судьбой тех народов, выделению которых из состава бывшей Российской Империи мы отнюдь не препятствуем. Мы, разумеется, оставляем за собой право дать более точную характеристику тех предложений, которые были сделаны сегодня и которые в такой форме являются, попрежнему, неприемлемыми для нас. Если я, не имея текста перед глазами, правильно понял его содержание, то за интересующими нас областями попрежнему признается так называемое «право» до окончательного их превращения в государства служить делу исправления границ соседнего государства, заключать с ним военные и другие конвенции, а будущему народному представительству остается только санкционировать эти решения. Мы придерживаемся того мнения, что только явно и определенно выраженная воля народа может решить все эти вопросы. Задача дальнейших переговоров, на основании обеих предложенных здесь формулировок должна состоять в том, чтобы точно определить, каким образом может быть осуществлен компромисс, имея в виду оглашенный сегодня текст,—компромисс между официально признанным 25/12-го декабря принципом самоопределения и правом на аннексии, основанным на праве оккупации и провозглашенным здесь генералом Гофманом.

Кюльман. Я не могу ответить на объяснения г. предыдущего оратора с тою же подробностью, с какой они были им развиты. Я хотел бы только ответить на те пункты, которые у меня остались в памяти. Я не помню того сокращения, которое, по словам г. Председателя Русской делегации, было произведено при опубликовании его речи.

В начале переговоров мы сделали нашим противникам ту огромную уступку, что каждое слово переговоров заносится в стенографический отчет и публикуется.

Это такой способ переговоров, которым никогда в истории никто не руководствовался, и целесообразность которого вызывает сомнение специалистов по международным сношениям.

Но мы должны, во всяком случае, оставить за собою право публиковать у себя в стране только то, что нам кажется необходимым. Других обязательств мы никогда не давали. Может случиться, что, во время переговоров о мире, тот или другой делегат сделает попытку использовать эти переговоры в целях политической агитации,—и в этом случае, понятно, всякое правительство должно оставить за собой право на опубликование только того, что оно найдет нужным. Что касается речи генерала Гофмана, то я хотел бы определенно

оставить, как за собой, так и за г. генералом, право вернуться еще к этому вопросу.

Г. предыдущий оратор, со свойственным ему знанием международных вопросов, совершенно правильно охарактеризовал распределение государственных функций в Германской Империи.

Г. Рейхс-Канцлер, единственный ответственный министр Империи, во всех вопросах внешней политики делает указания, обязательные и для всех подчиненных органов.

Притом, вполне естественно, что, при существующем между мною и генералом Гофманом единодушии в политических вопросах, никаких разногласий между нами быть не может. Затем, г. предыдущий оратор, предвосхищая часть наших будущих прений, перешел к критике тех аргументов, которые были приведены в пользу оставления войск в занятых областях. Он указывал, что народ, не обладающий техническим аппаратом, например, железнодорожным персоналом, нельзя считать правомочным принять решения политического характера. Мы стоим на точке зрения, которая должна быть приятной г. Председателю Русской делегации, на той точке зрения, что политическая жизнь страны является самым важным и существенным проявлением жизни народа, и что народ прежде всего, создает органы проявления своей политической воли и только потом уже мало-по-малу, создает весь аппарат государственной жизни. В этом именно вопросе и заключается принципиальное разногласие между нами и Русской делегацией. Мы достраиваем существующее без насильственной ломки. Мы хотим установить в этих областях упорядоченную государственную жизнь и отказываемся, в слепом преклонении перед теорией сперва создать безвоздушное пространство, а потом, не видя пока еще перед собою определенных путей, творить в этом безвоздушном пространстве—государство. Это тем неожиданнее, что г. предыдущий оратор, с другой стороны, проявил редкое отвращение к таким прениям, которые затрагивают область юридических теорий; меня это до известной степени удивило, так же, как и его недостаточно высокая оценка решений Верховного Американского Суда.

Казалось бы,—история возникновения этой великой республики и суждение Верховного Суда об одном из моментов этой истории должны были бы иметь значение при решении нашего спорного вопроса. Если г. Председатель Русской делегации возбудил вопрос, что именно нам не понравилось в тоне и способе его заявления, то из того, как оно было принято, он мог усмотреть, что тон этого заявления был диктаторский и вызывающий.

Я, однако, с удовольствием отмечаю конец объяснения г. предыдущего оратора, заявившего, что он и его делегация готовы перейти к действительному обсуждению и выяснению подробностей разделяющих нас взглядов. В этом с самого начала я видел цель наших работ и был того мнения, что оба письменно зафиксированные предложения, в том виде, в каком они были сделаны до рождественского перерыва, могли бы служить достаточной основой для дальнейшего нашего обсуждения. Сейчас я предлагаю придерживаться в нашей работе

того метода, который предложила Русская делегация, а именно, перейти к обсуждению четырех пунктов, перечисленных в нашем ответе, и приступить к детальному их разбору. Я надеюсь, что мы, таким образом, по прошествии нескольких дней, будем в состоянии выяснить, с полным сознанием ответственности, сможем ли мы преодолеть все трудности, или же надо оставить попытку, предпринятую нами.

Троцкий. Я не протестовал против сокращения текста, как такового, но—против тенденциозного сокращения его, и притом в таком вопросе, который отнюдь нельзя рассматривать, как способ для использования мирной конференции с целью политической агитации. Я заявил, что наше Правительство хочет мира прежде всего, но что оно может подписать только честный демократический мир. Эта вторая часть фразы выброшена в официальном отчете.

Полагаю, что мы теперь можем перейти к обсуждению обоих предложений, при чем я нахожу, что наше предложение отличается от предложения наших противников отнюдь не «диктаторским, вызывающим тоном», но—гораздо большей ясностью и последовательностью. Оно, мне кажется, не может раздражать тех, кто жизненно заинтересован в разрешении данных вопросов, принимая во внимание всю их тяжесть. Я должен еще раз отметить, что в вопросе об эвакуации войск я никоим образом не могу присоединиться к мнению г. Председателя, что, будто бы, удаление оккупационных войск оставит после себя пустое место. Это неправильно даже по отношению к африканским колониям. Если Англия, скажем, сегодня выведет все свои войска из Индии, то там мы найдем, во всяком случае, не пустое место, а живой народ, который стремится к государственной жизни и к независимому существованию. А те народы, которые живут в пределах Польши, Литвы и Курляндии, ни в коем случае не окажутся в затруднении, если оккупационные войска предоставят их самим себе. Насколько я понял, дело идет о технических трудностях,—в роде отсутствия там собственных железных дорог, почты и т. д. По этим вопросам всегда можно притти к соглашению, не прибегая к контролю оккупационных войск.

Кюльман. Я хотел бы указать на то, что г. предыдущий оратор, как он это делал не раз,—не в упрек ему будь это сказано,—выдвинул на первый план вопрос, подлежащий специальному обсуждению. Я хочу только отметить, что, наравне с чисто техническими соображениями, в соответствующих областях играют очень важную роль вопросы поддержания порядка и безопасности, на что указывалось уже в сегодняшнем нашем тексте. Я предлагаю еще раз, как это ни скучно, перейти к деловому обсуждению тех 4-х пунктов, которые предложила Русская делегация, и именно в том порядке, в каком она их предложила.

Троцкий. Я присоединяюсь к деловой программе, но возражаю против скуки, отнюдь не способствующей успеху дела.

Кюльман. Я, собственно говоря согласен с этим.

Троцкий. Значит, по крайней мере в данном случае соглашение достигнуто.

Кюльман. Я отмечаю это, как хорошее предзнаменование для дальнейших наших переговоров, и предлагаю, если г. Председателю Русской делегации будет угодно, назначить заседание на завтра в 10 часов утра.

Заседание закрывается в 7 часов.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

15/2 января 1918 года.

Заседание открывается в 11 час. 15 мин. утра под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Итак, господа, мы продолжаем переговоры и переходим к детальному обсуждению тех 4-х пунктов, относительно которых мы вчера достигли соглашения. Я хочу предложить изменить порядок обсуждения этих пунктов и приступить к пункту о территории после рассмотрения остальных трех пунктов. При этом я руководствуюсь следующими соображениями: во-первых, я думаю, что вопрос о территории будет относительно наименее спорным вопросам. Затем, между Украинской и другими делегациями происходит известный обмен мнений, который, быть может, останется не без влияния на решение вопроса о территории; и, наконец, еще по той чисто практической причине, что в нашем распоряжении пока не имеется необходимых карт, затребованных мною.

Итак, предлагаю приступить сейчас к обсуждению пункта 2-го— об общих политических предпосылках, при соблюдении которых должна решиться государственная судьба территорий и наций.

Я прошу г. Председателя Русской делегации высказаться подробнее относительно пункта 2-го.

Троцкий. Прежде, чем высказаться по вопросу о предложенном новом порядке обсуждения пунктов, я должен вернуться к одному предложению, сделанному нам противной стороной.

Германская и Австро-Венгерская делегации внесли на одном из прошлых заседаний предложение привлечь к участию в мирных переговорах известных этим делегациям представителей тех оккупированных областей, которые, по мнению названных делегаций, уже могут считаться государственными единицами, как проявившие в достаточной мере свою волю к независимому государственному существованию. Мы не могли сразу ответить на этот вопрос, так как предварительно хотели уяснить себе, какие именно критерии являются, по мнению другой стороны, решающими для определения правомочности или неправомочности органов, претендующих на выражение народной воли. Внесенные нами в формулированном виде предло-

жения должны были доставить нам этот материал. Как я уже упомянул вчера, полученные нами ответы представляются нам глубоко противоречивыми с формальной стороны; по существу же они сводятся к предоставлению оккупационным властям права, основанного на физической силе, произвольно решать судьбы оккупированных областей и пользоваться по своему усмотрению теми или иными органами, независимо от того, когда эти органы возникли, на какой социальной основе, каково было их предназначение и каков их подлинный политический вес. При этом теми же оккупационными властями ставятся произвольные пределы деятельности органов, признанных этими властями по своему усмотрению.

Поскольку однако Правительства противной стороны, по крайней мере,—в рамках этих мирных переговоров,—признают таковые органы носителями воли уже самоопределившихся народов, мы также считали бы в высшей степени целесообразным привлечение представителей этих органов к участию в нынешних переговорах. Представители этих органов получат, таким образом, возможность перед лицом всего мира доказать свои оспариваемые нами права или свои претензии на представительство данных народов. Если, таким образом, не устранилось бы противоречие, то не так бросалось бы в глаза то, что Германское и Австро-Венгерское Правительства защищают права известных, покровительствуемых ими органов выражать народную волю в то самое время, как эти, будто бы суверенные органы отрезаны режимом оккупации от переговоров, где решается судьба тех областей, от имени которых они считают себя правомочными говорить. Мы идем по этому навстречу двукратно повторяемому предложению противной стороны— пригласить сюда представительства тех органов, на заявления которых ссылаются Германская и Австро-Венгерская делегации.

Кюльман. Обращаю внимание г.г. присутствующих на то, что я совершенно определенно обусловил нашу готовность на участие в мирных переговорах представителей этих народностей тем, что их присутствие здесь будет истолковано и Русской делегацией в смысле признания их государственной самостоятельности. Я обращаю внимание на заявление г. Председателя Русской делегации о том, что делегация смотрит на мнения ландтага, как на выражение воли определенных влиятельных групп населения. Я поэтому думаю, что от в свое время принятой Русской делегацией точки зрения до необходимости презумптивного[1]) признания этого пункта—шаг небольшой.

Без такого презумптивного[2]) признания, допущение представителей данных народов на мирную конференцию само собою не может иметь место; это не требует дальнейшего пояснения. Либо представители эти придут сюда, как выразители воли данных народов, и тогда мы должны сойтись хотя бы на подразумеваемом признании возникновения этих государственных единиц, либо они придут сюда, как частные лица, и тогда им тут делать нечего. Если эти предпосылки будут приняты г. Председателем Русской делегации, то я согласен

[1]) и [2]) Предварительного, предрешенного.

сейчас же обменяться мнениями с нашими Союзниками,—следует ли, согласно пожеланию Русской делегации, привлечь представителей этих областей, и если—да, то в какой форме.

Троцкий. Само собой разумеется, что мы не можем, в порядке обсуждения вопроса о привлечении делегатов спорных представительных органов, разрешить или считать разрешенным тот именно вопрос, который и составляет сейчас главный предмет наших переговоров и разделяющих нас разногласий.

Если мы выразили мысль, что ландтаги являются выразителями мнений известных влиятельных групп, то это не устраняет из нашего поля зрения того факта, что эти по своему экономическому положению очень влиятельные группы, согласно данным немецкой печати, составляют от 3-х до 7-и процентов населения; таковы приблизительно и наши статистические данные. Мы считаем, что народная воля должна выражаться народом, а не привилегированными группами, и нам пришлось бы совершенно отречься от тех принципов, которые составляют существенную часть нашей программы, если бы мы, прямо или косвенно, дали повод Польским, Литовским и Латышским народным массам обвинять нас в готовности признать представительство высших привилегированных классов за представительство всего народа. Так как г. Председатель Германской делегации усматривает в этом препятствие к привлечению указанных представителей, то предложение, сделанное раньше, отпадает само собой.

Кюльман. Предложение, сделанное г. Председателем Русской делегации?

Троцкий. Предложение, которое было внесено противной стороной и которое, насколько мы поняли, не было связано с обязательным признанием с нашей стороны правомочности этих органов. Я не оспариваю заявления г. Статс-секретаря; я только подчеркиваю, что мы не поняли того, что привлечение этих представителей обусловливается нашим предварительным и безусловным их признанием.

Кюльман. Я не могу сейчас найти этого места в протоколе, но я прекрасно помню, что я высказался совершенно ясно и определенно. Я сейчас прочту соответствующее место. Мне кажется, что наши прения начинают вращаться в заколдованном кругу. Оглашаю соответствующее место: «Г. предыдущий оратор жаловался на то, что в переговорах не участвуют еще представители тех народов, о которых идет речь. Если он этим хотел сказать, что, по его мнению, эти народы, как государственные единицы, уже существуют и правомочны в своих международных сношениях, то я охотно согласен поставить на обсуждение вопрос, но при непременном признании со стороны Русской делегации этой предпосылки и т. д.» Как я только что сказал, у меня создается впечатление, будто мы вращаемся в заколдованном кругу. Наша точка зрения мною неоднократно развивалась, и я указывал, что органы, представляющие широкие круги населения, должны считаться правомочными говорить от имени соответствующих народов. Со стороны Русской делегации указывается, что

эти представительные органы не выражают воли достаточно широких кругов населения, но, вместе с тем, Русская делегация признает, что еще не существует такого представительного органа, который, по ее мнению, мог бы исполнять эти функции. На этом основании, Русская делегация отказывает этим народам в признании их государственными единицами и в проявлении ими своей воли в международных сношениях. Это—спор, до известной степени, исторический. Во всяком случае, я думаю, что дальнейшие прения вряд ли приблизят нас к его разрешению.

По моему мнению, прения и не имеют иной задачи, кроме полного выяснения точек зрения обеих сторон; нужно постараться примирить эти две точки зрения; если бы это оказалось невозможным, то следовало бы перейти к дальнейшим прениям. Когда весь материал будет исчерпан, то станет совершенно ясно, по каким пунктам можно будет добиться соглашения, и в чем заключаются разногласия. Дойдя до этого предела, участники мирной конференции исполнят свой долг, и это уже задача авторитетных государственных учреждений сделать все необходимые выводы.

Относительно вопроса о возникновении государств и о проявлении ими государственной самостоятельности уже достигнута ясность. Привлечение новых делегаций, по причинам, только что изложенным в прочитанной мною декларации, связано с условиями, неприемлемыми для Русской делегации. Но из слов г. предыдущего оратора я вынес впечатление, что он в каждом отдельном случае недостаточно осведомлен относительно состава соответствующих представительных органов.

Быть может, подробная справка о составе этих представительных органов сделает для него возможным согласиться, при известных условиях, на их признание. Я, со своей стороны, мог бы сообщить Русской делегации данные о составе и ознакомить ее с мандатами этих представительных органов.

Если же у Русской делегации создалось такое впечатление, что она ни при каких условиях не может согласиться на такое признание, тогда эти разъяснения отняли бы у нас только время, и лучше отказаться от них. В таком случае, следовало бы, как я только что сказал, ограничиться констатированием факта, что и дальнейшие прения не приведут нас к среднему компромиссному решению. Как я уже указал, разногласие между нами историческое. Из этого, однако, нельзя делать неизбежного вывода о неудаче наших переговоров, тем более, что Союзнические делегации с самого начала заявили о своей готовности считаться с проявлением народной воли на широких основаниях.

Если бы удалось добиться соглашения по вопросу об условиях проявления этой народной воли на широких основаниях, то разногласие по вопросу о том, следует ли это проявление считать конститутивным (учреждающим) или только конфирмативным (утверждающим), не оправдало бы, по-моему, неудачи наших переговоров, со всеми ее далеко идущими последствиями.

Предлагаю, таким образом, перейти к обсуждению второго

вопроса, а именно, о создании необходимых условий для волеизъявления народа на широких основаниях.

Исходное предложение Русской делегации, на котором мы остановились до рождественского перерыва, гласило:

«В соответствии с принципами Российского Правительства, провозгласившего право всех, без исключения, народов, живущих в России, на самоопределение, вплоть до отделения,—населению этих областей дана будет возможность вполне свободно, в ближайший точно определенный срок, решить вопрос о своем присоединении к тому или другому государству или об образовании самостоятельного государства».

Задача наша заключается теперь в том, чтобы обсудить этот подлежащий определению промежуток времени.

По моему мнению, он должен начаться с момента заключения мира с Россией,—что ясно само собой,—и должен продлиться до тех пор, когда с некоторой уверенностью можно будет сказать, что до истечения этого срока устранятся те последствия войны, которые, по мнению Русской делегации, оказали бы давление на вполне свободное волеизъявление этих народов. Дело сводится, значит, к установлению срока после заключения всеобщего мира, достаточно краткого, чтобы не допустить проволочек и, в то же время, достаточно продолжительного для того, чтобы осуществить упомянутые мною необходимые условия. Предложение можно было бы формулировать так: «промежуток времени, предусмотренный в предложении Русской делегации, начинается с момента заключения мира с Россией и кончается по истечении года после заключения всеобщего мира».

Может быть, г. Председатель Русской делегации будет так любезен высказаться по поводу этих общих соображений, а также относительно практического моего предложения.

Троцкий. В оглашенной цитате нет, как я уже указывал, никакого противоречия с утверждением г. Председателя Германской делегации; но я считаю, что мы имели право истолковать сделанное предложение по-своему. Там не говорилось о презумптивном[1]) признании определенных органов, но о презумптивном[2]) признании определенных народов и областей.

Такое презумптивное признание сделано с нашей стороны в заявлении о том, что из факта бывшей принадлежности этих областей к Российской Империи мы не делаем никаких выводов, которые налагали бы на эти области определенные обязательства по отношению к Российской Республике. В пояснение нашей мысли, я позволю себе привести в двух словах далекий от нас пример,—он касается Индии. Если бы там было сейчас устранено Великобританское господство, то признаваемая нами самостоятельность Индии (которая, мы надеемся, осуществится, благодаря героической борьбе Индусского народа), нашла бы соответственные органы для выражения своей воли, но мы ни в коем случае не могли бы заранее связать независи-

---

[1]) и [2]) Предварительном, предрешенном.

мость Индии с судьбами тех органов, которые там в данное время существуют и признаны Великобританскими властями.

Мы не видим такой мистической связи между самоопределением народа и заявлением органа, по внешнему виду обладающего якобы государственной правомочностью, а, между тем, нуждающегося в доказательстве своих прав на представительство народа. Так как именно здесь имеется формальное противоречие в наших воззрениях, противоречие, за которым кроется разногласие по существу, то я вполне присоединяюсь к мнению г. Председателя Германской делегации о бесполезности, по крайней мере,—в данной стадии переговоров, прений в этой плоскости. Несомненно, если бы предварительные условия народного голосования были обставлены гарантиями и предпосылками, делающими неоспоримым будущее свободное волеизъявление заинтересованных народов,—то для практического разрешения вопроса было бы безразлично, какой именно орган признается тем или иным правительствам.

Следовательно, по существу дело сводится к ручательству за независимость и свободное волеизъявление данной народности. Необходимые гарантии имелись бы лишь в том случае, если бы представительство носило бы не только конфирмативный (утверждающий), но и конститутивный (учреждающий) характер.

Одним из важных факторов, связанным с этим свободным волеизъявлением, является вопрос о выводе войск из интересующих нас областей.

Г. Председатель Германской делегации внес конкретное предложение приступить к эвакуации с момента заключения мира с Россией и закончить ее через год по заключении всеобщего мира.

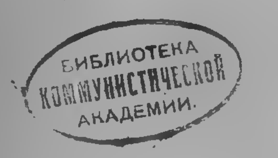
Кюльман. Я сказал, что нам следует обсудить сначала срок, в течение которого должно состояться это голосование или волеизъявление народа. Условия, при которых должно произойти это волеизъявление, будут предметом дальнейшего нашего обсуждения. Я извиняюсь, что прервал Вас; я хотел только внести эту поправку.

Троцкий. Я очень благодарен за сделанное разъяснение. Сейчас мне трудно установить, каким образом создалось у меня это ложное представление. Весьма вероятно, что оно вызвано нашим глубоким убеждением, что голосование вообще невозможно без предварительного очищения соответствующей территории.

Во всяком случае, я полагаю, что и у противной стороны нет достаточных оснований связывать с дальнейшим ходом войны судьбу областей, вопрос о которых стал на первом плане, в связи с событиями на Восточном фронте.

Если Россия заключит мир,—между нею и Германией возобновятся мирные сношения. К несчастью, это не исключает продолжения войны на других фронтах, но, так как положение Германии в отношении других ее противников заключением мира с Россией, во всяком случае, не ухудшится, то населению ныне оккупированных областей будет непонятно, почему оно продолжает страдать от всеобщей войны, а это неизбежно при сохранении оккупации и переходного режима.

Нессими-бей, Стоянович, Попов, Хакки-Паша, Чернин, Грац.



При такой постановке вопроса, самое существование населения лишается на неопределенное время каких-либо гарантий. При всем нашем оптимизме, мы не имеем возможности предсказать с большей или меньшей точностью, момент заключения всеобщего мира, и поэтому мы полагаем, не называя пока никакого точного срока, что вопрос об урегулировании судьбы оккупированных ныне областей должен разрешиться в зависимости от заключения мира на Восточном фронте и от дальнейшей ликвидации военных мероприятий, которые ложатся всей своей тяжестью на оккупированные области. Допущение в принципе того, что эти области, независимо от их будущей государственной формы, не должны быть вовлекаемы в дальнейший ход мировой войны, в большей степени, нежели это требуется ликвидацией последствий войны на Восточном фронте,—дало бы возможность определить срок, в зависимости от всех связанных с этим техническим вопросом соображений.

Кюльман. Я не могу согласиться с доводами г. предыдущего оратора. При обсуждении предложений, формулированных в п. 1-м нашего предложения, мы уже указали, что, согласно мнению военных специалистов, наша готовность очистить по заключении мира с Россией и по демобилизации Русской армии указанные в п. 1-м области, независимо от дальнейшего хода мировой войны, является большой уступкой с нашей стороны. При обсуждении п. 1-го это было единственным нашим разногласием, так как Русская делегация выразила пожелание, чтобы очищение областей по п. 1-му производилось планомерно и одновременно с ходом русской демобилизации.

Я не исключаю возможности, что по этому пункту может быть достигнуто дальнейшее сближение наших точек зрения, в случае, если мы достигнем соглашения по остальным пунктам.

Г. предыдущий оратор охарактеризовал положение таким образом, будто бы, после заключения мира с Россией, дальнейшее течение войны не отразится на Восточном фронте. Но нельзя, ни в коем случае, упускать из виду, что до тех пор, пока продолжается война на других фронтах, возможность и вероятность новой вспышки войны на Восточном фронте имеет больше шансов, нежели после заключения всеобщего мира.

Я не хочу останавливаться подробнее на тех обстоятельствах, которые могли бы вызвать вновь подобную вспышку; они и без того ясны для внимательного наблюдателя.

Непостоянство всех отношений уже достаточно выяснилось за время этой войны. Во избежание излишних прений, считаю нужным установить, что мы совершенно не можем представить себе срока, который не стоял бы в зависимости от заключения всеобщего мира.

Самая простая необходимость обеспечить завоевания этой войны исключает возможность дальнейшего отказа от гарантий, указанных в п. 1-м—до тех пор, пока продолжается мировая война.

Если мне будет разрешено, по примеру г. предыдущего оратора, остановиться на Индии, то я хотел бы спросить, признал ли бы г. предыдущий оратор, в случае ухода английских войск из Индии,—Низама Гайдарабатского презумптивным(предрешенным) представителем

Индусского народа, если бы этот последний не мог сослаться на выборы, произведенные на широких основаниях.

Троцкий. Разумеется, мы не отрицаем, что дальнейший ход войны отразится на тех областях, по которым в настоящее время проходит Восточный фронт, но мы думаем, что, с чем большей решительностью и прямотой мы обеспечим на этом фронте в кратчайший срок свободное существование народов, тем—большая гарантия у нас против возобновления военных действий на этом фронте, и, наоборот, чем дольше здесь сохранится переходный режим, со всеми невыносимыми для народов последствиями,—тем скорее явится у тех или других элементов населения искушение, путем новых насильственных попыток, заменить переходный режим режимом постоянным. Вот почему мы считаем, что в это трагическое время нужно создать совершенно новые основы и условия мирного сожительства народов. Эта гарантия обеспечит нас гораздо лучше против кровавых конфликтов, ибо она будет основана на сознании народных масс, что новые границы проведены согласно их собственной воле.

Именно поэтому мы настаиваем на сокращении срока переходного режима.

Что касается моего примера, к которому вернулся г. предыдущий оратор, то у меня сейчас нет никакого ручательства за то, что, вместе с ликвидацией английского господства, не исчезнет и Низам.

Во всяком случае, до наступления этих событий, до проверки прочности положения Низама по удалении войск, я бы воздержался от предварительного его признания.

Я мог бы указать на другой, более красноречивый пример. Во Французской колонии Аннам, во время этой войны, местный вождь поднял знамя восстания против французского господства.

В его оправдание нужно сказать, что ему всего 18 лет. Французы его сместили и заменили другим, более покорным. Это—его дядя. Он более зрелого возраста. Я полагаю, что в тот момент, когда французское владычество прекратится в Аннаме, вряд ли история поручит дяде выражение воли аннамитов; призовет ли она племянника, этого я не знаю. Но это не может помешать нам признавать полное право аннамитов на защиту своего отечества и заступаться за них, а не за Французскую Республику.

Кюльман. Я не хотел бы здесь далее останавливаться на вопросе о правах и обязанностях аннамитов; равным образом, я полагаю, что разбираться в тех гадательных случаях, которые могли бы произойти в Индии, при выводе из нее английских войск, не входит в наши прямые задачи.

В одном основном вопросе мы согласны, а именно, что желательно, по возможности скорее, установить ясные и определенные отношения и прекратить условия, созданные войной; я, правда, не считаю возможным охарактеризовать эти условия теми эпитетами, которые употребил г. предыдущий оратор, но они, во всяком случае, приносят населению много тяжелого.

По вышеупомянутым соображениям, я считаю невозможным

смягчить военные гарантии в какой бы то ни было степени, до прекращения мировой войны. Причины я позволил себе высказать раньше. Если г. Председатель Русской делегации находит, что он не может принять предложенную мною формулировку, в которой я указал на год, как на срок, подлежащий еще дальнейшему обсуждению, то я предложил бы ему формулировать свое предложение, чтобы, по крайней мере, в этом пункте, в результате нашей сегодняшней утренней работы, была достигнута полная ясность.

Троцкий. Я уже сказал, что разногласие кроется не в том, в какой срок по заключении всеобщего мира должно быть покончено с переходным режимом.

В данной стадии переговоров, мы все же остаемся при том убеждении, что, поскольку противная сторона исходит из признания права заинтересованных областей на свободное существование,—необходимо внести в условия мирного договора такие гарантии, которые не связывали бы жизни этих народов с точно не указанным и не поддающимся определению сроком до окончания всемирной войны. В этом именно мы видим величайшую опасность.

Сохранение военного положения в только что призванных к самоопределению областях не может, разумеется, создать действительной гарантии для мирных отношений, — как для этих областей, так и для соседних, и я позволю себе заметить, что жители данных областей, точно так же, как и упомянутые нами раньше жители колоний, имеют право жить в своей собственной стране, не подвергаясь, вследствие мировой войны, большим лишениям, нежели это вызывается неизбежными техническими причинами.

Кюльман. Полагаю, господа, что нам следует прервать заседание с тем, чтобы продолжить наше обсуждение сегодня после обеда, в 5 часов.

Заседание закрывается в 12 часов 50 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

15/2 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 16 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, мы продолжаем переговоры, прерванные нами до обеда. Мы подвергли сегодня рассмотрению вопрос о сроке и должны были, к сожалению, констатировать, что, несмотря на убедительность наших доводов, противная сторона не изъявила готовности согласиться с нашими объяснениями. Мы предлагаем перейти к обсуждению второго пункта, стоящего на очереди, а именно, к обсуждению вопроса об общих политических предпосылках, необходимых для осуществления права на самоопределение. Перед нами стоит

вопрос, насколько присутствие оккупационных войск в этих областях может отразиться на свободном голосовании. Это вопрос центральный.

Наша точка зрения, которую разделяют и Союзнические делегации, в общих чертах вам известна.

Союзнические делегации руководствуются совершенно искренним желанием создать для голосования или для выборов обстановку полной политической свободы, в максимальных размерах, которые допускаются условиями.

Как это и следует из сущности дела, это, главным образом, вопрос военный. Прения по этому вопросу вызваны требованиями и соображениями военного характера. Мы не можем не считаться с этими последними. Прения не должны выходить из следующих пределов:

Определенное число вооруженных и дисциплинированных войск необходимо для поддержания общественного порядка. Часть сил необходима для поддержания экономического аппарата страны. С нашей стороны будет дано в обязательной форме обещание, что эти организованные военные силы в упомянутых областях ни в коем случае не будут принимать участия в политической жизни и не окажут давления на голосование.

Исходя из этого обещания, мы твердо стоим на той точке зрения. что присутствие этих войск ни в коем случае не может помешать свободе голосования, и что поэтому их присутствие никоим образом не может являться тормозом при его осуществлении. Если Русская делегация согласна вступить в прения по этому вопросу на основании моих предложений, то я прошу ее высказать свою точку зрения и сделать свои предложения; тогда мы увидим, возможно ли достигнуть сближения или совпадения наших точек зрения.

Троцкий. Сегодня, до перерыва, мы выяснили сущность разделяющих нас разногласий в этом, на первый взгляд, практическом вопросе. Г. Председатель Германской делегации установил, в качестве основного критерия при решении этого вопроса, критерий военных гарантий. Этот принцип, разумеется, имеет свои основания, но он перемещает все наши прения в другую плоскость.

Это надо прежде всего выяснить, потому что, в соответствии с признанием принципа самоопределения народов, может создаться положение, при котором можно сказать себе: хотя оккупация территории данных народов и дает нам некоторые преимущества военного характера, но, так как мы признали их право на независимое существование, то мы отказываемся от этих преимуществ.

Это одна позиция. Но возможна и другая позиция, формулированная сегодня г. Председателем Германской делегации:

«При данных условиях преимущества военного характера являются высшим критерием, и только в этих рамках возможны прения». Этим самым вопрос перемещается в чисто эмпирическую плоскость. Если стать на эту точку зрения, то потребуются некоторые фактические разъяснения для того, чтобы отдать себе отчет в позиции Германской делегации. До рождественского перерыва г. Председатель Германской делегации, в виде примера или в виде предложения для прений, указал на то, что интересующие нас области могли бы дости-

гнуть полного и законченного выражения своей независимости в течение года по окончании войны. Я понял, что этот процесс должен более или менее совпасть с эвакуацией чужеземных войск, или что эвакуация будет ему предшествовать в данных областях. На этой почве возникло известное недоразумение, которое не получило еще своего окончательного разъяснения. Полагает ли г. Председатель Германской делегации, что к моменту окончательного образования новых народов очищение территории этих народов от чужеземных войск будет уже совершенно закончено? Если так, то поставленный только что вопрос, мне кажется, очень просто разрешится. Принимая, разумеется, условно срок, предложенный г. Председателем, именно—год по всеобщем окончании войны, можно себе представить, что за несколько месяцев до этого уже будет закончен процесс эвакуации данных территорий, и в этих условиях произойдет то голосование, которое даст новым народностям окончательную государственную форму. Я бы очень просил г. Председателя дать разъяснение по этим вопросам, с целью упрощения дальнейших прений.

Кюльман. Г. Председатель Русской делегации неправильно понял мои слова. Если я сегодня утром предложил годичный срок по заключении всеобщего мира, то это надо было понимать в том смысле, что оккупационные власти обязаны осуществить голосование в этих областях, при непременном соблюдении указанных раньше условий.

Срок этот выбран на том основании, что, по заключении всеобщего мира, условия свободного голосования будут более благоприятны. Условия голосования, как я их себе представляю, были мною только что изложены. Я не считаю нужным останавливаться на них подробнее. Они были изложены ясно и достаточно полно и представляют собою максимум того, на что мы согласны при создавшихся обстоятельствах.

Я считаю возможным обсудить вопрос в пределах указанных мною рамок; от прений же, выходящих за эти пределы, я не могу ждать никаких практических и политических результатов.

Троцкий. Будет ли или не будет достигнут практический результат, но, прежде всего, необходимо попытаться достичь ясности. Мне и после любезных разъяснений г. Председателя все же неясно, даже в перспективе, какой предполагается назначить последний срок для эвакуации чужеземных войск из этих новых государств.

Кюльман. Мы все время обсуждаем вопрос не об окончательной эвакуации войск, но ведем переговоры относительно создания таких условий голосования, которые можно было бы, с обоюдного нашего согласия, считать подлинными условиями голосования. Я хотел бы совершенно определенно ограничить область прений. Мы обсуждаем вопрос, при каких условиях могло бы произойти голосование, которое, согласно нашему общему мнению, имело бы обязательный характер и не считалось бы голосованием, произведенным под давлением вооруженной силы.

Полагаю, что это вполне ясно. Мы только что указали, какое количество вооруженных и организованных сил мы считаем совмести-

мым с таким свободным от какого бы то ни было давления голосованием. Это и есть тот вопрос, относительно которого я предлагаю продолжить прения, если это вам угодно.

Прежде всего, я хотел бы поставить на обсуждение вопрос об общественном порядке. Мы согласны, как это и следует из вчерашних заявлений Австро-Венгерской делегации, приступить к организации национальной жандармерии, но для каждого, знакомого с этим вопросом, ясно, что за тот срок, в продолжение которого мы обязались и желаем провести голосование,—вряд ли возможно передать национальной жандармерии охрану порядка в таких обширных областях. Я хотел бы поставить на обсуждение вопрос, какое именно количество вооруженных и организованных сил потребовалось бы, по мнению г. Председателя Русской делегации, для сохранения порядка в этих областях на время выборов, и, вместе с тем, согласовалось бы со свободой выборов.

Троцкий. Я бы попросил г. Председателя помнить, что он является не только председателем настоящего собрания, но и представителем противной стороны, и что, стремясь к соглашению по существу, необходимо стремиться к соглашению и относительно порядка прений и их формы.

Затрудняюсь дать ответ на те или иные вопросы, которые считает необходимым поставить г. Председатель Германской делегации, если, при всестороннем выяснении интересующих нас вопросов, мы не имеем возможности выдвигать все необходимые соображения и получать необходимую информацию.

Здесь, в течение нескольких минут, г. Председатель предложил сперва говорить только об условиях свободы голосования и тут же, не дождавшись от меня ответа, предложил перейти к обсуждению условий поддержания полицейского порядка в стране. Я остаюсь при том убеждении, что сегодняшние наши прения, доведенные без дальнейших пояснений до сведения заинтересованных народов и общественного мнения всего мира, могут породить величайшее недоразумение, и именно поэтому и в строгой связи с политическим вопросом, стоявшим в порядке дня,—с вопросом о предпосылках свободного голосования,—я и поднял вопрос об условиях и времени окончательной эвакуации войск, потому что и здесь возможны несколько более или менее целесообразных решений. Если, скажем, мы оказались бы,—говорю это для примера,—перед такой практической альтернативой: эвакуация войск производится через два года по заключении всеобщего мира, а голосование через год,—то получилась бы одна возможность; другая возможность: эвакуация производится через два года, а голосование через два года и три месяца. В таком случае, мне пришлось бы отстаивать это второе решение. Я именно и хотел выяснить себе дальнейшую судьбу данных областей, в связи с вопросом об этом решающем голосовании. Разумеется, г. Председатель Германской делегации в праве отказать мне в ответе на этот вопрос.

Кюльман. Я не могу считать обоснованным упрек, будто бы я произвольно ограничиваю тему прений. Я так же, как и г. Председа-

датель Русской делегации, заинтересован в том, чтобы вопросы получили себе вполне исчерпывающее освещение. У меня создалось впечатление, что в утреннем заседании вопрос о сроке уже достаточно выяснился, насколько это было возможно сделать в процессе прений. Если дело обстоит не так, то с моей стороны нет никаких препятствий к тому, чтобы г. Председатель Русской делегации остановился подробнее на этом вопросе. Я не могу поручиться, что в течение того срока, который практически важен при решении вопроса о голосовании, военные соображения сделают возможным полный вывод войск из данных областей.

Г. Председатель Русской делегации мог это заключить из моего предложения, в котором указывается (в предложении моем говорится об истечении года по заключении всеобщего мира) определенная минимальная программа, касающаяся организованных сил в этих областях. Эта минимальная программа выработана в тщательном соответствии с военными обстоятельствами, и мы намерены придерживаться этой программы и согласны обсудить ее во всех подробностях. Мне кажется, что из того обстоятельства, что Германия выставляет минимальную программу, логически следует, что мы не в состоянии считаться с идущими гораздо дальше предложениями другой стороны. Я должен вернуться к своему прежнему предложению— перейти к рассмотрению вопроса о количестве необходимых для поддержания порядка организованных сил, в то же время не желая, в какой бы то ни было мере, навязывать это предложение г. Председателю Русской делегации. Если же г. Председатель предпочитает подойти к вопросу с другой стороны, то я не отказываюсь от прений, раз, по его мнению, этим облегчится выяснение вопроса.

Т р о ц к и й. Да, я думаю, что ясность увеличится, если мы остановимся еще на некоторое время на только что затронутом мною вопросе. В формулированном предложении, внесенном Германской и Австро-Венгерской делегациями, в толковании пункта 2-го, мы читаем следующее:

«Вывод войск до окончания мировой войны невозможен; однако, можно стремиться к сведению количества войск,—поскольку это будет допускаться военными обстоятельствами,—до минимума, необходимого для поддержания порядка и технического аппарата страны».

Далее говорится об образовании национальной жандармерии. Может быть, это объясняется моим недостаточным знакомством с немецким языком или недостатками нашего перевода, но я понял так, что сроки сокращения количества войск до минимума относятся еще к эпохе мировой войны, и только к этому периоду относится невозможность эвакуации.

Мне казалось, что именно такое содержание подсказывается логической структурой этой части документа. Насколько я теперь понял, вопрос о сокращении количества войск касается только периода, начинающегося после заключения всеобщего мира.

Что касается эвакуации, то она остается совершенно неопределенной перспективой, относительно которой г. Председатель в

данный момент не может дать нам никаких разъяснений. Исключительно в целях вполне добросовестного выяснения обстоятельств, я и поставил свой вопрос.

Кюльман. По моему мнению, г. Председатель Русской делегации неправильно истолковал содержание цитируемого им пункта, если он сделал вывод, что в пункте этом заключается обязательство для нас сейчас же, по окончании всемирной войны, очистить данные области. Я еще раз должен подтвердить, что затрудняюсь указать в обязательной форме срок окончательной эвакуации этих областей. С другой стороны, я не могу согласиться с г. Председателем Русской делегации в том, будто восстановление условий, упоминаемых цитируемым пунктом, не могло бы ни в коем случае произойти и до формального окончания всемирной войны. Вполне возможно представить себе такое стечение обстоятельств—правда, я считаю такую возможность не особенно правдоподобной,—при котором и до формального окончания всемирной войны можно было бы свести количество войск в занятых областях до того числа, которое необходимо для поддержания технического аппарата страны. Поэтому мы и внесли предложение установить срок, который начинался бы со дня заключения мира с Россией и кончился бы по истечении года с момента заключения всеобщего мира. Таким образом, если бы, сверх ожидания, обстоятельства позволили установить условия, необходимые, согласно договору, для голосования, последнее могло бы состояться еще до окончания всемирной войны.

Троцкий. Теперь положение представляется мне несомненно ясным. Итак, если бы через год по окончании всемирной войны, голосованием было установлено, что порядок в стране достаточно обеспечен внутренними силами, то, насколько я понял, г. Председатель Германской делегации не считал бы все же возможным заявить, что с немецкого солдата снимается его тяжкая обязанность поддерживать порядок в областях, призванных к государственной самостоятельности на основах принципа самоопределения.

Другой вывод, который непосредственно вытекает из сказанного, состоит в том, что заключающееся в этом документе заявление о стремлении к сведению до минимума количества войск в течение войны,—что это заявление относится к случаю мало вероятному, по мнению г. Председателя. После этих разъяснений, достаточно освещающих эту сторону вопроса, мы можем итти дальше.

Кюльман. Я хотел бы на это возразить, что, насколько нам известно положение дела, такой случай, по нашему мнению, совершенно исключается. После происшедшего голосования или волеизъявления, данные области, наравне с нами, будут заинтересованы в водворении у себя тишины и порядка. Они сами не примут того чисто гадательного решения, о котором говорил г. предыдущий оратор. Я же не считаю себя обязанным включать в наши прения предполагаемых решений будущих народных собраний. Они, к тому же, не совпадают с смыслом того пункта, который служил предметом внимания г. Председателя Русской делегации и который, между прочим, содержит в себе также условие: «если это позволят военные соображения».

Если бы военные соображения позволили создать в ближайшем времени условия, о которых там идет речь, я бы этому сочувствовал не менее г. Председателя Русской делегации. Но нельзя при всей неопределенности и случайностях войны предугадать будущее.

Гофман. Я охотно объясню г. Председателю Русской делегации, что мы, по вполне понятным соображениям, постараемся оставить в занятых областях по возможности меньше войск, потому что те войска, которые оказались бы лишними в занятых областях, нам очень пригодятся на других фронтах.

Троцкий. Я в этом совершенно не сомневаюсь, но так как после заключения мира на Восточном фронте речь идет не о продолжении войны с Россией и теми новыми государствами, которые могут образоваться, то, очевидно, вопрос о количестве войск должен рассматриваться только с точки зрения оккупации. И, само собой разумеется, генерал Гофман подтвердил, что предполагается оставить небольшое количество войск, достаточное для оккупации, а мы именно говорим о том порядке, при котором прекратится режим оккупации.

Кюльман. Мы только что высказали нашу точку зрения. Дело касается, таким образом, вопроса, осуществимы ли, по мнению г. Председателя Русской делегации, в указанных нами рамках голосование или выборы, иначе говоря,—можно ли произвести свободно и без давления военной силы голосование или выборы, при сохранении указанного нами минимального количества войск.

Троцкий. Я не считаю нужным отвечать на этот вопрос в форме, которая имела бы практическое и политическое значение для наших переговоров. Совершенно ясно, что только выяснение всех остальных условий с такою же определенностью, как и вопроса об оккупационных войсках, может дать нам приблизительную картину условий голосования.

Кюльман. Я с интересом принимаю к сведению это заявление, потому что, согласно с общепринятым толкованием, считаю себя в праве заключить, что и г. Председатель Русской делегации видит возможность приблизиться к нашей точке зрения, при том условии, если бы и по остальным пунктам, подлежащим рассмотрению, было достигнуто соглашение. Иначе он, я полагаю, сейчас же ответил бы на мои вопросы; это, по моему мнению, несомненно имело бы практическое и политическое значение для дальнейшего хода наших переговоров. Какие вопросы г. Председатель Русской делегации предполагает теперь поставить на обсуждение?

Троцкий. Мой ответ означал только то, что это новое обстоятельство представляет с нашей точки зрения, серьезнейшее затруднение для возможности успеха того голосования, о котором идет речь,—только это я и хотел сказать,—и что окончательное суждение по вопросу о голосовании может быть формулировано только после выяснения других тормозящих или облегчающих волеизъявление обстоятельств, Здесь, в этом пункте, на ряду с вопросом о создании жан-

дармерии, имеется еще вопрос о возвращении беженцев и выселенцев. Этому вопросу, как нам кажется, необходимо придать серьезное значение. Война выбросила из нормальных условий существования значительные массы гражданского населения. Сейчас эта часть населения находится в состоянии полнейшей неуверенности и неопределенности. И, само собой разумеется, что восстановление сколько-нибудь нормальных отношений предполагает свободное и беспрепятственное возвращение этой части населения к своим очагам.

Вместе с тем, дело касается непосредственных жертв войны, механически оторванных от своей родины и сохранивших с нею, тем не менее, свою внутреннюю связь, проявляющуюся в их готовности вернуться к своим очагам. Ясно, что они должны получить возможность участвовать в самоопределении своего народа. Другими словами, голосование должно произойти после того, как большинство беженцев и выселенцев вернется на свои места.

В формулировке Германской и Австро-Венгерской делегаций ответ на этот вопрос дается в общем ограничительном смысле; в ней говорится о благожелательном исследовании вопроса в каждом отдельном случае. Эта формулировка кажется нам недостаточно категорической или, вернее, как я раньше выразился, ограничительной. Она вызывает опасение, что беженцы или выселенцы не получат физической и материальной возможности вернуться на свои места.

Разъяснения г. Председателя Германской делегации по этому вопросу были бы, несомненно, очень полезны для нас.

Кюльман. Должен признаться, что я мало знаком с этим вопросом. Он впервые возникает в наших переговорах. Я вполне готов в принципе признать, что беженцы имеют право на возвращение к своим родным очагам. И это уже вопрос административный, какие исключения следует делать из этого общего правила. Может быть, г. Председатель Русской делегации облегчит нам ответ на этот вопрос, сообщив нам в общих чертах тот материал, который имеется у Российского Правительства, о каком количестве реэмигрантов идет речь, и к каким слоям населения принадлежат они.

Троцкий. Я постараюсь к завтрашнему дню представить г. Председателю те данные, какими мы располагаем. Во всяком случае, дело идет о сотнях тысяч лиц, рассеяных по всей России, имеющих свои организации взаимопомощи и пользующихся поддержкой государства. В большинстве случаев, это, разумеется, представители трудящихся классов; именно поэтому, судьба их в нынешних условиях представляется нам более трагичной, и, разумеется, вопрос о праве их всех вернуться к родным очагам должен быть решен принципиально. Когда я говорил о сотнях тысяч, я имел в виду рабочие силы, не считая их семейств.

Кюльман. Я постараюсь, с своей стороны, к следующему заседанию, на котором г. Председатель Русской делегации предъявит имеющийся у него материал, получить от сведущих административных властей материалы, необходимые для того, чтобы высказаться, так или иначе, относительно поставленнаго здесь вопросса. Если г.

Председатель Русской делегации согласен со мной, то я полагаю— лучше будет пока отложить обсуждение этого вопроса. Время уже позднее.

Не желает ли г. Председатель Русской делегации поставить на обсуждение еще какой-нибудь вопрос?

Троцкий. Я на этом не настаиваю.

Кюльман. Граф Чернин был лишен возможности, по болезни, к счастью, легкой, участвовать в сегодняшнем заседании, но он просил меня, в виду того, что здесь обсуждаются такие важные и решающие вопросы, дать ему возможность присутствовать на следующем заседании. Поэтому я позволю себе несколько позже сообщить час следующего заседания.

Заседание закрывается в 6 час. 48 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

18/5 января 1918 года.

Заседание открывается в 10 час. 45 мин. утра под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Открываю заседание комиссии, образованной согласно уговору, состоявшемуся до рождественского перерыва. Должен заранее просить извинения, что, вследствие простуды, мне трудно будет говорить. На последнем зеседании мы обсуждали условия, при которых могут вернуться в свои края беженцы и выселенцы, для участия в предполагаемом голосовании. Я не знаю, можно ли, по мнению г. Председателя Русской делегации, считать этот вопрос исчерпанным, после заявлений обеих сторон?

Троцкий. Если противная сторона ничего не может прибавить к своим заявлениям, то нам придется принять их к сведению, хотя они далеко не совпадают с нашим пониманием дела.

Кюльман. Я предлагаю дать несколько дополнительных пояснений этого пункта.

Полагает ли г. Председатель Русской делегации, что будет возможно в каждом отдельном случае представить доказательства того, что то или иное лицо действительно было эмигрантом или жило и работало в данных областях?

Троцкий. Беженцы и выселенцы объединены в настоящее время в России в так называемые землячества. Отдельные землячества связаны друг с другом и имеют свои представительные органы. Центральные органы этих землячеств, несомненно, могли бы дать необходимые сведения об отдельных своих членах, так как они ведут довольно точную регистрацию.

Кюльман. Вопрос о реэмиграции вряд ли станет на очередь

в ближайшем будущем; вероятно, пройдет не мало времени, пока удастся проверить каждый отдельный случай. В принципе, мы согласны с мыслью допустить реэмиграцию, как я и объяснил в прошлый раз. Что же касается практического ее осуществления, то мне кажется, это можно было бы сделать посредством расширения состава той комиссии, которая займется вопросом о возвращении на родину военнопленных и гражданских пленных, с тем, чтобы постепенно разработать и вопрос о реэмиграции. Больше, кажется, нечего сказать по этому вопросу в настоящей стадии переговоров. Во всяком случае, следует считаться с мнением административных учреждений тех областей, куда пожелают возвратиться реэмигранты. Мы по этому пункту ничего добавить не имеем.

В порядке обсуждения пунктов, согласно предложению Русской делегации, нам следует сейчас остановиться на пункте о способе и форме волеизъявления. Судя по внесенным до сих пор предложениям Русской делегации,—на первый план выдвигается референдум.

Благодаря обстановке и общему уровню развития большинства населения данных областей, референдум является, по нашему мнению, неподходящей формой для волеизъявления народа.

В соответствии с нашим принципом, мы предпочитаем именно наше предложение, т. е. строительство на основах существующего, с дополнением и расширением нынешних представительных органов посредством выборов на широких подлежащих разработке началах, до такой степени, чтобы эти органы могли считаться представительством всего народа.

Я пока воздерживаюсь от подробных предложений и хотел бы услышать от г. Председателя Русской делегации, согласна ли Русская делегация присоединиться к такому решению вопроса, или же она и в дальнейшем будет настаивать на принципе референдума?

Троцкий. Да, мы остаемся при том взгляде, что там, где дело идет о судьбе вновь возникающего государства, референдум лучше всего выражает волю народа. Мы не думаем, чтобы население оккупированных областей стояло на таком уровне развития,—по выражению г. Председателя Германской делегации,—при котором эта форма опроса является нецелесообразной.

Население всех интересующих нас областей чрезвычайно работоспособное, интеллигентное и в высшей степени развитое. Именно поэтому, оно отнесется ко всякому решению, не вытекающему непосредственно из его воли, как к чему-то навязанному ему извне.

Кроме того, мы полагаем, имея опыт этой войны, что наиболее прочные гарантии против возникновения новых кровавых конфликтов заложены именно в сознании самих народных масс. Мы, например, читали заявление одного видного представителя Курляндии о том, что, в случае отказа Германии принять под свое покровительство Курляндию, она будет вынуждена искать поддержки или протектората Англии.

Такого рода беспринципные заявления могут только испортить отношения между государствами и характеризуют лишь взгляды от-

дельных политиков. Широкие массы народа так не рассуждают никогда. Вот почему мы считаем референдум наиболее целесообразным способом опроса населения. Что касается вопроса об эволюционном строительстве, без ломки данного строя, то мы полагаем, что война есть тот исторически революционный метод, который резко ломает существующий строй.

Мы в Риге имели пример того, как вновь составленное городское самоуправление было устранено и заменено старым, фактически переставшим существовать.

Мы видим, таким образом, что противная сторона не так уж строго придерживается принципа использования того, что она застает на месте, а выбирает, и вопрос только в том, насколько тот или другой выбор отвечает интересам народных масс. В тех областях, откуда война выбросила десятки и сотни тысяч беженцев, где меняется подданство, где находятся чужеземные войска, там референдум не явится большим новшеством и, во всяком случае, не будет воспринят, как навязанный народу.

Кюльман. Очень охотно верю тому, что сказал нам г. Председатель Русской делегации относительно природных способностей упомянутых народов. Но г. предыдущий оратор не станет отрицать, что бывшее Российское правительство не положило самых элементарных основ школьного образования и политического развития этих народов. Я также не могу согласиться с тем, что возражения г. предыдущего оратора опровергают сказанное мною относительно нашего стремления развивать и достраивать исторически возникшие органы.

Я недостаточно знаком с подробностями происшествий в Риге, чтобы вступить в обстоятельные прения по вопросу, которое из двух городских самоуправлений имеет больше исторических прав на существование.

В соответствии со своим политическим мировоззрением, г. предыдущий оратор опирается всегда на довод, действительно ли тот или иной орган представляет широкие массы народа или нет. Но именно исторически возникшие органы часто развивались таким образом, что в лице их представителей интересы масс находили себе самую добросовестную защиту. Ход развития всюду шел по линии все большей и большей демократизации, и мы стремимся в упомянутых областях предоставлять широким слоям народа все большее влияние, как на управление, так и на политическую жизнь страны. Мы желаем только, чтобы этот переход совершился при условии соблюдения порядка и разумной последовательности. Поскольку это зависит от нас, мы не хотим, чтобы эти народы, пережившие ужасы войны, пережили бы еще и блага революции. Я думаю, мы можем оставить этот вопрос, после всего сказанного. Должен признаться, я не ожидал, что противная сторона так крепко будет придерживаться принципа референдума, как единственного спасительного средства. Но раз это так, то подробное обсуждение нашей точки зрения было бы бесплодно.

Из пунктов, поставленных на обсуждение, остался еще один пункт

относительно объема территорий тех народов, которым следует предоставить право на самоопределение; по обоюдному соглашению, он был поставлен в конце. Если г. Председатель Русской делегации согласен, то мы могли бы перейти к рассмотрению этого пункта. В таком случае, я попрошу генерала Гофмана, с картою в руках, высказать вкратце нашу точку зрения по этому вопросу.

Гофман. Я должен, прежде всего, заявить, что сейчас я могу говорить только относительно областей, лежащих к северу от Брест-Литовска до Балтийского моря, потому что относительно областей южнее Брест-Литовска в данное время ведутся переговоры с г.г. Представителями Украинской делегации, переговоры, пока еще не законченные.

Синяя линия, идущая к северу от Брест-Литовска, охватывает собою те области, которые, по нашему мнению, не подойдут под п. 1-й нашего предложения, т.-е. не должны быть очищены от наших войск до конца демобилизации Русской Армии.

Я оставляю карту на столе и прошу г.г. присутствующих с ней ознакомиться.

Троцкий. Во-первых, я должен сделать небольшое формальное заявление по поводу областей южнее Брест-Литовска. Как я уже заявлял дважды, когда речь шла о признании Украинской делегации, самоопределение Украинской Республики еще не достигло того пункта, когда границы, отделяющие нас от нового государства, оказались бы уже проведенными с согласия обеих сторон. Я тогда уже указывал, что вопрос этот не создаст практических затруднений в переговорах; так как, согласно нашим принципам, границы определяются заинтересованными массами населения, то в каждом отдельном случае понадобилось бы соглашение между нашей и Украинской делегацией.

Это, разумеется, распространяется целиком и на области южнее Брест-Литовска. Что касается линии, проведенной на этой карте, то мы были бы очень благодарны, если бы нам объяснили, какими принципами и соображениями руководствовались при проведении ее.

Гофман. Эта линия, поскольку в нашем владении находятся целые нации, т.-е. поскольку их территории заняты нашими войсками,—эта линия, по нашему мнению, очерчивает их границы. Вот например, граница территории Литовского народа.

Севернее линия не может совпасть с границей расселения народностей, ибо, как это известно г. Председателю Русской делегации, линия Восточного фронта пересекает области, населенные Латышским народом. Начерченная линия продиктована военными соображениями: она обеспечит народам, живущим по ту сторону линии, спокойное государственное строительство и осуществление права на самоопределение.

Согласно прежним разъяснениям г. Председателя Русской делегации, Российское Правительство намерено предоставить и тем частям этих народов, которые живут по другую сторону линии,—возможность высказаться свободно, без всякого давления, по вопросу об устройстве будущей своей политической судьбы. Применение это-

го принципа я считал бы в особенности желательным по отношению к Латышскому народу.

Равным образом, г. Председатель Русской делегации высказал свою готовность предоставить эту возможность и Эстонскому народу.

Троцкий. Полагаю, что, раз г. Представитель Германского Верховного Командования изложил принципы, положенные в основу создания этой линии и раз г. Председатель Германской делегации не сделал никаких дополнительных сообщений по этому поводу,— данные здесь г. Представителем Германского Верховного Командования разъяснения исчерпывают взгляды Германского Правительства.

Кюльман. Я готов при дальнейшем обсуждении дать дополнительные разъяснения относительно тех основных принципов, которые изложены генералом Гофманом. Но вряд ли нужно снова указывать, что и по этому вопросу между руководящими кругами Империи и Верховным Командованием не может существовать никакого разногласия.

Троцкий. После заявлений г. Представителя Германского Верховного Командования и дополнительного сообщения г. Председателя Германской делегации, я считаю целесообразным сделать перерыв, для ознакомления Русской делегации с этой столь ярко обозначенной на карте линией.

Кюльман. Полагаю, что пожелание Русской делегации дать ей возможность обсудить эту линию встретит общее согласие. Но я хотел бы, если г. Председатель Русской делегации ничего не имеет против этого, предложить ему еще несколько вопросов, в связи с темами, затронутыми в одном из заседаний до рождественского перерыва. Первый вопрос касается Кавказа. Может ли г. Председатель Русской делегации сказать мне—конечно, он может мне не ответить,— каково в данное время положение дел на Кавказе, и находится ли Кавказская армия под непосредственным влиянием Петроградского Правительства или нет?

Троцкий. Хотя этот вопрос затрагивает непосредственно интересы Турецкой делегации, здесь не представленной,—тем не менее, у меня нет никаких оснований не ответить на него, поскольку он касается наших переговоров.

Кавказская армия находится всецело под командой властей, подчиненных Совету Народных Комиссаров, и это было недавно, недели две тому назад, подтверждено на всеобщем съезде делегатов Кавказского фронта.

Кюльман. Второй вопрос касается Аландских островов; вопрос этот нас очень интересует, так как старый договор был подписан и нами. При этом, прежде всего надо было бы предварительно установить, намерены ли г.г. Представители Совета Народных Комиссаров и впредь рассматривать вопрос об Аландских островах, как вопрос международный, или же надо считать, что Финляндская Республика, признанная теперь многими великими державами, имеет

также право самостоятельно выступать по международным вопросам, касающимся этих островов.

Троцкий. Провозглашение государственной самостоятельности Финляндии не внесло до настоящего времени никаких изменений в вопрос об Аландских островах.

Кюльман. Я уже до рождественского перерыва имел честь предложить Русской делегации вопрос, согласна ли она возобновить с нами договор, по которому эти острова были бы нейтрализованы, и, в таком случае, было бы запрещено пользоваться ими как военной и морской базой.

Уже тогда со стороны Русской делегации указывалось, что договор относительно Аландских островов имеет целый ряд подписей, и что поэтому Русская делегация предпочитает поставить этот вопрос на международное обсуждение. Я хотел бы указать на то, что из этого договора, который, вследствие случайной исторической комбинации после Крымской войны, носит целый ряд подписей,—что, конечно, хорошо известно г. Председателю Русской делегации,—вытекают некоторые индивидуальные права Германии; эти права, вследствие нашего положения в Балтийском море, имеют для нас первоклассное значение, и признание их в мирном трактате является непременным требованием с нашей стороны. Россия ничего не потеряет, если не считать, что она приобрела какие-либо новые права, в силу того, что сначала были возведены укрепления на этих островах, вопреки договору, а затем царским правительством была сделана попытка, разоблаченная нынешним Правительством, противные договору укрепления превратить в постоянные.

Троцкий. Вопрос об Аландских островах получает новое освещение, в связи с линией, обозначенной на карте. Так как высказаться по поводу этой линии придется не только нам, но и всему миру, то мы оставляем за собою право ответить на все эти вопросы в общей [redacted]

Кюльман. Я указывал в прошлый раз, что если со стороны Российского Правительства нет возражений, то мы желали бы, в интересах поддержания добрососедских отношений между народами, живущими по берегам Балтийского моря, привлечь их к подписанию нового договора.

В особенности, это касается Шведского народа, который, благодаря своему географическому положению, сильно заинтересован в этом новом договоре.

Правда, Швеция не участвует в наших переговорах, но у нас есть вполне обоснованное убеждение, что Шведский народ стремится участвовать в этом договоре. Не пожелаете ли Вы высказаться по этому поводу?

Троцкий. Я только что дал формальный ответ, который, как мне кажется, включает в себе ответ и на этот вопрос.

Кюльман. Вот те два вопроса, которые я считал нужным задать в связи с обсуждаемым материалом. Остается только установить

М. Н. Покровский, В. М. Альтфатер, А. А. Иоффе, Л. Д. Троцкий.

срок, когда Русская делегация даст нам ответ на сообщения, сделанные в сегодняшнем заседании.

Троцкий. Если противная сторона не возражает, то мы, согласно установленному обычаю, сообщим ей о том, когда мы будем готовы дать разъяснения по затронутым вопросам.

Кюльман. Нельзя ли приблизительно указать, когда это будет?

Троцкий. Сегодня или завтра.

Кюльман. Возражений нет?

Чернин. Я хотел бы задать г. Троцкому еще один вопрос. Области, занятые Австрийскими войсками,—у меня под рукой нет карты,—доходят приблизительно до района, лежащего севернее Люблина.

До сих пор я был того мнения, что по этим вопросам решающие переговоры следует вести с Украинской делегацией, и последняя, кажется, была такого же мнения. Я был бы поэтому признателен г. Председателю Русской делегации, если бы он высказался по данному вопросу.

Троцкий. Наше мнение я уже высказал. По всем территориальным вопросам, поскольку согласие между Россией и Украиной еще не достигнуто, необходимо соглашение этих двух делегаций. В тех случаях, когда вопрос касается областей, бесспорно принадлежащих, скажем, Украине, дело будет решено формальным путем и без затруднений. Но необходимость соглашения обеих делегаций остается, с нашей точки зрения, во всей своей силе, так как, в противном случае, у нас не было бы критерия для того, чтобы отделять спорные области от бесспорных.

Чернин. Не будет ли г. Председатель Русской делегации так любезен указать мне на карте на одном из следующих заседаний, какие именно области при проведении границы между Украиной и Россией он считает спорными и какие бесспорными?

Троцкий. Я повторяю еще раз: при том положении, в каком в данное время находится вопрос о самоопределении Украины, — вопрос этот зависит не от нашей воли и не от воли Украинской делегации, а от самого процесса самоопределения Украинской Республики. Я не могу по собственному усмотрению давать такие указания; для этого необходимо соглашение между нашей и Украинской делегациями, и если бы та или иная область показалась нам спорной, то нам пришлось бы сначала установить отношение этих областей к Германии и Австро-Венгрии, а определение границ отложить до рассмотрения этого вопроса совместно с Украинской Республикой.

Кюльман. Если нет больше вопросов, то я предлагаю закрыть заседание и отложить его до того срока, когда Русская делегация даст нам ответ.

Заседание закрывается в 11 час. 52 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

18/5 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 49 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, мы продолжаем заседание политической комиссии, прерванное сегодня утром.

Троцкий. Предъявленные в сегодняшнем утреннем заседании территориальные притязания Германской и Австро-Венгерской делегаций завершают в известном смысле основные политические переговоры.

Позиция противной стороны в политико-территориальном вопросе вполне вырисовалась теперь для нас в своих конкретных очертаниях и сводится к следующему:

Германия и Австро-Венгрия отрезают от владений бывшей Российской Империи территорию размером свыше 150.000 квадратных верст, при чем в границы ее входят бывшее Царство Польское, Литва и значительные пространства, населенные украинцами и белоруссами; далее намеченная линия прорезает территорию, населенную латышами, разделяя ее на две части и отсекает населенные эстонцами острова Балтийского моря—от Эстонской части континента. В пределах названных областей Германия и Австро-Венгрия сохраняют режим военной оккупации не только по заключении мира с Россией, но и по заключении всеобщего мира, — при чем обе упомянутые Державы отказываются вступать в какие бы то ни было объяснения не только относительно срока очищения оккупированных областей, но и вообще отказываются связать себя какими бы то ни было обязательствами, в смысле очищения оккупированных областей от своих войск.

Внутренняя жизнь этих областей остается, следовательно, в течение неопределенного исторического периода, в руках оккупационных властей, и развитие проживающих в этих областях народов должно будет совершаться в тех рамках, какие окажутся совместимыми с интересами названных Держав.

При этих условиях, те или иные гарантии волеизъявления поляков, литовцев или латышей носят совершенно иллюзорный характер, и практически дело сводится к тому, что Правительства Германии и Австро-Венгрии берут в свои руки управление судьбами названных народов.

Мы считаем своим политическим долгом открыто установить этот факт. В данной стадии переговоров, я не считаю нужным, после всей совершенной нами работы, подвергнуть снова принципиальной критике эти условия и доказывать, что они построены в совершенно другой плоскости, нежели заявления от 25/12-го декабря, и что прочный и длительный мир народов возможен лишь при условии правильного осуществления принципа самоопределения народов.

В виду достигнутого таким образом завершения работ политической комиссии, я предлагаю устроить перерыв в ее работах, дабы дать возможность правительственным органам Российской Республики вынести свое окончательное решение по поводу предложенных нам условий мира. Этот перерыв должен был бы, по моему мнению, продолжаться дней 8—9.

Я, со своей стороны, предлагаю назначить следующее заседание этой комиссии на 29-е января в 11 час. утра.

В виду нареканий со стороны части германского общественного мнения, будто бы Русская делегация затягивает переговоры,—я считаю необходимым заявить, что ясность была бы достигнута несомненно скорее, если бы условия противной стороны были поставлены с самого начала не в чуждой им плоскости самоопределения народов, а так, как они были сегодня выявлены генералом Гофманом, т.-е. как вытекающие из права военной оккупации и как направленные, по словам г. Председателя Германской делегации, на ограждение упомянутых территорий от вторжения в них революции. Вместе с тем, я имею честь довести до сведения г.г. Председателей и членов обеих делегаций, что я вынужден сейчас, в связи с лежащими на мне политическими обязанностями, поехать в Петроград, при чем на время моего отсутствия председательствование Русской делегацией и все соответственные полномочия переходят к т. Иоффе.

Кюльман. Мне не приходится особенно подчеркивать, что я не могу присоединиться к тому толкованию наших намерений, которое придал им г. Председатель Русской делегации, теперь, когда работы нашей политической комиссии подходят к концу. Он, правда, очень бегло высказал свои критические соображения относительно той линии, которая сегодня утром была предложена комиссии. Из них мне кажется наиболее спорным утверждение, будто бы значительная часть украинцев, вопреки этнографическим соображениям, входит в области, заключенные в эту линию. Как уже сегодня утром указывалось, в настоящий момент происходит обмен мнений по национальным вопросам с Украиной. После сегодняшнего заявления г. Председателя Русской делегации о том, что вопросы о внутренних границах ни в коем случае не могут вызвать трений между Российским Правительством и Правительством Украины, я могу надеяться, что если переговоры приведут к желательным для обеих сторон результатам, то одновременно будет достигнуто и совпадение желаний и требований обеих сторон в отношении этнографических условий.

При определении границ Литвы, сохранены этнографические границы, насколько это было возможно; то же самое можно сказать и по отношению к Курляндии.

Мы не можем присоединиться к мнению г. предыдущего оратора, т. е. к его отказу от исторически сложившихся разграничений, но я могу заранее заявить, что если в будущем представится возможность удовлетворительного устройства Латвии, то мы, с своей стороны, охотно примем участие в разрешении этой задачи.

Г. предыдущий оратор, как это можно было заключить из предше-

ствовавших прений, обращал главное внимание на присутствие в этих областях организованных военных сил и находился под влиянием того ложного представления, будто подобное присутствие организованных сил, даже в указанном минимальном количестве, абсолютно воспрепятствует свободе политического волеизъявления. Равным образом, он, по моему мнению, совершенно неправильно охарактеризовал наше отношение к этим областям по заключении всеобщего мира.

Как ни противился г. предыдущий оратор признать, что в этих государствах уже существуют государственная жизнь и государственная воля, он, придерживаясь своей точки зрения, тем не менее, не может сомневаться в том, что, по крайней мере, после предполагаемого всеобщего голосования или после выборов в парламент эта государственность будет налицо. Из этого, насколько мы понимаем, логически следует, что вопросы оккупации нам придется обсуждать уже с этими государствами.

Г. предыдущий оратор совершенно справедливо указал, что между интересами упомянутых областей и обеими представленными здесь Империями существует известный параллелизм.

Как уже было указано, мы, ни в коем случае, не считаем соответственые гарантии иллюзорными. Мы намерены, в полном согласии с этими народами, способствовать быстрому развитию уже существующих у них органов самоуправления и внутреннему порядку,—и, таким образом, довести эти народы до полного расцвета их национальной и экономической мощи.

Я твердо убежден, что, таким образом, можно было бы найти основу для длительного и прочного мира,—мира, так же соответствующего интересам этих народов, как и интересам Союзных Держав и России. Удастся ли заключить такой мир, это будет зависеть от исхода настоящих переговоров.

Г. предыдущий оратор снова пытался установить принципиальное разногласие между разъяснениями генерала Гофмана и моими; я должен повторить, что подобная попытка обречена с самого начала на неудачу.

Основы, из которых исходят здесь и Германская делегация, и генерал Гофман, являются результатом продолжительной совместной работы всех правительственных органов Империи. И если, что вполне понятно, солдат и выражается крепче, чем это делаем при переговорах мы, дипломаты, то из этого еще не следует, что в основных взглядах между нами существует какое-нибудь разногласие.

Если Русская делегация хочет создать себе правильное и правдивое представление о том, чего добивается Германия путем настоящих переговоров, то она должна на все наши заявления смотреть, как на одно вполне продуманное целое.

Принимаю к сведению сообщение г. Председателя Русской делегации о необходимости, по соображениям внутренней политики, приблизительно 8-миднevного перерыва. Но признаюсь, что мне и нашим Союзникам было бы приятнее довести переговоры до конца в один прием.

Если я коснусь еще в двух словах подробностей этого перерыва и предполагаемой поездки г. Председателя Русской делегации, то только потому, что после нашего последнего перерыва произошли инциденты и недоразумения, вызвавшие беспокойство в широких кругах и, во всяком случае не способствовавшие успеху наших дальнейших работ.

Из назначения следующего заседания нашей комиссии на 29-е января в 11 ч. утра, я делаю вывод, что нынешний г. Председатель Русской делегации намерен снова вернуться к нам к этому сроку.

Заявление, что на время его отсутствия председательствование примет на себя г. Иоффе, я приветствую во всех отношениях и надеюсь, что Русская делегация использует перерыв в работах комиссии для подготовки и разработки, совместно с Союзническими делегациями, многочисленных, еще не разрешенных вопросов, так что, в случае соглашения по политическим вопросам,—я все еще не хочу оставить надежды на это, пока факты не докажут мне противного,—вся работа будет подготовлена настолько, что нам останется только подписать договор.

Троцкий. Я взял слово не для того, чтобы прибавить к сказанному мною какое-нибудь заявление по существу, а лишь для устранения некоторых недоразумений, вызванных отчасти неточностью перевода. Я никоим образом не хочу упрекнуть г. переводчика, наоборот, я должен выразить ему свою признательность за чрезвычайно добросовестный перевод; должно считаться с тем, что, слушая речь, он не имеет текста перед глазами.

Г. Председатель Германской делегации извлек из моей речи признание параллелизма интересов Германии и Австро-Венгрии, с одной стороны, и оккупированных областей—с другой. Полагаю, что интересы всех трудящихся масс однородны, но я не говорил ни о каком особенном параллелизме интересов двух оккупирующих держав и оккупированных областей и не мог, конечно, этого говорить. Я только подчеркнул, что будущее развитие оккупированных областей осуществится в тех пределах, какие Правительства Германии и Австро-Венгрии сочтут совместимыми со своими интересами.

Точно так же, я не собирался устанавливать какое-либо разногласие между заявлениями генерала Гофмана и г. Статс-секретаря; наоборот, я только пытался установить несомненное для меня различие между заявлениями генерала Гофмана и г. Статс-секретаря и теми принципами, которые были формально признаны 25/12-го декабря противной стороной.

Если бы даже я и явился сюда с ложным представлением о каких-то разногласиях в указанной области, то весь ход переговоров, разумеется, должен был рассеять такого рода ложное представление.

Г. Председатель сказал, что солдат выражается крепче там, где дипломаты говорят более осторожным и уклончивым языком. Этим он совершенно правильно указал, что отмеченное нами разногласие относится скорей к форме, нежели к содержанию.

Так как мы, члены Русской делегации, по самому своему прошлому не принадлежим к дипломатической школе, а скорее можем

считаться солдатами революции, то мы предпочитаем—я в этом открыто сознаюсь—определенные и ясные во всех смыслах заявления. Во всяком случае, требуемая для столь ответственных решений ясность достигнута.

Я присоединяюсь к соображениям г. Председателя относительно использования перерыва, который создается в работах политической комиссии.

Кюльман. Я хочу лишь в нескольких словах ответить на замечания г. предыдущего оратора. Между духом заявления от 25/12-го декабря и заявлением позднейшим, как я уже раньше сказал, нет никакого противоречия. Мы намерены, насколько это будет зависеть от нас, способствовать развитию народностей, о которых здесь так подробно говорилось, с тем, чтобы интересы держав Четверного Союза и интересы этих народностей были удовлетворены в одинаковой степени.

Я с удовольствием отмечаю, что г. предыдущий оратор, как он сам сказал, вынес из заявлений генерала Гофмана, заявлений наших Союзников и из моих собственных разъяснений ясное представление о намерениях Германии и союзных ей Держав. Добиваться ясности есть высшая цель дипломатических переговоров. И наша дальнейшая задача — сделать соответствующие выводы.

Если ни у кого нет больше вопросов, то я назначаю следующее заседание политической комиссии на 29-е января в 11 час. утра, здесь же, в Казино № 3.

Заседание закрывается в 6 час. 30 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

30/17-го января 1918 года.

Заседание открывается в 12 час. дня под председательством Талаат-Паши.

Талаат-Паша. Господа, после того, как мирная делегация возвратилась в Брест-Литовск, я открываю заседание и приветствую Вас здесь.

Кюльман. В составе Германской делегации произошло изменение в том смысле, что Баварское Королевское Правительство, опираясь на права, обеспеченные ему договором, в согласии с Рейхс-Канцлером и Его Величеством Императором Германии, послало на переговоры в Брест-Литовск Королевского Баварского посланника графа Подевильс Дюрниц. Министр Подевильс, таким образом, впредь будет членом Германской делегации.

Троцкий. В составе Русской делегации также произошли некоторые изменения. Одно из них имеет чисто личный характер: здесь, в дальнейших работах, примет участие Народный Комиссар Имуществ Республики Карелин; другое изменение имеет государ-

ственно-политическое значение: оно касается участия в составе нашей делегации двух Представителей Украинской Народной Республики. Об этом мы имели честь сообщить письменно.

Правительство Советов Раб., Солд. и Крестьянских Депутатов Украинской Республики делегировало для ведения мирных переговоров трех своих представителей, из которых один, Народный секретарь по Просвещению Затонский, остался в Петрограде в составе Правительства Народных Комиссаров, а два других, именно— Председатель Украинского Исполнительного Комитета Медведев и Народный секретарь по Военным Делам Шахрай находятся здесь, в составе нашей делегации. Последнее обстоятельство имеет серьезнейшее значение для хода дальнейших переговоров и является отражением того внутреннего положения, которое сложилось на Украине. Так как противная сторона заинтересована в точной осведомленности относительно действительного положения вещей на Украине, то я считаю необходимым дать нижеследующее краткое разъяснение:

Украина подверглась за революционный период той же политической эволюции, что и Россия, лишь с некоторым различием во времени. Киевская Рада является правительством, по своему социальному составу и по своим политическим методам очень близким к бывшему Российскому правительству Керенского. Украинские Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов повсеместно ведут самую решительную борьбу против Киевской Рады; при чем в большей части Украины эта борьба привела уже к полной победе Украинской Советской власти, действующей в полном согласии с Советом Народных Комиссаров. Достаточно сказать, что весь Донецкий угольный бассейн, Екатеринославская промышленная область, Харьковская и Полтавская губернии находятся всецело под управлением Украинской Советской власти. В других частях Украинской Республики борьба характеризуется все возрастающим значением Советов и убывающим влиянием Киевской Рады. В день нашего отъезда нам сообщили в Петроград по прямому проводу из Киева, что Киевский Генеральный Секретариат, тот самый, который был представлен здесь делегацией под председательством г. Голубовича, подал в отставку. В настоящий момент мы еще не знаем, чем кончится этот кризис Киевской власти, и как он отразится на судьбе делегации г. Голубовича. Но из изложенного ясно, во всяком случае, что мир, заключенный с делегацией Киевского Генерального Секретариата, при настоящих условиях ни в коем случае не может еще считаться миром с Украинской Республикой.

В своей речи в комиссии Рейхстага г. Статс-секретарь изобразил дело так, будто мы признавали Украинскую делегацию до тех пор, пока надеялись, что она будет для нас вспомогательным отрядом, а теперь, когда убедились в своей ошибке, начинаем отказывать ей в своем признании. Это, к сожалению, слишком субъективная обрисовка дела. Уже в первом заседании, где возник вопрос об Украинской делегации, я, в ответ на соответственный запрос г. фон-Кюльмана, разъяснил, что государственное самоопределение Украинской Республики находится еще в процессе своего

развития, и здесь, по необходимости, приходится считаться не с юридически установившимися, а с преходящими явлениями. Так, в частности, я заявил, что, в виду того, что Украина еще не отмежевалась территориально, одностороннее соглашение Центральных Империй с Киевской делегацией по вопросу о границах, как предмете мирного договора, не может иметь силы, если оно не скреплено делегацией Совета Народных Комиссаров. Сейчас, когда в Петрограде заседает Всероссийский Съезд Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, где представлены также и влиятельные Украинские Советы, и где единодушно устанавливаются федеративные основы Российской Республики, участие представителей Украинского Центрального Исполнительного Комитета в составе нашей делегации отвечает действительному положению вещей в Российской Республике.

Если делегация г. Голубовича попрежнему имеет мандат от Киевского Генерального Секретариата, то мы попрежнему не возражаем против ее дальнейшего участия в мирных переговорах. Но теперь, менее, чем когда-либо, может подлежать сомнению, что только такое соглашение с Украиной может быть признано действительным и войти в жизнь, которое будет формально признано представительством Российской Федеративной Республики, при прямом участии входящего в состав нашей делегации представительства Украинского Народного Секретаритата.

Левицкий. Как член Украинской делегации, я имею честь сделать следующее заявление: Перед отъездом нашей делегации, между членами ее состоялось соглашение, чтобы до приезда ее никто из ее членов не выступал по политическим вопросам. Поэтому, вопрос об отношении нашей делегации ко всему, здесь заявленному г. Представителем Совета Народных Комиссаров, а также вопрос об отношении делегации к г.г. Представителям г. Харькова остаются открытыми до приезда остальных членов нашей делегации.

Кюльман. Равным образом, от имени делегаций Четверного Союза, я предложил бы отложить обсуждение вопроса по существу до возвращения всех членов Киевской делегации. То обстоятельство, что мы во время мирных переговоров будем иметь дело с неопределенными еще и находящимися в процессе образования факторами, было с самого начала ясно представителям Четверного Союза, и в этом они усматривали громадное затруднение для всей мирной работы. Все обстоятельства признания делегации Киевской Рады основываются на публичном праве, и с ними можно ознакомиться из стенограмм. Во всяком случае, я считаю нужным установить, что г. Председатель Русской делегации не указал на то, что, одновременно с делегацией Киевской Рады, под председательством г. Голубовича, имеет притязание говорить от имени Украинского народа еще и другая делегация. Только в письменном сообщении, поступившем к нам во время перерыва, нам было поставлено это требование противной стороны. Согласно сообщению, которое г. Председатель Русской делегации сделал нам раньше, Правительство, ныне существующее в России, основывается на силе, и поэтому возникает вопрос, которая из двух орга-

низаций, считающих себя в данное время в праве говорить от свободной Украинской Республики, имеет перевес и силу на своей стороне. Как я уже сказал, я не хочу останавливаться на сущности этого вопроса до приезда г.г. Представителей Киевской делегации. Поведение Киевской делегации здесь, в Бресте, до известной степени не осталось без влияния на отношение к этому вопросу Русской делегации—это, конечно, мое субъективное мнение, но если г. Председатель Русской делегации убедит меня в противном, то я вполне готов изменить свою точку зрения. Он, конечно, лучше осведомлен о событиях.

Положение дел, по-моему, в кратких словах, следующее: никем не оспаривается существование свободной Украинской Республики, но две самостоятельные делегации утверждают, что они правомочны представлять эту Республику в международных вопросах. Вопрос этот настолько серьезен, что Союзнические делегации обсудят его с интересом и внимательно.

Т р о ц к и й. Мы также полагаем, что в эпоху мировой войны приходится считаться с явлениями, находящимися в процессе изменений и преобразований. Г. Статс-секретарь совершенно прав, напоминая, что при обсуждении вопроса о Киевской делегации я ничего не говорил о существовании в пределах Украинской Республики другой организации, предъявляющей свои права на государственную власть. Мы тогда считали, что вопрос о том, в какой мере делегация Украинской Рады может с успехом представлять интересы Украинской Республики, лучше всего может быть разрешен авторитетными органами трудящихся масс самой Украины. И до того момента, как Советы Р., С. и Кр. Депутатов Украины не подняли вопроса о необходимости их представительства здесь, в Брест-Литовске, мы не имели никаких оснований возбуждать этот вопрос в наших прениях.

Я должен здесь отметить одно утверждение г. Председателя Германской делегации, которое он, если правильно передают газеты, сделал также и в главной комиссии Германского Рейхстага, а именно—будто я дважды заявлял, что существующее в России Правительство опирается только на силу. Я должен сказать, что те правительства, которые опираются только на силу, никогда этого не признают. Они ссылаются на традиции, унаследованные учреждения и другие невесомые величины. Я признаю, что в существующем обществе, в котором имеются отдельные классовые группировки,—наше Правительство опирается, разумеется, и на силу, но из этой силы мы делаем то употребление, которое, по нашему мнению, соответствует интересам представляемых нами классов.

Несомненно, вопрос о том, которая из двух Украинских организаций будет иметь окончательное и несомненное право говорить от имени Украинской Народной Республики, разрешится практическим исходом борьбы и соревнования этих организаций. Для нас вопрос заключается в том, какая из этих организаций воплощает в себе прогрессивные тенденции развития, вызванные к жизни революцией. И, если я говорил о субъективной обрисовке дела со стороны г. Статс-секретаря, то не в том смысле, будто мы относимся одинаково к Киевской Раде и к Центральному Исполнительному Комитету, здесь

представленному. Мы и до начала переговоров в Брест-Литовске и за все время этих переговоров, в смысле политических симпатий, стояли и стоим целиком на стороне Харьковского Центрального Исполнительного Комитета. Но вопрос не в том, с кем мы политически связаны, кому мы сочувствуем и кого мы поддерживаем, а в том,— возражаем ли мы или не возражаем против участия делегации Киевской Рады в здешних мирных переговорах. Г. Статс-секретарь мог узнать из немецкой печати, что мы, еще до обсуждения здесь вопроса о Киевской Раде, определили к ней свое политическое отношение. Повторяю, если Киевский Генеральный Секретариат продолжает свое существование и считает законным свой мандат, то и мы сохраняем по отношению к его делегации занятую нами позицию.

Кюльман. Я уже указывал, что не считаю целесообразным сейчас, до возвращения Киевской делегации, войти в обсуждение этого вопроса по существу. Если г. Председатель Русской делегации утверждает, что он в свое время не высказывался в том смысле, будто власть Советов опирается только на силу, то, во всяком случае, у меня осталось в памяти его утверждение, что власть Советов опирается и на силу. Говорил ли он, что власть опирается и на силу или только на силу, это обстоятельство можно будет выяснить из протоколов. Я сегодня не хотел бы касаться этого вопроса, но, во всяком случае, вопрос этот представлял бы собой интересный материал для прений, на чем еще основывается Российское Правительство, если г. Председатель Русской делегации говорил, что оно основывается и на силе; но эти прения,во всяком случае, вышли бы из рамок сегодняшнего заседания, которое должно носить более формальный характер.

Чернин. Я хотел бы прибавить к этому интересному обсуждению, в согласии с г. Председателем Германской делегации, что следовало бы подождать возвращения Киевской делегации. Но так как, мне кажется, жаль терять время, то предлагаю, чтобы, до выяснения этого вопроса, так называемая территориальная комиссия снова приступила к своим занятиям.

Троцкий. Я, разумеется, не имею оснований возражать против справки в протоколе, но я просил бы, чтобы делающиеся здесь заявления оценивались также и по их внутреннему смыслу, по их внутренней логике. Я не отказываюсь также, по инициативе г. Статс-секретаря, поднять интересный вопрос, на чем еще, кроме силы, основывается Российское Правительство. Я готов расширить этот вопрос и распространить его и на некоторые другие правительства. Со своей стороны, я готов представить такие разъяснения, которые дадут г. г. Представителям противной стороны понятие о том, какие именно силы, настроения и народные страсти, вызванные к жизни войной, подрывают старые и укрепляют новые правительства. Я констатирую с удовлетворением, что г. Председатель Австро-Венгерской делегации и в этом вопросе поддерживает предложение г. Председателя Германской делегации. Со своей стороны, я присоединяюсь к предложению г. Председателя Австро - Венгерской деле-

гации относительно возобновления в ближайшем будущем работ так называемой территориальной комиссии.

Считаю далее необходимым ликвидировать здесь известный инцидент, обсуждавшийся нами по инициативе г. Статс-секретаря и в свое время привлекший к себе внимание широких общественных кругов. В одном из заседаний до последнего перерыва, наша делегация категорически признала, что немецкий официальный отчет,— в противоположность той неизвестной нам телеграмме, которая приписывалась Петроградскому Телеграфному Агентству, — совершенно правильно передал речь Председателя Русской делегации Иоффе. Это мое заявление было в явно искаженном виде передано из Брест-Литовска в Берлин, в том смысле, будто я признал подложность телеграммы Петроградского Телеграфного Агентства. Теперь, в Петрограде, я произвел расследование, которым установлено, что Петроградское Телеграфное Агентство подобной телеграммы не отправляло. Где и как возникло это недоразумение или эта подделка, в Стокгольме или в Берлине, я лишен возможности проверить, и предоставляю выяснить это заинтересованным органам. Но я со всей категоричностью отвергаю инсинуацию по адресу Российского Правительства в том, будто оно распространяло ложные сведения в политических целях. Искажение отчетов не входит в практику Российского Правительства. Не решаюсь более настаивать на том, чтобы это мое заявление было доведено до сведения германского общественного мнения, так как предшествующий опыт отучил меня от тщетных надежд в этом направлении.

Талаат-Паша. Так как более никто не желает высказаться, то заседание объявляется закрытым и, в согласии с высказанным желанием, будет продолжаться заседание так называемой территориальной комиссии.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

31/18 января 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 44 мин. пополудни под председательством графа Чернина.

Чернин. Я открываю заседание. Г. Статс-секретарь просит слова для заявления.

Кюльман. Я поручил внимательно просмотреть протокол, о котором шла речь на вчерашнем пленарном заседании, и если со стороны г. Председателя Русской делегации нет никаких возражений относительно порядка ведения заседания, то я, с целью ликвидации этого инцидента, готов огласить соответствующее место протокола.

Троцкий. Я решительно ничего не имею против этого.

Фон-Геш. Речь идет о протоколе заседания от 14/1-го января. Г. Председатель Русской делегации отвечает на речь генерала Гоф-

мата. В одном из его заявлений имеются такие слова: «Затем, я должен указать, что г. генерал был вполне прав, когда говорил, что наше Правительство опирается на силу. В истории мы до сих пор не знаем других правительств. До тех пор, пока общество состоит из борющихся классов, государство останется по необходимости орудием силы и будет применять аппарат насилия».

Троцкий. Я считаю, что эта цитата целиком подтверждает мои слова. Я не хотел бы расширять прений по этому вопросу и переходить на почву философии права, но я мог бы сослаться на Гегеля, который учил нас тому, как правовая идея материализуется и становится силой. В этом смысле, каждое государство представляет собой организованную силу. Вопрос только в том, какая идея материализована в этом государстве. Если г. Статс-секретарь хотел сказать, что идея, воплощенная в учреждениях Российской Республики, им отвергается, я это охотно допускаю.

Кюльман. Я не хочу сегодня входить в обсуждение принципов Российского Правительства, насколько оно представлено Советом Народных Комиссаров, и я также не могу вступать в прения относительно правовой философии Гегеля; я только считал нужным огласить соответствующее место протокола, потому что в нем я не нашел того утверждения и того ограничения, на которое вчера указывал здесь г. Председатель Русской делегации, будто бы Российское Правительство опирается и на силу и еще на что-то другое.

Троцкий. Я констатирую, что оглашенная цитата категорически опровергает утверждения, сделанные г. Статс-секретарем на заседании Рейхстага. В подкрепление своих утверждений, ему понадобилось прибавить слово «ausschliesslich», «исключительно» на силу; именно поэтому я и истолковал это место в том смысле, что наша власть опирается **и на силу,** но не **исключительно** на силу. Я не думаю, чтобы г. Статс-секретарь мог отрицать, что Германское Государство опирается на силу, но вряд ли он согласится признать, что оно опирается только на силу. Больше я ничего не имею прибавить.

Кюльман. Полагаю, что прения относительно толкования приведенной цитаты не разрешат нашего спора. Я, со своей стороны, не имею ничего добавить.

Троцкий. В сегодняшних или, вернее, в полученных нами сегодня газетах имеется телеграмма, которая, будучи принята на веру, может оказать вреднейшее влияние на ход наших переговоров. В этой телеграмме, с ссылкой на Петроградское Телеграфное Агентство, приводится заключительная часть моей речи на Третьем Всероссийском Съезде Советов Р., С. и Кр. Депутатов. Я, действительно, сделал там доклад о ходе мирных переговоров в Брест-Литовске и изложил свою личную точку зрения, совпадающую со взглядами нашей делегации и нашего Правительства,—точку зрения, неоднократно выраженную мною и здесь. В телеграмме сказано, однако, будто я заявил, что Русская делегация не заключит сепаратного мира. Это утверждение является измышлением и прямой противоположностью тому, что я говорил. Со стороны незначительной группы, находившейся

в оппозиции на этом съезде, мне было предложено заявить или обещать, что наша делегация не подпишет сепаратного мира. Я на это ответил (у меня нет под рукой стенографического отчета, но я ручаюсь за безусловно точный смысл своих слов) следующее: мы со своей стороны сделали все для того, чтобы привлечь к участию в переговорах все воюющие страны, и если сейчас переговоры ведутся только о сепаратном мире, то ответственность за это падает на те правительства, которые не пошли навстречу мирным переговорам. Если бы я дал обязательство не подписывать сепаратного мира, то это значило бы, что я дал бы обязательство за Русский народ воевать до тех пор, пока это будет угодно Великобританским, Американским и другим империалистам. Это означало бы, что мы продолжаем предательскую политику прежнего правительства. Я категорически отказываюсь давать подобное обещание. Мы возвращаемся в Брест-Литовск для того, чтобы отстоять честный демократический мир, и мы его подпишем, когда нам наша политическая совесть подскажет, что этот мир не противоречит интересам нашего народа и других народов.

Чернин. Если в австрийских или германских газетах появляются неправильные сведения или ложные отчеты, то за это ни в коем случае не отвечают Австро-Венгерское и Германское Правительства. Если это сообщение помещено и в австро-венгерских газетах, то я, со своей стороны, готов расследовать это дело и узнать, совершена ли подделка и, если совершена, то где именно.

Кюльман. Раз г. Председатель Русской делегации так интересуется этим вопросом, то делегации Четверного Союза были бы благодарны за приобщение к актам настоящей мирной конференции подлинного текста той речи, которую г. Комиссар по Иностранным Делам держал в Петрограде. Нельзя точно установить по этой короткой цитате источник этого сообщения, но я, со своей стороны, тоже расследую этот вопрос.

Троцкий. Я ничего не говорил о подделке, так как в данном случае возможно недоразумение. По отношению к первой телеграмме, о которой здесь упоминалось, я также не поднимал вопроса о подложности ее до тех пор, пока не произвел расследования. Что касается проявленного мною интереса, то мне кажется, что, при всей противоположности наших точек зрения, великие общие стремления требуют, чтобы прения не осложнялись заведомо ложными сообщениями, которые только вносят хаос и могут вредно отразиться на переговорах. Если бы г. Председатель Германской делегации внес предложение о приобщении к протоколам речей ответственных представителей участвующих в переговорах Держав на заседаниях законодательных органов, то, разумеется, я не возражал бы и не требовал исключения для своих речей.

Чернин Я разделяю мнение г. Народного Комиссара, что не следует осложнять переговоры фантазиями журналистов, и поэтому, я, поскольку дело касается представленного в моем лице государства, постараюсь найти источник вышеупомянутых сооб-

щений. После этого, полагаю, мы можем перейти к порядку дня сегодняшнего заседания. До сих пор, в комиссии, именуемой «комиссией по территориальным делам», разбирался вопрос об областях, занятых Германскими Имперскими войсками. С полного согласия своего соседа справа [1]), я внес предложение, чтобы сегодня был выяснен по возможности вопрос, в той его части, которая касается областей, занятых Австро-Венгерскими войсками. Занятые Австро-Венгерскими войсками области на этой карте обозначены желтой линией. Но прежде, чем войти в подробное рассмотрение этого вопроса, я предложил бы выяснить вопрос о правомочности Русской и Украинской делегаций. Г.г. Представителям Русской делегации известно, что г.г. Украинские делегаты считают себя в праве совершенно самостоятельно обсуждать и решать эти вопросы. Поэтому, я прошу г. Председателя Русской делегации высказаться по вопросу о правомочности и, таким образом, дать нам возможность обсудить его.

Троцкий. От имени нашей делегации и нашего Правительства, я категорически протестую против притязаний делегации Киевской Рады решать самостоятельно и односторонне территориальные вопросы. Вместе с тем, я констатирую, что в том заседании, где я впервые, от имени нашей делегации, заявил, в присутствии г.г. Представителей Киевской Рады, о необходимости соглашения по всем территориальным вопросам между делегацией Киевской Рады и нашей делегацией,— г.г. Представители Киевской Рады не сделали никаких возражений по поводу моего заявления. Мне неизвестно, когда и на каких заседаниях г.г. Представители Киевской Рады заявляли о своем праве на самостоятельное разрешение территориальных вопросов. Наша прежняя точка зрения сегодня еще более подкрепляется участием в нашей делегации двух Представителей Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета. Такова формальная сторона вопроса.

Что касается вопроса по существу, то я думаю на основании последних сведений,—в частности, только что полученной мною телеграммы,—что вопрос об участии Киевской Рады, как самостоятельной делегации, относится скорее к прошлому, нежели к настоящему и будущему.

Чернин. Мне кажется, что во взглядах по этому вопросу имеется существенное разногласие между г.г. Представителями Петроградской делегации и делегации Украинской. Г.г. Русские делегаты, наверно, согласятся со мною в том, что этот вопрос надо еще выяснить. Поэтому я предлагаю, по возможности скорей, созвать пленарное заседание, на котором можно было бы выяснить этот вопрос, различно решаемый Петроградом и Киевом. Пока я попросил бы разъяснений, в целях личного осведомления. Насколько я помню, в первых заседаниях обсуждался вопрос о территориальной правомочности Киевской Рады и Петроградского Правительства; если я не ошибаюсь, речь шла о тех границах, при определении которых мог бы возникнуть конфликт между Украиной и той частью России, которая управляется Петроградом. Но я не предполагал, что граница Украины, примыка-

[1]) Фон-Кюльмана.

ющая к Польше, будет предметом особых обсуждений между Киевом и Петроградом, ибо, во всяком случае, мало вероятно, чтобы управляемая Петроградом Россия вклинилась в эту область. Вопрос, который я сейчас ставлю на очередь, сводится к следующему: является ли точка зрения г. Председателя Русской делегации принципиальной, и можно ли ее выразить таким образом, что Украина вообще не имеет права судить о делах автономного Украинского Государства, и требуется ли при решении всех территориальных вопросов предварительное соглашение с Петроградом?

Троцкий. Позволю себе напомнить, что г. Председатель Австро-Венгерской делегации в одном из заседаний, еще до перерыва переговоров, задал мне вопрос: не могу ли я указать, где именно находятся спорные и где бесспорные границы Украины. Я ответил на это, что до тех пор, пока границы между Украинской Республикой и Республикой Российской не установлены с согласия обеих сторон,— все территориальные вопросы должны решаться с обоюдного согласия. Само собою разумеется, что если Украина существует и будет существовать в дальнейшем, как совершенно свободная, независимая от России республика, то, после отделения, она самостоятельно решала бы все вопросы своего государственного бытия, в том числе и вопросы территориальные. Но то Украинское Правительство, которое представлено в составе нашей делегации и которое через своих Представителей огласит свое заявление на ближайшем пленарном заседании, стоит на той точке зрения, что Украина составляет часть Российской Федеративной Республики, согласно решению последнего Всероссийского Съезда Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов. В этом смысле, необходимо, чтобы разрешение вопроса стояло в зависимости не только от настоящего положения вещей. Если раньше соглашение между нами и Украинской делегацией по необходимости вызывалось условиями момента, то теперь оно тем более необходимо, в связи с федеративным устройством нашей Республики.

Чернин. Благодарю г. Председателя Русской делегации за его разъяснение. Полагаю, что, таким образом, этот вопрос переходит в ту область, в которой решение его невозможно без участия Украинских делегатов.

Оставляю за собою право сделать соответствующие предложения.

Кюльман. Г. Председатель Русской делегации говорил о телеграмме, которой он придает большое значение. Для нашей комиссии представляло бы большой интерес узнать содержание этой телеграммы.

Троцкий. В телеграмме сообщается, что преобладающая часть Киевского гарнизона перешла на сторону Советской Украинской власти, и что вопрос о дальнейшем существовании Рады—вопрос ближайшего будущего.

Чернин. Я предлагаю завтра в половине шестого назначить пленарное заседание, в котором можно будет обсудить поднятый здесь вопрос о компетенции, с участием г.г. Представителей Петро-

града и Киева. Желает ли кто-нибудь высказаться по этому поводу? Я полагаю, что мое предложение принято, и закрываю заседание.

Троцкий. Разрешите предложить еще один вопрос. Я узнал из газет, что г. Статс-секретарь в своем письме на имя Председателя Польского Министерства Кухаржевского обещал возбудить вопрос о приглашении представителя этого министерства для участия в мирных переговорах. Можно ли ожидать, что этот вопрос будет поднят в одном из ближайших заседаний?

Кюльман. Мы поставим этот вопрос на обсуждение тогда, когда сочтем это нужным. Мое принципиальное отношение к этому вопросу выяснено уже в предыдущих заседаниях.

Троцкий. Я хотел, отнюдь не стесняя г. Статс-секретаря в выборе удобного для него времени, лишь устранить возможность недоразумения относительно того, будто с нашей стороны встречаются затруднения выдвинуть этот вопрос на первый план. Наоборот, мы заинтересованы в том, чтобы вопрос этот был поставлен как можно скорее, так как то освещение нашей позиции, которое дано в упомянутом письме, находится в решительном противоречии с нашей действительной точкой зрения.

Кюльман. Принципиальное разногласие наших точек зрения видно из протоколов, и если,—как можно заключить на основании сказанного сегодня, г. Народным Комиссаром,—взгляды Русской делегации относительно государственного существования упомянутых областей, несколько изменились, то я могу это только приветствовать, как большой шаг навстречу нашему соглашению. Я надеюсь, что будет возможно поставить этот вопрос на обсуждение в ближайшем будущем.

Троцкий. Я пока ничего не говорил об изменении нашей точки зрения, я только хотел сказать, что наша точка зрения подверглась изменению в изложении г. Статс-секретаря.

Чернин. Я, со своей стороны, считаю нужным добавить, что я горячо приветствовал бы приглашение указанных представителей, при известных условиях. Я закрываю заседание и предлагаю назначить пленарное заседание на завтра, здесь, в $5^1/_2$ час. пополудни.

Заседание закрывается в 6 час. 32 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

1 Февраля (19 Января) 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 38 мин. пополудни под председательством полковника Гантчева.

Гантчев. Объявляю заседание открытым. Я хотел бы сейчас сообщить, что в составе Болгарской делегации произошло изменение, а именно: вместо Министра Юстиции Попова здесь будет присутствовать Министр-Президент Радославов. Слово принадлежит г. Представителю Украинской Народной Республики.

Бывшее офицерское собрание, где происходили заседания мирной конференции.

Севрюк. Сначала разрешите заявить о некоторых изменениях в составе нашей делегации: вместо не прибывшего сюда Председателя Украинской делегации Народного Министра Голубовича, обязанности председателя нашей делегации буду исполнять я. Теперь разрешите мне сделать заявление по поводу последних двух заседаний мирной конференции.

Милостивые Государи! Нотой Правительства Украины—Генерального Секретариата—от 20/7-го декабря 1917 года, Украинская делегация указала, что актом Украинской Центральной Рады от 7-го ноября—третьим Универсалом—провозглашена Украинская Народная Республика, и этим самым определено ее международное положение. Это международное положение признано, как Советом Народных Комиссаров, так и г.г. Представителями держав Четверного Союза, а равно и Французской Республикой и Великобританской Империей, которые назначили своих дипломатических представителей при Правительстве Украинской Народной Республики. Доказательством этому служат, как протоколы мирной конференции, так и дипломатические акты, опубликованные в периодической печати. Что касается признания Украины независимым государством со стороны Правительства Народных Комиссаров, то оно явствует из заявления Председателя Русской делегации г. Троцкого, на заседании мирной конференции от 10-го января сего года. Там им дословно сказано следующее: «Заслушав оглашенную Украинской делегацией ноту Генерального Секретариата Украинской Народной Республики, Русская делегация, в полном соответствии с признанием за каждой нацией права на самоопределение, вплоть до полного отделения, заявляет, что со своей стороны не имеет никаких возражений против участия Украинской делегации в мирных переговорах». Так как в упомянутой ноте Генерального Секретариата сказано, что «Украинская Народная Республика, в лице Генерального Секретариата, становится на путь самостоятельных международных отношений», то упомянутое заявление по поводу этой ноты и являлось полным признанием со стороны Правительства Народных Комиссаров самостоятельности Украинской Народной Республики и права делегации ее Правительства—Генерального Секретариата—самостоятельно выступать в международных отношениях.

В том же заседании, в ответ на вопрос г. Статс-секретаря фон-Кюльмана о том, считает ли г. Председатель Русской делегации Украинскую делегацию частью Русской делегации, или же Украинская делегация в дипломатическом отношении является представительницей самостоятельного государства,—г. Троцкий заявил: «Так как Украинская делегация выступила здесь, как совершенно самостоятельная делегация, и так как в нашем заявлении мы признали ее участие в переговорах, не внося никаких ограничений, и так как здесь ни с чьей стороны не было внесено предложения о превращении Украинской делегации в часть Русской делегации,—то этот вопрос, мне кажется, отпадает сам собой». В заседании политической комиссии от 14/1-го января Председатель Русской делегации г. Троцкий сказал: «Я указал в одном из наших заявлений, что те конфлик-

ты, которые у нас имелись с Украинской Радой и которые, к сожалению, еще не ликвидированы, ни в каком отношении не могут ограничивать права Украинского народа на самоопределение и ни в коем случае не препятствуют нашему признанию независимой Украинской Республики». Кроме этого признания независимости Украинской Народной Республики со стороны Правительства Народных Комиссаров, таковая была признана также и державами Четверного Союза.

Весь ход переговоров до перерыва указывал на то, что Украинская делегация всегда рассматривалась, как делегация независимого государства. Такое безусловное признание независимости Украинской Народной Республики Правительством Народных Комиссаров продолжалось до последнего перерыва. После перерыва, в заседании от 31/18-го января, Председатель Русской делегации г. Троцкий, ссылаясь на какую-то полученную им телеграмму о том, что, якобы, большинство Киевского гарнизона восстало против Правительства Украинской Центральной Рады, пытался отрицать правомочность Украинской делегации; в качестве другого аргумента, якобы, неправомочности нашей делегации, он еще в заседании от 30/17-го января сослался на существование Харьковского Исполнительного Комитета и сказал буквально следующее: «При обсуждении вопроса о Киевской делегации, я ничего не говорил о существовании в пределах Украинской Республики другой организации, предъявляющей свои права на государственную власть. Мы тогда считали, что вопрос о том, в какой мере делегация Украинской Рады может с успехом представлять интересы Украинской Республики, лучше всего может быть разрешен авторитетными органами трудящихся масс самой Украины. И до того момента, как Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины не подняли вопроса о необходимости их представительства здесь, в Брест-Литовске, мы не имели никаких оснований возбуждать этот вопрос в наших прениях». Мы считаем нужным установить, что первая речь г. Троцкого, произнесенная им в этом же заседании, стоит в полном противоречии со всеми его предыдущими заявлениями. Если раньше г. Троцкий признавал независимость Украинской Народной Республики и не возражал против ноты Украинского Генерального Секретариата, в которой было сказано, что власть Совета Народных Комиссаров на Украину не распространяется, то теперь г. Председатель Русской делегации указывает, что никакое соглашение Украины с Центральными Державами невозможно без санкции Совета Народных Комиссаров и т. д.

Эти заявления г. Председателя Русской делегации, равно, как и некоторые факты из государственно-правовой жизни Украины, о которых речь впереди, заставляют нас заявить нижеследующее: Мы вполне согласны с г. Троцким, что в государственной жизни Украины произошли изменения, но эти изменения совершенно иного порядка, нежели те, на которые указывает г. Троцкий; они по существу своему связаны с четвертым Универсалом Украинской Центральной Рады от 24/11-го января. В нем сказано: «Отныне Украинская Народная Республика становится самостоятельной, независимой,

свободной, суверенной Державой Украинского народа». Из этих слов Универсала отнюдь не следует, что до его издания, Украинская Народная Республика была от кого-либо зависима; ими лишь выражается отказ от тех форм федерации, на которые указывал третий Универсал. Как видно из оглашенной нами 10-го января ноты Генерального Секретариата, Правительство Украинской Народной Республики стремилось к созданию союза всех республик, возникших в тот момент на территории бывшей Российской Империи, к созданию в будущем общефедеративной власти в России и к распределению международного представительства между Правительством Украинской Народной Республики и федеративным правительством будущей федерации. В соответствии с тем, что до издания четвертого Универсала, несмотря на все попытки Украинского Правительства, такой обще-федеративный орган не был создан и, повидимому, не возникнет, — Украинская Центральная Рада отказалась от политики создания федеративной власти так, как она ее раньше понимала, и четвертым Универсалом провозгласила Украину совершенно самостоятельным и независимым государством. Вследствие этого, в том же четвертом Универсале, Украинская Рада заявила о своем желании жить в согласии и дружбе со всеми соседними державами, но что ни одна из этих держав не может вмешиваться в жизнь самостоятельной Украинской Республики. Таким образом, четвертый Универсал с большей ясностью определил, как правовое международное положение Украинской Народной Республики, так и ее политику по отношению к соседним державам.

Что же касается вышеуказанных аргументов Председателя Русской делегации г. Троцкого, то они лишены какого бы то ни было значения. Ссылка г. Председателя Русской делегации на то, что Харьковский Исполнительный Комитет Украинской Народной Республики более полно отражает интересы трудящихся масс, хотя и легко опровержима, затрагивает, помимо прочего, область внутренних отношений, не подлежащих международному контролю.

Еще менее убедительна ссылка г. Троцкого на то, что Украинская делегация неправомочна, в виду ее непризнания Харьковским Исполнительным Комитетом; в таком случае, Русская делегация должна была бы первая сложить свои полномочия, ибо в ее состав не вошли ни представители Молдавии, ни крымские татары, ни донские казаки, ни кавказские народности, ни Сибирь, которые также не признают власти Совета Народных Комиссаров.

Явно недопустимым в таком высоком собрании, как мирная конференция, является прием г. Троцкого оспаривать государственные права Украинской Центральной Рады на основании какой-то телеграммы, полученной им из Петрограда. С таким же правом мы могли бы сослаться на напечатанную в киевских газетах во второй половине января нового стиля радиотелеграмму о восстании в защиту Учредительного Собрания некоторых полков Петрограда против Совета Народных Комиссаров и об уличных боях, имевших неблагоприятный исход для существующего Правительства. На основании этой телеграммы, по примеру г. Троцкого, мы могли бы требовать непризнания делегации Совета Народных Комиссаров. Но мы от этого воз-

держиваемся, полагая, что это есть дело России, а не Украины. Что же касается сущности телеграммы, то, как по ее поводу, так и по поводу других таких же телеграмм, которые может предъявить г. Троцкий, мы считаем излишним входить в обсуждение.

Теперь же, во избежание новых возможных кривотолков с чьей бы то ни было стороны, во избежание на будущее время противоречивых заявлений со стороны Русской делегации, мы вручаем представленным здесь Державам ноту нашего Правительства, с извещением о провозглашении Украинской Народной Республики самостоятельным государством, и тем самым предлагаем признать формально Украинскую Республику, как совершенно самостоятельное и независимое государство и тем окончательно определить, как ее международное положение, так и правомочность делегации её законного Правительства.

Медведев. Уважаемое Собрание! Великая Русская Революция сбросила ярмо царского гнета, национальной неволи и господства помещиков и капиталистов, передала крестьянам землю, поставила рабочего во главе предприятий и на третьем съезде Советов учредила Великую Российскую Федеративную Рабочую и Крестьянскую Республику—свободный союз свободных народов—Республику Советов Рабочих и Крестьянских Депутатов.

Здесь, в Брест-Литовске, от имени Народной Украинской Республики, выступала до настоящего времени делегация Киевской Рады.

Украинские Советы, единственная власть, которую признает трудящийся народ нашей страны, не были здесь представлены. Украинский Исполнительный Комитет, суверенный орган Украинского народа, с самого начала не признавал за Киевской Радой права говорить от его имени. Чувствуя свою слабость и оторванность от трудящегося населения Украины, делегация Киевской Рады до сих пор вела переговоры за спиной Украинского народа и тайно от Российской делегации. Весть об этих переговорах вызвала глубокий протест трудящихся масс Украинского народа и окончательно подорвала власть Киевской Рады. Украинский народ стремится к скорейшему миру. Но этот мир он хочет заключить совместно со всей Российской Федеративной Республикой, в братском единении с ее трудящимся населением./ Глубоко ошибаются те, кто полагает, что только цепи царизма связывали Россию с Украиной. Эти цепи пали, но глубокая экономическая и культурная связь между братскими народами осталась, и в настоящее время эта связь закрепляется на основах свободного соглашения. Мы считаем своим долгом предупредить народы Австро-Венгрии и Германии, что всякие попытки противопоставить Украину России и на этом противопоставлении построить дело мира покоятся на ложном основании и потому обречены с самого начала на неудачу. Киевская Рада встала на путь такой именно политики, и на судьбе Киевской Рады дальновидный государственный деятель может убедиться в том, что политика заключения мира с отдельными частями Российской Федеративной Республики неправильна в самом своем основании. Кто ищет не минутных успехов, а прочных мирных отношений, тот должен вести пере-

говоры о мире всеобщем со всеми народностями России, связанными общим и экономическими, культурными и государственно-федеративными интересами.

Мы, уполномоченные Народного Секретариата Украинского Исполнительного Комитета, входящие в состав Российской мирной делегации, заявляем:

Народный Секретариат стремится к созданию таких условий, при которых весь Украинский народ, живущий на Украине, в Галиции, Буковине и Венгрии, независимо от разделяющих его ныне государственных границ, мог бы жить, как одно целое, при чем вопрос о дальнейшем государственном положении Украины в ряду других государств должен разрешиться путем свободного голосования объединенного Украинского народа. Нам известно отношение к этому вопросу Правительства Австро-Венгрии, не допускающего рассмотрения общеукраинского вопроса на настоящих мирных переговорах. Но мы выражаем свою глубокую уверенность в конечной победе демократических принципов, победе, которая обеспечит в ближайшем будущем многострадальному Украинскому народу единство и свободное братское единение со всеми соседними народами.

Что касается нынешних мирных переговоров, то Народный Секретариат Украинской Республики придерживается принципов демократического мира, провозглашеных Российской Революцией и подтвержденых Украинскими Советами—мира без аннексий и контрибуций, мира, обеспечивающего народам право на самоопределение.

В отношении оккупированных областей, мы присоединяемся к выставленному здесь Российской делегацией положению, согласно которому заинтересованные народности сами должны решать свою судьбу путем народного голосования, при чем голосованию должен предшествовать вывод чужеземных войск.

В заключение, мы еще раз категорически заявляем, что соглашения и договоры с Киевской Радой войдут в жизнь и получат признание Украинского народа лишь в случае одобрения и признания делегацией Советской Федеративной Республики, в состав которой мы входим.

Троцкий. Совершенно неоспоримо заявление Русской делегации, что те конфликты, которые имелись и имеются у Правительства Совета Народных Комиссаров с Киевской Радой, ни в каком смысле не ограничивают нашего признания независимости Украинской Республики. Но приходится с самого начала указывать на то смешение понятий, которое заключается в отожествлении самостоятельности страны с признанием того или иного ее правительства. Никто здесь не сомневается в независимости Российской Республики, но всем известно, что Правительство Совета Народных Комиссаров еще не признано целым рядом государств. Финляндия признана целым рядом правительств, как независимая республика, но, по последним сведениям, правительство независимой Финляндской республики, получившее признание держав, сменилось новым Правительством Финляндских рабочих и крестьян. Финляндское Правительство, немедленно после признания независимости Финляндии, изъявило притяза-

ние на участие в мирных переговорах. Мы, с своей стороны, не усматривали никаких препятствий к такому участию, и, насколько мы осведомлены, со стороны держав Четверного Союза также не было возражений. Само собой разумеется, что смена правительств в Финляндии ничего не изменяет в международно-правовом положении Финляндской Республики. Когда перед нами встал практически вопрос о признании делегации Киевского Секретариата, процесс самоопределения Украинской Республики далеко еще не закончился; эта неопределенность положения Украины нашла себе подтверждение в отказе г.г. Представителей Четверного Союза от немедленного признания независимой Украинской Республики и в сохранении за собой права определить свое окончательное отношение к этому вопросу, в сотвествии с смыслом и подписанием мирного договора. В какой мере международно-правовые отношения и государственное положение Украины еще не определились, видно также из того, что мы сегодня из уст г. Председателя Украинской делегации узнали о новом, в высшей степени важном принципиальном изменении, которое вносится Киевской Радой в определение международного положения Украинской Республики, а именно, что Киевская Рада отказывается от участия в Республиканской Российской Федерации, и это в тот момент, когда на Третьем Всероссийском Съезде Советов, при прямом участии Представителей Украинских Советов, Российское Государство признано Федеративной Республикой, в состав которой входит Республика Украинская.

Среди тех многочисленных цитат из моих заявлений, на которые ссылается г. Представитель Киевской Рады, отсутствует одна, имеющая серьезнейшее значение для данного вопроса.

Я заявил тогда же, без какого-либо протеста со стороны представительства Киевской Рады, что именно в виду неопределенности положения Украинской Республики, прежде всего—в смысле установления ее границ, по всем спорным вопросам необходимо соглашение обеих представленных здесь делегаций. Это заявление, само собой разумеется, предполагало и обратный отрицательный вывод, а именно, что всякое соглашение между делегацией Киевской Рады и Центральными Империями, соглашение, в силу неопределенности границ этих государств вызывающее возражения со стороны Российской делегации, тем самым лишается своего значения. Все ссылки на внутренние перемены в политической жизни Украинского народа, разумеется, не могут иметь решающего юридического значения,—это мы готовы признать,—но именно вследствие отсутствия определенного положения и юридической оформленности интересующих нас вопросов, мы неизбежно должны подойти к ним с практической точки зрения. Только поэтому я позволил себе сослаться на фактические отношения, явившиеся результатом борьбы двух организаций, претендующих на государственную власть на Украине. Вопрос, стоящий на очереди,—вопрос исторический. Центральные Империи, как и другие государства, заинтересованы в определении своего отношения к Украине по существу; они также заинтересованы в том, чтобы не принимать мнимых величин за действительные. Именно поэтому я дол-

жен указать на то, что в некоторых кругах имеется, быть может, тенденция к переоценке силы и значения сепаратистских стремлений, существующих в революционной России. В разных областях России, в особенности на ее периферии, сепаратистские тенденции проявляют в настоящий момент те именно классы или группы населения, которые до революции являлись носителями самого беспощадного централизма. В этом сепаратизме нельзя видеть длительной исторической тенденции; это только временное орудие самообороны определенных слоев населения, опасающихся революционной власти. По мере утверждения власти Советов во всей стране, имущие группы переносят свои сепаратистские стремления все дальше и дальше на окраины, и для освещения вопроса крупное значение имеет тот факт, что наиболее яркие проявления сепаратизма замечаются в настоящее время в помещичьих верхах казачества, т.-е. в тех именно группах, которые в прошлом являлись носителями принципа железного централизма. Если мы на минуту допустим победу этих групп в нынешней России, то для всякого реально мыслящего политика ясно, что они снова станут носителями централизма.

Я полагаю, именно поэтому тем правительствам, которые желают считаться с реальными, а не с мнимыми величинами, следовало бы сделать тот или иной вывод при определении своих отношений к Российской Республике, принимая во внимание при этом не те или иные юридические формулировки, искусственно построенные на оглашенных здесь заявлениях, но — реальные отношения, как они складываются в нынешней России. Я не думаю, разумеется, что г. г. Представители Четверного Союза могут взять на себя роль третейского судьи в вопросе о внутренних отношениях в России или на Украине. Я счел только нужным добросовестно обрисовать действительное положение вещей. Наше Правительство попрежнему стоит на точке зрения, формулированной мною в тот момент, когда этот вопрос встал перед нами впервые. До тех пор, пока делегация Киевской Рады сохраняет свой мандат, мы не возражаем против ее самостоятельного участия в переговорах, но теперь, когда в состав нашей делегации вошли Представители Украинского Исполнительного Комитета, мы с удвоенной настойчивостью повторяем, что войти в силу могут только те соглашения с Украинской Радой, которые получат и наше признание.

Гантчев. Слово принадлежит Представителю Украинской Республики г. Любинскому.

Любинский. Милостивые Государи! После заявления, оглашенного Председателем Исполнительного Комитета г. Медведевым, и заявления Председателя Русской делегации г. Троцкого, я нахожу нужным добавить следующее:

Члены Украинской мирной делегации всегда придерживались того принципа, что делегаты мирной конференции не должны в своих суждениях касаться внутренней жизни своих принципиальных противников, и что наша внутренняя борьба и наши разногласия ни в коем случае не должны доводиться в официальных заседаниях до

сведения противной стороны. Нам неоднократно представлялся удобный случай выступить с решительным протестом против заявлений г. Троцкого, совершенно неправильно излагающего факты взаимоотношений народностей, живущих в пределах бывшей Российской Империи, и государств, возн..кших на этой территории. Но, руководствуясь вышеуказанными принципиальными соображениями, мы благородно воздерживались от официальных выступлений, не желая своими замечаниями умалять авторитета Русской делегации. Теперь же, после объявления четвертым Универсалом Украинской Центральной Рады полной независимости нашей Республики и после признания ее независимости другими Державами, эти вопросы выходят из круга внутренней жизни, и наша ответственная миссия заставляет нас выступить с решительным протестом против заведомо ложных наветов г. Троцкого. Поэтому, мы, оставаясь на прежней принципиальной точке зрения, не можем не высказать также и нашего взгляда на внутреннее положение России и Украины, с целью оправдать себя не только перед лицом присутствующих здесь лиц, но также перед лицом представленных ими здесь народов, мнение которых нам не менее дорого, чем г. Троцкому.

В 1917 г. Российское Государство, населенное народностями, имеющими самые разнообразные политические задания и выросшими в самых разнообразных исторических условиях, пережило продолжающуюся еще и теперь социальную и национальную революцию. У власти перебывало в этом году несколько правительств. Этот год начался под знаком самодержавия; затем были пройдены все ступени кадетского и социал-кадетского правительств, и закончился он все той же стрельбой на улицах Петрограда. Теперь большевистское Правительство спешно готовится к разгону Учредительного Собрания, созванного на единственно приемлемых демократических основах. Только в одном отношении эти разнообразные правительства остались вполне солидарными, а именно—в своих централистических планах, в своем жадном желании задушить возрождающиеся народы и все покорить своей власти. Правительство большевиков, в полном согласии с программой своей партии, решительно расходится с федеративными идеалами, воодушевляющими вождей малых народностей; но, помня о судьбе своих предшественников на троне, свергнутых общими усилиями не только социальной, но и национальной революции, Правительство большевиков провозгласило принцип самоопределения народов, только для того, чтобы тем решительнее бороться с этим принципом в его жизненном применении. Правительство большевиков, разгоняющее Учредительное Собрание, Правительство, опирающееся на штыки наемных красноармейцев, никогда не решится применить в России глубоко справедливые принципы самоопределения, ибо оно хорошо знает, что не только многочисленные республик.—Украина, Дон, Кавказ, Сибирь и др.—не признают его своим правительством, но и сам Русский народ откажет ему в этом праве; и только из страха перед развитием национальной революции, большевики, со свойственной им демагогией, заявляют и в России и здесь, на мирной конференции, о полном праве народов на самоопределение, вплоть до отделения.

Для борьбы с действительным осуществлением этого принципа они прибегают не только к помощи наемных банд красноармейцев, но и к еще более грубым и недопустимым приемам: они закрывают газеты, разгоняют национальные съезды, арестовывают и расстреливают политических деятелей и, наконец, прибегают к заведомо лживым наветам, пытаясь подорвать авторитет новых правительств в глазах населения той или иной молодой республики. Известных социалистов, старых революционеров, они обвиняют в буржуазности и контр-революционности. После этого, Правительство большевиков объявляет «священную» войну, требуя изгнания «буржуазных» правительств, с которыми социалистическое Правительство большевиков не может, дескать, вести переговоров, хотя бы даже о прекращении братоубийственной войны. Так проводит Правительство большевиков в жизнь, вместо принципа самоопределения, принцип анархии и разгрома, зная, что разрушать и грабить легче, нежели созидать, в соответствии с французской пословицей: «Calomniez, calomniez, il en reste toujours quelque chose»[1]).

Борьба Петроградского Правительства с Правительством Украинской Народной Республики и очевидная неискренность признания полноправности нашей делегации возбудили в нас еще раньше небезосновательные подозрения. Мы были уверены, что г. Троцкий постарается очень скоро отказаться от сделанного им раньше недвусмысленного признания нашей делегации полномочным представительством Украинской Республики. Предположения эти оправдались: в самый день нашего отъезда в Киев, с целью получения окончательных инструкций, по вызову большевиков и при их благосклонном участии, прибыла через Петроград в Двинск новая делегация, имеющая своей целью подорвать наш авторитет в глазах трудящихся масс Европы. Для большей ясности, мы находим нужным остановиться более подробно на вопросе о правах этой делегации.

Объединенный общенациональными задачами и идеалами, склонный к спокойным и организованным формам государственной жизни, Украинский народ, с самого начала революции, горячо принялся за давно жданное, государственное строительство.

Украинские крестьяне, солдаты и рабочие, при помощи вышедшей из их среды, глубоко демократической интеллигенции, не только сумели сорганизоваться сами, но привлекли к этому строительству и все демократические массы неукраинского населения, живущие на территории Украины. В результате этой работы, подготовленной долголетними усилиями Украинских политических деятелей, и явилась, в процессе революционного творчества, Украинская Центральная Рада, в состав которой входят представители Украинских крестьян, солдат и рабочих. Центральная Рада изданием своих универсалов указывала политические пути Украинскому народу. Украинская Центральная Рада, избравшая еще в июне прошлого года первое Украинское Правительство — Украинский Генеральный Секретариат — тем самым создала первое в России социалистическое правительство.

---

[1]) Клевещите, клевещите, — всегда что-нибудь да останется.

Таким образом, шаг за шагом, Украинский народ собственными усилиями создал свое государство. Петроградское Правительство не имело никакого повода для вмешательства в его внутреннюю жизнь. Но дело в том, что, еще во времена царского правительства, на Украинский фронт отправлялись солдаты преимущественно не-украинского происхождения, и за время революции не удалось вполне освободить Украину от этого пришлого и чуждого ей элемента.

В то время, как солдаты-украинцы прислали со всех концов России и со всех фронтов делегатов на Всеукраинский Войсковой съезд и сорганизовались вокруг Всеукраинской Центральной Войсковой Рады в Киеве, составляющей часть Украинской Центральной Рады,—солдаты неукраинцы основали в некоторых городах Украины свои местные Советы Солдатских Депутатов, не оказывающие никакого влияния на жизнь страны. Иногда, правда, в состав этих Советов входят и представители рабочих того же города.

Желая под тем или иным предлогом вмешаться во внутреннюю жизнь Украинской Народной Республики, Петроградские большевики потребовали от Украинского Правительства передачи всей власти на Украине именно этим Советам Солдатских Депутатов, совершенно не считаясь с выставленным ими же на мирной конференции требованием о выводе чужеземных войск, затрудняющих применение принципа самоопределения. Конечно, Украинское Правительство не могло удовлетворить этого требования.

Нашелся и второй повод к вмешательству во внутреннюю жизнь нашей Республики: Петроградские большевики потребовали перевыборов Украинской Центральной Рады. Не говоря уже о том, что такое требование является явным нарушением принципа самоопределения, оно невыполнимо еще и потому, что самое положение о выборах в Центральную Раду дает возможность избирателям в любой момент отозвать своего представителя и заменить его другим. Выборы во Всероссийское Учредительное Собрание, в конце ноября минувшего года, доказали повсеместно блестящую победу Украинской Центральной Рады и партий, к ней примыкавших. Из общего числа депутатов—по Украинским спискам прошло более 75%, по спискам других партий, имеющих свое представительство в Центральной Раде,—около 15%, большевики же получили даже менее 10%. В Киевской губернии из 22 депутатов прошло по нашим спискам 20, в Подольской губернии из 19—18, в Волынской из 10—9, в Полтавской из 17—14 и т. д. Я думаю, этого достаточно. Вот на какие массы опирается Украинская Центральная Рада, и вот от чьего имени мы здесь говорим.

Потерпев поражение на выборах, большевики решили прибегнуть к последнему средству: при молчаливом согласии Центральной Рады, они созвали 3-го декабря в Киеве съезд представителей крестьян, солдат и рабочих всей Украины.

На съезд прибыло более двух тысяч делегатов и, вопреки ожиданиям инициаторов, съезд встретил шумными овациями Председателя Украинской Центральной Рады Грушевского и подавляющим большинством голосов выразил полное доверие Украинской Центральной Раде. Тогда небольшая кучка большевиков (около 80 человек)

бежала с этого съезда в Харьков и объявила себя там новым правительством Украинской Народной Республики. Народные Комиссары послали им в Харьков неорганизованные банды красной гвардии для того, чтобы грабить население Харьковской губернии и охранять Харьковское правительство от жителей Харьковской губернии.

Вот как было создано Харьковское правительство, и вот на какие силы оно опирается. Никакого сомнения не может быть в том, что оно не только не представляет Украинскую Народную Республику, но даже едва ли может считаться представительством города Харькова.

На остальные замечания г. Троцкого, открытые или замаскированные, не нахожу нужным отвечать. Наше будущее, наша история, наше потомство и широкие массы трудящегося народа сами решат, кто из нас прав, и кто виноват, кто социалист и кто контр-революционер, кто создает и кто разрушает. Я кончил.

Гантчев. Не желает ли г. Председатель Русской делегации сделать заявление?

Троцкий. Я могу только поблагодарить г. Председателя за то, что он, как это и отвечает достоинству настоящего собрания, не счел возможным в чем бы то ни было стеснить свободу слова г. предыдущего оратора; точно так же благодарю и г. переводчика за точный перевод, который он, однако, несколько смягчил.

Гантчев. До сих пор все ораторы пользовались здесь полной свободой слова, так что Председатель и в данном случае не нашел возможным стеснять ее.

Троцкий. Совершенно справедливо.

Гантчев. Слово принадлежит г. Председателю Австро-Венгерской делегации графу Чернину.

Чернин. От имени делегаций держав Четверного Союза, имею честь присовокупить нижеследующее к заявлению Украинской делегации:

Как известно, г. Председатель Украинской делегации, Статс-секретарь Голубович, в пленарном заседании от 10-го января 1918 г., заявил, что Украинская Народная Республика, основываясь на третьем Универсале Украинской Центральной Рады от 20/7-го ноября 1917 г., возобновляет свое международное существование и снова вступает в международные сношения, со всеми присущими ей правами. В связи с этим, Правительство Украинской Народной Республики считает правильным занять самостоятельное положение на настоящих мирных переговорах. По этому поводу, в пленарном заседании от 12-го января 1918 г., от имени держав Четверного Союза, я сделал следующее заявление: «Мы признаем Украинскую делегацию, как делегацию самостоятельную и как правомочное представительство самостоятельной Украинской Народной Республики.» Но, в виду изменившейся точки зрения г. Председателя Русской делегации, выраженной им на пленарном заседании от 30/17-го января сего года, согласно которой могут быть признаны и проведены в жизнь только те соглашения с Украиной, которые будут формально подтверждены Прави-

тельством Российской Федеративной Республики, делегации держав Четверного Союза, в соответствии с разъяснениями делегации Киевского Совета Народных Министров, делают нижеследующее заявление: У нас нет основания отказаться от признания Украинской делегации или ограничить это признание. Мы подтвердили в пленарном заседании от 12-го января 1918 г., что Украинская делегация самостоятельна и правомочна представлять Украинскую Народную Республику; вь настоящее время мы вынуждены признать Украинскую Народную Республику, как свободное, суверенное государство, вполне правомочное вступать в международные сношения.

Гантчев. Слово принадлежит Председателю Русской делегации г. Троцкому.

Троцкий. Я еще раз должен отметить, что ссылка на наше изменившееся отношение к Украинской Раде совершенно неправильна. Я уже дважды цитировал относящееся сюда место моего заявления. Мои слова не допускают никаких толкований. Во всяком случае, независимо от позиции, занятой в настоящий момент Четверным Союзом по отношению к Украине, нет никакого сомнения в том, что заинтересованные Правительства затруднятся указать, не говоря уже обо всем прочем, каковы именно географические границы той независимой республики, которую мы только что признали. А так как в мирных переговорах границы государства являются вопросом далеко не безразличным, то—заявление мое о необходимости совместного с нашей делегацией решения этого вопроса, в силу логики вещей, сохраняет свое полное значение.

Гантчев. Не имеются ли еще вопросы или сообщения?

Кюльман. Я хотел бы спросить г. Председателя Русской делегации: является ли декларация, оглашенная Украинским членом Русской делегации, также и официальным сообщением Российского Правительства?

Троцкий. Разумеется, мы несем за эту декларацию полную ответственность, постольку, поскольку она непосредственно касается хода мирных переговоров, и поскольку взгляды Украинской делегации совпадают с точкой зрения Русской делегации. Полагаю, что только в таких пределах декларация эта и может подлежать рассмотрению.

Гантчев. Не имеются ли еще вопросы или сообщения? Итак, я предлагаю закрыть заседание.

Заседание закрывается в 7 час. 30 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

3 февраля (21 января) 1918 года.

Заседание открывается в $11^{1}/_{2}$ час. утра под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, я открываю заседание комиссии. Если, как я полагаю, ни с чьей стороны нет возражений, то я хотел бы ответить на вопросы, поднятые в пленарном заседании г. Председателем Русской делегации. Вопрос идет о приглашении или допущении на мирную конференцию Представителей тех пограничных западных областей, о которых здесь шла речь. На вопрос г. Председателя Русской делегации, я могу ответить, что наша точка зрения совершенно не изменилась, как это и можно заключить из наших прежних заявлений. Мне кажется, что и точка зрения Русской делегации, которой она придерживалась до сих пор, ясна из протоколов. Но если г. Председатель Русской делегации хотел бы дать дополнительные разъяснения по этому поводу, то я охотно предоставлю ему эту возможность сейчас, на заседании этой комиссии.

Троцкий. Из недавно опубликованного письма г. Статс-секретаря к Польскому Министру-Президенту Кухаржевскому, я понял, что г. Председатель Германской делегации заявил Польскому Министру-Президенту, что он берет на себя инициативу в этом вопросе, после возобновления наших переговоров в Брест-Литовске. Весьма возможно, что печать не совсем точно передала содержание этого письма,—печать вообще сейчас, во время войны, не отличается точностью,—но, не встречая опровержений, смею предполагать, что дело обстоит именно так. Я придерживаюсь того мнения, что указанные в письме мотивы недопущения делегации Польского Министерства, с ссылкой на точку зрения Русской делегации, ни на чем не основаны. Считаю необходимым, прежде всего, установить следующие факты: ни Германская, ни Австро-Венгерская делегации не возбуждали вопроса о привлечении к переговорам Представителей Польского Правительства, как самостоятельного Польского Государства. Вопрос этот возник лишь тогда, когда Русская делегация указала противной стороне на полное противоречие в ее отношении к вопросу, на то, что Германское и Австро-Венгерское Правительства, признавая на словах суверенные права Польского Государства, вместе с тем, не поднимают вопроса о привлечении Польского Правительства к переговорам о судьбе Польши. Только когда вопрос был поднят нами, противная сторона заявила, что раз мы вносим такое предложение, то она готова подвергнуть его благожелательному рассмотрению. Таким образом, очень важно подчеркнуть еще раз, что Германская и Австро-Венгерская делегации явились на переговоры без предварительного решения своих Правительств о привлечении Польского Правительства к переговорам; между тем, если бы они относились к Польскому Министерству, как к правительству независимого государства,—это являлось бы неизбежным следствием их точки зрения,

Со своей стороны, мы целиком и без всяких ограничений признаем независимость Польского народа и Польского Государства, вопреки утверждениям этого письма. Но для нас очевидно, что эта независимость остается призрачной до тех пор, пока Польша находится под режимом военной оккупации. Именно, вследствие нашего признания независимости Польского народа и Польского Государства, мы не можем, не покушаясь на эту независимость, считать полномочными представителями Польского народа лиц, назначенных оккупационными властями. Мы могли бы временно признать, в качестве правомочного представительства для самостоятельного участия в мирных переговорах, только такое представительство Польши, которое получило бы санкцию авторитетных органов самого Польского народа. Принимая во внимание, что Польский народ богат политическим опытом, и что его социальные и национальные стремления нашли себе выражение в сильных и устойчивых политических партиях, мы высказываем нашу уверенность в том, что временное представительство независимой Польши для участия в мирных переговорах могло бы быть создано немедленно путем свободного соглашения польских политических партий, опирающихся на народные массы и, в частности, на рабочий класс. Мы, со своей стороны, готовы признать такое полномочное представительство целиком, без всяких ограничений. Наконец, поскольку Польская Рада, созданная согласно желанию Центральных Держав, намерена участвовать в мирных переговорах,—мы полагаем, что идущие, повидимому, навстречу этому желанию делегации Центральных Империй, (те самые делегации, которые заявляли нам, что Польское Министерство действует в рамках, указываемых оккупационными Германскими и Австро-Венгерскими властями), могли бы создать соответствующие условия и для участия Польского Министерства в настоящих переговорах. Это отвечало бы только фактическому положению вещей.

Я позволю себе напомнить, что при возникновении здесь вопроса о признании делегации Украинской Рады, мы не потребовали от противной стороны признания Украинской Республики до момента заключения мирного договора. Мы считали, что, в виду неопределенности положения, отношения определятся в процессе самих переговоров. Мы, со своей стороны, только приветствовали бы такое участие Польской Рады в переговорах, так как оно дало бы ей возможность открыто, перед лицом Польского народа, высказаться по таким вопросам, как очищение Польской территории от чужеземных войск и исправление границ за счет независимого Польского народа. Заявления и требования делегации Министерства Кухаржевского получили бы здесь тем более полную и всестороннюю оценку, что в состав нашей делегации входит представитель трудящихся масс Польши.

В заключение, позволю себе еще раз обратить внимание г.г. присутствующих на часто возникающее в наших переговорах логическое недоразумение, будто то или иное наше отношение к правительству определяет также наше отношение к народу и государству. Если мы не считаем Министерство Кухаржевского, на основании имеющихся у нас данных, полномочным правительством Польского народа, то это отнюдь

не означает, что мы не признаем независимости Польского Государства и Польского народа./Так, мне пока неизвестно, чтобы Германское Правительство успело признать новое Финляндское Правительство, но я думаю, что самый факт существования нового Финляндского Правительства не может мешать Германскому Правительству впредь признавать независимость Финляндской Республики.

Кюльман. В связи с положениями, выставленными г. Председателем Русской делегации, будет целесообразно вкратце коснуться прежнего обсуждения этого вопроса. Поскольку я имею перед собой текст высказанных ранее соображений, я 11-го января (29-го декабря) заявил следующее: «Г. предыдущий оратор жаловался на то, что в переговорах не участвуют еще представители тех народов, о которых идет речь. Если он этим хотел сказать, что и по его мнению эти народы, как государственные единицы, уже существуют и правомочны в своих международных сношениях, то я охотно согласен поставить на обсуждение вопрос,—но при непременном признании со стороны Русской делегации этой предпосылки,—об участии их в переговорах».

Вопрос обсуждался еще раз 15/2-го января. Г. Председатель Русской делегации сказал по этому поводу следующее: «Германская и Австро-Венгерская делегации внесли на одном из прошлых заседаний предложение привлечь к участию в мирных переговорах известных этим делегациям представителей тех оккупированных областей, которые, по мнению названных делегаций, уже могут считаться государственными единицами, как проявившие в достаточной мере свою волю к независимому государственному существованию. Мы не могли сразу ответить на этот вопрос, так как предварительно хотели уяснить себе, какие именно критерии являются по мнению другой стороны решающими для определения правомочности или неправомочности органов, претендующих на выражение народной воли. Внесенные нами в формулированном виде предложения должны были доставить нам этот материал. Как я уже упомянул вчера, полученные нами ответы представляются нам глубоко противоречивыми с формальной стороны; по существу же они сводятся к предоставлению оккупационным властям права, основанного на физической силе, произвольно решать судьбы оккупированных областей и пользоваться по своему усмотрению теми или иными органами, независимо от того, когда эти органы возникли, на какой социальной основе, каково их предназначение, и каков их подлинный политический вес. При этом, теми же оккупационными властями ставятся произвольные пределы деятельности органов, признанных этими властями по своему усмотрению. Поскольку, однако, Правительства противной стороны, по крайней мере, в рамках этих мирных переговоров, признают таковые органы носителями воли уже самоопределившихся народов, мы также считали бы в высшей степени целесообразным привлечение представителей этих органов к участию в нынешних переговорах. Представители этих органов получат, таким образом, возможность перед лицом всего мира доказать свои оспариваемые нами права или свои претензии на представительство данных народов. Если, таким образом, не устранилось бы противоречие, то не так бросалось бы в глаза, что Герман-

ское и Австро-Венгерское Правительства защищают права известных покровительствуемых ими органов выражать народную волю в то самое время, как эти, будто бы, суверенные органы отрезаны режимом оккупации от переговоров, где решается судьба тех областей, от имени которых они считают себя правомочными говорить. Мы идем поэтому навстречу двукратно повторяемому предложению противной стороны пригласить сюда представительства тех органов, на заявления которых ссылаются Германская и Австро-Венгерская делегации».

На это я ответил:

«Обращаю внимание на то, что я совершенно определенно обусловил нашу готовность на участие в мирных переговорах представителей этих народностей тем, что их присутствие здесь будет истолковано и Русской делегацией в смысле признания их государственной самостоятельности.

Я обращаю внимание на заявление г. Председателя Русской делегации о том, что делегация смотрит на мнение ландтага, как на выражение воли определенных влиятельных групп населения. Я поэтому думаю, что от в свое время принятой Русской делегацией точки зрения до необходимости презумптивного признания этого пункта шаг небольшой.

Без такого презумптивного признания допущение представителей данных народов на мирную конференцию, само собой, не может иметь места; это не требует дальнейшего пояснения. Либо представители эти придут сюда, как выразители воли данных народов, и тогда мы должны сойтись хотя бы на подразумеваемом признании возникновения этих государственных единиц, либо они придут сюда, как частные лица, и тогда им тут делать нечего. Если эти предпосылки будут приняты г. Председателем Русской делегации, то я согласен сейчас же обменяться мнениями с нашими Союзниками,—следует ли, согласно пожеланию Русской делегации, привлечь представителей этих областей, и если—да, то в какой форме».

Я думаю, что достаточно сослаться на эти протоколы для того, чтобы выяснить точки зрения обеих делегаций по этому вопросу.

Я не знаю, почему г. Председатель Русской делегации сегодня особо выделил Польшу из пограничных западных областей. До сих пор, мы вопросы о Польше, Литве и Курляндии обсуждали совместно. Г. Председатель Русской делегации признал полную независимость Польского Государства, в чем я усматриваю известный шаг вперед. С другой стороны, если я его правильно понял, что, конечно, трудно, когда под руками нет дословного текста речи, г. Председатель Русской делегации не признал Польское Министерство представительством Польского народа. Я не считаю возможным, до обсуждения этого вопроса с Союзническими делегациями, высказаться уже теперь в окончательной форме о том, следует ли выделить особо польский вопрос, вообще, и вопрос о Польском Министерстве, в частности, ибо могут возникнуть вопросы, при решении которых оказалось бы необходимым участие представителей других пограничных областей, в целях защиты их собственных интересов. Если бы г. Председатель Русской делегации согласился признать независимость и других пограничных государственных единиц, то мы, я думаю, сделали бы большой шаг

К. Радек.

вперед по пути наших медленных и трудных переговоров. Как я уже обещал, я обменяюсь мнениями по затронутому сегодня вопросу с г.г. Представителями Союзных Правительств.

Что касается признания нового Финляндского Правительства, то я, по крайней мере, еще не получил достаточных фактических сведений о положении дел в Финляндии. Напротив, из достоверных финляндских источников до нас дошли жалобы, что Русская армия приняла участие в гражданской войне, и что неоднократно выраженное пожелание вывести русские войска с финляндской территории не встретило со стороны Российского Правительства удовлетворительного ответа. Мы, во всяком случае, оставляем за собой право занять то или иное отношение к создавшемуся в Финляндии положению.

Чернин. Я хотел бы сделать маленькое замечание по поводу объяснения г. Председателя Русской делегации. Я не могу присоединиться к сделанному им выводу. Г. Председатель Русской делегации делает совершенно понятное и вполне правильное различие между государством и правительством. В данном случае, он признает самостоятельность Польского Государства, но не признает, однако, права за нынешним Польским Правительством представлять это государство. Я не помню, чтобы в предыдущих переговорах независимость Польского Государства была признана Русской делегацией так определенно. Но если такое признание существует, то я могу лишь приветствовать его, потому что оно, несомненно, сближает обе точки зрения. Однако, я не могу допустить, чтобы вопрос о правомочности нынешнего Польского Правительства представлять Польское Государство был предоставлен третейскому решению Русской делегации. В таком случае, международные переговоры вообще невозможны, потому что, в конце концов, каждый представитель мог бы высказать сомнение относительно правомочности правительства, с которым он ведет переговоры, смотря по тому,—признает ли он за этим правительством, в той или иной степени, право на существование и верит ли он в его долговечность.

По существу вопроса я могу только повторить уже сказанное мною однажды, а именно: если бы Русская делегация признала право нынешнего Польского Правительства на участие в переговорах, в качестве полноправного члена, то с моей стороны она встретила бы только искреннее сочувствие.

Троцкий. Прежде всего, я должен сделать ряд фактических замечаний по вопросу, возникшему здесь в связи с обсуждением польского вопроса, а именно—по вопросу о Финляндии. Неизвестные нам лица или учреждения жаловались г. Статс-секретарю, что мы не вывели наших войск из Финляндии. Не следует упускать из виду того факта, что независимость Финляндии мы признали еще до окончания войны, при чем части войск, принимавшие участие в этой войне, находились на Финляндской территории. Финляндский Сенат, обратившись к нам с предложением признать независимость Финляндии, сам высказал ту мысль, что вывод войск должен быть произведен не позже заключения мира. Это значило, что если мы по военным соображениям найдем возможность вывести войска раньше, мы это сделаем. Мы вполне согла-

сились с этим предложением и образовали согласительную комиссию на паритетных началах, в целях осуществления очищения Финляндской территории. В этой плоскости у нас не было и не могло еще быть, за краткостью времени, никаких конфликтов. Когда в Финляндии началась революция рабочих масс, революция, которой значительная часть наших войск сочувствовала,—Финляндские социал-демократы обратились к этим войскам и к нам с выражением пожелания невмешательства русских войск в происходящую в Финляндии борьбу. Мы пошли навстречу этому пожеланию, что я и выразил в телеграмме на имя г. Свинхувуда. Я не исключаю возможности, что отдельные незначительные столкновения в атмосфере революции могли иметь место между отдельными частями русских войск и группами и отрядами финляндской буржуазной армии, но я категорически отрицаю, что эти столкновения могли оказать не только решающее, но сколько-нибудь серьезное влияние на исход внутренней борьбы в Финляндии. Вместе с тем, я констатирую, что Германское Правительство, как и Правительство Австро-Венгерское, признали в свое время Правительство Свинхувуда, немедленно после признания нами независимости Финляндии. Сейчас, если я не ошибаюсь, новое Финляндское Правительство не встречает такой готовности со стороны Германского Правительства. Однако, смею указать на то, что это есть правительство рабочих и крестьян Финляндии, и, с нашей точки зрения, оно вполне правомочно говорить от имени Финляндии.

Что касается вопроса о привлечении Польского представительства, то вопрос этот встал изолированно именно вследствие того письма г. Статс-секретаря к Польскому Министру-Президенту, о котором я упомянул, но на котором не счел нужным остановиться г. Председатель Германской делегации. Здесь нам снова ставят вопрос о том, признаем ли мы независимость Польши или нет. Что хотят сказать этим вопросом? Несомненно, что такая постановка вопроса двусмысленна. Признаем ли мы независимость Ирландии? Наше Правительство, Правительство России, признает эту независимость,—но пока Ирландия еще оккупирована Великобританскими властями. Мы признаем право каждого человека на пищу, на удовлетворение голода, но это не обязывает нас каждого голодного человека признавать сытым. Мы признаем, без каких-либо ограничений, право Польского народа и Польского Государства на самостоятельное и независимое существование, но мы не можем закрывать глаза на то, что в настоящее время Польское Государство оккупировано чужеземными войсками, и что так называемое Польское Правительство пользуется свободой только в пределах, указываемых ему со стороны. Разумеется, можно создавать искусные юридические построения, которые только затемняют действительный смысл событий. Нам говорят: «либо Польское Правительство считается правомочным, и тогда оно принимает участие в переговорах, либо это вовсе не правительство, и тогда ему делать здесь нечего». Я бы выразился так: если Польское Государство есть государство независимое,—то у него должны быть географические границы. Если Польское Королевство есть королевство, то у него должен быть король. Если же у него нет ни границ, ни короля, то это не есть ни государство, ни королевство. Я, однако,

полагаю, что приходится считаться с неоформленными, не сложившимися еще отношениями, и что мы не должны злоупотреблять юридическими тонкостями, ибо они только затруднят решение реальных вопросов.

У меня имеется в руках статья профессора Нимайера из Киля, в которой он, по другому поводу, высказывает следующую, в высшей степени ценную мысль: «Вопрос о том, как технически сконструировать правовые отношения, имеет тем более подчиненное значение, чем менее развита и менее точна в настоящее время дипломатическая и юридическая техника, вообще, и в области государственных договоров, по преимуществу. Политическая природа вещей должна здесь решать, юридическая техника должна ей подчиняться».

Полагаю, что это совершенно правильная и точная оценка положения, в особенности, после того, как мы убедились, с какой свободой г. Статс-секретарь, со свойственным ему знанием и умением, находил юридические формулировки для доказательства правомочности Киевской Рады. Мы думаем, что г. Статс-секретарь нашел бы в своем опыте и в своем запасе юридических познаний необходимую формулировку и для того, чтобы обеспечить участие в мирной конференции тем правительствам, которые он признает, вместе с тем, не предъявляя нам теперь же ультимативных требований. Окончательная наша точка зрения может определиться лишь при разрешении вопроса в целом.

Это относится целиком и к тем заявлениям, которые мы имели честь выслушать от г. Председателя Австро-Венгерской делегации. Мы отнюдь не хотим выступать в роли третейского судьи в этом вопросе, именно поэтому мы и предложили, в целях простейшей проверки полномочий, обратиться к руководящим центрам польских политических партий. Этот путь является самым надежным, и, разумеется, мы исходим здесь не из в высшей степени шатких соображений о долговечности или недолговечности того или иного правительства, как изволил выразиться г. Председатель Австро-Венгерской делегации. Доверяясь историческому Провидению, мы полагаем, что долговечны все здесь представленные Правительства и все те правительства, которые еще примут участие в переговорах. Однако, мы сомневаемся в самом факте признания данного правительства, и здесь решают, как прекрасно выразился профессор Нимайер, не те или иные удачные силлогизмы, а политическая природа вещей. Если бы не было слишком поздно, а заседание наше сегодня затянулось,—я просил бы предоставить слово члену нашей делегации, Представителю нашего Комиссариата по Национальным Делам Бобинскому.

Чернин. Я хотел бы ограничиться кратким замечанием. Г. Председатель Русской делегации сказал, что мы не должны злоупотреблять юридическими тонкостями. Я хотел бы ту же мысль выразить несколько иначе: мы собрались здесь не для состязания в остроумии, но для того, чтобы постараться выяснить, поскольку мы можем притти к соглашению по тем или иным пунктам.

Прежде всего, я хотел бы сказать г. Председателю Русской делегации, что он ломится в открытую дверь, защищаясь против якобы сделанного ему упрека в том, что он установил различие между понятиями «госу-

дарства» и «правительства». Совершенно ясно, что эти понятия не тождественны. Я только утверждаю, что представителям чужого государства трудно установить—соответствует ли данное правительство данному государству, и имеет ли это правительство право на дальнейшее существование. Развивая эту мысль, мы дошли бы до затронутых уже несколько раз вопросов о силе, что, по-моему, слишком отвлекло бы нас от наших переговоров. Польское Государство находится еще в процессе образования; благодаря Центральным Державам, оно стало самостоятельным государством. То, что данный период его развития еще не закончен,—очевидно, и это проявляется различно,—в частности, как, например, правильно указал г. Троцкий,—в неопределенности государственных границ. Но и Российская Республика только еще создается. Насколько я, по крайней мере, знаю, ее границы пока еще точно не установлены; это обстоятельство нам, однако, не мешает вести переговоры с нынешним Российским Правительством. Насколько я понял, г. Председатель Русской делегации ставил нам в упрек то, что мы не хотим признать новое Финляндское Правительство; я, прежде всего, заявляю, что об отрицательном отношении к такому признанию нам ничего неизвестно. Во всяком случае, я считаю нужным указать, что самым фактом ведения настоящих переговоров мы доказываем, по меньшей мере, нашу готовность вступать в дипломатические сношения даже с правительствами, по нашему мнению, довольно радикальными.

Кюльман. Второе объяснение г. Председателя Русской делегации подтверждает факт, на который я уже указывал, а именно, что трудно составить себе суждение по поводу сказанного, не имея под руками дословного текста таких важных заявлений. Так как противоречие в словах такого опытного диалектика, каким является г. предыдущий оратор, следует считать безусловно невозможным, то, повидимому, произошло недоразумение по моей вине. У меня создалось впечатление, что г. Председатель без всяких оговорок признал самостоятельность Польского Государства, и я хотел уже присоединиться к радости своего Австро-Венгерского коллеги по поводу этого кажущегося успеха на пути взаимного соглашения. Но потом, в своем втором заявлении, г. предыдущий оратор указал на то, что Польское Государство, за отсутствием границ и за отсутствием короля, не является ни государством, ни королевством, и я полагаю, что почтенный профессор Нимайер, мнение которого мы все ценим по заслугам, не обвинит нас в увлечении схоластическими тонкостями, если нам покажется непонятным, как можно в полной мере признать независимость государства, которое вовсе не является государством. Если и следует признать, что слишком искусственные юридические построения могут повредить дипломатическим переговорам, то, с другой стороны, я полагаю, можно оказаться между небом и землей, если лишить переговоры почвы солидного юридического построения.

Что касается финляндского вопроса, то я должен оставить за собой полную свободу решений, как я уже раньше указывал. Я должен только констатировать, что, насколько мне пока известно, до меня не дошло предложения со стороны так называемого нового правительства о при-

знании его. Я сожалею, что, за поздним временем, мы вынуждены отложить объяснение одного из членов Русской делегации, о котором говорил г. Председатель этой делегации, до следующего заседания.

Если нет возражений, предлагаю за поздним временем закрыть заседание.

Троцкий. Я хотел бы только условиться здесь же о следующем заседании.

Кюльман. Я уже сообщил г. Председателю Русской делегации, что по не зависящим от меня обстоятельствам я лишен возможности созвать заседание на 4-ое, 5-ое и 6-ое февраля; 7-го февраля я готов созвать заседание в любое время. Может быть, мы соберемся в 11 часов утра 7-го февраля?

Время, которое осталось бы неиспользованным для работ нашей комиссии, можно было бы,—я знаю, что это входит в намерения наших Союзников,—использовать для переговоров г. г. Представителей отдельных государств с Русской делегацией. Равным образом, и правовая и экономическая комиссии к тому времени могли бы подвинуть свои работы настолько, что можно было бы судить о достигнутых результатах.

Если никто не просит слова,—то я предлагаю закрыть наше заседание.

Заседание закрывается в 1 час. 5 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

7 февраля (25 января) 1918 года.

Заседание открывается в 11 ч. 30 м. утра под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Открываю заседание политической комиссии. Прежде всего, я хотел бы остановиться на вопросе, который занимал нас уже раньше. Вопрос касается телеграмм Петроградского Телеграфного Агентства, которые г. Председатель Русской делегации считает поддельными. Так как в словах г. Председателя Русской делегации мы усмотрели инсинуацию в том, что эта подделка произошла у нас в Германии, я счел своей особой обязанностью по возможности расследовать этот вопрос. Самым важным и чреватым последствиями из упомянутых ложных сообщений было сообщение о заседании в Брест-Литовске от 28-го декабря. Как мною установлено, эта телеграмма была разослана Телеграфным Бюро «Рицау» в Копенгагене. На подлинной телеграмме, имеющейся у «Рицау», значится пометка «из Петрограда» и подпись «Вестник», как и на всех телеграммах Петроградского Телеграфного Агентства. Поэтому, дальнейшее расследование вопроса о том, кто является виновником этого инцидента, я должен предоставить г. Председателю Русской делегации.

Другое сообщение, которое тоже привлекло внимание полити-

ческих кругов и которое г. Комиссар по Иностранным Делам считает неправильным, касается речи, произнесенной им на 3-м Съезде Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. До нас это сообщение дошло в передаче датской газеты «Berlingske Tidende», от 31-го января. Вот два самых важных места из сообщения: «Империалисты ложно утверждают, что мы намерены вести сепаратные переговоры» и далее: «Русская делегация не желает отказаться от своих требований и не собирается подписывать сепаратного мира». Это сообщение на французском языке было получено Агентством Вольфа 29-го января вечером из Стокгольма, как сообщение Петроградского Телеграфного Агентства; из Стокгольма же нам сообщают, что этот французский текст, переданный затем Агентству Вольфа, был получен в виде телеграммы Петроградского Телеграфного Агентства. Если при этом произошла подделка, то только—на пути из Петрограда в Стокгольм. И я просил бы г. Председателя Русской делегации установить, что Агентство Вольфа и германская печать в данном случае действовали вполне добросовестно. Мне кажется, что и в интересах русской политики будет выяснить происхождение этих в политическом отношении крупных подлогов.

Троцкий. Вполне присоединяюсь к мнению г. Председателя Германской делегации, что оставить этот вопрос без полного и окончательного выяснения совершенно невозможно. О подложности первой телеграммы я не говорил до тех пор, пока мне не были доставлены подлинники всех посланных Петроградским Телеграфным Агентством телеграмм, касающихся первого периода здешних переговоров. Я допускал возможность недоразумения и со стороны Петроградского Телеграфного Агентства. Но после того, как я просмотрел подлинники, я убедился, что такого рода объяснение не может иметь места.

Что касается второй телеграммы, то за последний период наших переговоров мы почти совершенно отрезаны от Петрограда. Поэтому я и указал, когда впервые был поднят этот вопрос, что не решаюсь здесь говорить о подложности телеграммы, пока не установлю точно, какая именно телеграмма Петроградского Телеграфного Агентства могла быть так истолкована или так переведена.

Я, однако, должен заметить, что в германской печати по поводу той же самой речи было телеграфное сообщение,—правда, перепечатанное не всеми газетами,—где говорилось, в полном согласии со смыслом моей речи, о том, что Союзные империалисты не имеют права обвинять нас в ведении сепаратных переговоров, так как мы, со своей стороны, сделали все возможное для привлечения их к участию и не можем взять на себя обязательства участвовать в войне до тех пор, пока это будет угодно Правительству Лондона или Нью-Йорка, и что, следовательно, ничто не мешает нам заключить сепаратный мир. Я говорю, что такое сообщение было также напечатано и в немецких газетах. Повторяю,—со своей стороны я предприму, как только технические условия это позволят, все, что возможно, для выяснения в полном объеме и в кратчайший срок этих недоразумений или под-

делок и доведу об этом до сведения г.г. Председателей Германской и Австро-Венгерской делегаций.

Кюльман. Мы возвращаемся к рассмотрению вопроса, на котором мы остановились на последнем заседании. Г. Председатель Русской делегации хотел, насколько я помню, сообщить нам еще некоторые свои соображения по вопросу о привлечении к мирным переговорам Представителей Польши. Я должен был тогда, в виду позднего времени, отложить это сообщение до следующего заседания.

Троцкий. Я просил тогда дать слово члену нашей делегации Бобинскому, в качестве знатока польского вопроса. Сейчас я повторяю это предложение, но считаю своим долгом, если, конечно, г.г. Председатели Германской и Австро-Венгерской делегации ничего не имеют против, обратить внимание г.г. присутствующих на то, что та очень хорошо организованная кампания Германской и Австро-Венгерской печати, которая, главным образом, обвиняет нас в затягивании переговоров, совершенно неправильно освещает действительный ход и смысл переговоров. Считаю необходимым, прежде всего, со всей энергией подчеркнуть то обстоятельство, что основные условия, выставленные Германией и Австро-Венгрией, стали нам известны только накануне последнего перерыва. В виду огромного значения этих условий, содержание которых стало нам известно лишь в процессе довольно сложных теоретических рассуждений, мы предложили перерыв для того, чтобы дать возможность нашему Правительству взвесить все вытекающ е из этих условий тяжелые последствия. После этого перерыва переговоры шли таким темпом, который никто из нас не назовет очень быстрым; но, в данном случае, инициатива никоим образом не принадлежала нам. Итак, я считаю необходимым заявить, что все обвинения, исходящие от противной стороны, ложны в самой своей основе. Поскольку переговоры затягивались, благодаря своему исключительно теоретическому характеру, ответственность и за это ложится не на нас. Именно г. Председатель Германской делегации, отвечая мне на одном из первых заседаний, обратил наше внимание на то, что, в виду важности вопросов, необходимо, прежде всего, обсудить их с теоретической стороны; в своем практическом значении, эти условия встали перед нами, повторяю, за день до последнего перерыва. Таким образом, я перед лицом обеих соединенных делегаций, перед лицом общественного мнения обеих здесь представленных Держав, решительно отвергаю всякую ответственность за затягивание переговоров.

Если г.г. Председатели Германской и Австро-Венгерской делегаций не имеют ничего против, то я прошу предоставить слово нашему товарищу Бобинскому.

Кюльман. Я не следил за кампанией немецкой печати, которую г. Председатель Русской делегации назвал хорошо организованной. Благодаря открытой дипломатии, которой мы вполне придерживались, согласно желанию г. Председателя Русской делегации, Германская печать имела возможность составить себе свое собственное

мнение о ходе мирных переговоров из опубликованных протоколов. Германская печать, мне кажется, может составить себе самостоятельное мнение о происходящем, и если ее выводы не нравятся Русской делегации, то Русская печать имеет полную возможность защищать то мнение, которое ей кажется более правильным. Я, во всяком случае, самым решительным образом отклоняю всякие инсинуации, будто бы виновниками затягивания переговоров являются Председатели Союзнических делегаций. Так как при наших переговорах мы вращались в области вопросов,—в большинстве своем новых и не имеющих примеров в прошлом, ни в теории, ни в практике международного права,—то было прямо необходимо осветить эти вопросы также и с их теоретической стороны. Как я уже имел честь указывать г. Председателю Русской делегации, теоретический разбор вопросов был предпринят далеко не из любви к теории, как таковой: теоретические рассуждения имели, как это мог заметить г. Председатель Русской делегации, очень важное практическое значение. И если бы, в результате переговоров, мы пришли к соглашению по этим теоретическим вопросам, то, как это известно г. Председателю Русской делегации, мы подошли бы очень близко к удовлетворительному разрешению нашей задачи. Впрочем, порядок, установившийся на наших заседаниях, таков, что в любой момент Председатели трех представленных здесь делегаций имеют возможность поставить любой вопрос на обсуждение. Я, по крайней мере, не могу припомнить случая, чтобы в этом отношении была ограничена свобода слова в малейшей степени. Поэтому, я считаю, что за содержание и форму переговоров до известной степени одинаково ответственны Председатели всех трех представленных здесь делегаций. Г. Председатель Русской делегации был прав, указывая, что наши предложения были настолько важны, что потребовали с его стороны серьезного их изучения. Предложение г. Председателя вполне совпадает с моим намерением поставить на обсуждение ближайшего заседания общий обзор наших переговоров. При этом, мы будем иметь возможность обсудить также тему, затронутую г. Председателем Русской делегации, согласно его намерениям.

Слово принадлежит г. Председателю Австро-Венгерской делегации.

Чернин. Г. Председатель Русской делегации говорил о ловкой кампании, которую ведет немецкая печать против Русской делегации, с целью доказать, что с русской стороны стремятся к затягиванию переговоров. Г. Председатель Русской делегации делает из наличных фактов совершенно неправильные выводы. Я был бы очень рад, если бы имел то влияние на печать, которое мне, повидимому, приписывает г. Председатель Русской делегации. Но г. Председатель значительно переоценивает мое влияние, а также и те средства, которыми я располагаю в этой области. Я обращаю внимание г. Председателя Русской делегации на то, что с тех пор, как я нахожусь на своем посту, ни одна газета в Австрии и Венгрии не была закрыта, как это все-таки иногда случается в некоторых других странах. Я также не располагаю никакими средствами влияния на печать,

о чем свидетельствуют те резкие нападки, которым я подвергаюсь со стороны, как левой, так и правой печати. Большинство австрийских и венгерских газет пришло к выводу, что с русской стороны, действительно, не имеется желания притти к соглашению; причина этого лежит, однако, не во влиянии Австро-Венгерского Правительства, а в той позиции, которую заняла Русская печать, и в тех любезных радиотелеграммах по нашему адресу, которые рассылаются по всему миру. В этих сообщениях, прямо или косвенно, говорится, что не стоит спешить заключать договор с нынешними Правительствами Центральных Держав, в виду предстоящих больших перемен. Поэтому, в согласии с действительным положением вещей, я констатирую, что мнение нашей печати о тактике затягивания вызвано печатными органами г. Народного Комиссара по Иностранным Делам.

Троцкий. Я не рискнул бы занимать время г.г. присутствующих дальнейшими прениями по этому вопросу, если бы не опасался, что неправильная информация по данному поводу может сделать бесплодными наши переговоры и по другим вопросам. Прежде всего, г. Председатель Германской делегации совершенно напрасно отклоняет мнимое обвинение Русской делегации в затягивании переговоров. Я говорил о том обвинении, которое предъявлено нам, и объяснял его самым ходом переговоров. Я отнюдь не собирался этим сказать, что Германская или Австро-Венгерская делегации пытались искусственно затянуть переговоры. Но сейчас, оглядываясь на весь ход переговоров, я позволю себе заметить, что метод, принятый, как совершенно правильно было сказано, по инициативе г.г. Председателей обеих делегаций противной стороны, метод этот сам по себе вел к затягиванию переговоров. Что касается печати, то я должен совершенно открыто признать, что мы, действительно, за время революции, закрыли целый ряд газет, не потому, что они критиковали с точки зрения правых партий—слева у нас нет больше противников—поведение Комиссара по Иностранным Делам, а потому, например, что они призывали юнкеров и офицеров стрелять в рабочих и солдат и высказывали другие, подобного рода, мнения и суждения. Я должен в наше оправдание сослаться еще на тот факт, что у нас нет предварительной цензуры, которая все-таки существует в некоторых других странах. Что касается статей нашей печати, то, разумеется, нельзя упускать из виду, что здесь, в Брест-Литовске, ведут переговоры две стороны, стоящие по политическим вопросам на прямо противоположных позициях. Мы готовы сожалеть о тех преждевременных комплиментах, которые делала официальная Германская и Австро-Венгерская печать по нашему адресу. Это совершенно не требовалось для успешного хода мирных переговоров.

Перед нами стоит практический вопрос, который определяется, по существу своему, комбинацией исторических условий, в самой незначительной мере зависящих от свободной воли обеих сторон.

Я уже однажды имел честь заявить, что мы предпочитаем открытую и резкую речь солдата. С самого начала мирных переговоров, мы не пытались скрыть от другой стороны и от общественного мнения всего мира, кто мы такие. Но совершенно ложно и в корне

ошибочно утверждение, будто мы считаем, что до переворота в Центральных Империях нельзя заключать мира. Такого решения у нас не было, и, именно исходя из наших международных революционных задач, мы не вступали на путь такой политики. Правы ли мы или нет, но мы высказывали в наших решениях и в наших резолюциях тот взгляд, что именно заключение мира станет исходным пунктом глубоких потрясений в государствах всего света. Правы ли мы или нет, но мы верим, что широкие народные массы всех стран, возвращаясь из окопов, очнутся и подведут итоги опытам этой войны. Именно по этой причине мы с самого начала войны неутомимо и повсеместно боролись за мир, и, стало быть, раз противная сторона считает нужным—разумеется, не из сентиментальности, а из политических соображений—вести с нами переговоры, то я считаю необходимым дать исчерпывающие сведения по этому важнейшему вопросу, затронутому г. Председателем Австро-Венгерской делегации. Только поэтому я и просил слова.

Что касается мнений Германской и Австро-Венгерской печати, то они, к сожалению, основаны на недостаточной осведомленности, и те условия противной стороны, которые нам кажутся наиболее важными, до сих пор не были опубликованы ни Германской, ни Австро-Венгерской печатью.

Кюльман. Я не последую примеру г. Председателя Русской делегации. С самого начала, я по принципиальным соображениям уклонялся говорить с ним по вопросам миросозерцания или политической организации. Ведя подобные бесцельные беседы, при коренном различии основных точек зрения, мы вполне заслужили бы упрек в пустой потере времени. Но я все же признателен г. Председателю Русской делегации за его заявление, что он не намерен поставить мирные переговоры в непосредственную зависимость от ниспровержения существующего строя в Центральных Империях. Что касается его замечания о предварительной цензуре, то в Германии таковой также не имеется. Тот факт, что критика внешней политики и ее руководителей не запрещена немецким газетам, не может не быть известен такому основательному знатоку Германской печати, каковым является г. Народный Комиссар по Иностранным Делам.

Чернин. Я хочу сказать только два слова. Если у нас возник спор, кто именно затягивает переговоры, то в настоящий момент, я полагаю, мы все трое тормозим общее дело, ибо этот спор не приблизит нас к конечному результату. Я должен, однако, сделать еще два замечания. Если г. Председатель Русской делегации утверждает, что с левой стороны на него не может быть нападок, потому что нет стороны левее, то я могу ему только позавидовать. Конечно, гораздо удобнее не подвергаться перекрестному огню. Я, однако, не поручился бы за то, что и в России не возникнет оппозиция слева. По моему мнению, в России возможно движение влево, не солидарное с направлением г. Председателя Русской делегации. Впрочем, это не мое дело.

Если уж г. Председатель Русской делегации заговорил о цензуре, то я должен разъяснить одно заблуждение. У нас, в Австро-Венгрии, правда, существует предварительная цензура. Это весьма благодетельное учреждение, так как оно предохраняет газеты от закрытия. Но цензура наша может только запретить напечатать что-либо; по понятным причинам, она не может заставить газету говорить то или иное. Итак, если, наша печать обвиняет Русскую делегацию в затягивании переговоров, т.-е. делает известное утверждение, то цензура тут ни при чем. Что касается остальных утверждений г. Председателя Русской делегации, то я, признаться, никогда не сомневался в открытой честности его заявлений; поэтому, я также принимаю к сведению его заявление о том, что он не ставит заключение мира в непосредственную зависимость от предполагаемого ниспровержения существующего строя в нашей стране. Я должен, однако, сказать, что некоторые органы, близко стоящие к г. Председателю Русской делегации, пытались подорвать нашу веру в честность высказанного им заявления.

Троцкий. Я хочу только сказать, что при ведении переговоров честность намерений подразумевается сама собой; следовательно, и заявление г. Председателя Австро-Венгерской делегации я понимаю только, как констатирование само собой разумеющегося факта. Если никто ничего не имеет против, то я прошу предоставить слово члену нашей делегации, по вопросу, затронутому в прошлый раз,—сейчас или после перерыва.

Бобинский. Ради цельности впечатления, я прочту нашу декларацию полностью, а потом мы предъявим и подлинный немецкий текст.

В прениях по вопросу о Польше не прозвучал еще голос непосредственно заинтересованной страны, а именно—голос Польского народа. Голос этот подымаем теперь мы, польские участники общероссийской делегации, я и товарищ Радек. Мы говорим здесь не только, как участники этой делегации, не только, как выразители воли двухмиллионного населения так называемого Царства Польского, населения, загнанного войной в Россию, но одновременно и как представители пролетариата Царства Польского. Наша точка зрения выражена в следующей декларации:

«На ряду с Бельгией и Сербией, Польша представляет собой наиболее разрушенную и пострадавшую от войны страну. Она не только разрушена, но и в экономическом отношении жизнь ее расстроена на многие годы. Война загнала в Россию около двух миллионов жителей Польши, а сотни тысяч польских рабочих принудительно увезены в Германию; все это, не считая солдат Галиции, Силезии и Познани. Население Польши принуждено было сражаться за целых три чужих «отечества», против своих собственных братьев и соотечественников, для того, чтобы теперь судьбы его, на этих мирных переговорах, решались без его представителей и против его воли.

Мы, представители населения так называемой конгрессовой

Польши, участвующие в мирных переговорах, как часть делегации Российской Республики, обращаем, прежде всего, внимание г.г. присутствующих на то, что здесь, на мирной конференции, нет представителей тех миллионных трудовых масс городов и деревень Польши, которые на своих плечах вынесли все тяготы и ужасы этой войны, и судьба которых подлежит здесь окончательному решению.

Трудящиеся массы Польши, т.-е. почти весь Польский народ, считают величайшей несправедливостью то, что они здесь не имеют возможности защищать свои интересы и интересы своей страны.

Поэтому, первым требованием трудящегося населения Польши является допущение его непосредственных представителей на эти мирные переговоры.

До тех пор, пока в настоящих мирных переговорах не участвуют непосредственные представители Польши, мы, как выразители двухмиллионного Польского населения, загнанного войной в Россию, считаем необходимым выявить здесь подлинные желания польских трудящихся масс, ибо только польские беженцы, благодаря русской революции, имеют возможность свободно высказаться о своих нуждах и стремлениях. Мы делаем это с тем большим правом, что мы являемся одновременно и представителями социал-демократии Польши и Литвы, т.-е. того течения, которое вот уже 25 лет руководит рабочим движением Польши, и которое, как доказал съезд рабочих организаций в Варшаве 29-го ноября 1917 г., и теперь имеет за собой большинство рабочих.

Мы заявляем, что и в так называемой конгрессовой Польше трудящиеся массы Галиции, как и трудящиеся массы Познани, прусской части Силезии и сотни тысяч солдат, погибавших в окопах, громко требуют:

1) уничтожения национального гнета,

2) устранения полицейских перегородок между тремя частями одной страны и [illegible]

3) возможности свободно устраивать жизнь собственной страны.

Но, хотя требования Польского населения Галиции, Познани и Силезии в отношении к Центральным Державам и согласуются с нашими стремлениями, мы все же полагаем, что окончательная их формулировка принадлежит непосредственным представителям трудящегося населения данных областей.

Что же касается так называемого Царства Польского, то требования всех слоев населения страны настолько ясны и согласованы, что не могут быть подвергнуты никакому сомнению. Они гласят:

1. Немедленный вывод оккупационных войск и очищение Польши от всех правительственных органов, учрежденных оккупационными властями, так как только такие условия дадут народу возможность свободного волеизъявления.

2. Что касается волеизъявления Польского населения, то главное требование трудящегося народа состоит в том, чтобы это волеизъявление было обусловлено полной свободой печати, слова, собраний, союзов и т. д., без какого бы то ни было давления со стороны более сильных соседних держав.

3. Волеизъявление народных масс Польши может считаться правомочным только после возвращения беженцев, изгнанных войной из страны, и рабочих, насильственно увезенных в Германию и Россию.

4. Разрушенные области Польши должны быть восстановлены на средства международного фонда, составленного путем обложения имущих классов всех воюющих стран.

5. Вопрос о границах разрешается путем голосования и соглашения с соседним, заинтересованным в этом деле населением.

Важнейшим из этих требований рабочий класс, как, впрочем, и другие группы населения Польши, считает удаление оккупационных войск до выборов и голосования и очищение Польши от всех учрежденных оккупационными властями правительственных органов. Без выполнения этого простого требования в полном его объеме, нельзя себе представить прочного и демократического мира, основанного не на явном насилии завоевателей.

Требование это было высказано Всероссийским Съездом беженцев в ноябре 1917 года, на съезде рабочих организаций в Варшаве в конце прошлого года, во многих воззваниях легальных и нелегальных, на митингах, собраниях и в речах всех групп населения Польши. Под этим лозунгом прошла всеобщая забастовка в конце января этого года в Варшаве.

Если Центральные Державы противопоставляют этому всеобщему требованию ссылку на необходимость поддержания порядка в Польше, то мы заявляем, что Польские народные массы и, в особенности, рабочий класс Польши, способны поддержать порядок в стране. Кроме того, этот аргумент, равно, как и ссылка Германской делегации на нежелание допустить в Польше народной революции, являются вмешательством во внутреннюю жизнь страны, против которого, как и вообще против всякой опеки со стороны соседних Империй, мы самым решительным образом протестуем.

Г. г. Представители Австро-Венгрии и Германии не найдут в Польше ни одной более или менее серьезной политической группы, которая осмелилась бы публично выставить другой лозунг.

Далее, г. г. Представители Австро-Венгрии и Германии заявляют, что Польша уже самоопределилась. На это мы отвечаем так:

Население Польши и, в особенности, польский рабочий класс, еще ни разу не опрашивались по этому поводу. Более того: оккупационные власти ввели в стране режим, безусловно исключающий свободное волеизъявление, благодаря чему немецкая демократия до сих пор еще не знает, какие порядки царят ныне в оккупированной Польше. Сотни тысяч рабочих, авангард демократии, были увезены в Германию; как это произошло, хорошо известно из заявлений в Рейхстаге г.г. Депутатов Тромпчинского и Корфанти; факты, оглашенные ими, до сих пор не опровергнуты Германским Правительством. У рабочих, оставшихся в Польше, отняли свободу печати, слова и собраний; предвыборная агитация в Варшавскую Городскую Думу всячески тормозилась, а затем, вожди рабочего класса были вывезены в Германские концентрационные лагери. Печати запрещено свободно высказываться в отношении

России и Германии. В указе, опубликованном в немецкой печати, Лодзинский полицмейстер угрожает смертной казнью за забастовки. Рабочие демонстрации разгоняются вооруженной силой. Преследуются не только рабочие и сочувствующие революционной России, но также и сторонники Центральных Держав, поскольку они в практических вопросах осмеливаются иметь свое особое мнение, как это было, например, в связи с арестом Пильсудского, организатора легионов, а равно, и самих легионеров, до сих пор еще томящихся в Германских концентрационных лагерях.

Итак, истинный голос Польши и, в особенности, ее рабочего класса не мог свободно раздаться. Однако, подлинное настроение Польши должно быть известно в Германии, хотя бы из парламентских речей г.г. Депутатов Тромпчинского и Корфанти в Рейхстаге. Даже Прусский Министр фон-Лебель принужден был публично констатировать недовольство населения Польши политикой Германии.

Одно не подлежит сомнению, а именно, что все население Польши, в особенности, ее пролетариат, относится отрицательно к оккупации и к немецким планам по вопросу о будущем Польши.

В Польше существуют две организации, опирающиеся на массы: буржуазная—так называемая народовая демократия и социалистические рабочие партии. И вот народово-демократические и социалистические круги самым решительным образом отклоняют всю политику Центральных Держав, якобы дарующую Польше свободу. Это доказывают письменные заявления этих партий, это доказывают демонстрации на улицах городов Польши. Мало того: мы утверждаем, что в Польше нет ни одной партии, которая была бы согласна с немецкими проектами относительно Польши. Существующие в Польше правительственные органы, выражающие, будто бы, самостоятельную польскую государственность, являются учреждениями Германии и ни доверием, ни поддержкой народа, а, в особенности, рабочего класса, не пользуются. Но даже и эти органы относятся отрицательно к германским планам, как это и доказывается перепитиями с Государственной Радой. Настроение последнего времени достаточно ярко отразилось в речи Польского Министра Станишевского в Шиперно, где томятся легионеры.

Не менее остро стоит вопрос о границах Польши, вопрос, оставленный Германией открытым для осуществления ее захватнических целей.

В виду всего этого, утверждение именно Германии о будто бы уже происшедшим самоопределении Польши совершенно не основательно.

В доказательство своих слов, мы можем предложить Австро-Венгерской и Германской делегациям документальные данные, даже данные чисто официального характера, достаточно ярко рисующие подлинное отношение Польши к освободительной политике Германии.

Если же Германия желает убедиться в правильности наших утверждений и в подлинности представленных нами документов, пусть она исполнит наше главное требование,—выведет оккупационные войска и тем самым предоставит возможность Польскому трудящемуся народу свободно проявить свою волю.

Мы же, от имени Польского пролетариата, торжественно заявляем, что до сих пор только революционная Россия стоит на страже истинных интересов и свободы Польского народа, и что, не будь Польша оккупирована,—она уже в настоящее время обладала бы той же свободой, которою пользуются прочие народы России. Отказ же Германии вывести войска из Польши и скрывающееся за этим отказом намерение сделать Польшу орудием завоевательных стремлений Германии являются скрытой аннексией и вмешательством во внутренние дела Польши. Вместе с тем, эта политика поддерживает польские имущие классы, в ущерб интересам польских трудящихся масс. Царский гнет заменен в Польше гнетом более современным. Польский рабочий класс, имеющий за собою в прошлом героическую борьбу с царизмом, никогда на это не согласится».

Представители социал-демократии Польши и Литвы:

Станислав Бобинский.
Карл Радек.

Кюльман. Я хотел бы спросить г. Председателя Русской делегации, является ли оглашенное заявление официальным заявлением Русской делегации?

Троцкий. Могу только повторить то, что уже было сказано мною по поводу соответствующего заявления Представителей Украинского Центрального Исполнительного Комитета.

Кюльман. В таком случае, прошу Вас повторить Ваше заявление.

Троцкий. Это я и собирался сделать. По самой конструкции нашей делегации, мы предоставляем слово представителям трудящихся масс соответствующего народа. Поскольку в этих заявлениях охарактеризовано общее положение, эти представители привлечены нами потому именно, что они более компетентны в данном вопросе. Поскольку же эти заявления непосредственно затрагивают настоящие мирные переговоры,—они не выходят из рамок, установленных Русской делегацией с самого начала настоящих переговоров. В этих пределах они должны рассматриваться, как официальные заявления. В остальном же они являются информационным материалом, облегчающим ведение переговоров.

Кюльман. Я нахожу странным, что в том же заседании, в котором г. Комиссар по Иностранным Делам решительно отклоняет упрек в том, что он говорит не по существу и пользуется настоящим заседанием в целях политической агитации, он заставляет нас выслушивать столь длинные заявления из уст одного из членов делегации, заявления, ответственность за которые он наполовину слагает с себя.

На меня лично только что прочитанное заявление произвело именно впечатление политической агитации, и я совершенно не понимаю, как г. Председатель Русской делегации может полагать, что подобные бесцельные митинговые речи могут послужить делу наших переговоров. Что касается меня, то я самым решительным образом

отказываюсь принимать со стороны Русской делегации какие бы то ни было заявления, которые не будут делаться официально, от имени всей делегации. Боюсь, что заявления, подобные только что выслушанной речи члена Русской делегации, подвергают серьезному испытанию терпение Председателей Союзнических делегаций, и что не только у немецкой печати возникнет весьма серьезное сомнение в действительном намерении Русской делегации довести мирные переговоры до благополучного конца.

Гофман. Я протестую против того, что г.г. Бобинский и Радек присвоили себе право говорить от имени польских солдат, входящих в состав Германской Армии. Я должен самым решительным образом взять под свою защиту всех немецких солдат польской национальности, которые на всех фронтах честно сражались за свою родину, Германскую Империю.

Троцкий. Здесь говорилось несколько раз о документах, имеющихся в распоряжении объединенных делегаций и характеризующих отношение заинтересованных пограничных народностей к настоящим переговорам. Мы не имели, правда, возможности до сих пор ознакомиться с этими документами. Но нет никакого сомнения,— за это говорит логика вещей,—что заявления этих учреждений, групп, Рижских ферейнов или союзов, на мнение которых ссылался генерал Гофман, не могут считаться официальными заявлениями. Это и есть тот материал, на который опирается противная сторона в своих доказательствах. Мы, со своей стороны, считаем мнение польской социал-демократии в высшей степени важным для наших суждений по этим же вопросам, и этим вполне определяется наше отношение к заявлениям трудящихся масс Польши. Отмечая, что подобного рода заявления рассматриваются г. Председателем Германской делегации только, как агитационный прием, я не могу не вспомнить следующее: заявление Украинской делегации, подвергавшее критической оценке внутреннее положение России, вне всякой связи с обсуждаемыми здесь вопросами, отнюдь не встретило отповеди со стороны г. Председателя Германской делегации. Я отмечаю, что г. Председатель Германской делегации не указал тогда, что такого рода речи носят явно агитационный характер; мало того, официальный немецкий отчет заключает в себе, насколько я помню, дословную передачу соответствующей агитационной речи; и, в то же самое время, в этом официальном отчете сплошь и рядом отсутствуют краткие и очень важные для хода переговоров заявления нашей делегации. Вот почему я не думаю, чтобы оглашенное здесь заявление могло, в каком бы то ни было смысле, вредно повлиять на ход наших переговоров, ибо, во всяком случае, оно дает нам ясное представление о том, как смотрит на вопрос о судьбе Польши польский рабочий класс, т.-е., с нашей точки зрения, важнейшая часть польского населения.

Кюльман. Никто больше не просит слова?

Согласно желанию г. Председателя Русской делегации, я намерен в следующем заседании дать обзор наших работ. В течение

А. А. Биценко.

этого заседания будут сделаны желаемые официальные сообщения о важных с нашей точки зрения решениях.

Так как такой обзор потребует некоторой предварительной работы, то я предложил бы назначить следующее заседание на послезавтра, $^1/_2$ 6-го.

Заседание закрывается в 1 час 15 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

9 февраля (27 января) 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 13 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Господа, я открываю заседание политической комиссии.

Как я уже сообщил на прошлом заседании, Представители Союзнических делегаций пришли к убеждению, что мы подошли к тому моменту, когда необходимо подвести некоторый итог работам мирной конференции. Переговоры эти, как всем известно, дважды прерывались. Основная тема наших переговоров касалась политической области. Точки зрения обеих сторон были изложены до рождественского перерыва в предварительных формулировках. Содержание этих формулировок было затем подвергнуто самому тщательному обсуждению, и в ходе прений оказалось возможным противопоставить обе точки зрения, в виде новых, подробно формулированных заявлений. Я хотел бы сегодня, когда мы, так сказать, подводим итоги, воздержаться от повторения содержания наших переговоров. К сожалению, я должен отметить, что, несмотря на обстоятельность прений, мы не достигли большого сближения наших точек зрения. Так как я хочу сегодня дать общий обзор, то я не буду останавливаться на вопросе о том, которая из двух сторон виновна в безуспешности переговоров. Если обе стороны останутся при своих основных взглядах, то я, лично, того мнения, что и дальнейшие прения не дадут более благоприятных результатов. Само собой ясно, что нельзя бесконечно затягивать мирные переговоры, не обещающие успешного исхода. Однако, в соответствии с принципом, которого я придерживался за все время мирных переговоров, можно надеяться, что обсуждение на более широких началах занимающих нас вопросов могло бы привести к благоприятному результату. Но я считаю своим долгом ясно указать, что складывающиеся обстоятельства вынуждают нас принять как можно скорее определенное решение.

Если я сегодня снова ставлю на обсуждение сложный политический вопрос, то, прежде всего, считаю своим долгом заметить, что, насколько это будет возможно, я постараюсь избежать какой бы то ни было полемики и найти тот путь, который мог бы привести нас к соглашению.

Исключительно в целях более полного обзора, я отмечаю, что политико-правовые вопросы всесторонне разработаны нашими специальными комиссиями, так что, в случае соглашения по политическим вопросам, я надеюсь, решения в этой области не встретили бы затруднений или задержки. Обсуждение экономических вопросов настолько еще не подвинулось вперед. Но и здесь, я полагаю, при удовлетворительном решении основных вопросов, можно было бы притти к соглашению, приемлемому для обеих сторон.

Чернин.- Уже в течение недели мы ведем бесплодный спор о том, следует ли рассматривать определенные территориальные изменения, являющиеся следствием созданных войной отношений,—как результат осуществления народами права на самоопределение. Сколько бы мы ни затягивали это чисто теоретическое обсуждение, оно дает мало надежды на соглашение. Я хотел бы возбудить вопрос, действительно ли необходимо такое соглашение с точки зрения достижения мира. Как бы ни был велик спор, ведь вопрос, главным образом, в том, как квалифицировать неизбежные территориальные изменения; однако, от этого еще не следует ставить в зависимость вопрос о заключении мира. Наши прения, мне кажется, не исключают возможности соглашения, несмотря на различное толкование характера упомянутых территориальных изменений. Из разъяснений Его Превосходительства г. Статс-секретаря фон-Кюльмана от 27/14-го декабря 1917 г. ясно, о каких переменах идет речь. Дело идет о Курляндии и Литве, о части Лифляндии и Эстляндии и, затем, о Польше. Оставим открытым вопрос, как следует толковать намеченные изменения, и постараемся, не затрагивая этих спорных вопросов, только выяснить, может ли осуществление этих перемен явиться фактической помехой заключению мира или нет.

Троцкий. Нам также представлялось необходимым после последнего перерыва,—я имею в виду перерыв, вызванный нами, а не перерыв, вызванный Германской и Австро-Венгерской делегациями,—подвести итог нашим предшествующим работам. Мирные переговоры имели своей точкой отправления нашу декларацию от 22/9-го декабря и ответную декларацию Четверного Союза от 25/12-го декабря. Этими двумя декларациями переговоры были формально поставлены на почву принципа самоопределения народов. После короткого промежутка, исчислявшегося часами, когда уже казалось, что, с помощью принципа, признанного обеими сторонами, разрешатся поставленные войной национальные и территориальные вопросы, — неожиданно обнаружилось, что, после обмена формулированными заявлениями 27/14-го декабря, вопрос осложнился еще больше, так как, с нашей точки зрения, применение, данное принципу самоопределения противной стороной, равносильно отрицанию самого принципа. Вследствие этого, дальнейшие прения получили чисто академический характер, безнадежный в практическом отношении, так как противная сторона стремилась, путем сложных логических операций, вывести из принципа самоопределения те именно заключения, которые были, по ее мнению, предопределены фактическим положением вещей, в

соответствии с военной картой. Вопрос о судьбе оккупированных областей, стоявший в центре этих прений, свелся, после целого ряда заседаний, к вопросу об очищении данных областей от оккупационных войск, и в этом кардинальном вопросе, вследствие указанного выше характера прений, удалось лишь постепенно и с большим трудом достигнуть некоторой ясности. Первоначальная формулировка противной стороны, насколько мы ее поняли,—а мы стремились ее понять со всей добросовестностью,—гласила, что, до окончания всеобщей войны, для Германии и Австро-Венгрии не может быть и речи, по военно-стратегическим соображениям, об очищении оккупированных территорий. Из этого наша делегация сделала вывод, что противная сторона предполагает очищение оккупированных территорий произвести уже по заключении всеобщего мира, т.-е. после того, как будут устранены упомянутые стратегические соображения. Вывод этот оказался, однако, ошибочным. Германская и Австро-Венгерская делегации категорически отказались сделать какие-либо обязующие их заявления относительно вывода войск из оккупированных областей, не считая той незначительной полосы, которую предполагается возвратить России. Только на этой стадии переговоров достигнута была требуемая ясность. Еще яснее стал вопрос, когда генерал Гофман, от имени обеих делегаций, предъявил нам ту пограничную линию, которая должна в дальнейшем отделить Россию от ее западных соседей, т.-е. фактически—от Германии и Австро-Венгрии, так как оккупационные войска остаются в оккупированных областях на неопределенное, никакими условиями не ограниченное время. Мы неоднократно заявляли, что, если провести новую границу России в соответствии с принципом самоопределения, то тем самым была бы создана наиболее надежная, при данных условиях, гарантия против возможности новых военных столкновений, так как в сохранении новой границы были бы непосредственно заинтересованы населяющие границу народности.

Но немецкие условия, как и вся немецкая политика, совершенно исключают такого рода демократическую гарантию мирных отношений между Россией, с одной стороны, и Германией и Австро-Венгрией, с другой. Предлагаемая противной стороной новая граница продиктована, прежде всего, военно-стратегическими соображениями и должна быть оценена именно с этой точки зрения. Отделение от России не только Польши и Литвы, но и Латышского края, и Эстляндии,—если бы таковой оказалась воля населения этих областей,—не представляло бы никакой опасности для Российской Республики; наоборот, дружественные отношения с этими новыми государствами, свободно вступившими на путь самостоятельной государственности, были бы обеспечены условиями самого их происхождения и существования. При такой постановке вопроса, стратегический характер новой границы не имел бы для нас существенного значения. Однако, в совершенно ином свете выступает та новая граница, которую предполагает провести противная сторона. Так как Германия и Австро-Венгрия оставляют свои войска в оккупированных областях и сохраняют за собою право связать эти области, при режиме оккупации,

железнодорожными и другими конвенциями, то практически новая граница должна нами рассматриваться, не как граница с Польшей, Литвой, Курляндией и проч., а как граница с Германией и Австро-Венгрией. Так как оба эти государства являются государствами, ведущими политику «военных приобретений», что ярче всего выражается в их отношении к оккупированным областям, то возникает новый вопрос: какую судьбу готовят республиканской России, т.-е. самостоятельности и независимости ее народов, Правительства Германии и Австро-Венгрии той новой границей, которую они хотят провести? Иначе говоря, какими стратегическими замыслами продиктована новая граница? В целях пояснения этого нового вопроса с точки зрения руководящих военных учреждений Российской Республики, прошу предоставить слово нашим военным консультантам.

Но здесь перед нами встает новое затруднение; оно касается той неизвестной нам части границы, которая должна пройти к югу от Брест-Литовска. Противная сторона исходила из соображения, что эта часть границы подлежит определению совместно с делегацией Киевской Рады. Мы заявляли в свое время, что, независимо даже от не установившегося тогда еще государственно-правового положения Украины, не может быть и речи об одностороннем определении границ Киевской Радой, без соглашения с делегацией Совета Народных Комиссаров. После нашего заявления определилось государственно-правовое положение Украинской Республики: она вошла в состав Российской Федеративной Республики. Делегации Центральных Империй, вопреки своему первоначальному заявлению о том, что они оставляют за собою право окончательно определить свое отношение к международному положению Украины к моменту заключения мирного договора, поторопились признать государственную независимость Украины в тот самый момент, когда Украина формально вошла в состав Российской Федерации. После этого, произошли события, которые должны были иметь решающее значение для судьбы сепаратных переговоров противной стороны с Киевской Радой. Эта последняя пала под натиском Украинских Советов при чем падение, неизбежное само по себе, было ускорено тем обстоятельством, что Рада в борьбе за власть сделала, при содействии Центральных Империй, попытку насильственного отделения Украины от Российской Федеративной Республики. Мы официально сообщили противной стороне о падении Украинской Рады. Тем не менее, переговоры с несуществующим правительством продолжались. Тогда мы предложили Австро-Венгерской делегации, хотя и в частной беседе, не вполне формально, отправить на Украину своего представителя, дабы он получил возможность лично убедиться в падении Киевской Рады и в отсутствии какого бы то ни было практического значения переговоров с ее делегацией.

Делегации Центральных Империй нуждались в проверке фактов, и нам казалось, что, во всяком случае, они должны были отложить подписание мирного договора с Киевской Радой до возвращения командированных ими лиц. Но нам заявили, что подписание договора не терпит отлагательства. Таким образом, продолжая вести пере-

говоры с Правительством Российской Федеративной Республики, Правительства Центральных Империй не только поторопились 1-го февраля, вопреки своему первоначальному заявлению, признать независимость Украинской Республики в момент ее добровольного присоединения к Российской Федерации,—но и теперь, насколько нам известно, спешно подписали договор с правительством, которое, как мы категорически заявляли противной стороне, больше не существует. Такой образ действий не может не вызвать сомнений в наличности у противной стороны желания достигнуть мирных отношений с Российской Федеративной Республикой, к осуществлению которых мы в настоящее время стремимся не менее, чем в начале переговоров. Более того, весь образ действий противной стороны в этом вопросе производит то впечатление, что Центральные Правительства как бы хотели создать для себя в признании Рады искусственную точку отправления для вмешательства во внутренние дела Украины и всей России.

Само собою разумеется, что по отношению к одной и той же территории не может быть двух различных мирных договоров. Мы заявляем поэтому, что тот договор, который, быть может, уже заключен с несуществующим правительством Рады, не может иметь и не будет иметь никакой силы ни для Украинского народа, ни для Правительства всей России. Делегация Совета Народных Комиссаров, в состав которой входят официальные Представители Народного Секретариата Украины, является единственно законным и полномочным представительством Российской Республики. Российская Федеративная Республика сочтет обязательным для себя и для составных своих частей только тот мирный договор, который будет, как мы надеемся, подписан нашей делегацией. В отношении же границы это означает, что мы можем ее рассматривать в интересах дела только в полном объеме. Поэтому, мы просили бы противную сторону провести полностью на наших картах пограничную линию, предъявленную нам генералом Гофманом.

К ю л ь м а н. Если я остановлюсь на подробных объяснениях г. предыдущего оратора, то я это делаю, как я уже сегодня указал, с намерением старательно избежать полемики. В соответствии с этим, я не буду останавливаться на историческом обзоре наших переговоров. Они сделались предметом гласности, и каждый имеет возможность составить себе о них свое собственное мнение. Г. предыдущий оратор подробно останавливался на вопросе о границах. Я не хотел бы обсуждать этот вопрос по существу, пока у меня нет уверенности, что предложение, которое я намерен сделать противной стороне, будет ею принято. Г. предыдущий оратор уже указал на то, что обсуждение этой границы требует участия специалистов. Поэтому, я предложил бы вопрос о границе передать маленькой подкомиссии, в составе одного дипломатического представителя и одного специалиста по военному и морскому делу с каждой стороны. Для сведения противной стороны сообщаю, что я лично не намерен войти в эту подкомиссию, но делегирую туда одного из своих дипломатических сотрудников. Эта подкомиссия могла бы быть образована на

сегодняшнем заседании и должна была бы к завтрашнему заседанию нашей комиссии представить отчет о результатах своих работ. В соответствии с важностью и принципиальным значением вопросов, подлежащих разбору этой подкомиссии, очевидно, что данный доклад будет иметь решающее значение для наших дальнейших работ.

Если я разрешаю себе остановиться на некоторых принципиальных точках зрения, которыми надо будет руководствоваться при рассмотрении вопроса о границах, то я это делаю потому, что подкомиссия, как я уже указал, должна будет, первым долгом, обратить внимание на техническую сторону вопроса. При начертании границы, предложенной нами Русской делегации, мерилом являлся вопрос национальный. Была сделана попытка найти для Польши, Курляндии и Литвы те границы, которые наиболее соответствовали бы историческим и этнографическим данным. Необходимость считаться с этим при проведении границы, долженствующей стать государственной границей, и со стратегической точки зрения, по моему мнению, очевидна. Этому учит нас история. Г. предыдущий оратор возбудил вопрос о том, какими намерениями руководствовались Центральные Державы при проведении этих границ по отношению к России. Мне остается только указать на неизменные принципы германской политики, заключавшиеся в поддержании дружественных отношений с нашим великим восточным соседом, вплоть до того момента, когда события, известные Русской делегации, может быть, даже лучше, нежели нам, не вовлекли Германский народ в войну с Россией.

Мы всегда будем стараться поддерживать дружественные и добрососедские отношения и с новой Россией, притом не вмешиваясь в ее внутренние дела, лишь бы война пришла к благополучному концу. Это все, что я хотел сказать в данный момент по вопросу о границах. Обсуждение вопроса подкомиссией и доклад ее на завтрашнем заседании внесут в этот вопрос полную ясность.

Что касается заявлений г. Народного Комиссара по Иностранным Делам по вопросу о взаимоотношении между Центральными Державами и Украиной, то могу сказать, что имеющиеся у нас по этому вопросу сведения, в достоверности которых не может быть никаких сомнений, резко противоречат тем сообщениям, которые нам сделал г. предыдущий оратор. В вопросе о том, какие государства мы считаем нужным признавать или не признавать, мы сами должны считаться лучшими судьями. Линия поведения Центральных Держав в этом вопросе явствует из публично сделанных здесь заявлений, так что дальнейшие разъяснения мне кажутся излишними. Центральные Державы, действительно, заключили с Представителями признанной ими Украинской Народной Республики мирный договор. Он помечен сегодняшним числом. Последствия этого для Центральных Держав ясны сами собою. Что касается обсуждения государственно-правового положения Украины и вопроса о том, кто именно является правомочным представителем ее, то, я полагаю, при создавшемся положении это обсуждение не даст практического результата.

В конце своего заявления, я хотел бы вкратце коснуться темы, на которой подробно останавливался г. предыдущий оратор, а именно—

на вопросе о будущей судьбе народов, населяющих упомянутые области. При этом, я сошлюсь на подробные разъяснения г.г. Представителей Центральных Держав, а, равным образом, на заявления, оглашенные государственными деятелями Германии и Австро-Венгрии в соответствующих парламентских учреждениях. Несмотря на наше твердое убеждение, что эти народы уже осуществили свое право на самоопределение, мы согласны, как это и было высказано, с одобрения Рейхстага,—этого парламента, выбранного на основах самого демократического во всем мире избирательного закона,—расширить представительны еорганы планомерно, в соответствующей форме. Таким образом, они явятся фактическими носителями народной воли, тем самым широко осуществляя возможность народного волеизъявления. Было бы целесообразно установить срок и форму этого волеизъявления, в согласии с будущими представительными органами этих народов.

Чернин. Что касается вопроса о существовании Киевской Рады, то г. предыдущий оратор уже объяснил, что у нас имеются данные, противоречащие сведениям г. Председателя Русской делегации. но я хотел бы попытаться в нескольких словах внести больше ясности в вопросы, поднятые здесь г. Председателем. Мы признали Правительство Украинской Рады, следовательно, для нас оно существует.

Отношение же Правительства Украинской Рады к Петроградскому Правительству нас не касается. В заключении мира с Украиной мы не усматриваем недружелюбного поступка по отношению к России. Мы с Украиной заключили не союз, а только мирный договор. Украина для нас, таким образом, является не союзницей. а нейтральным государством. Если мы заключим мирный договор с Россией, то и Россия для нас сделается также нейтральным государством. Наши отношения к России в данном случае будут точно такими же, как и наши отношения к Украине. Различие возникнет тогда, если мы не заключим мира с Правительством Народных Комиссаров. В таком случае, нам пришлось бы рассматривать Украину, как нейтральную страну, а области, подчиненные Совету Народных Комиссаров, как находящиеся в состоянии войны с нами. Но мы хотели бы избежать этого, соглашаясь на определенных условиях заключить мир с Россией. Если бы мы игнорировали Киевскую Раду, согласно желанию г. Троцкого, то это означало бы наше вмешательство во внутренние дела России, чего мы именно не хотим. Это было бы равносильно признанию, что Совет Народных Комиссаров осуществляет свою власть во всей бывшей Российской Империи, и что этой власти никто не оспаривает. Однако, всем известно, что некоторые части Российского Государства не согласны признать власть Совета Народных Комиссаров. Нам не подобает быть третейским судьей в споре, который Россия должна решить в пределах своих собственных границ. Это было бы вмешательством с нашей стороны. Но, с другой стороны, мы также не требуем, чтобы г. Председатель Русской делегации своей подписью скрепил обратную точку зрения и тем самым заявил, что власть Народных Комиссаров не распространяется на всю прежнюю Российскую Империю. Все эти

затруднения можно обойти, на всякий случай подписав договор относительно областей, находящихся под властью Петроградского Правительства. Как далеко распространяется эта власть, об этом судить мы не в праве и не в состоянии. Заключать мир с государством, точные границы которого не установлены,—положение, конечно, далеко не завидное. Но такое положение вещей, во всяком случае, неприятнее для нас, чем для Правительства Российской Республики. Однако, несмотря на все, мы готовы на это, в интересах мира.

Что касается вопроса г. Председателя Русской делегации относительно судьбы оккупированных нами областей, то я ссылаюсь на свое публичное заявление на последнем заседании Австрийских делегаций, которое, быть может, известно присутствующим, и к которому мне добавить нечего, потому что моя точка зрения не изменилась.

Троцкий. Я, к сожалению, не получил ответа на один поставленный мною практический вопрос. Поскольку перед нами встает рассмотрение вопроса о проектируемой границе с новой точки зрения, именно — с точки зрения военно-стратегической, мы должны иметь возможность эту новую границу оценить в полном ее объеме. Если бы мы даже условно согласились со взглядами графа Чернина,—что по существу дела недопустимо — то и тогда, через неделю или через две, противной стороне, возможно, придется признать, что власть Совета Народных Комиссаров распространяется и на ту территорию, от имени которой говорит правительство, единственной территорией которого является Брест-Литовск. С этой точки зрения для нас, разумеется, не безразлична граница, которая проводится между Украинской частью Российской Федеративной Республики и Австро-Венгерской Монархией. Вот почему нам необходимо получить представление о границах в полном их объеме.

Кюльман. По этому вопросу, в общих чертах могу сказать, что и здесь, при начертании границы, мы старались найти среднее, разумное решение между этнографическим распределением народностей и исторически возникшими границами. Так как дело это касается и наших Союзников, и вопрос этот ими еще не обсуждался, то я не могу пока ответить в категорической форме, как желает этого г. Председатель Русской делегации, но охотно готов оказать содействие, чтобы соответствующее сообщение было сделано в предложенной мною подкомиссии.

Чернин. Я хочу только прибавить, что вполне присоединяюсь к точке зрения г. предыдущего оратора; прежде, чем дать конкретный ответ на этот вопрос, мы должны войти в контакт с нашими Союзниками; после переговоров с ними, я не вижу никаких разумных оснований отказать в ответе г. Председателю.

Троцкий. После того, как здесь было установлено, что нет и не может быть никаких разумных оснований, препятствующих выяснению предполагаемой границы той части России, которая, благодаря энергии и решимости Украинских рабочих и крестьян, находится под властью Украинских Советов, я думаю, что не может быть

никаких принципиальных возражений против создания военно-технической комиссии; она, таким образом, будет исходить из знакомства с проектируемой границей в целом.

Кюльман. Я был бы признателен г. Председателю, если бы он согласился войти в обсуждение подробностей относительно предложенной мною подкомиссии. Тогда мы могли бы, после сегодняшнего заседания, сообщить друг другу, кто именно войдет в эту комиссию.

Троцкий. Для того, чтобы дать определенный ответ на поставленный вопрос, я должен устроить совещание с нашей делегацией. Это, разумеется, отнимет немного времени.

Кюльман. Итак, я с уверенностью рассчитываю получить ответ еще в течение сегодняшнего вечера. Для меня необходимо, как я уже указал, выяснить этот вопрос до назначенного на завтра заседания. Таким образом, г.г. члены комиссии могли бы располагать всем завтрашним днем для своих работ. Наши предложения известны уже давно, все связанные с ними вопросы подробно обсуждались, и, я полагаю, можно сказать с полным правом, что все возможные доводы подверглись всестороннему рассмотрению, и теперь настало время решений.

В целях ускорения наших переговоров, я формулировал часть сделанных нами сегодня предложений; они, пожалуй, могли бы войти, как статья 2-я, в мирный договор. Я сейчас прочту эту формулировку:

«Россия принимает к сведению следующие территориальные изменения, вступающие в силу вместе с ратификацией этого мирного договора: области между границами Германии и Австро-Венгрии и линией, которая проходит........... впредь не будут подлежать территориальному верховенству России. Из факта их принадлежности к бывшей Российской Империи для них не будут вытекать никакие обязательства по отношению к России. Будущая судьба этих областей будет решаться в согласии с данными народами, а именно—на основании тех соглашений, которые заключат с ними Германия и Австро-Венгрия».

Я разрешаю себе передать эту формулировку г. Председателю Русской делегации и хотел бы, в связи с нею, сказать еще, что существенная часть нашего первого предложения, формулированного в статье 1-й, которую мы в свое время разобрали, и при обсуждении которой не обнаружилось непреодолимых трудностей, представляет для нас conditio sine qua non [1]) для заключения мира. Таким образом, я формулировал бы точнее основную мысль, сказав, что нами было обещано очищение некоторых областей, под условием, что, одновременно, будут очищены области, занятые у наших Союзников. Мы тогда установили окончание демобилизации Русской армии, как срок, с которого мы должны приступить к очищению данных областей. Я, однако, должен разъяснить, что по поводу этого срока мы бы-

[1]) Абсолютно необходимое условие.

ли готовы итти на уступки, но я должен повторить сказанное раньше, а именно, что для нас был бы неприемлемым мирный договор, в котором не было бы дипломатических гарантий в том, что области наших Союзников, занятые войсками Петроградского Правительства, будут очищены. Прежние сообщения г. Комиссара по Иностранным Делам, я полагаю, не оставляют сомнения в том, что войска, находящиеся в занятых турецких областях, подчиняются распоряжениям Петроградского Правительства.

Я хотел бы здесь затронуть и второй пункт, который я уже неоднократно ставил на обсуждение,—вопрос о будущей судьбе Аландских островов. Я считаю нужным присовокупить, что мирный договор должен вернуть нам, по крайней мере, все те права, которыми мы пользовались по договору до момента возникновения войны. Пользуясь этим случаем, я снова хочу указать на упомянутые мною стремления Шведского народа, который, по соображениям географического и этнографического характера, крайне заинтересован судьбой этих островов.

Троцкий. Что касается очищения турецких областей, то у нас имеются достаточно веские принципиальные соображения, не позволяющие нам смотреть на очищение Армянской территории, как на обмен за очищение той или иной части Российской территории. Подобно тому, как мы сейчас выводим войска из Персии, точно так же мы выведем их,—и мы уже приступили к этому,—из Армении. Само собой разумеется, что мы об этом заявим в самой ясной и отчетливой форме в нашем договоре с Турцией, если только мы заключим с нею мирный договор. Что касается Аландских островов, то мне не совсем ясно, о каком минимуме прав говорил г. Статс-секретарь. Если он имел в виду обязательство России не возводить укреплений на этих островах, то, не касаясь сущности вопроса, самое обоснование его в речи г. Статс-секретаря кажется мне не вполне правильным. Поскольку здесь может возникнуть вопрос о правах Германии, то, насколько мне известно, Германское Правительство отказалось от этих прав. Возможно, конечно, что те данные, какими мы располагаем, неточны, и г. Статс-секретарь, на основании имеющихся у него сведений, может внести соответствующие исправления. В нашем распоряжении имеются документы, свидетельствующие о том, что в 1907-ом году г. фон-Шен, со стороны Германии, и г. Губастов, со стороны царского правительства, подписали не подлежащее огласке соглашение, в котором г. фон-Шен заявил, что его Правительство не будет считать нарушением Парижской конвенции те меры, которые Россия предпримет для укрепления Аландских островов. Во всяком случае, прежде, чем высказаться по существу вопроса, я полагаю,—его следовало бы подвергнуть обсуждению военной комиссии.

Кюльман. Согласно тем принципам, которые я установил в начале своих сегодняшних объяснений, я не хочу останавливаться на значении упомянутого г. предыдущим оратором документа и ограничусь более точной формулировкой. Мирный договор должен соот-

ветствовать нашим минимальным требованиям, т.-е. вернуть нам те права, которые у нас были в начале войны по отношению к этим островам. Это — принципиальное требование и, если, по мнению г. Председателя Русской делегации, мы до начала войны не обладали никакими правами, то исполнение такого безобидного требования должно ему показаться тем более легким. Говоря о «минимальных» требованиях, я хотел подчеркнуть их ультимативность. Если меня спросят, что именно я подразумеваю под максимальными требованиями, то я должен сказать, что я имел в виду мероприятие, на которое я уже неоднократно намекал, а именно, нейтрализацию данных островов, в широком смысле этого слова, при участии населяющих побережье Балтийского моря народов. Чтобы быть вполне ясным, скажу: по первому вопросу мы выставляем определенное требование, второй вопрос—мы только ставим на обсуждение.

К сожалению, я должен закрыть заседание, в виду того, что г.г. делегаты заняты в другом месте.

Насколько я могу судить, сегодняшний материал исчерпан. В течение сегодняшнего вечера я буду ждать сообщений со стороны Русской делегации о составе подкомиссии для разбора вопросов о границах. Во всяком случае, я предлагаю собраться завтра вечером в $^{1}/_{2}6$, для обсуждения результатов работ подкомиссии. Для того, чтобы не терять времени, я сейчас хочу еще указать, что, со своей стороны, я делегирую для работ в эту подкомиссию, если только она будет созвана, г. Посланника фон-Розенберга. Генерал Гофман также примет участие, а также и один представитель флота.

Чернин. Со своей стороны, я назначаю г. Директора Департамента доктора Граца, фельдмаршала-лейтенанта фон-Чичерича и капитана Вульфа.

Кюльман. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 7 час. 15 мин.

Заседание подкомиссии по территориальным вопросам. 10 февраля (28 января) 1918 года.

Заседание открывается в 10 часов утра под председательством доктора Граца.

Грац. Я открываю заседание.

На вчерашнем заседании политической комиссии было решено создать подкомиссию из специалистов; задачей ее было бы определение границ той области, на которую в будущем должны распространяться верховные права Российского Государства. Итак, задача нашей подкомиссии сводится к разработке этого вопроса вообще, и с технической стороны, в частности. Поэтому я просил бы, по возможности, не выходить из этих рамок и избегать политических споров, что, конечно, будет только способствовать ускорению наших работ,

а это входит в прямую нашу задачу, при том малом времени, которым мы располагаем. Прежде всего, я полагаю, мы должны рассмотреть вопрос, затронутый вчера г. Председателем Русской делегации, о будущей границе Российского Государства. Если Вы ничего не имеете против этого, то я попрошу генерала Гофмана дать по этому поводу разъяснения.

Покровский. Мы присоединяемся к этому предложению.

Гофман. Границу области севернее Брест-Литовска до Балтийского моря я уже указал г.г. Представителям Российской Республики; она обозначена на карте. Вчера был поставлен вопрос относительно границы южнее этого пункта. Я вкратце перечислю пункты, через которые проходит граница. Граница между Украинской Народной Республикой и Австро-Венгрией остается без изменений. Далее она проходит, начиная с Тарнограда, приблизительно по линии Бильгорай, Красностав, Межиречье, Мельники и сворачивает затем на север, в район Брест-Литовска, где и сливается с той линией, которая уже известна г.г. Представителям России. Более точное определение границы от Тарнограда до района севернее Брест-Литовска будет установлено в согласии с этнографическими условиями, при чем мы должны будем считаться с желанием населения, которое найдет себе выражение в смешанной комиссии. Это все, что я имею сказать.

Покровскій. Как проходит граница южнее?

Гофман. Я уже указал, что южнее граница между Украиной и Австро-Венгерской Империей остается прежней.

Грац. Вопрос сейчас ясен, и поэтому я попрошу г.г. Русских экспертов высказаться по поводу указанной границы.

Покровский. Прошу адмирала Альтфатера изложить нашу точку зрения, начиная с северной части предполагаемой границы.

Альтфатер. Предложенная Германией на заседании от 18/5-го января граница, отделяющая ее от России, в отношении морского ее участка, фактически сводится к присоединению к Германии Моонзундских островов—Эзеля, Даго и Моона.

В целях беспристрастной оценки этого предложения с военно-морской точки зрения, необходимо, прежде всего, вкратце выяснить географическое и морское положение этих островов.

Моонзундские острова расположены в центральной части всего водного пространства Балтийского моря и находятся в районе слияния с последним трех заливов: Финского, Рижского и Ботнического. Заливы эти омывают, собственно говоря, побережье России. Такое исключительно благоприятное географическое расположение островов делает их район крайне важным в морском отношении. В самом деле, с одной стороны, представляя собою западную и северную границу Рижского залива, острова эти находятся на путях Балтийского моря и слияния Финского залива с Рижским заливом. С другой стороны, составляя южное побережье западной части Финского залива, они находятся на всех путях с моря в Финский залив и, наконец, распо-

лагаясь в ближайшем соседстве с районом Або-Аландских шхер, они прилегают с востока к морским путям из Балтийского моря в Ботнический залив.

Если, параллельно с вышеизложенным, обратить внимание на характер побережья Балтийского моря, принадлежащего Германии, а равно и Курляндского берега, то придется констатировать, что лишь район Моонзундских островов отличается естественным развитием береговой черты. Это обстоятельство, в связи с физико-гидрографическими условиями данного района, указывает на возможность использования его, как природой устроенного порта, притом находящегося в центральной части водного бассейна Балтики.

Указанное исключительно благоприятное географическое положение и вытекающее из него морское значение Моонзундских островов делают их, с точки зрения военно-морской, районом громадного значения на Балтийском морском театре.

Это значение Моонзундских островов имеет, однако, совершенно различную стратегическую ценность для Германии и для России. Для первой—острова имеют значение в целях агрессивных, направленных исключительно против России, для последней же—в целях оборонительных.

Военно-морское значение Моонзундских островов слагается из следующих факторов:

1) Острова Моонзунда прикрывают Рижский залив с моря, обращая его во внутренний изолированный бассейн.

2) Острова Моонзунда служат прикрытием пути из Финского залива в Рижский залив.

3) Острова Моонзунда расположены на всех путях с моря в Финский и Рижский заливы и находятся в близком соседстве с путями в Ботнический залив.

Следовательно, присоединение этих островов к Германии фактически передает во владение последней:

1) Весь бассейн Рижского залива.

2) Связь Рижского залива с Финским заливом—Моонзундский пролив.

3) Морские пути к Финскому и Ботническому заливам с моря, равно, как и пути из Финского залива в Ботнический залив;

4) Единственный район во всем бассейне Балтийского моря, обладающий естественными стоянками для судов.

В стратегическом отношении оно дает возможность Германии:

1) перенести базирование своих морских вооруженных сил в центральный район Балтийского моря и тем самым придвинуть зону боевых действий в непосредственную близость к берегам России;

2) в первый же момент наступления совершенно изолировать бассейны Рижского и Ботнического заливов и, таким образом, открыть себе полную возможность активных операций в этих районах;

3) пользуясь превосходством своих морских сил и базируясь на островах, развить широкие наступательные операции, как чисто морские, так и смешанные, в глубь Финского залива, к столице России—Петрограду.

Вышеизложенная военно-морская оценка Моонзундских островов и вытекающие из нея стратегические возможности для Германии, в случае присоединения к ней островов, ясно доказывают, что предложение Германии от 18/5-го января, с военно-морской точки зрения, ставит своей основной целью создание для себя в будущем наиболее благоприятных в военном отношении условий, для развития успешных наступательных операций против России, вообще, и Петрограда, в частности. Исходя из той же военно-морской оценки Моонзундских островов, очевидно, что сохранение их во владении России не имеет и ни при каких условиях не может иметь иных целей, помимо цели самообороны.

Я хотел бы сказать еще несколько слов относительно того значения, какое имеет отторжение от России трех ее портов Балтийского моря и Рижского залива—Риги, Либавы и Виндавы, с морской точки зрения. Невыгоды и тяжесть такого предложения для России слагаются из двух факторов: фактора экономического и фактора военно-морского. Рассмотрим вопрос с точки зрения экономической: если мы обратимся к статистике, то увидим, что из этих трех портов шло 27% всего нашего морского вывоза вообще, а по отношению к вывозу только из портов Балтийского моря—65%. Те же данные, в отношении ввоза через эти порты, определяются цифрами 29% по отношению к всему нашему ввозу и 36%—к ввозу в порты Балтийского моря и его заливов. Наш морской вывоз из упомянутых портов составляет около 20% общего вывоза из государства, Такая же точно цифра получается и в отношении общего ввоза в государство, т.-е. те же 20%. Это существенное экономическое значение упомянутых портов, подтверждаемое статистическими данными, усугубляется тем обстоятельством, что из Риги вывозились почти все наши лесные богатства и сырье для текстильной промышленности. Отторжение от России этих портов, связанных с ее внутренними районами соответствующими железнодорожными линиями, фактически передает в руки Германии, по крайней мере, четвертую часть нашей внешней торговли и, вместе с тем, отстраняет нас от Балтийского моря и Рижского залива, оставляя для нашей морской торговли на Балтийском море лишь восточную половину Финского залива; между тем, в этом последнем у нас имеются всего два порта—Петроград и Ревель, из которых первый на пять месяцев замерзает, а второй, будучи закрыт для навигации месяца на три, лежит в значительном отдалении от внутренних районов государства.

Таково в общих чертах экономическое значение этих портов. С точки зрения военно-морской, уступка этих портов фактически лишает Россию всех оборудованных и существующих в настоящее время портов на Балтийском море и в Рижском заливе и, вместе с тем, передает в руки Германии Либаву и Виндаву, два порта Балтийского моря, которые, если рассматривать этот вопрос в связи с вопросом Моонзундских островов, предоставляют Германии подготовленные уже порты для базирования Германского флота, что особенно характерно в отношении Виндавы; вместе с тем, это лишает нас возможности базирования наших морских сил в портах Рижского залива и у входа в последний.

Покровский. Было бы полезно остановиться на этой части нашего изложения, в виду того, что она составляет более или менее законченное целое, и потому что здесь мы оперируем однородными аргументами экономического, политического и военного характера, тогда, как в дальнейшем, естественно, выдвинется новый ряд аргументов этнографических. Поэтому, повторяю, было бы удобнее, во избежание излишнего осложнения наших переговоров, остановиться на обсуждении данного вопроса.

Грац. Я попросил бы г.г. Представителей Русской делегации изложить нам, хотя бы в общих чертах, свой взгляд на всю границу в целом: необходимо знать взгляд относительно границы в целом, для того, чтобы оценить отношение к определенной ее части. Когда мы ознакомимся с точкой зрения Русской делегации, я попрошу сделать небольшой перерыв, чтобы мы могли, предварительно посоветовавшись, дать ответ.

Покровский. Если противная сторона находит, что так для нее будет удобнее обсудить нашу точку зрения, то мы охотно изложим свой взгляд на всю границу в целом и потом уже приступим к обсуждению.

Грац. Очень благодарен.

Покровский. Я уступаю свое место капитану Липскому.

Липский. Предложенная 18/5-го января граница по германскому проекту в общих чертах проходит к востоку от Моонзундского архипелага и города Риги, несколько западнее города Двинска, около местечка Видзы и далее к Брест-Литовску.

I. Общая оценка границы. В этнографическом отношении, новая граница, во-первых, отдавая Моонзунд в руки Германии, отторгает часть населения эстов от остальной их массы, живущей на материке.

Во-вторых, она отрезает большую часть Латвии (Лифляндию и Двинский, Режицкий и Люцинский уезды Витебской губернии) от меньшей части (часть Рижского уезда Лифляндской губернии и Курляндию), где, после занятия ее германцами, согласно произведенной ими 30-го января 1915 г. переписи, осталось до 230 тысяч населения, из которых латышей не более 130.000 человек.

Кроме того, она отторгает от Лифляндии город Ригу,—этот культурно-просветительный и экономический центр не только Лифляндии, но и всей Латвии.

В-третьих, она отсекает от России часть Белоруссии (Виленский, Трокский и Лидский уезды Виленской губернии и почти половину,—западную, Гродненской губернии).

Таким образом, предложенное Германией новое начертание границы не только не согласуется с принципом неделимости территории, населенной одной народностью, но, наоборот, в нем скорее можно усмотреть стремление создать искусственную полосу между территорией Германии и Россией и изолировать от последней молодое Польское Государство.

Это обстоятельство, в связи с заявлением г. Представителя Германского Верховного Командования о невозможности дать гарантии вывода войск из оккупированных областей даже после заключения всеобщего мира, делает соседом России, на всем протяжении новой границы, одну лишь Германию.

II. Оценка границы в стратегическом отношении. Отдавая в руки Германии острова Моонзунда и тем до крайности облегчая ей морские и смешанные операции в глубь Финского залива и вдоль побережья Рижского залива, новая граница лишь вдоль Западной Двины пролегает по естественному водному рубежу, который по своим размерам мог бы явиться преградой неприятельскому вторжению. Однако, предложенная Германией граница создает на правом берегу Двины у Риги естественно сильный плацдарм для наступательных операций и тем обсуславливает угрозу правому флангу нашей оборонительной линии участка Западной Двины. В связи с недостаточной глубиной лежащего в линии огня Двинского плацдарма, и этот единственный естественный рубеж лишается всякого для нас стратегического значения в смысле обороны.

На всем остальном протяжении, проектированная граница нигде не пролегает по естественным рубежам, могущим иметь стратегическое значение (тут лишь небольшие участки Верхнего Немана от устья реки Гавьи до устья реки Зельвы, река Зельва, река Лесна и верхнее течение Западного Буга).

III. Инженерная подготовка. В связи с господством Германии в Рижском заливе и, следовательно, возможностью обхода крепости Ревеля с юга, последняя в значительной мере теряет свое значение военной опоры для пограничной полосы.

Укрепления Двинска и Брест-Литовска в настоящее время не имеют никакого боевого значения, а воссоздание здесь крепостей или, взамен их, обширных полевых позиций—исключено, в виду слишком большой их близости к границе.

Начертание новой границы, таким образом, создает для Германии чрезвычайно выгодное сочетание местных условий: оно дает ей возможность наступательных действий на широком фронте от Риги до Брест-Литовска и, одновременно, благоприятствует быстрым высадкам на прибрежной полосе от Риги до Финского залива. Это обстоятельство вынуждает нас отнести линию нашего стратегического развертывания на 200—300 верст назад к востоку на естественный рубеж, могущий надежно прикрыть эту важнейшую операцию и дать возможность закончить ее без помехи со стороны Германии.

Таким образом, в случае наступления Германии, нам пришлось бы оставить без серьезной обороны всю территорию между новой границей и этим ближайшим естественным рубежом. В частности, новая граница, искусственно создавая благоприятные условия для наступательных сухопутно-морских операций Германии на нашем правом фланге, тем самым лишает его необходимой устойчивости в важнейшем операционном направлении—к центру нашей государственной жизни—Петрограду. Итак, новая граница отсекает полосу, по местным условиям лишенную прикрытия со стороны Гер-

мании, и одновременно лишает Россию возможности усилить ее в инженерном отношении; на море же передает в руки Германии Моонзундскую позицию, благодаря чему для Германии создаются условия, способствующие победоносным наступательным операциям. Все это ставит Россию в чрезвычайно невыгодное и тяжелое стратегическое положение; другими словами, обрекает ее в самом начале войны на потерю всей пограничной полосы между проектированной границей и ближайшим естественным рубежом.

Вот те основания, которые обусловливают будущее стратегическое положение России.

В свою очередь, Германия, получая в свое владение линию реки Немана, отходящую к ней со всеми своими важнейшими в стратегическом отношении участками, а именно—от Гродно до устья Немана, с крепостями Гродно и Ковно, и, вместе с тем, располагая прекрасно развитой сетью путей сообщения в Восточной Пруссии,— всегда может быстро и надежно произвести свое сосредоточение и развертывание под прикрытием реки Немана вблизи границы.

Опираясь на этот чрезвычайно важный рубеж, прикрывающий ее от всяких случайностей, Германская армия получает полную возможность вторгнуться в наши пределы и быстро достигнуть решительных результатов, в смысле наступления на Москву и, в особенности, на Петроград.

Таким образом, при условии принятия предлагаемой границы и при сохранении в Германии той политики, которая нашла себе выражение в проектируемой границе, Россия лишь ценой громадных усилий могла бы упрочить свое стратегическое положение на территории севернее Полесья, путем затраты в течение ближайших десятилетий на инженерную подготовку средств, которые она могла бы употребить на культурное развитие страны. Итак, новая граница создает неотвратимую опасность нашему северу, грозит оккупацией Лифляндии и Эстляндии и угрожает столице Российской Республики Петрограду. Несколько меньшей опасности подвергается Москва; однако, и в этом операционном направлении нам приходится считаться с возможностью оккупации большей части Белоруссии. Резюмируя все вышеизложенное, можно сказать, что в стратегическом отношении проектируемая Германией граница обрекает Россию, в случае войны с Германией, на потерю новых территорий в самом начале войны и, вместе с тем, указывает на агрессивные намерения противной стороны.

Покровский. Изложенное касается той части границы, которая была нам указана 18/5-го января. Что касается указанной сегодня границы южнее Брест-Литовска, то мы оставляем за собою право высказаться по ее поводу, по нашем подробном с нею ознакомлении.

Грац. В таком случае, мне, быть может, будет позволено в кратких словах формулировать те возражения, которые были выдвинуты против начертанной нами границы. Были выставлены возражения против отказа России от господства над Моонзундскими островами;

во-вторых, относительно гаваней Риги, Виндавы и Либавы, и в-третьих,—я прошу проверить меня, правильно ли я понял,—относительно тех областей, которые лежат на правом берегу Двины, а также между предложенной нами границей и восточной границей бывших губерний Виленской и Гродненской. Так ли я понял?

Покровский. Указанные области лежат не на правом, а на левом берегу Двины.

Грац. Предлагаю сделать небольшой перерыв. Может быть, г.г. Русские Представители останутся здесь, мы сейчас вернемся.

Объявляется перерыв.

Грац. Я вновь открываю заседание и предоставляю слово Посланнику фон-Розенбергу.

Розенберг. Возражения, выставленные г.г. Русскими Представителями против той границы, которая намечена Представителями Центральных Держав, главным образом, вращаются в области военных соображений. Прежде, чем Представители Верховного Командования выскажутся по этому поводу, я считаю чрезвычайно важным теперь же отметить недоразумение, на котором основаны соображения г.г. Русских Представителей. В возражениях г.г. Представителей Русской делегации неоднократно встречалось утверждение, что предложенная нами граница явится в будущем границей между нами и Россией. Это неправильно. Предложенная нами граница, правда, будет западной границей Российского Государства, но она не будет восточной границей Германии. Области, лежащие западнее начертанной нами границы, не будут находиться под господством Германии, как сказали г.г. Представители Русской делегации, или считаться германскими владениями, а также не будут аннексированы Германией. Области, лежащие западнее этой границы, должны выйти из-под верховенства Российского Государства. Какие положительные намерения имеют относительно этих областей Центральные Державы,—известно всему свету из сделанных ими торжественных заявлений.

Что касается экономической стороны вопроса, то Его Превосходительство адмирал Альтфатер указал на те невыгоды, которые вытекают из отторжения от Российского Государства трех портов, а именно: Риги, Либавы и Виндавы. По этому поводу я хотел бы ограничиться замечанием, что я могу себе представить дружественные торговые отношения, которые могли бы, если не уничтожить, то, во всяком случае, смягчить эти экономические невыгоды.

Грац. Слово предоставляется генералу Гофману.

Гофман. Мне было интересно услышать соображения, высказанные капитаном Липским по поводу большого стратегического значения реки Немана для бывшего Российского государства. Мы это узнали, к нашему сожалению, в начале этой войны. Я поэтому в самом начале сознаюсь, что новая, предложенная нами западная граница России дает Германии более выгодное стратегическое положение,

в том смысле, что оно исключает те невыгодные стратегические условия, в которых находилась Восточная Пруссия. В общем, я должен категорически отвергнуть соображение, высказанное капитаном Липским, будто эта граница ставит Германию в выгодные условия для наступления. Я начну свои объяснения с южной части границы. Я думаю, что вряд ли г.г. военные эксперты противной стороны будут отрицать, что положение крепости Брест-Литовска, непосредственно перед этой границей, не может считаться благоприятным для войск, наступающих с запада. Дальше на север перед границей лежит Полесье, и я думаю, капитан Липский не будет утверждать, что это является выгодным для наступательных операций. Еще дальше на север лежит озерная линия, которая была занята нами потому именно, что она представляет чрезвычайно большие выгоды для обороны. Я думаю, что лучшим доказательством отсутствия у нас наступательных целей является именно то, что мы эту озерную линию предоставляем другой стороне. Предоставление русской стороне предмостного укрепления у Двинска и то обстоятельство, что капитан Липский признал значение этого укрепления, а, равным образом, проведение границы по ту сторону Двины,—вряд ли указывает на наступательные цели.

Перехожу к вопросу о Риге и к островам. У военных специалистов, должно быть, еще осталось в памяти то положение, которое привело к сражению у реки Аа, в январе прошлого года. До тех пор, пока русские войска владели плацдармом южнее Риги, это представляло постоянную и большую опасность для Германского фронта. Я могу сейчас сказать, что нападение у реки Аа, которое показало, что и руководители русских войск знали слабые стороны нашего расположения, мне было очень неприятно. Это и принудило нас начать операции против Риги и взять г. Ригу. Из этого ясно и определенно следует, что, с чисто военной точки зрения, необходимо владеть Ригой, чтобы владеть этой линией и быть в состоянии обороняться. То соображение, что владение Ригой и Рижским плацдармом давало бы выгоду в наступательном отношении, я должен категорически отрицать. Для того, чтобы владеть Ригой, необходимым и очевидным условием является владение островами, потому что, как это известно адмиралу Альтфатеру, батарея у Цереля господствует не только над проливом, но отчасти и над материком. Я думаю, что этими краткими объяснениями все сказано. Я доказал, что эта линия ни в коем случае не является линией, проведенной из наступательных соображений, и что, наоборот, насколько я понимаю этот военный вопрос, выгоды наступления, конечно, при прочих равных условиях, являются более значительными для русской стороны.

Грац. Я хотел бы сделать только одно маленькое замечание. Вопрос о границе южнее Брест Литовска г.г. Представители Русской делегации оставили открытым. Я, однако, уже сейчас хотел бы указать, что в намеченной нами границе нельзя будет ничего изменить. Она будет проведена, как мы уже заявили, в зависимости от этнографических соображений и желания населения. Этой точки

зрения мы намерены придерживаться безусловно. Я думаю, что этим в достаточной степени выяснен вопрос о границах. Я не знаю, хотят ли г.г. Представители Русской делегации сделать еще какие-нибудь замечания. Если нет, то я вношу следующее предложение: как известно, мы должны сегодня в заседании политической комиссии дать отчет о результате наших работ. Поэтому я предлагаю собраться еще раз сегодня в 4 часа для того, чтобы обсудить этот отчет и зафиксировать его. Таким образом, мы выясним, возможно ли соглашение, которое необходимо для достижения желаемого в принципе обеими сторонами мира. Согласны ли Вы отложить работу комиссии до 4-х часов пополудни?

Покровский. У нас имеется целый ряд замечаний по поводу заявлений г.г. Представителей Германской делегации, но если по техническим соображениям противная сторона находит нужным сделать перерыв до 4-х часов, то с нашей стороны никаких возражений не имеется.

Грац. Я внес предложение отложить заседание на случай, если бы г.г. Представители Русской делегации не пожелали высказаться, но если есть замечания, то с нашей стороны нет никаких препятствий выслушать их.

Покровский. Мои замечания будут очень кратки. Если мы позволяем себе называть проектируемую границу для краткости и простоты границей германской, то это потому, что, как нам неоднократно было заявлено, области, лежащие к западу от этой границы, будут на неопределенное время оккупированы германскими войсками. Стало быть, с военной точки зрения,—а мы все время стоим на военной точке зрения,—нашим соседом будет Германия. А затем, я не могу не выразить некоторого удивления по поводу следующего: в то время, как при начертании границы к северу от Брест-Литовска абсолютно не принимались во внимание этнографические условия, так что латыши и белоруссы оказались разделенными на две части,—к югу от этого пункта с чрезвычайной внимательностью были отграничены области, населенные украинцами, от территории, населенной поляками; этнографический принцип, совершенно забытый, пока дело шло об областях севернее Брест-Литовска, немедленно восторжествовал, как только дело коснулось границы к югу от Брест-Литовска. Нам было бы чрезвычайно интересно узнать причины такой неожиданной и, я позволил бы себе сказать, магической перемены. Это все, что я имел сказать. Теперь адмирал Альтфатер выскажет те замечания, которые у него имеются.

Альтфатер. При рассмотрении с военной точки зрения вопроса о предложенной нам границе, несомненно, прежде всего, приходится выяснить, кто в действительности явится нашим противником, в случае возникновения в будущем каких бы то ни было боевых столкновений. В этом отношении история нас учит, что всякого рода мелкие государства, будь то самостоятельные или самостоятельные лишь отчасти, или связанные какими бы то ни было договорами с другими державами, по существу дела в военном отношении не

имеют значения. Пример Люксембурга перед нами. Исходя поэтому из того, что Германская армия на неопределенное время остается на занятых ею территориях, и что Германия не отрицает возможности заключения и в будущем военных и прочих конвенций с этими странами,—с военной точки зрения приходится констатировать, что фактически с одной стороны предложенной границы находится Россия, а с другой стороны—Германия. Затем, я позволю себе несколько остановиться на тех возражениях, которые были сделаны генералом Гофманом. Генерал Гофман сказал, что он с удовольствием отметил в заявлении капитана Липского, что река Неман, вернее сказать, весь этот фронт реки Немана представлял для России очень важный район для наступления на Восточную Пруссию, и что поэтому отдаление этого участка от русской границы обсерегает Восточную Пруссию от вторжения в нее русских войск. Если этот вопрос подробно рассматривать, то не надо забывать, что прежняя граница между Восточной Пруссией и Россией проходила здесь. (*показывает на карте*). Следовательно, река Неман, отстоявшая (я не могу точно определить масштаба этой карты, вероятно, около 20 верст), примерно, на 80 верст от границы, при известном инженерном оборудовании, несомненно, могла бы быть использована, как линия развертывания армий для вторжения в Восточную Пруссию. Конечно, использование реки Немана для этой цели потребовало бы целого ряда других военных действий; из них главнейшим являлось бы скорейшее проведение мобилизации. А, между тем, наша мобилизация, как, вероятно, прекрасно известно г.г. Представителям Германского Верховного Командования, отставала чуть ли не вдвое от мобилизации немецкой. Поэтому, эта линия даже и при тех условиях могла явиться фронтом для наступления на Восточную Пруссию лишь в том случае, если бы Германская армия с самого начала войны обратила свой главный удар не на Россию, т.-е. то, что и было в действительности, ибо главный удар был перенесен Германией на Западный Французский фронт. Если же мы взглянем на предложенную границу (*показывает на карте*), то в отношении ее район реки Немана является как бы передовой линией того обширного, прекрасно подготовленного в инженерном и железнодорожном отношении плацдарма, каковым является вся Восточная Пруссия.

Вместе с тем, владение линией Немана передает в руки Германии все переправы через Неман у Ковно, Гродно, Олиты и Меречь; кроме того, овладев впереди этой линии плацдармом, шириной около 80 верст, Германия сможет произвести свое стратегическое развертывание в самом начале войны по линии реки Немана. Теперь посмотрим, что имеется у нас на указанном участке границы, противолежащем реке Неману; если здесь (*показывает*) проходит граница, то линия стратегического развертывания должна быть по правилам военной науки отнесена на такое расстояние, которое позволило бы безопасно произвести эту операцию. Беглого взгляда на эту карту достаточно для того, чтобы увидеть, что никаких естественных рубежей в относительно близком расстоянии от этой

границы не имеется; более того, в этом тылу, за этой линией, в близком и непосредственном ее соседстве, не имеется даже достаточно развитых железнодорожных узлов. Поэтому ни коим образом нельзя стать на такую точку зрения, что участок границы, противолежащий фронту реки Немана, имеет для Германии только оборонительное значение. Наоборот, это есть характерный в военном отношении участок для будущих широких наступательных операций. Затем, генерал Гофман указал, что Брест-Литовск непригоден для наступления Германии и, вообще, при наступлении с запада. Но если бы мы имели возможность проехать на форт № 10-ый или осмотреть г. Брест-Литовск, то мы увидели бы, что этот город представляет собою пустое место, где сохранились вот эти два десятка домов. Далее генерал Гофман указал, что перед фронтом наступления здесь (*показывает*) лежит район Полесья, и что поэтому наступление в этом направлении, вообще говоря, невозможно. Это совершенно верно. Но, с другой стороны, это самое Полесье прикрывает фланг обширного фронта, прилегающего вот к этому (*показывает*) пространству, и никоим образом не может помешать наступлению на широком фронте в направлении на Петроград или в направлении на Минск, Полоцк и Москву.

Г. генерал далее перешел к линии реки Двины. Если рассматривать линию реки Двины, как линию, предоставляющую России какой-то рубеж, на котором она может развернуть свои военные силы, то совершенно естественно, что граница должна проходить где-то впереди, потому что по этой линии (*показывает на карте*) невозможно производить стратегического развертывания армий, раз эта линия является государственной границей. Следовательно, в данном случае участок реки Двины, не говоря уже про Рижский плацдарм, представляет собой только естественную границу, которая потребует для стратегического развертывания русских армий, увода их в глубь страны на достаточное расстояние для того, чтобы эту операцию произвести безопасно. Наоборот, если река Двина есть граница, то для Германии фронтом стратегического развертывания является, помимо упомянутого района реки Немана, район Митава-Поневеж, находящийся в связи с первым и являющийся в настоящее время в достаточной мере подготовленным в железнодорожном отношении германскими же войсками, ныне расположенными на этом фронте. Если теперь принять во внимание, что на правом берегу Двины сохраняется Рижской плацдарм, то совершенно очевидно, что фронт реки Двины, имея здесь посредине пассивный участок, а на своем левом фланге, на важнейшем и непосредственно направляющемся на Петроград (направление Рига-Псков-Петроград),—активный плацдарм у Риги, притом примыкающий флангом к Рижскому заливу, создает в этом операционном направлении на Петроград такой же плацдарм для наступления, каким является район Немана для будущего наступления (*показывает*) в этом направлении. Нам было указано, что, когда у нас во время этой войны впереди Риги был так называемый Рижский плацдарм, то фронт германских армий все время был под угрозой наступления наших войск, которое

как указал генерал Гофман, имело место в декабре месяце 1916 года. Но из его же слов видно, что предложенная граница передвигает карту на 180 градусов, и в этом отношении совершенно очевидно, что Рижский активный плацдарм, при наличности здесь в середине течения реки Двины пассивного района, представляющего из себя своеобразное мелкое Полесье и не допускающего производства каких-либо широких операций, имеет исключительно наступательный характер.

Наоборот, если мы рассмотрим вопрос с точки зрения границ Германской Империи, то расстояние от линии реки Двины до государственной германской границы, если я не ошибаюсь, определяется в 250 верст, и с этой точки зрения едва ли можно рассматривать линию реки Двины, как активный плацдарм, пользуясь которым русские армии могут быстро и беспрепятственно двинуться на германскую территорию. Наконец, что касается островов, то генерал Гофман сказал: раз мы стремимся владеть Ригой, то нам необходимо владеть и островами. Это совершенно справедливо; но, вместе с тем, генерал Гофман не опроверг моих доказательств относительно значения этих островов с чисто морской точки зрения и с точки зрения возможного наступления на Петроград вдоль берега Финского залива. И если острова необходимы для прикрытия Риги, то они бесконечно более нужны для того, чтобы столица России, Петроград, была в безопасности. С другой стороны, я позволю себе спросить, если Россия владеет островами, при существующем соотношении морских сил на Балтийском море, какая опасность угрожает Германскому флоту или Германскому побережью? Полагаю, что никакой опасности нет.

Таким образом, резюмируя мои возражения, я позволю себе сказать и еще раз подчеркнуть, что предлагаемая граница, по существу своему, несомненно, проведена в целях успешных наступательных операций против России.

Грац. Я отвечу лишь кратким замечанием на вопрос, заданный мне г. Покровским. Граница южнее района Брест-Литовска проведена согласно нашему предложению, потому что, по нашим соображениям, эта южная граница не требует тех военных оборонительных мер, которые принимались во внимание для северной границы.

Покровский. Должен ли я понять это в том смысле, что Украинская Республика уже теперь рассматривается, как будущая союзница, по крайней мере, Австро-Венгрии?

Грац. Нет, ни в коем случае. Чисто военные соображения здесь не играют решающей роли, кто бы ни был в данном случае нашим соседом.

Покровский. Я просил бы предоставить слово капитану Липскому.

Липский. Я хотел сказать, что адмиралом Альтфатером были только что приведены как-раз те доводы, которые генералу Гофману послужили доказательством того, что проект новой германской границы более благоприятствует нам, нежели Германии. Этот вопрос уже

разобран подробно, и мне хотелось бы только отметить, что, как это ни странно, «выгодный» для нас проект границы заставляет нас, с самого начала войны, сразу отойти на 200—300 верст в глубь нашей страны, т.-е. отдать в руки Германии, без возможности какой бы то ни было обороны с нашей стороны, всю Лифляндию, Эстляндию, и часть Белоруссии. Если генерал Гофман считает это выгодным для нас, то, конечно, проект границы понятен.

Бринкман. Генерал Гофман не имеет ничего добавить к своим объяснениям. Он того мнения, что, таким образом, можно еще долго говорить на разных языках, раз противная сторона рассматривает новую границу исключительно с оборонительной точки зрения, не одобряя; однако, того, что мы, равным образом, выдвигаем соображения обороны. До сих пор противная сторона всегда подозревала нас в наступательных намерениях.

Грац. Не имеется ли еще каких-либо замечаний, или мы можем прервать заседание до 4-х часов?

Покровский. Пока у нас больше нет никаких замечаний.

Заседание закрывается в 12 час. 25 мин.

Заседание подкомиссии по территориальным вопросам. 10 февраля (28 января 1918 года).

Заседание открывается в 4 часа 7 мин. пополудни под председательством доктора Граца.

Грац. Открываю заседание. Слово принадлежит Посланнику фон-Розенбергу.

Розенберг. В утреннем заседании г.г. Представители Русской делегации указали на то, что отторжение от России северных областей, в особенности—портов Либавы, Виндавы и Риги, тяжело отразится на экономической жизни России. Как я уже указывал в утреннем заседании, возможно соглашение экономического характера, которое, хотя и не устраняя упомянутые экономические невыгоды, во всяком случае могло бы смягчить их. Обеденный перерыв мы посвятили составлению проекта такого соглашения. Соглашение это мы должны будем включить в мирный договор.

Разрешаю себе огласить здесь нашу редакцию, которая подлежала бы обсуждению г.г. специалистов. Соответствующая статья мирного договора гласила бы:

«Договаривающиеся стороны пришли к соглашению относительно того, что при известных, подлежащих точному определению условиях, русскому товарообмену должен быть предоставлен свободный транзит через Литву и Курляндию, а равным образом, совместное пользование портами Риги, Виндавы и Либавы».

Позвольте мне коснуться также другого пункта, затронутого в утреннем заседании нашей подкомиссии. Г. Покровский спросил

нас, почему граница южнее Брест-Литовска соответствует этнографическим условиям, между тем, как граница севернее Брест-Литовска таковым условиям не отвечает. Его Превосходительство доктор Грац уже ответил на этот вопрос. Я хотел бы в дополнение сказать еще несколько слов. Совершенно верно, что предложенная нами граница в своей северной части пересекает области, населенные латышами. Г. Представитель Верховного Командования уже изложил здесь те соображения, в силу которых этнографическая точка зрения должна была уступить требованиям военного характера. Выходом из данного положения явился бы отказ Российского Правительства от областей, население которых по происхождению своему относится к Латвии. Германия горячо приветствовала бы подобное решение. Г.г. Представителям Русской делегации известно из частных наших бесед, что сообщения из Лифляндии и Эстляндии читаются в Германии со все усиливающимся беспокойством. Беспрерывно поступают сведения об ужасных насилиях над местным населением со стороны оставшихся в Лифляндии и Эстляндии русских войсковых частей. Вполне понятны беспокойство и возмущение немецкого общества, тем более, что в упомянутых областях живет большое количество лиц немецкого происхождения.

В виду всего вышеизложенного, я должен еще раз указать на требование, неоднократно выраженное в наших частных беседах, а именно: Россия обязуется по заключении мира немедленно очистить Лифляндию и Эстляндию от русских войск и сделать все возможное для ограждения этих областей, в особенности же наших немецких соплеменников, от насилий, угрожающих их жизни, здоровью и имуществу.

Грац. Не желает ли кто-либо из присутствующих высказаться по данному вопросу?

Покровский. Я хотел бы сделать краткое заявление. Более подробный ответ, по всей вероятности, будет дан нашей делегацией в вечернем заседании политической комиссии. Я попросил бы только некоторых разъяснений, в целях более полной осведомленности нашей делегации.

Что касается упомянутого г. предыдущим оратором права России на транзит через Литву, Курляндию и Эстляндию, то, насколько я понял, это есть ни что иное, как распространение на Литву и Лифляндию той статьи проекта русско-германского предварительного торгового договора, которая была почти принята экономической комиссией. Мы хотели бы знать, чем гарантируется то, что свободно распелагающее собой население данных областей (нам и было заявлено, что речь идет в данном случае о самостоятельном государстве) изъявит свое согласие на право России на транзит, тем более, что предложение Германского Правительства имеет в виду лишь германскую территорию.

Возникает еще один вопрос, а именно: как представляют себе г.г. Представители Германской делегации совместное пользование Германией и Россией портами Риги, Виндавы и Либавы?

Розенберг. Я не могу пока в точности установить, в каком порядке войдет эта статья в общий состав вопросов, связанных с торговым договором, в случае, если она будет включена в мирный договор. Но этот вопрос можно будет легко разрешить, путем обмена мнений специалистов делегаций обеих сторон.

Эта статья, мне кажется, имела бы двоякое значение: во-первых, Германское Правительство подобной статьей взяло бы на себя обязательство настоять перед будущими правительствами Литовского и Курляндского Государств на том, чтобы русскому товарообмену были предоставлены предусмотренные льготы. Но этим, однако, по-моему, не исчерпывается значение предполагаемой статьи. Если бы Российское Правительство, по обоюдному соглашению, под условием предоставления вышеупомянутых льгот русскому товарообмену, обязалось освободить данные области от своего господства, то это, если можно так выразиться, явилось бы ручательством отказа Российского Правительства от верховных прав на эти области.

Покровский. Я не получил еще ответа на мой второй вопрос относительно совместного пользования портами.

Розенберг. Я не осведомлен относительно подробностей.

Грац. Мне кажется, возможны несколько форм совместного пользования. Вероятнее всего, вышеупомянутые города будут объявлены свободными портами, или, по крайней мере, —части этих портов, куда и могли бы ввозиться русские товары, без каких-либо таможенных ограничений. Впрочем, я сделал чисто теоретическое предположение.

Розенберг. Я не могу высказаться в обязательной форме, но, насколько я осведомлен, предполагается открыть для русского товарообмена свободные склады. Я, лично, того мнения, что этот вопрос нельзя решить в трех словах. Может быть, вы будете так любезны поговорить по этому поводу с г. Криге или с г. фон-Кернером?

Грац. Свободные склады, это—часть портов, т.-е. приблизительно то же, что и свободный порт.

Покровский. Мы и не рассчитывали получить сейчас же подробный ответ; как мне кажется, этот вопрос подлежит решению специальной комиссии. В общих чертах для меня теперь вопрос яснее.

Розенберг. Полагаю, что этот вопрос, действительно, подлежит специальному обсуждению.

Покровский. Я позволю себе перейти к вопросу относительно отказа России от Лифляндии и Эстляндии,—я имею в виду образование в этих областях однородных государственных группировок. Русская делегация неоднократно заявляла,—и я могу это повторить,—что Российская Федеративная Республика решила предоставить, как Эстонскому, так и Латышскому народам полное право на самоопределение, вплоть до отделения. Само собой разумеется, Российское Правительство не только не может дать каких-либо гарантий, но оно не берет на себя смелость высказать даже какие бы то ни было пред-

положения относительно стремления этих областей, т.-е. подавляющего большинства Эстонского и Латышского народов, к более тесному сближению с Германией, нежели с Россией,—я не могу выразиться точнее. Насколько нам известны взгляды отдельных, но многочисленных представителей Латышских и Эстонских народных масс, например, десятков тысяч латышских стрелков, входящих в состав Русской армии, можно ожидать обратного результата, а именно того, что эти народы пожелают войти в состав Российской Федеративной Республики, которая, разумеется, гарантирует им полную внутреннюю независимость. В таком случае, с чисто военной точки зрения, и для нас новая граница будет более или менее приемлема, но мы не можем ручаться, что такое решение вопроса удовлетворит обе стороны.

Что касается возмущения немецкого населения этих областей, согласно заявлению г. Розенберга, против насилий, чинимых русскими солдатами, то подобного рода обвинения нуждаются прежде всего в тщательной фактической проверке. Мы предложили бы, по примеру того, как мы поступили по отношению к нареканиям Оттоманского Правительства, представить нам точные и подробные данные относительно вышеупомянутых насилий. Я могу только напомнить, что обвинения подобного рода могут быть предъявлены и нами; например, большинство латышского населения Латвии имело безусловное основание протестовать против насилий со стороны немецкого меньшинства, в период захвата власти немецким меньшинством, как-раз после первой русской революции.

Я хотел бы предложить еще один вопрос: не имеется ли в виду выяснить этнографические границы и южнее Латвии и Эстляндии? Как уже указано одним из наших военных экспертов, проектируемая Германским Верховным Командованием линия пересекает целый ряд русских уездов, населенных белоруссами, так что эти наши соплеменники оказываются подданными какого-то чужого государства; о предложении же образовать самостоятельное Белорусское Государство мы до сих пор не слыхали. Как же предполагается в данном случае поступить с этой частью границы?

Гофман. О каких частях Белоруссии говорит профессор Покровский? Я предполагаю, что речь идет о южной части Гродненской губернии?

Альтфатер. И отчасти—Виленской губернии.

Покровский. Речь идет о западной, а также и о южной части Гродненской губернии. У нас имеется очень подробная карта, изданная Генеральным Штабом Германской Армии. Судя по этой карте, в Белоруссию входит и Лидский уезд.

Гофман. Согласно имеющимся у нас данным, население этих местностей смешанное и разнородное,—в состав его входят латыши, поляки, белоруссы, литовцы и евреи,—так что трудно будет провести точную этнографическую границу в данных областях.

Покровский. Карта, на которую я сослался, как я уже упоминал, напечатана в типографии Главнокомандующего Восточ-

ным фронтом. Полагаю, что это может служить ручательством ее подлинности.

Гофман. Да, конечно.

Покровский. Там указаны следующие цифры: Сукольский уезд—89,8% белоруссов, Гродненская губерния—65,8%, Лидский уезд Виленской губернии—73,2%, Волковышский уезд, также входящий в эту область,—82,5%, Лужанский уезд Гродненской губернии—75,5%, Ольшанский—80,1% и, наконец, Виленский уезд, целиком входящий в данную область,—42% белоруссов. В Виленском уезде, насколько я понимаю,—белоруссы составляют относительное большинство. Как видно из этих данных, вопреки объяснениям генерала Гофмана, белоруссы составляют во всех этих уездах подавляющее большинство, за исключением Виленского уезда.

Гофман. Я думаю, г. Покровскому известно, что на основании статистических данных все можно доказать.

Покровский. В данном случае я ссылаюсь на германское издание.

Гофман. Это мне известно. Я, с своей стороны, также могу положить на стол атлас, где будет доказано, что большинство населения данных областей составляют и литовцы, и поляки.

Покровский. Этот атлас также отпечатан при содействии Главнокомандующего Восточным фронтом?

Гофман. Этот атлас отпечатан в правительственной типографии; точная же перепись населения этих областей еще не произведена, так что вопрос о соотношении населяющих данные области народностей не вполне ясен.

Покровский. Значит, подобная перепись все же производится?

Гофман. В настоящее время приступили к подготовительным работам по переписи населения, самую же перепись предполагается осуществить после заключения мира, ибо, как известно профессору Покровскому, придется учесть реэмигрантов.

Грац. Как мне кажется, вопрос о судьбе отдельных областей, строго говоря, не подлежит обсуждению нашей специальной комиссии. Нашей задачей было только выяснить, насколько возможно сближение обеих точек зрения по вопросу о будущей границе. Полагаю, можно констатировать, что подобного соглашения мы пока еще не добились. Итак, может быть, мы ограничимся тем, что сообщим об этом политической комиссии, которая соберется сегодня вечером. В таком случае, мне кажется, нет надобности зафиксировать наше заявление письменно.

Покровский. Если г. Председатель Австро-Венгерской части подкомиссии находит, что вопрос достаточно выяснен, то я, с своей стороны, должен обратить внимание г.г. Представителей на тот знаменательный факт, что наши переговоры оборвались на во-

просе, непосредственно затрагивающем право на самоопределение именно Русского народа. Мы ничего не имеем против того, чтобы закончить на этом наши прения. Что касается сделанного сейчас заявления, то мы передадим его нашей делегации.

Грац. Я, конечно, ничего не имею против продолжения прений по какому-либо вопросу, интересующему г.г. присутствующих; но нашей задачей, собственно говоря, являлось лишь обсуждение вопроса о нашей общей границе и возможное соглашение по этому вопросу. Что касается областей, лежащих по ту сторону границы, то вопрос этот неоднократно обсуждался политической комиссией; таким образом, обсуждение его подкомиссией экспертов носило бы характер частной беседы и, полагаю, вряд ли оказало бы существенное влияние на решение вопроса.

По вопросу о границах весьма подробно были изложены соображения в пользу пограничной линии, предложенной генералом Гофманом. Г.г. Представители Русской делегации высказали свои возражения также достаточно подробно, и ни одной из представленных здесь сторон не удалось убедить противную сторону в правильности отстаиваемых ею взглядов. Из этого факта следует, что соглашение не достигнуто.

Покровский. Повторяю, мы вели эти переговоры не из отвлеченных интересов, но ради определенного практического соглашения с противной стороной. Но раз противная сторона заявляет, что, по ее мнению, подобное соглашение не достигнуто,—нам остается довольствоваться этим ответом и прекратить переговоры, перенеся их в заседание политической комиссии.

Грац. Полагаю, что это единственный правильный путь. Итак, объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 4 час. 50 мин.

Заседание Русской, Германской и Австро-Венгерской делегаций. (Политическая комиссия).

10 февраля (28 января) 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 58 мин. пополудни под председательством фон-Кюльмана.

Кюльман. Г. Председатель Русской делегации предложил приобщить к актам переговоров три меморандума по национальным вопросам. Я констатирую, что эти меморандумы совершенно неизвестны делегациям Четверного Союза, и что они оставляют за собой самое широкое право высказаться в будущем по поводу данных меморандумов. Но если г. Председатель Русской делегации настаивает на своем предложении, мотивируя его пространностью этих меморандумов и, вместе с тем, желанием сэкономить время, то Председатели

Союзнических делегаций, с своей стороны, согласны не вносить формального протеста.

Прежде, чем перейти к порядку дня, я хотел бы ликвидировать несколько инцидентов. Слово принадлежит генералу Гофману.

Гофман. Имею заявить следующее: согласно полученным нами сведениям, русские войска не только остаются на территории Финляндии, вопреки неоднократным заявлениям Российского Правительства, но и число их фактически увеличивается с каждым днем. Такого рода крупные переброски войск не соответствуют духу заключенного здесь договора о перемирии. Поэтому я должен выразить протест против подобных передвижений войск.

Троцкий. Насколько мне известно, со времени подписания договора о перемирии, количество русских войск в Финляндии сильно уменьшилось. Берусь это доказать генералу Гофману. Я недостаточно компетентен в этих вопросах, но мне представляется, что территория Финляндии не является Германско-Русским фронтом.

Кюльман. Мне поручено поставить на обсуждение еще один вопрос. Согласно сообщению из Петрограда, Русское Верховное Командование опубликовало приказ, с целью распространения его среди германских войск, приказ, в котором русским войскам вменяется в обязанность восстанавливать германских солдат против, якобы, врагов их—генералов и офицеров. Я прошу г. Председателя Русской делегации разъяснить нам, известно ли ему содержание этого приказа, и каково отношение Российского Правительства к такому приказу, изданному Русским Верховным Командованием.

Троцкий. Мне решительно ничего неизвестно об этом приказе; я даже не знаю, существует ли такой приказ. Разумеется, я мог бы высказаться по поводу него, лишь после моего с ним ознакомления. С другой стороны, я как-раз сегодня имел возможность убедиться в определенном направлении немецких газет, издаваемых на русском языке соответствующими германскими учреждениями, с целью распространения их среди русских военнопленных и на нашем фронте; ими ведется чрезвычайно ожесточенная кампания против существующего в России революционного Правительства. Эти газеты повторяют все лживые утверждения, за последнее время усиленно распространяемые Германской печатью: об аресте нашего Верховного Главнокомандующего Крыленко, относительно того, что большинство городов России восстало против Советской власти и прочие сведения того же свойства.

Кюльман. Полагаю, что мы можем перейти к порядку дня сегодняшнего заседания. Что касается делегаций Союзных Держав, то я предлагаю, в согласии с выставленным вчера принципом, отказаться, в виду серьезности сегодняшнего заседания, от каких бы то ни было полемических приемов и строго ограничиться обсуждением пунктов, дающих нам возможность притти к определенным практическим результатам. Если г. Председатель Русской делегации ничего не имеет против этого, я попросил бы г. Председателя подко-

миссии по территориальным вопросам дать нам отчет о работах подкомиссии.

Грац. Не придя ни к какому соглашению относительно спорного вопроса о границе, подкомиссия сегодня закончила свою работу.

Кюльман. Подкомиссия была образована вчера по обоюдному нашему соглашению; делегированные нами эксперты должны были,—г. Комиссар по Иностранным Делам, я полагаю, согласен с этим,—рассмотреть вопросы, прежде всего, с их технической стороны. Насколько я понимаю, мы не уполномачивали подкомиссию представить нам свои окончательные заключения по затронутым вопросам. Поэтому, я хотел бы спросить г. Председателя Русской делегации, не сообщит ли он нам свои соображения, которые помогли бы притти к удовлетворительному решению вопроса?

Троцкий. Задачей подкомиссии, как мы ее понимаем, являлось ответить на вопрос, в какой мере предложенная противной стороной граница способна, хотя бы в минимальной степени, обеспечить Русскому народу право на самоопределение. Мы выслушали сообщения наших Представителей, вошедших в состав подкомиссии по территориальным вопросам, и мы полагаем, что после продолжительных прений и всестороннего рассмотрения вопроса наступил час решений. Народы ждут с нетерпением результатов мирных переговоров в Брест-Литовске. Народы спрашивают, когда кончится это беспримерное самоистребление человечества, вызванное своекорыстием и властолюбием правящих классов всех стран? Если когда-либо война и велась в целях самообороны, то она давно перестала быть таковой для обоих лагерей. Если Великобритания завладевает Африканскими колониями, Багдадом и Иерусалимом, то это не есть еще оборонительная война; если Германия оккупирует Сербию, Бельгию, Польшу, Литву и Румынию и захватывает Моонзундские острова, то это также не оборонительная война. Это—борьба за раздел мира. Теперь это ясно, яснее, чем когда-либо.

Мы более не желаем принимать участия в этой чисто империалистической войне, где притязания имущих классов явно оплачиваются человеческой кровью. Мы с одинаковой непримиримостью относимся к империализму обоих лагерей, и мы более не согласны проливать кровь наших солдат в защиту интересов одного лагеря империалистов против другого.

В ожидании того, мы надеемся, близкого часа, когда угнетенные трудящиеся классы всех стран возьмут в свои руки власть, подобно трудящемуся народу России, мы выводим нашу армию и наш народ из войны. Наш солдат-пахарь должен вернуться к своей пашне, чтобы уже нынешней весной мирно обрабатывать землю, которую революция из рук помещика передала в руки крестьянина. Наш солдат-рабочий должен вернуться в мастерскую, чтобы производить там не орудия разрушения, а орудия созидания и совместно с пахарем строить новое социалистическое хозяйство.

Мы выходим из войны. Мы извещаем об этом все народы и их правительства, Мы отдаем приказ о полной демобилизации наших

армий, противостоящих ныне войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ждем и твердо верим, что другие народы скоро последуют нашему примеру. В то же время, мы заявляем, что условия, предложенные нам Правительствами Германии и Австро-Венгрии, в корне противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе и народами Австро-Венгрии и Германии. Народы Польши, Украины, Литвы, Курляндии и Эстляндии считают эти условия насилием над своей волей; для Русского же народа эти условия означают постоянную угрозу. Народные массы всего мира, руководимые политическим сознанием или нравственным инстинктом, отвергают эти условия, в ожидании того дня, когда трудящиеся классы всех стран установят свои собственные нормы мирного сожительства и дружеского сотрудничества народов. Мы отказываемся санкционировать те условия, которые Германский и Австро-Венгерский империализм пишет мечом на теле живых народов. Мы не можем поставить подписи Русской Революции под условиями, которые несут с собой гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ.

Правительства Германии и Австро-Венгрии хотят владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они свое дело творят открыто. Мы не можем освящать насилия. Мы выходим из войны, но мы вынуждены отказаться от подписания мирного договора.

В связи с этим заявлением, я передаю объединенным Союзническим делегациям следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета Народных Комиссаров, Правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения Правительств и народов воюющих с нами Союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным. Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Л. Троцкий.
А. Иоффе.
М. Покровский.
А. Биценко.
В. Карелин.

Кюльман. Союзнические делегации не могут без совместного обсуждения вопросов высказаться по поводу чрезвычайно важного заявления г. Председателя Русской делегации; но, в целях выяснения намерений Российского Правительства, я хотел бы задать несколько вопросов г. Председателю Русской делегации.

Насколько я понял г. Комиссара по Иностранным Делам, сущность оглашенного им заявления заключается в том, что Российское Правительство намерено немедленно издать приказ о полной демобилизации Русской Армии, и, вместе с тем, Российское Правительство отвергает заключение каких бы то ни было соглашений с делегациями противной стороны.

Анализируя создавшееся положение, я прихожу к выводу, что

представленные здесь Германия и Австро-Венгрия и не присутствующие на этом заседании их Союзники находятся в настоящий момент в состоянии войны с Россией.

На основании договора о перемирии, военные действия, несмотря на продолжающееся состояние войны, пока прекращены; при аннулировании же этого договора, военные действия автоматически возобновятся. Если память мне не изменяет, договор о перемирии предусматривает, как конечную свою цель, заключение мира. Но если мирный договор не будет заключен, то, очевидно, самый договор о перемирии теряет свое значение, и, по истечении предусмотренного в нем срока, война возобновляется. То обстоятельство, что одна из сторон демобилизует свои армии, ни с фактической, ни с правовой стороны ничего не меняет в данном положении. Не вдаваясь в тонкости и детали вопроса и определяя вкратце различие, существующее между военным и мирным состоянием, я сказал бы, что самым характерным признаком состояния мира является существование международных сношений государств, а также их правовых и торговых сношений. Повторяю, я хотел бы ограничиться только самым существенным. Итак, прошу г. Председателя Русской делегации высказаться по вопросу о том, во-первых, намерено ли Российское Правительство заявить о прекращении состояния войны между обеими сторонами, во-вторых, где именно в точности проходит внешняя граница Российского Государства; ответ на эти вопросы является необходимым условием возобновления консульских, экономических и правовых сношений. И, наконец, согласно ли Правительство Народных Комиссаров возобновить торговые и правовые сношения в пределах, соответствующих прекращению состояния войны и наступлению состояния мира?

Вот те вопросы, которые я хотел предложить г. Председателю Русской делегации. Решение основного вопроса всецело зависит от этого ответа, а именно: находимся ли мы с Россией в состоянии войны или в состоянии мира?

Троцкий. Мне остается прибавить немногое к сказанному в нашем заявлении. Российское Правительство в этом письменном заявлении говорит, что оно, со своей стороны, объявляет состояние войны прекращенным, и что, во исполнение этого своего решения, оно отдает приказ о полной демобилизации армий на всех внешних фронтах. Что касается практических затруднений, вытекающих из создавшегося положения, то я не могу предложить никакой юридической формулы для их разрешения. Это отсутствие необходимой юридической формулы является не случайным недоразумением; весь ход мирных переговоров доказал, что, в виду глубокого расхождения основных точек зрения, невозможно подыскать формулу, определяющую взаимоотношения Российского Правительства и Центральных Держав. Насколько я понял г. Председателя Германской делегации, он как бы допускал, по крайней мере в теории, возможность подыскания на практике недостающей нам формулы, и впредь опираясь на помощь пушек и штыков. Я этому не верю. Как бы ни злоупотребляли в течение этой войны понятием обороны страны,

как бы ни насиловалась идея защиты отечества, ни один честный человек во всем мире не скажет, что продолжение военных действий со стороны Германии и Австро-Венгрии явится при данных условиях защитой отечества. Я глубоко уверен, что Германский народ и народы Австро-Венгрии этого не допустят; и если наши основные положения станут для всех очевидными, то практические затруднения разрешатся тем или иным путем. Переданный нами документ не оставляет никакого сомнения относительно наших намерений. Мы, со своей стороны, объявляем состояние войны прекращенным и возвращаем наших солдат к мирному труду.

Кюльман. Я принимаю к сведению разъяснения г. Председателя Русской делегации и полагаю, что, до принятия определенного решения, было бы целесообразнее подвергнуть создавшееся положение совместному обсуждению с нашими Союзниками. Так как работы нашей комиссии, созданной для специальных целей, должны считаться законченными сегодняшним заседанием, то я предлагаю созвать на завтра пленарное заседание, на котором Союзнические делегации могли бы высказать свою точку зрения относительно создавшегося положения.

Троцкий. Что касается нас, то мы исчерпали все те полномочия, какие мы имеем и какие до сих пор могли получить из Петрограда. Мы считаем необходимым вернуться в Петроград, где мы и обсудим совместно с Правительством Российской Федеративной Республики все сделанные нам Союзническими делегациями сообщения и дадим на них соответствующий ответ.

Кюльман. Позволю себе спросить г. Председателя Русской делегации, каким образом мы могли бы снестись друг с другом?

Троцкий. В настоящее время мы связаны прямым проводом с Петроградом. До открытия мирных переговоров мы сносились по радио; кроме всего этого, в Петрограде в данное время находится делегация Четверного Союза, имеющая возможность сноситься со своими Правительствами. Таким образом, мы сговоримся относительно технических путей для дальнейших наших сношений.

Кюльман. Принимаю к сведению это сообщение и объявляю сегодняшнее заседание комиссии закрытым, оставляя за собой право на дальнейшие решения и сообщения.

Заседание закрывается в 6 час. 50 мин.

Третий период

с 1 марта (16 февраля) по 3 марта (18 февраля) 1918 года.

Состав Мирной Конференции.

Русская делегация:

Г. Я. Сокольников.
Г. И. Петровский.
Г. В. Чичерин.
Секретарь делегации Л. М. Карахан.

Политический консультант:

А. А. Иоффе.

Военные консультанты:

Контр-адмирал В. М. Альтфатер.
Капитан В. Липский.
Генерал-от-инфантерии Даниловъ.
Профессор Андогский.

Германская делегация:

Посланникъ фон-Розенберг.
Генерал-майор Гофман.
Действительный Статский Советник фон-Кернер.
Капитан 1-го ранга Горн.
Директор Правового Департамента Криге.

Австро-Венгерская делегация:

Директор Департамента д-р Грац.
Посол фон-Мерей.
Фельдмаршал-Лейтенант фон-Чичерич.

Болгарская делегация:

Посланник Тотчев.
Полковник Гантчев.
Легационный секретарь Анастасов.

Турецкая делегация:

Ибрагим Хакки-паша.
Генерал-от-кавалерии Цеки-паша.

Пленарное заседание мирной конференции.

1 марта (16 февраля) 1918 года.

Заседание (утреннее) открывается под председательством Посланника фон-Р о з е н б е р г а.

Р о з е н б е р г. Объявляю заседание открытым. Представители держав Четверного Союза приветствуют Русскую делегацию. Они надеются, что совместная работа приведет к благополучному результату.

В нашем распоряжении только три дня. Нам придется напрячь все силы и работать очень интенсивно, чтобы своевременно окончить дело и тем самым положить конец войне на востоке. Поэтому я настойчиво просил бы г. г. присутствующих по возможности не отвлекаться в сторону, помня, что каждый бесполезно проведенный нами час оплачивается драгоценной кровью на фронте. Возобновившиеся военные действия могут быть прекращены только по подписании мирного договора. Мы собрались здесь не для речей и прений, но для подготовительных работ по подписанию мирного договора и для заключения самого договора. В ожидании приезда Русской делегации, Союзнические делегации были заняты формулировкой предполагаемого договора. Данная формулировка основывается на предложенных 21/8-го февраля в Берлине и принятых в Петрограде принципах и, в общем, соответствует духу прежних Брест-Литовских переговоров. Расположение материалов мы представляем себе таким образом: главный политический договор с Россией будет заключен со всеми четырьмя Союзными Державами. Экономические соглашения должны войти в отдельные предложения, а правовые вопросы будут урегулированы путем особых дополнительных договоров. Имея в виду этот порядок и необходимость беречь каждую минуту, я предлагаю учредить три комиссии: политическую, экономическую и правовую. Чем свободнее и непринужденнее эти три комиссии будут выполнять свою работу, тем лучшие результаты даст наша работа. Если г. Председатель Русской делегации ничего не имеет против этого, предлагаю закрыть настоящее заседание и работать уже в качестве политической комиссии; в таком случае, мы сейчас займемся определением в частном порядке состава и плана работ комиссии.

С о к о л ь н и к о в. От имени Русской делегации, имею честь благодарить за выраженное нам приветствие. Русская делегация,

со своей стороны, считает необходимым закончить занятия в наикратчайший срок; она видит свою задачу в том, чтобы принять условия, которые с оружием в руках продиктованы Германией Российскому Правительству. Русская делегация согласна продолжить заседание, но отклоняет предложение об образовании комиссии. Русская делегация стоит на той точке зрения, что все работы, связанные с заключением мирного договора, целесообразнее вести в общих заседеаниях.

Розенберг. Г. Председатель Русской делегации говорит об условиях, предписанных Германией с оружием в руках. От Русской делегации зависит выбрать то решение, которое диктуется ей ее кровными интересами; она может принять предложенные нами условия или решиться на продолжение войны. Сожалею, что Русская делегация отклоняет предложение об образовании комиссии, но не настаиваю на своем предложении. Если г. Председатель Русской делегации полагает, что можно обойтись без комиссии, при условии соблюдения трехдневного срока, то мы изъявляем на это свое согласие. У меня в руках имеются еще не совсем законченные проекты дополнительного экономического соглашения и правового договора; достаточно беглого взгляда на эти проекты, чтобы убедиться, как велик их объем. Но я согласен отложить пока в сторону мое предложение об образовании комиссии и испробовать путь, предложенный г. Председателем Русской делегации. Согласно предложению Русской делегации, мы приступаем к обсуждению по существу вопросов, подлежащих рассмотрению политической комиссии. Принимая во внимание пожелание, высказанное вчера в частном совещании, я предложил бы в основу нашей работы положить условия, предложенные Германией 21/8-го февраля сего года.

Ответ Германского Правительства от 21/8-го февраля на обращение Российского Правительства гласит:

«Германия готова возобновить с Россией переговоры и...» *(читает)*.

Сокольников. Я предлагаю не переводить этого текста, в виду того, что он хорошо известен.

Розенберг. Если переложить на язык договора этот кратко формулированный пункт, то он гласил бы так: «Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция, с одной стороны, и Россия—с другой, объявляют о прекращении состояния войны между ними. Впредь они решили жить в мире и дружбе».

Не имеется ли каких-либо замечаний по этому поводу?

Сокольников. Ничего не имею против этого. Мы предложили бы огласить весь текст.

Розенберг. Второй пункт нашего предложения от 21/8-го февраля касается областей, лежащих к западу от известной г. г. присутствующим пограничной линии. Пункт этот мы предложили бы отнести к статье 3-ей мирного договора, во 2-ую же статью мирного договора включить пункт 9-ый нашего предложения от 21/8-го февраля, где говорится о поддерживаемых Российским Правительством аги-

Г. Я. Сокольников.

тации и пропаганде. Я сперва прочту ст. 2-ую: «Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от какой бы то ни было агитации и пропаганды, направленной против Правительств и государственно-военных учреждений другой стороны. Поскольку это обязательство касается России, оно распространяется и на области, оккупированные державами Четверного Союза». Ст. 3-ья мирного договора, которая соответствовала бы п. 2-му нашего предложения от 21/8-го февраля, в таком случае, гласила бы... *(читает)*.

Считаю нужным, с своей стороны, указать, что переданный нами русский перевод предназначен исключительно для облегчения работ. Подлинным же текстом следует, конечно, считать немецкий текст. Абзац второй пункта 2-го нашего предложения от 21/8-го февраля изложен в ст. 4-ой. Сюда должно включить также и абзац первый пункта 5-го; где речь идет о восточно-анатолийских провинциях. *(читает)*.

Г. г. Представители Русской делегации могли убедиться, что мы в пункте 5-ом говорили не о турецких областях, занятых в течение войны, но именно о восточно - анатолийских провинциях. Это обстоятельство вызвано тем, что мы хотели пойти навстречу населению округов Ардагана, Карса и Батума,—областей, которые Турецкое Правительство должно было уступить в 1878 году России. Местное магометанское население обратилось к нам с просьбой о помощи против насилий, чинимых русскими войсковыми частями—русскими, или выдававшими себя за таковых; оно настойчиво просило Турецкое и Берлинское Правительства о предоставлении ему возможность вновь присоединиться к Турции. Не имея возможности выплатить большой контрибуции, Турецкое Правительство вынуждено было в свое время уступить три упомянутых округа царскому правительству. Большинство магометанского населения этих областей сознает себя и поныне турецким населением и рассматривает уступку Ардагана, Карса и Батума, как денежную сделку. Поэтому было бы желательно к тексту об очищении провинций восточной Анатолии присовокупить следующее: «С включением округов Ардагана, Карса и Батума».

Однако, мы на этом не настаиваем, во избежание упреков в аннексионистских стремлениях. Таким образом, абзац второй ст. 4-ой мирного договора ограничивается формулировкой минимума наших требований, т.-е. округа Ардагана, Карса и Батума будут немедленно очищены русскими войсками; Россия не будет вмешиваться во внутреннюю жизнь и международное положение данных областей и предоставит их населению право на свободное государственное строительство, путем соглашения с соседними государствами, в особенности—с Турцией. Первое условие имеет целью по возможности гарантировать население от дальнейших насилий; второе же, в соответствии с провозглашенным Российским Правительством принципом самоопределения народов, имеет целью дать населению этих областей возможность высказаться самому по поводу своей будущей судьбы. 3-й пункт предложения от 21/8-го февраля, касающийся Лифляндии и Эстляндии, мы, с целью органического построения договора, предлагаем включить в ст. 7-ую мирного договора. Далее, ст. 5-ая, вклю-

чавшая в себе пункт 6-ой мирного предложения—о демобилизации, в нашей редакции гласила бы: «Россия немедленно проводит полную демобилизацию...» *(читает)*.

Пункты 3-й и 4-ый нашего предложения заключаются в ст. 6-ой договора, так как часть Украины была занята в течение войны, а другая часть занята, благодаря ныне оказываемой нами дружественной поддержке. В этой статье должен был найти место, до известной степени, и пункт 9-ый о пропаганде. То же касается и Финляндии, с которой мы поддерживаем дружественные отношения. Итак, ст. 6-ая в нашей редакции гласила бы... *(читает)*.

К ст. 7-ой мы предложили бы отнести постановление, уже находившееся в договоре о перемирии. Вопрос идет о Персии. В договоре о перемирии говорилось: «Исходя из принципа...» *(читает)*.

Мы предлагаем сохранить постановления договора о перемирии, включив их в ст. 7-ую и одновременно распространить эти постановления и на Афганистан, который находился в подобном же положении. В таком случае, ст. 7-ая гласила бы... *(читает)*.

Постановления эти кажутся нам необходимыми. Что касается вопроса о формулировке, то мы согласны продолжить рассмотрение и, если нужно, изложить вопрос в форме, более приближающейся к форме договора о перемирии, но, вместе с тем, мы оставляем за собой право дальнейших предложений. *(Шум)*.

Ст. 8-ая касалась бы вопроса о военнопленных и гласила бы: «Военнопленные обеих сторон...» *(читает)*.

Ст. 7-ой мы коснулись материала, уже затронутого в пункте 8-ом нашего предложения. Более подробная разработка этого вопроса найдет место в дополнительных договорах. К ст. 9-ой мирного договора мы предлагаем отнести отказ от возмещения военных расходов и военных убытков. *(читает)*. В ст. 10-ой говорится о восстановлении дипломатических и консульских сношений. *(читает)*. Ст. 11-ая гласила бы: «Урегулирование экономических отношений между державами должно найти место в четырех отдельных дополнительных договорах». Ст. 12-ая развивает пункт 8-ой нашего предложения. *(читает)*.

К этому я считал бы нужным добавить, что указанная в пункте 5-ом отмена турецких капитуляций не войдет в мирный договор, а будет разработана в отдельности. Подписание отдельного договора по этому вопросу, конечно, было бы непременным условием одновременного подписания мирного договора. *(читает)*.

Ст. 14-ая говорит о ратификации *(читает)*. Введение и заключительные слова этого договора имеют обычный характер. Стоит прочесть только вступительные слова, чтобы убедиться в этом *(читает)*. Насколько мне известно, текст дополнительного договора уже приблизительно составлен. Я не осведомлен относительно подробного хода работ. С своей стороны, я счел бы полезным, чтобы отдельные Представители Четверного Союза, уполномоченные разработать эти вопросы, вступили в сношения и переговоры с соответствующими Представителями Русской делегации. Проверка полномочий могла бы иметь место сегодня или завтра утром.

Не будет ли г. фон-Кернер так любезен сделать нам какое-либо

сообщение по вопросу об экономических соглашениях, поскольку это касается Германии?

Кернер. Я коснусь пункта 7-го нашего предложения от 21/8-го февраля. В основу торговых и экономических отношений положен торговый договор 1894-го года, пересмотренный в 1904 году. Там указано, что преимущества Азиатских стран в торговом отношении отпадают, что должен быть гарантирован свободный вывоз руды, должно, во всяком случае, гарантировать наибольшее благоприятствование, по крайней мере, до конца 1925-го года, и, подобно тому, как это было в договоре с Украиной, должна быть сделана оговорка относительно преимуществ, предоставленных во взаимных торговых сношениях с Австро-Венгрией и Германией третьим державам, с которыми Австро-Венгрия и Германия находятся в таможенном союзе. Далее, предусмотрен также, как и в договоре с Украиной, определенный срок для отказа от провизориума и, равным образом, сделана оговорка о том, что должна быть гарантирована свобода вывоза со складов товаров, которые запрещено вывозить в другие страны. В соответствии с этими пунктами разработано особое соглашение, которое я здесь и передаю. Есть еще и другие отступления, на которых я, однако, сейчас не хочу останавливаться и которых я коснусь после того, как Русская делегация ознакомится с переданной формулировкой. Я хотел бы к этому прибавить, что мы уже приступили к предварительной разработке русского текста, с целью облегчить Русской делегации изучение нашего предложения. Было бы желательно, чтобы лично на то уполномоченные Русской делегацией лица приступили к совместной работе с немецкими переводчиками.

Розенберг. Если г. Председатель Русской делегации ничего не имеет против этого, то я предоставлю слово г. Криге.

Сокольников. Это вполне соответствует нашим желаниям.

Криге. В пункте 8-ом немецкого предложения указывается, что правовые и политические вопросы должны быть решены на основе постановлений, принятых правовой комиссией при первом чтении. Поскольку немецкие и русские предложения расходятся, урегулирование должно производиться в соответствии с немецкими предложениями. Постановления правовой комиссии так же, как и различие между немецким и русским толкованием вопросов, закреплены в документе, озаглавленном: «Германская и Русская правовая комиссия. Результаты первого чтения, разработанные редакционной комиссией». Эта редакционная комиссия была составлена из Представителей России, Австро-Венгрии и Германии, при чем редакция их была принята обеими сторонами. Русской делегации своевременно было передано несколько оттисков этого документа. На этом основании был разработан Германской делегацией дополнительный договор; этот дополнительный договор соответствует принятым Российским Правительством немецким предложениям. Расхождение его с вышеупомянутым документом заключается лишь в редакционных исправлениях или же в небольших дополнениях, сделанных в целях

большей ясности. Имею честь передать г. Председателю Русской делегации два экземпляра этого дополнительного договора. Через несколько минут я буду иметь возможность передать еще небольшое дополнение, а именно—дополнение к пункту 8-му нашего предложения. В пункте этом говорится о том, что Россия допустит и, по мере сил, поддержит германскую комиссию для защиты германских военнопленных, гражданских интернированных лиц и реэмигрантов. Было бы целесообразно включить этот пункт также и в дополнительный договор. Что касается русского текста этого дополнительного договора, то предварительная работа Русской делегации зафиксирована; неоднократно упоминавшийся документ, содержавший в себе результаты первого чтения, был переведен на русский язык. Не менее полезна была бы совместная работа русских и немецких переводчиков при разработке экономических вопросов.

Мерей. Имею честь заявить от имени Австро-Венгерской делегации, что она разработала упоминаемое в ст. 11-ой приложение, касающееся экономических вопросов, в форме предложения. Имею честь передать г. Председателю Русской делегации один экземпляр.

Представитель Австро-Венгерской делегации г. Вильден будет иметь честь вкратце формулировать основные принципы этого предложения.

Вильден. Третье приложение заключает в себе несколько существенных постановлений общего характера, почти совпадающих с положениями немецкого проекта: некоторые отступления сделаны в виду того, что могут произойти изменения по таможенным вопросам в пределах одного из обоих государств. Поэтому для каждого из государств выговаривается принцип наибольшего благоприятствования. Далее, мы считали бы нужным, если Русская делегация ничего не будет иметь против, чтобы дополнения к ноте от 19/6-го февраля 1906 г.,—дополнения, касающиеся обмена битой птицей,—нашли себе и впредь применение на время провизориума. В приложении предусмотрено постановление, выраженное в договоре России с Австро-Венгрией от 15/2-го февраля 1906 г., которое и должно быть осуществлено в период провизориума. Равным образом, в это приложение вошли и те дополнительные изменения, которым должен быть подвергнут торговый договор, в виду изменившихся обстоятельств.

Мерей. Имею честь указать, что Австро-Венгерская делегация равным образом разработала дополнительный договор, касающийся правовых вопросов, не предусмотренных в ст. 11-ой мирного договора.

Эти предложения, за незначительными мелкими исключениями, уже заготовлены. Я буду иметь честь передать их сегодня на вечернем заседании. Пока же я оставляю за собой право вкратце формулировать их содержание. В настоящий момент я ограничусь указанием на то, что наши предложения, в общем, совпадают с германскими предложениями.

Гантчев. Имеется уже готовый коммерческий договор, текст которого будет вручен г. Председателю Русской делегации. Если представится к тому возможность, мы это сделаем завтра до полудня.

Я должен еще сказать, что нет существенного расхождения между нашими предложениями и проектами наших Союзников, но что мы вынуждены выделить статьи, представляющие специальный интерес для России и Болгарии.

Розенберг. Слово принадлежит г. Председателю Турецкой делегации.

Хакки-паша. Прежде, чем передать проект, который мы подвергнем совместному рассмотрению с Россией, я должен сказать несколько слов по поводу этих специальных переговоров с Русской делегацией. Было намерение заключить специальные договоры между державами Четверного Союза и Россией и объединить все эти договоры в одном документе, дабы придать им форму единого международного акта. Считая возможным закончить переговоры о мире в течение декабря месяца, мы намеревались составить краткий договор, подробности же отложить до подписания будущего трактата; в соответствии с этим намерением, я имел честь вручить первый турецко-русский проект г. Иоффе, который был тогда Председателем Русской делегации. После отъезда г. Иоффе и по приезде г. Троцкого, мы составили более полный трактат. Я имел честь вручить г. Троцкому, от имени Оттоманской делегации, этот более полный трактат, который и заключал в себе весь материал, подлежащий рассмотрению. Вот почему Русская делегация имеет в своих руках два проекта договора. Мы несколько видоизменяем принцип наибольшего благоприятствования, и, на основании нашей формулы, мы можем составить проект договора, если Вы ничего не имеете против этого. Есть еще коллективный мирный трактат, который будет заключать в себе материалы по торговым вопросам. Кроме того, имеются еще специальные договоры каждого из Союзников с Россией в отдельности, договоры, которые должны урегулировать вопросы, не затронутые этим коллективным трактатом. По прочтении проекта, Русская делегация убедится, что из него исключен весь материал, урегулированный коллективными договорами.

Итак, имеются два проекта: первый проект заключает в себе приложение 5-ое, которое входит в 10-ую статью коллективного мирного договора. Это—материалы коммерческого характера. Основные принципы его те же, как и принципы того проекта, который мы имели честь вручить г. г. Иоффе и Троцкому. Тогда возражения еще не были формулированы. Второй проект—дополнительный договор. Я не стану распространяться по поводу него, а лучше передам его для ознакомления г. Председателю Русской делегации. Я ограничусь указанием на то, что 1-ая, 2-ая и 3-ья статьи касаются вопросов, являющихся подробной разработкой общих принципов и фактических данных, положенных в основу договора о перемирии между Россией и Турцией. Ст. 4-ая относится к вопросу о консульском режиме и соответствует его формулировке в коллективном трактате. Статья эта согласуется со старым проектом, и, я полагаю, она уже была принята. Статья 5-ая затрагивает вопрос о возмещении убытков, причиненных консулам и консульским зданиям. Русская делегация может найти эту статью

в дополнительных договорах наших Союзников: она касается вопроса о капитуляциях, уже упомянутого в ультиматуме. Я должен сказать, что статья эта упоминалась и двумя прочими проектами, при чем, я полагаю, со стороны г. г. Иоффе и Троцкого возражений не было. Статья 7-ая более пространно разработана вторым проектом, переданным мною г. Троцкому. Я позволил себе сократить ее, по той причине, что подробности в данном случае, на мой взгляд, совершенно излишни. Ст. 7-ая касается Персии. Русская делегация легко поймет, что вопрос о Персии имеет чрезвычайно важное значение для обоих государств. Хотя и являясь нейтральной страной, Персия была, тем не менее, ареной настоящей войны. Русские и турецкие войска имели несчастье не раз сражаться на персидской территории.

Вот почему мы пожелали войти в соглашение с Россией относительно независимости Персии. Оба проекта, которые я имел честь вручить Русской делегации, содержат в себе ст. 7-ую в соответствующей формулировке. В проекте я слегка видоизменил эту статью, дабы избежать повторений. Помнится, что тогда Русская делегация не сделала никаких возражений по этому поводу. Другие статьи,— их всего десять,—заключают в себе вопросы частного права. Эти статьи гораздо короче, нежели соответствующие им статьи наших Союзников.

Ст. 11-ая касается вопроса о свободной эмиграции Русских подданных-мусульман.

Ст. 12-ая трактует вопрос о военных законах и об отмене их после прекращения войны. Во избежание длиннот, мы исключили из ст. 12-ой все, что относится к соответствующим статьям дополнительного договора.

Ст. 13-ая касается вопроса о военнопленных: она включена в оба упомянутых проекта, так же, как и ст. 14-ая, затрагивающая вопрос об интернированных гражданских лицах. Мы воспользовались германским проектом дополнительного договора для соответственной разработки вопроса об амнистии.

Ст. 15-ая относится к вопросу о ратификации. Ратификации должны быть обменены в Берлине одновременно с договором. Теперь я позволю себе обратиться с просьбой к г. Председателю Русской делегации. Дело в том, что коммерческие вопросы были нами формулированы на немецком языке. Я не имел возможности перевести их на русский язык; но так как они входят в коллективный трактат, то имеются также русский и турецкий тексты. Турецкий перевод у меня уже есть.

Что касается дополнительного договора, то я предложил бы другой способ. Договор этот, хотя и не очень длинен, все же потребует много времени для перевода его на турецкий и на русский языки. А мы как-раз временем не богаты. Перевод этот лишь увеличит наши затруднения. Вот почему я предложил бы г. Председателю Русской делегации, если он ничего не имеет против этого, ограничиться подписанием французского текста. В дальнейшем, все договаривающиеся стороны будут иметь возможность перевести его на свой язык, для нужд своего

собственного государства. Я позволю себе просить г. Председателя Русской делегации высказаться по данному поводу.

Сокольников. Я не имею никаких возражений против такого предложения.

Хакки-паша. В таком случае, мы подпишем французский текст и выиграем время. Имею честь вручить вам оба проекта.

Розенберг. На очереди стоит вопрос о карте, упоминаемой в ст. 3-ей мирного договора. Эта карта находится уже здесь, в распоряжении Русской делегации. Поэтому я счел бы передачу карты фактически совершенной. Время позднее, и потому я предложил бы выяснить, когда именно мы можем собраться для продолжения наших работ.

Сокольников. Я предложил бы возобновить наше заседание в 5 часов, если не будет другого предложения со стороны Союзнических делегаций.

Розенберг. Союзнические делегации в этих вопросах будут руководствоваться пожеланиями Русской делегации и, со своей стороны, считают нужным еще раз указать на необходимость соблюсти трехдневный срок. Если Русская делегация отвергает необходимость образования комиссии, то не найдет ли она другого практического пути, который способствовал бы большему ускорению наших работ?

Итак, согласно предложению г. Председателя Русской делегации, назначаю сегодняшнее наше заседание в 5 часов. Не желает ли кто-нибудь еще высказаться по данному поводу?

Сокольников. Я хочу заявить, что мы, со своей стороны, предложили назначить на сегодня собрание Председателей делегаций, с целью обсуждения возможных способов ускорения наших работ, что является, повидимому, общим желанием. От имени Русской делегации, я должен заявить, что она не менее Союзнических делегаций стремится закончить работы в наикратчайший срок.

Розенберг. Объявляю заседание закрытым.

Заседание закрывается в 1 час 15 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

1 марта (16 февраля) 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 17 мин. пополудни под председательством Посланника фон-Розенберга.

Розенберг. Я открываю заседание.

Не желает ли г. Председатель Русской делегации высказаться? В таком случае, слово принадлежит г. Председателю Австро-Венгерской делегации.

Сокольников. Мы просим г. Председателя Австро-Вен-

герской делегации сделать нам сообщение, о котором упоминалось в утреннем заседании.

Мерей. Могу сообщить, что Австро-Венгерские предложения, касающиеся проекта дополнительного договора,—предусмотренного в ст. 12-ой мирного трактата,—договора о политико-правовых вопросах, будут готовы через несколько минут, в крайнем случае, через полчаса, после чего я буду иметь честь вручить эти предложения г. Председателю Русской делегации.

Как я уже упомянул в утреннем заседании, проект Австро-Венгерского дополнительного договора опирается в своей существенной части на проект, переданный Германской делегацией делегации Русской. Они тождественны; расхождения их имеют чисто формальный характер, вызванный, например, государственно-правовой конституцией Австро-Венгерской Монархии, и только в очень немногих пунктах Австро-Венгерский проект отличается по существу от Германских предложений, что будет видно из самого проекта. Я хотел бы еще сказать, что в прениях, происходивших несколько недель тому назад между членами Германской делегации и Русским делегатом г. Иоффе,—прениях, касавшихся политико-правовых вопросов,—принимал участие и член Австро-Венгерской делегации. Поэтому я считаю себя в праве допустить, что главное содержание наших предложений уже известно г. Иоффе. Разумеется, Австро-Венгерская делегация оставляет за собой право дать Русской делегации все необходимые разъяснения относительно содержания этого дополнительного договора, как только он будет поставлен на обсуждение.

Розенберг. В утреннем заседании г. Председатель Русской делегации намеревался представить нам свое предложение, в целях ускорения наших работ. Он говорил о совещании Председателей делегаций. Я хотел бы спросить г. Председателя Русской делегации, не желает ли он сообщить нам свое предложение?

Сокольников. Сегодня утром, от имени Русской делегации, я предложил обсудить вопрос об ускорении наших работ на совещании Председателей делегаций. Я предлагаю назначить совещание Председателей после настоящего пленарного заседания. Но я просил бы, прежде, чем закрыть настоящее заседание, ознакомить нас со всеми нам еще неизвестными подробностями договора между Россией и державами Четверного Союза.

Розенберг. Насколько я осведомлен, договоры, касающиеся Германии, были сегодня утром сообщены Русской делегации. То же самое относится и к тем договорам, которые намерена заключить с Россией Турция. Австро-Венгерская делегация только что изложила свою точку зрения; остается ознакомить Русскую делегацию с Австро-Венгерским проектом дополнительного договора, который, я надеюсь, через полчаса будет вручен г. Председателю Русской делегации. Те договоры, которые будут предложены Болгарской делегацией, по существу сходятся с немецкими проектами договоров. Было бы очень жаль из тех немногих часов, которые вообще имеются в нашем

распоряжении, потерять хотя бы полчаса в ожидании недостающего Австро-Венгерского проекта. Поэтому, я предложил бы г. Председателю Русской делегации решить, не следовало ли бы пяти Председателям делегаций немедленно собраться для частного совещания. В таком случае, мы могли бы удалиться в соседнюю комнату и своевременно предупредить г.г. участников настоящего собрания о начале возобновления заседания.

Сокольников. Я принимаю предложение об устройстве немедленного совещания Председателей, вместе с тем не предрешая вопроса о том, на какой именно срок прерывается пленарное заседание.

Розенберг. Предложение принимается. О времени возобновления настоящего собрания будет объявлено. Итак, я закрываю заседание.

Заседание закрывается в 5 час. 33 мин.

Совещание Председателей делегаций.

1 марта (16 февраля) 1918 года.

Заседание открывается в 5 час. 40 мин. пополудни под председательством Посланника фон-Розенберга.

Розенберг. Я попросил бы г. Председателя Русской делегации, если ему будет угодно, изложить нам свои предложения.

Сокольников. Русская делегация имеет заявить следующее:

Мир, подлежащий заключению, не является плодом соглашения обеих сторон. Этот мир, я повторяю, диктуется нам с оружием в руках. Мы лишены возможности обсудить условия этого мира. Каждому ясно, что предоставленный нам трехдневный срок фактически не дает никакой возможности подвергнуть всестороннему рассмотрению предлагаемые нам условия. В то же самое время, Германия продолжает свои наступательные операции против России. Таким образом, заключение мира совершается в небывалых условиях, в неслыханной атмосфере насилия. В соответствии с произведенной Россией демобилизацией и провозглашением с ее стороны прекращения войны, Русская делегация считает единственным достойным выходом из этого положения—принятие условий в той форме, в которой они предлагаются.

Русская делегация придерживается того мнения, что выяснение всех вопросов, связанных с мирным договором, должно быть отложено на будущее, когда это возможно будет осуществить путем дипломатических сношений и через посредство специальных комиссий. Поэтому, Русская делегация не намеревается отсрочить момент подписания мирного договора и, с своей стороны, готова, в согласии с полученными ею полномочиями, принять условия мира и подписать их, как только это окажется практически осуществимым. Русская

делегация приветствовала бы возможность подписать мирный договор уже завтра. Я предложил бы немедленно приступить к обсуждению самой формы подписания мирного договора, а также условиться относительно времени этого подписания.

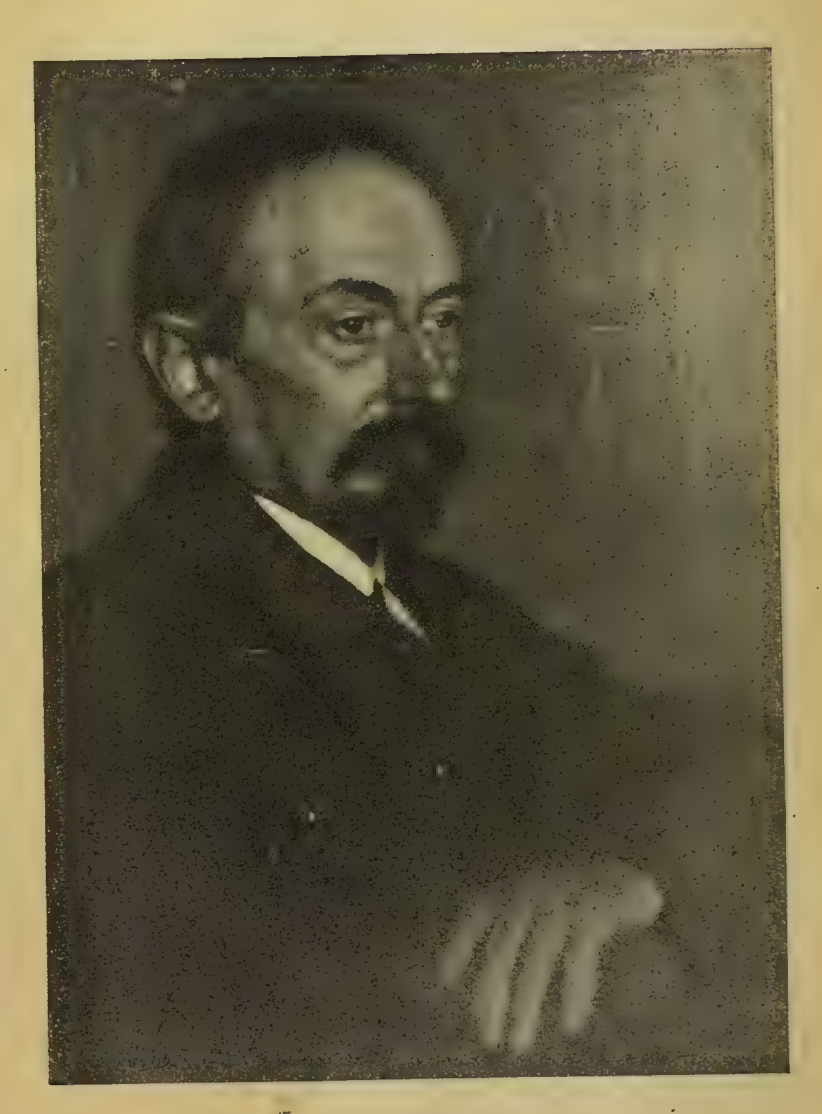
Розенберг. Что касается тех доводов, которые державы Четверного Союза могут противопоставить толкованию мира, как мира, ими же продиктованного,—то я уже в утреннем заседании имел честь указать на них. Доводы же, исключающие для нас возможность приостановления военных действий до момента подписания мира, были изложены нами на вчерашнем заседании. Я не хотел бы останавливаться подробнее на этих двух пунктах. Но если г. Председатель Русской делегации говорит об атмосфере насилия, о мире вынужденном, то я, со своей стороны, хотел бы сказать несколько слов по этому поводу. Я постараюсь быть по возможности кратким.

В декабре и январе мы честно стремились добиться мира на основах взаимного соглашения. Мы отнюдь не опирались на те права, которые давало нам завоевание неприятельской территории. Будь у нас такие намерения, мы бы просто потребовали признания границей Империи той границы, которая явилась результатом военных операций. Но мы от этого отказались, идя навстречу идеалам новой России. К несчастью, Русская делегация не захотела поверить честности наших намерений по отношению к народностям, живущим к западу от этой границы.

Между тем, условия, да и наши требования, изменились. Требования увеличились, но и теперь они еще далеки от того, чтобы их можно было рассматривать, как бесцеремонную эксплуатацию соотношения сил.

Тяжкая задача возложена на Русскую делегацию. Ссылка же Русской делегации на те три дня, которые ей теперь предоставлены, неправильно обрисовывает создавшееся положение. Ведь перемирие продолжалось почти шесть недель—по 10-ое февраля, когда переговоры были прерваны. Таким образом, Российское Правительство имело в своем распоряжении не три дня, а шесть недель плюс три дня, чтобы иметь возможность принять или отвергнуть наши требования.

Совещания, имевшие место в январе и феврале, дали серьезные результаты как-раз по наиболее сложным вопросам. В настоящее время, здесь собрались отчасти те самые г.г. делегаты, которые, совместно с членами Союзнических делегаций, изучали тогда интересующие нас вопросы. Теперь же речь идет не столько об изучении, сколько о решении этих вопросов, и Союзнические делегации приветствуют намерение Русской делегации принять определенное решение. Надеюсь, я правильно понял г. Председателя Русской делегации, полагая, что под договорами, которые он считает возможным подписать уже завтра, он подразумевает также и предложенные нами экономические и правовые постановления, ибо существенной частью требований, выставленных Берлином и принятых Петроградом, является включение в мирный договор и этих постановлений. Конечно, и по принятии этих правовых и экономических постановлений, остается еще целый ряд предложений, которые придется передать



Г. В. Чичерин.

на рассмотрение специальных комиссий. Мы, со своей стороны, сделаем все от нас зависящее, чтобы преодолеть технические затруднения и изготовить текст договора к завтрашнему вечеру или к утру следующего дня.

Мерей. Считаю необходимым, хотя бы вкратце, возразить г. Председателю Русской делегации также и от имени Австро-Венгрии.

Прежде всего, я констатирую, что по существу я присоединяюсь к заявлению г. Председателя Германской делегации. Считаю, однако, необходимым подчеркнуть также и от имени Австро-Венгрии, что мир, подлежащий подписанию, никоим образом не может рассматриваться, как мир, насильственно навязанный и продиктованный России. Австро-Венгрия с самого начала переговоров была верна своему стремлению заключить с Россией мир без аннексий и контрибуций. Австро-Венгрия, подобно своим Союзникам, имела честное намерение заключить с Россией мир, всецело основанный на соглашении.

Как уже сказал г. Председатель Германской делегации, более чем шестинедельный срок совершенно достаточен для заключения такого мира. Но и в том случае, если бы заключение мира, в форме добровольного соглашения, не могло состояться по причинам, о которых я здесь не упоминаю,—все же время, потраченное на предыдущие переговоры, плюс трехдневный срок ультиматума, нельзя считать потерянным. Главные политические вопросы и большая часть экономических и правовых вопросов были в течение этих шести недель разработаны так подробно, что, при добром желании и известном напряжении сил, можно было бы в течение этих трех дней притти к известным результатам.

Должен еще сказать, что, по-моему, г. Председатель Русской делегации делает логическую ошибку, если из того факта, что у нас имеются только три дня для окончательной выработки мирного договора, он заключает, будто Русская делегация не имеет возможности входить в оценку мирных предложений Четверного Союза и вынуждена подписать мир со всеми его деталями, так сказать, в слепую. Ограничиваюсь пока этими объяснениями.

Посланник Тотчев целиком присоединяется к словам предшествующих ораторов и указывает, что настоящее положение вещей является результатом близорукой политики России.

Розенберг. Если г. Председатель Русской делегации не просит слова, то я позволю себе внести предложение.

Сокольников. Я желал бы вкратце ответить на заявления г.г. Представителей Четверного Союза. Три дня, предоставленные нам для подписания мирного договора, никоим образом не могут быть нами использованы для обсуждения сделанных нам предложений: наши переговоры, я повторяю это, ведутся в атмосфере вооруженного насилия, ибо наше предложение приостановить военные действия на время переговоров отклонено противной стороной. Поэтому, я повторяю, мы считаем необходимым и видим в этом единственный достойный для нас выход,—подписать предложеные нам усло-

вия, с целью открыто, перед лицом всех народов, перед лицом рабочих и крестьян России, а также перед лицом рабочих, крестьян и солдат других стран, высказать честно и откровенно всю правду относительно исторгнутого у нас мира; пусть они сами судят обо всем здесь происходящем, ибо мы убеждены, что их приговор будет в нашу пользу. Вместе с тем, я предлагаю считать обмен мнений по этому вопросу законченным, так как точка зрения противной стороны вполне выяснена, и перейти к моему предложению, т.-е. к обсуждению практического пути, который дал бы нам возможность завтра же подписать мирный договор.

Р о з е н б е р г. Я не могу сказать ничего нового в оправдание трехдневного срока,—между прочим, уже принятого Российским Правительством,—равно, как и в оправдание того, что мы не можем снова согласиться на приостановку военных действий, уже испробованную нами в середине декабря.

В условиях, выставленных нами 21/8-го февраля, имеется пункт, согласно которому всякая агитация и пропаганда против Союзных Держав должна быть прекращена. Надеюсь, что своим заявлением г. Председатель Русской делегации не намеревался возобновить агитацию и пропаганду против Союзных Держав.

Я предложил бы специалистам отдельных делегаций войти в контакт друг с другом в самой непринужденной и неофициальной форме, с целью осуществления трудной задачи подписания договоров в такой короткий срок. Что касается Германской делегации, то я назначил бы для рассмотрения правовых вопросов Его Превосходительство г. Криге, вопросов экономических — Его Превосходительство г. Кернера, по вопросам политическим—я предлагаю свои услуги. При данных условиях, мы имели бы возможность совершить большую работу в сравнительно короткий срок.

Прежде, чем попросить Председателей Союзнических делегаций назначить своих специалистов, я просил бы г. Председателя Русской делегации, со своей стороны, назначить представителей, с которыми специалисты Союзнических делегаций вошли бы в контакт, с целью урегулирования вопросов трех вышеупомянутых категорий. Не предрешая ответа г. Председателя Русской делегации, я счел бы, однако, целесообразным, чтобы данные представители Русской делегации, со своей стороны, вошли в контакт со специалистами Австро-Венгерскими, Турецкими и Болгарскими, ибо все подлежащие обсуждению вопросы тесно переплетены между собой.

С о к о л ь н и к о в. Что касается намека г. Председателя Германской делегации на усмотренную им в моих словах агитацию против Германского Правительства, то я никоим образом не могу предположить, чтобы он нашу готовность принять предложенный нам Германским Правительством мир рассматривал, как агитационный прием.

Что же касается вопроса о совещании специалистов, то я позволю себе сказать, что для меня не совсем ясна цель этих совещаний. У меня создалось такое впечатление, что предстоящая

нам работа сведется, главным образом, к переводу. Я нахожу возможным подлинным текстом договора считать текст немецкий. Однако, с той оговоркой, чтобы, например, турецко-русский договор был составлен на французском языке. На эту мысль меня наводит то соображение, что желательно было бы иметь вполне точный текст на русском языке. Так как при данных условиях это неосуществимо, то я предложил бы,—конечно, если не будет возражений,—предъявить русский текст ко дню ратификации или в промежуток времени между подписанием договора и днем ратификации. Если же это предложение будет отклонено, то, к сожалению, мы не можем рассматривать русский текст, как вполне удовлетворительный.

Розенберг. Я согласен с г. Председателем Русской делегации относительно того, что факт принятия Россией предложенного нами мира не может быть ею использован, как средство для агитации или пропаганды. Но мотивировка г. Председателя Русской делегации может рассматриваться, как агитационный прием.

Что касается вопроса о языках, то я просил бы разрешить мне посоветоваться с Председателями Союзнических делегаций.

Объявляется небольшой перерыв.

Розенберг. От имени делегаций Четверного Союза, имею честь сообщить, что предложение Русской делегации сначала подписать только немецкий текст главного договора, приложений и правовых дополнительных договоров мы в принципе принимаем, со следующей оговоркой:

Мы должны притти к соглашению относительно того, что договоры должны быть заключены на пяти языках, и что те тексты, которые, за недостатком времени, не могут быть изготовлены, будут представлены впоследствии. Соглашение это должно быть зафиксировано путем формального протокола, который подлежит подписанию одновременно с договорами и должен быть уничтожен по получении недостающих текстов. Таким образом, будет ясно, что речь идет только о временном переходном состоянии.

Имеется еще оговорка относительно того, что остальные тексты, равноценные с немецким текстом, должны быть представлены по возможности скорее. Вопрос о том, нужно ли установить особенные сроки для отдельных текстов, подлежит еще обсуждению. Мы позволим себе завтра утром представить проект этого временного протокола. Протокол этот подлежит, как я уже сказал, одновременному подписанию с договорами. Таким образом, не будет задержки в составлении и изготовлении текста договоров.

Предлагаю Председателям Союзнических делегаций, со своей стороны, отметить те пункты, которые, быть может, упущены мною.

Мерей. Согласно конституции Австро-Венгерской Монархии наша делегация не имеет возможности подписать один только немецкий или немецко-русский текст. Поэтому я нахожусь в однородном с г. Председателем Русской делегации положении, ибо мы оба сходимся в том, что, поскольку речь идет об Австро-Венгрии и России,

окончательный договор должен быть составлен, по крайней мере, на трех языках, а именно: на немецком, венгерском и русском. Но я не вижу никаких препятствий к тому, чтобы в данном случае, по чисто техническим причинам, сначала был подписан только немецкий текст; при этом, договаривающиеся стороны должны притти к соглашению относительно присоединения в ближайшем будущем остальных текстов к немецкому тексту договора.

В таком случае, мы сначала подписали бы только немецкий текст, с тем, чтобы недостающие венгерский и русский тексты были представлены в ближайшем будущем. Для большей точности, скажу, что я должен, подобно г. Председателю Германской делегации, подчеркнуть, что подлежащий подписанию протокол относительно способа подписания договоров не должен находиться ни в какой фактической зависимости от самого договора или от его дополнений. Он должен только констатировать, что, по чисто техническим причинам, он является как бы вспомогательным средством и поэтому подлежит уничтожению в тот момент, когда отпадает его чисто внешний технический повод, а именно—временное отсутствие остальных текстов. Это все, что я могу сказать по данному поводу.

Заседание закрывается в 7 час. 5 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

3 марта (18 февраля) 1918 года.

Заседание открывается в 11 час. 56 мин. утра под председательством доктора Граца.

Грац. Объявляю заседание открытым. Совершив все формальности, необходимые для подписания мирного договора между державами Четверного Союза—с одной стороны, и Россией—с другой, мы должны будем предъявить на сегодняшнем заседании наши полномочия и произвести самое подписание мирного договора. Итак, я предлагаю приступить к делу и обращаюсь к Германской делегации с просьбой предъявить свои полномочия.

Не имеется ли каких-либо замечаний по поводу только что предъявленных полномочий?

Розенберг. Полномочия г. Статс-секретаря фон-Кюльмана находятся в Бухаресте и будут предъявлены по представлении его подписи.

Грац. Я констатирую, что заявление г.г. Представителей Германской делегации принято к сведению, и что, тем самым, их полномочия признаны правильными. Очередь за Австро-Венгерской делегацией. Я имею честь предъявить свои полномочия, от имени Правительства Австро-Венгерской Империи. Подобно объяснению г. Председателя Германской делегации относительно полномочий г. Статс-секретаря фон-Кюльмана, с своей стороны, я должен указать,

что и полномочия Австро-Венгерского Министра Иностранных Дел графа Чернина в настоящий момент находятся в Бухаресте и поэтому будут подписаны гр. Черниным в Бухаресте же.

Что касается Австро-Венгерских полномочий, то я считаю своим долгом сослаться на только что сделанное мною в совещании Председателей заявление. Вопрос же о том, будет ли поручено подписать договор г. фон-Чичеричу или нет, подлежит обсуждению в послеобеденном заседании. Мне остается только предъявить свои полномочия, от имени Императора Австро-Венгрии. Итак, я констатирую, что полномочия г.г. Представителей Германской и Австро-Венгерской делегаций признаны правильными, и прошу, в свою очередь, г.г. Болгарских Представителей предъявить свои полномочия.

Я констатирую, что полномочия Болгарии признаны правильными, и прошу г.г. Представителей Русской делегации предъявить свои полномочия.

Я констатирую, что полномочия г.г. Представителей Русской делегации признаны правильными, и прошу г.г. Представителей Турецкой делегации предъявить свои полномочия.

Я констатирую, что полномочия г.г. Представителей Турецкой делегации признаны правильными, и что, тем самым, исчерпан первый пункт очередных работ.

Не имеется ли еще каких-либо заявлений?

Сокольников. От имени Русской делегации, я имею сделать два заявления.

Грац. Слово принадлежит г. Председателю Русской делегации.

Сокольников. Рабоче-Крестьянское Правительство Российской Республики, вынужденное принять предъявленный Германией ультиматум, благодаря нападению германских войск на заявившую уже о прекращении войны и демобилизовавшую свои армии Россию, заявило 24/11-го февраля о принятии ею ультиматума и делегировало нас для подписания этих насильственно навязанных нам условий.

Бывшие до сих пор в Брест-Литовске переговоры между Россией, с одной стороны, Германией и ее Союзниками—с другой, достаточно наглядно показали, что так называемый «мир соглашения» в действительности является миром определенно аннексионистским и империалистическим. Теперь Брестские условия еще значительно ухудшены. Мир, который ныне заключается в Брест-Литовске, не есть мир, основанный на свободном соглашении народов России, Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции. Этот мир продиктован с оружием в руках. Это—мир, который, стиснув зубы, вынуждена принять революционная Россия. Это—мир, который, под предлогом «освобождения» Российских окраин, на деле превращает их в немецкие провинции и лишает их права на свободное самоопределение, права, признанного за ними Рабоче-Крестьянским Правительством революционной России. Это—мир, который, под предлогом восстановления порядка, оказывает в оккупированных областях вооруженную поддержку классам угнетателей против классов трудящихся

и помогает вновь возложить на них ярмо угнетения, сброшенное Русской Революцией. Это—мир, который возвращает землю помещикам и снова гонит рабочих в кабалу к фабрикантам и заводчикам. Это—мир, который надолго навязывает трудящимся массам России, в еще более тяжелой форме, старый торговый договор, заключенный в 1904 г., в интересах германских аграриев; в то же время, он обеспечивает германской и австро-венгерской буржуазии возмещение всех их убытков и уплату процентов по обязательствам царского правительства, от которых отказалась революционная Россия. Наконец, как бы для вящего подчеркивания ярко классового характера германского вооруженного натиска, германский ультиматум пытается зажать рот Русской Революции, запрещая агитацию, направленную против Правительств держав Четверного Союза и против их военных властей.

Но этого мало. Все под тем же предлогом водворения порядка, Германия силой оружия занимает области с чисто русским населением и устанавливает там режим военной оккупации и дореволюционного строя. На Украине и в Финляндии Германия требует невмешательства революционной России, в то же самое время активно поддерживая контр-революционные силы против революционных рабочих и крестьян. На Кавказе, явно нарушая формулированные Германским же Правительством условия ультиматума от 21/8-го февраля и не сообразуясь с подлинной волей населения областей Ардагана, Карса и Батума, Германия отторгает в пользу Турции эти области, ни разу не завоеванные турецкими войсками. Такой откровенный и насильственный территориальный захват важных стратегических пунктов может иметь только одну цель: подготовку нового наступления на Россию и защиту капиталистических интересов против рабочей и крестьянской революции; вот та цель, которой служит наступление германских войск, предпринятое ими 18/5-го февраля, без 7-мидневного предупреждения, обусловленного договором о перемирии, заключенным между Россией и державами Четверного Союза 15/2-го декабря 1917 года.

Это наступление не было приостановлено, несмотря на заявление Совета Народных Комиссаров о принятии им условий, формулированных в германском ультиматуме от 21/8-го февраля. Это наступление не было приостановлено, несмотря на возобновление работ мирной конференции в Брест-Литовске и на официальный протест, заявленный Русской делегацией. Тем самым, все условия мира, предложенные Германией и ее Союзниками, всецело превращаются в ультиматум, предъявляемый России, и поддерживаются угрозой непосредственного вооруженного насилия со стороны составителей мирного договора.

Однако, при создавшихся условиях, Россия не имеет возможности выбора. Фактом демобилизации своих войск, Русская Революция как бы передала свою судьбу в руки Германского народа. Русская делегация в Брест-Литовске в свое время открыто заявила, что ни один честный человек не поверит тому, будто война против России может быть в настоящее время войной оборонительной. Германия

перешла в наступление; германскому милитаризму в настоящее время удалось двинуть свои войска против рабочих и крестьянских масс Российской социалистической Республики, под лозунгом восстановления порядка, но, в действительности, с целью удушения, в интересах мирового империализма, русской рабоче-крестьянской революции. Германский пролетариат оказался еще недостаточно подготовленным к тому, чтобы остановить этот натиск. Мы ни на минуту не сомневаемся, что это торжество империализма и милитаризма над международной пролетарской революцией окажется лишь временным и преходящим. Предоставленное только своим собственным силам, советское Правительство Российской Республики не в состоянии противостоять вооруженному наступлению германского империализма и, во имя спасения революционной России, вынуждено принять предъявленные ему условия.

Мы уполномочены нашим Правительством подписать мирный договор. Вынужденные, несмотря на заявленный нами протест, вести переговоры в совершенно исключительной обстановке продолжающихся военных действий, не встречающих отпора со стороны России, мы не можем подвергать дальнейшему расстрелу отказавшихся от продолжения войны русских рабочих и крестьян. Мы открыто заявляем, перед лицом рабочих, крестьян и солдат России и Германии, перед лицом трудящихся и эксплуатируемых классов всего мира, что мы вынуждены принять ультиматум, продиктованный нам более сильной в настоящее время стороной, и что мы немедленно подписываем предъявленный нам ультимативный мирный договор, отказываясь от всякого его обсуждения. В этих условиях, Рабоче-Крестьянское Правительство Российской Республики не в силах противостоять вооруженному наступлению германского империализма и, во имя спасения революции, вынуждено принять предъявленные ему условия.

Мы, уполномоченные нашим Правительством, готовы немедленно подписать мирны.. договор, отказываясь от всякого его обсуждения, как совершенно бесполезного при создавшихся условиях.

Г р а ц. Русская делегация только что сделала два заявления. Прежде всего, от имени Австро-Венгерской делегации, я отвечу на оба заявления.

Первое заявление касается того обстоятельства, что условия мира, предложенные России Четверным Союзом, в некоторых своих частях, а именно,—в отношении областей Карса, Ардагана и Батума, выходят из рамок предъявленного ультиматума.

Второе заявление характеризует положение России при нынешних мирных переговорах и пытается установить, что Россия рассматривает настоящее заключение мира с Четверным Союзом, не как мир, основанный на соглашении, но как мир, навязанный ей с оружием в руках, и что Россия считает себя вынужденной подписать его.

От имени Австро-Венгерской делегации, я хотел бы высказаться в общих чертах относительно содержания этих заявлений. Прежде всего, я считаю необходимым выразить от имени Австро-Венгерской делегации,—полагаю, что я тем самым выражу и мнение г.г. Предст..-

вителей других делегаций,—наше искреннее сожаление по поводу того, что г. Председатель Русской делегации нашел нужным взять сегодня такой резкий тон. Мы надеялись услышать в этот день, посвященный подписанию мирного договора между Россией и Четверным Союзом, только мирные и спокойные речи, в соответствии с самым духом договора. После всего сказанного, я разрешу себе коснуться сущности обоих заявлений. Оба заявления спаяны одной идеей: в обоих чувствуется мысль, что Русская делегация, в период теперешнего своего пребывания в Брест-Литовске, находится в невыгодных условиях, в связи с сделанными ей предложениями, выходящими отчасти из рамок ультиматума. По поводу этого, я имею честь указать, что предоставленный трехдневный срок, по всей вероятности, оказался бы вполне достаточным для всестороннего обсуждения пунктов договора; что касается остальных условий, то они, в большинстве своем, уже подверглись рассмотрению в течение предыдущих переговоров. Русская делегация имела полную возможность войти в обсуждение этих пунктов. Я считаю нужным принципиально установить, что она имела возможность эти пункты не принять. Русская делегация предпочла отказаться от какого бы то ни было обсуждения этих пунктов и целиком принять предложенные ей условия; ответственность за это, таким образом, всецело падает на нее. Что касается сущности первого заявления Русской делегации, по вопросу об отторжении от России областей Карса, Ардагана и Батума и вытекающих из этого последствий, то г. Представитель Турецкой делегации оставляет за собой право подробно остановиться на этом вопросе.

По поводу второго заявления Русской делегации, я, равным образом, и уже не в первый раз, могу указать на то, что явившиеся результатом предложения Российского Правительства мирные переговоры с Россией продолжались более двух месяцев. В течение нескольких недель договор о перемирии России с ее противниками оставался в силе. Этот срок был более, чем достаточен для внимательного и подробного обсуждения спорных вопросов. Поэтому, от имени Австро-Венгерской делегации,—полагаю, что взгляды эти разделяются и нашими Союзниками,—я отклоняю всякое обвинение в том, что мы создали обрисованное г. Председателем Русской делегации положение. Считаю своим долгом заявить протест против упрека, брошенного Четверному Союзу г. Председателем Русской делегации в насильственном навязывании Русскому народу данных условий мира. Вся ответственность за это падает исключительно на Русскую делегацию. Что касается ответа Австро-Венгерской делегации на затронутые г. Председателем Русской делегации военные вопросы, то я пока ограничиваюсь сказанным. Германская же делегация оставляет за собой право ответить Русской делегации в дальнейшем.

Слово принадлежит г. Председателю Турецкой делегации.

Хакки-Паша. Милостивые государи! Заявление г. Председателя Русской делегации относительно очищения Россией трех областей Ардагана, Карса и Батума содержит в себе вопросы различного характера, на которые я и позволю себе сейчас ответить. В пер-

вом пункте заявления г. Председателя Русской делегации говорится о том, что это очищение выходит из рамок принятого Россьей ультиматума. На этом пункте я не буду долго останавливаться, потому что уже в заседании от 1-го марта г. Председатель Германской делегации достаточно подробно разъяснил истинный смысл ультиматума, который отнюдь не говорит об очищении оккупированных областей, но—об их возвращении Турции.

Второй пункт касается Карса и основывается скорее на военных соображениях. Г. Председатель Русской делегации сказал, что, если Россия потеряет Карское плоскогорье, то, тем самым, ослабляется защита города Тифлиса. Я позволю себе напомнить, что Турция обладала областями Ардагана, Карса и Батума в продолжение четырех веков. В то время Россия называлась еще Московским Княжеством. Эти три области находились на расстоянии более 2000 километров от России, при чем на всем этом протяжении не было ни одного русского. Карское плоскогорье никогда не угрожало России, оно являлось лишь защитным пунктом против нападения России; Россия же насильно аннексировала его. Что касается Батума, то г. Председатель Русской делегации сказал, что потеря Батума нарушит правильное сообщение с Тифлисом, что Батум явится в таком случае базой для военных операций против Кавказа, и что его можно будет использовать для нападения на долину Куры, Эриона и т. д. Позволю себе напомнить, что Турция в продолжение четырех веков ни разу не воспользовалась Батумом для нападения на Кавказ. Что особенно замечательно,—это то, что такая большая империя, имея в руках такой порт, как Батум, никогда не нападала, подобно Англии, на маленькое государство Грузии.

Впрочем, Россия имеет достаточно портов на Кавказе, например, порт Поти, удобный в смысле торговых сношений с Тифлисом. Я прошу извинения, что мне приходится говорить по вопросам, несколько выходящим из пределов затронутой нами темы, но я не хотел оставить без возражений замечания г. Председателя Русской делегации.

Кроме того, г. Председатель Русской делегации утверждал, что вышеупомянутые области ни разу не были завоеваны силой турецкого оружия. Я не могу вступать в обсуждение вопроса о том, какой путь захвата предпочтительнее,—силой ли оружия, или без оружия. Дипломаты старой школы, конечно, могут придавать известное значение этому различию, но, во всяком случае, в соответствии с принципами новой России, захват силой оружия не может являться решающим аргументом.

Я скажу еще несколько слов относительно Батума. В течение войн 1877—78 г.г., в Батуме стояли турецкие войска и, в то же время, Батум являлся морской базой для Турции. Батум был объектом многократных нападений со стороны России и ни разу не был взят силой оружия. Когда мы заключили перемирие с Россией, Батум был в руках турок. Это исторический факт: Батум был уступлен России сначала Сан-Стефанским трактатом, а потом трактатом Берлинским, как часть военной контрибуции, в настоящее время не допускаемой принципами, принятыми мирной конференцией. Я по-

зволю себе сказать еще несколько слов. Г. Председатель Русской делегации говорил здесь, что предложенный нами мирный договор устанавливает аннексию в пользу Турции. Достаточно прочесть этот договор, чтобы убедиться в противном. Далее, г. Председатель Русской делегации говорил о праве населения областей Ардагана, Карса и Батума на самоопределение. Что касается интересов этого народонаселения, то я спрашиваю: какое государство имеет больше прав на эти области, нежели Турция, обладавшая ими в продолжение четырех веков и не вызвавшая против себя никакого революционного движения? Кроме всего этого, многое связывает Турцию с этими областями, например, общая национальность. Россия же насильственно аннексировала эти три области, в уплату долга, который мы уплатить не желаем. Русский народ во всех отношениях чужд народонаселению этих областей; если оно и должно с кем-либо вступать в соглашение, то, я полагаю,—только с Турцией.

Обо всем этом и говорит наш договор. Я прошу Русскую делегацию не усматривать в сказанном мною каких-либо неприятных намеков по адресу России. Если Россия и нанесла нам какие-либо обиды в прошлом, то мы хорошо знаем, что это была не та Россия, с Представителями которой мы в настоящее время ведем переговоры. Мы лишь просим г.г. Представителей Русской делегации поправить обиды, причиненные другим народам бывшим Российским правительством, тем самым правительством, которое они свергли. Мы делаем здесь историческое дело, мы работаем для осуществления принципов справедливости. Здесь нет ни победителей, ни побежденных. Мы все победители, потому что мы все враги свергнутого Россией правительства. Вот почему я надеюсь, что этот мирный договор будет действительно делом мира, а не делом мести. Я говорю: аминь.

Грац. Слово принадлежит г. военному Представителю Германской делегации.

Гофман. Я должен сказать несколько слов по поводу двух пунктов заявления г. Председателя Русской делегации. Прежде всего, я выскажусь по поводу упрека, сделанного г. Председателем Русской делегации, в том, что мы не соблюли срока, предусмотренного договором о перемирии. Если г. Председатель Русской делегации читал протокол вечернего заседания от 10-го февраля (28-го января), то он должен знать, что г. Статс-секретарь фон-Кюльман совершенно определенно указал г. Народному Комиссару по Иностранным Делам на то, что разрыв мирных переговоров автоматически влечет за собой разрыв договора о перемирии. Г. Народный Комиссар по Иностранным Делам не протестовал против этого. Поэтому, я считаю нужным подчеркнуть, что мы, минута в минуту, соблюли срок, предусмотренный договором о перемирии: мы начали военные действия 18-го февраля в 12 час. 1 мин. пополудни.

Второй пункт касается вопроса о русской демобилизации. Русские радиотелеграммы и русские газеты неоднократно указывали,—равным образом, и г. Председатель Русской делегации в своем заявлении затронул этот вопрос,—на то, будто бы приказ о демобилизации

русских войск был отдан уже после сделанного 10-го февраля заявления. Это не соответствует действительности. На самом деле, русская демобилизация началась несколько недель тому назад. 10-го февраля русская демобилизация фактически была уже закончена. Мы были осведомлены относительно численности русских войсковых частей; нам было известно, что на протяжении многих километров фронт уже не был занят русскими войсками. Я, конечно, оставляю открытым вопрос о том, был ли оставлен фронт самими солдатами, или эта демобилизация была произведена согласно приказу; во всяком случае, я не сомневаюсь в том, что Российское Правительство было осведомлено об этих обстоятельствах так же хорошо, как и мы.

Грац. Слово принадлежит г. Председателю Германской делегации.

Розенберг. Мне остается добавить немногое к тому, что сказали здесь г.г. Представители Австро-Венгерской и Турецкой делегаций, а также и г. военный уполномоченный Германской делегации. Прежде всего, скажу несколько слов по поводу первого русского заявления. На вопросе о том, как можно объяснить различие, существующее между пунктом 5-ым нашего ультиматума и пунктом 4-ым предлагаемого мирного договора, я подробно останавливался на вчерашнем заседании. Таким образом, я ссылаюсь на сделанные уже мною заявления. Что касается заявлений г. Председателя Русской делегации по существу, то, в своих главных чертах, заявления эти противоречат сами себе.

Условия пункта 4-го, как на это указывал уже г. Председатель Турецкой делегации, не говорят о турецком протекторате или о присоединении вышеупомянутых областей к Турции, но—о праве населения на самостоятельное решение вопросов о государственно-правовых и международно-правовых отношениях.

Что касается опасений г. Председателя Русской делегации относительно Тифлиса и Южного Кавказа, то они кажутся мне совершенно необоснованными, ибо условия нашего предложения точно указывают, что новый порядок вводится путем соглашения с населением этих областей, и, следовательно, население получает возможность свободного волеизъявления.

По поводу второго русского заявления, считаю своим долгом заявить следующее: мир не навязывается России. Российское Правительство свободно принять наши предложения или продолжать войну; при этом пусть оно руководствуется исключительно интересами России. В течение декабря и января, мы искренно стремились заключить мир, основанный на соглашении, но Россия, с своей стороны, подобного стремления не обнаружила. Предлагаемый нами мир отнюдь не является миром империалистическим и капиталистическим. Мы не требуем ни аннексий, ни контрибуций. Таким образом, Российское Правительство не имеет права сомневаться в честности наших намерений по отношению к населению пограничных областей, тем более, что оно обнаружило резкое расхождение между словом и делом, за тот короткий период, что оно стоит у власти; совершенно

необосновано недовольство Российского Правительства и тем, что мы идем навстречу просьбам Украины и Финляндии, оказывая им помощь в настоящее время или предполагая оказать ее в дальнейшем. Искать поддержки там, где это покажется более целесообразным, есть одно из главных проявлений народной свободы. Причины, не позволявшие нам прекратить военные действия до подписания мирного договора, я уже объяснил в частном совещании Председателей делегаций. Перемирие продолжалось шесть недель, даже около двух месяцев. Российское Правительство и Русская делегация были хорошо осведомлены относительно этого срока, вполне достаточного для завершения работ мирной конференции, и нам нельзя ставить в упрек того, что мы после неудачного опыта не согласились вновь произвести подобный эксперимент. Г. Председатель Русской делегации в своем втором заявлении неоднократно упоминал о германских рабочих. Тот, кто полагает, что германские рабочие нуждаются в инструкциях из-за границы, не знает их. Германский рабочий, это тот самый солдат, который с беспримерным самопожертвованием защищает свое отечество в окопах, вот уже целых четыре года. То, что ему кажется несправедливым в его собственном отечестве в отношении общественного правопорядка, он исправляет сам с помощью своих товарищей. И поэтому, тот, кто полагает, что германский рабочий нуждается в указаниях со стороны, тот, тем самым, наносит ему оскорбление. В заявлении г. Председателя Русской делегации чувствуется опасение, будто бы мы намерены поддержать контр-революционное движение, направленное против нынешнего Российского Правительства. Эти намерения далеки, как от Германского Правительства, так и от Правительств наших Союзников. Если мы не желаем агитации и пропаганды, то это еще не означает нашего стремления ограничить свободу России, в смысле ее внутреннего государственного устройства и осуществления ее общественных идеалов. Если эти идеалы достаточно живучи и здоровы, то они найдут себе отклик и без организованного экспорта.

Грац. Не желает ли еще кто-нибудь высказаться по поводу сделанного г. Председателем Русской делегации заявления? Слово принадлежит г. Председателю Болгарской делегации.

Тотчев. Мы собрались в Брест-Литовске с целью заключить продолжительный мир, мир, который не мог бы дать повода к новой войне. В данном случае, мы руководствовались принципами международного права, правами народа на самоопределение, принципами, провозглашенными самими Представителями Русской Революции. Тем не менее, все сказанное сегодня г. Председателем Русской делегации создает атмосферу, мало гармонирующую с его же принципами. Это все, что я хотел сказать.

Грац. Не желает ли еще кто-нибудь высказаться по данному поводу? Слово принадлежит г. Председателю Русской делегации.

Сокольников. Русская делегация уже сделала необходимые с ее точки зрения заявления; она не считает нужным вступать

в продолжительные прения по поводу высказанного ею. Если здесь ссылаются на наши собственные принципы, на принципы революционной России, на принципы новой дипломатии, то мы не можем не упомянуть, что политика договаривающихся с нами сторон отличается исключительно словесным признанием этих принципов и совмещением этого признания со старой политикой хищничества и аннексий.

Я хотел бы в двух словах вновь коснуться вопроса, затронутого здесь г. военным Представителем Германии, а именно—вопроса о соблюдении срока, предусмотренного договором о перемирии. Г. Статс-секретарем не было сделано предупреждения о прекращении перемирия, которое ясно указывало бы, что через семь дней Германия возобновляет военные операции против России. Два дня тому назад, г. Председатель Германской делегации указал нам, что заявление о прекращении перемирия он усматривает не в словах г. фон-Кюльмана, а в заявлении Представителя России Троцкого. Это неправильно уже по одному тому, что подобное заявление заключало бы в себе также и предупреждение о возобновлении военных операций, по истечении семидневного срока. Такого заявления не было сделано ни со стороны г. фон-Кюльмана, ни со стороны Народного Комиссара Троцкого. Заявлением нашего Представителя Троцкого было установлено, что Россия прекращает военные действия, и, следовательно, заявление это не может рассматриваться, как предупреждение о прекращении перемирия; равным образом, неправильна и ссылка г. Председателя Германской делегации на слова г. Статс-секретаря фон-Кюльмана, которые никоим образом не могут рассматриваться, как специальное предупреждение о возобновлении военных действий, предусмотренное договором о перемирии. Считаю своим долгом установить историческую правду, хотя и не предполагаю документально разрешить эту правовую тяжбу.

Грац. Слово принадлежит г. Председателю Германской делегации.

Розенберг. Я сошлюсь на первое наше заседание и добавлю, что слова и приемы г. Троцкого лишили договор о перемирии реальной основы и были равносильны отказу от перемирия. Говоря это, я имею в виду не заявление г. Троцкого о прекращении военных действий, но—его отказ подписать мирный договор, вместе с тем оправдывая перемирие; я говорю о его отказе выслушать и сделать дальнейшие заявления и об имевшем место разрыве мирных переговоров. Г. Статс-секретарь фон-Кюльман в своем ответе ясно и определенно заявил, что, с исчезновением смысла перемирия, возобновляются приостановленные военные действия. К сожалению, у меня нет под рукой соответствующего протокола; поэтому я не могу дословно привести упомянутого мною заявления г. Статс-секретаря, но относительно его смысла не может быть никаких сомнений.

Грац. Слово принадлежит г. военному Представителю Германской делегации.

Гофман. Я хотел бы добавить к словам г. предыдущего

оратора, что мне ничего неизвестно о существовании определенной формы для отказа от договора о перемирии. С своей стороны, я полагаю, что слова г. фон-Кюльмана относительно возобновления военных операций не могли вызвать никаких сомнений. Это все, что я хотел сказать.

Грац. Не желает ли еще кто-нибудь высказаться по данному вопросу? Слово принадлежит г. Председателю Русской делегации.

Сокольников. Я хотел бы установить, что договор о перемирии категорически определяет продолжительность перемирия до особого распоряжения о возобновлении военных операций по истечении семидневного срока. Таким образом, договор о перемирии не мог автоматически прекратиться, так как в нем было сказано, что он автоматически продолжается. Что касается той формы, в которой могло быть сделано предупреждение о возобновлении военных операций, то я хотел бы напомнить, что если такая форма не была найдена 10-го февраля, то она была найдена 17-го февраля, за 24 часа до возобновления военных действий.

Грац. Не желает ли еще кто-нибудь высказаться по данному вопросу?

Таким образом, и эта часть сегодняшнего пленарного заседания исчерпана. Так как сейчас почти 2 часа, то я позволю себе предложить прервать заседание до 4-х часов. Не имеется ли возражений? Итак, мы продолжим заседание в 4 часа.

Заседание закрывается в 1 час 55 мин.

Пленарное заседание мирной конференции.

3 марта (18 февраля) 1918 года.

Заседание открывается в 4 часа 30 мин. пополудни под председательством Посланника фон-Мерей.

Мерей. Открываю заседание.

На очереди стоит третий и последний пункт программы сегодняшнего заседания, а именно—подписание мирного договора.

Подписанию подлежат: самый мирный договор, приложения экономического и правового характера и дополнения. На основании соглашения г.г. Представителей делегаций, текст мирного договора будет изготовлен на всех пяти языках для каждой делегации по одному экземпляру, за исключением правового политического договора, относительно которого имеется особое постановление, и экономического прибавления. Я позволю себе вручить г.г. Представителям делегаций самый договор для подписания.

Договор подписывается с 4 ч. 34 м. до 5 ч. 50 мин.

Мерей. Итак, договор подписан. Это непосредственно влечет за собою немедленное прекращение военных действий против Российской Республики. Полагаю, что выражу общее мнение всех пяти делегаций, если позволю себе еще раз выразить благодарность участникам составления этих договоров и очень сложных дополнительных соглашений и прибавлений. Исключительно благодаря сотрудничеству членов всех пяти делегаций, эта значительная работа была совершена во время и безукоризненно. Выражаю также свою благодарность всем участникам наших работ, в том числе и г.г. переводчикам, значительно облегчившим нам работу. Я искренно надеюсь, что подписанный нами мирный договор явится великим благом для народонаселения Союзных Держав и России и даст возможность восстановить дружественные отношения, нарушенные более чем трехлетней войной.

Мне остается еще спросить, не желает ли кто-нибудь высказаться? В таком случае, я объявляю переговоры между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией, Турцией и Россией законченными и заседание закрытым.

Заседание закрывается в 5 час. 52 мин.

Т

Н

эı
со
бу
од
го
эк
ве

Г. И. Петровский.

ПРИМЕЧАНИЯ и ПРИЛОЖЕНИЯ.

Первый период мирных переговоров.

15-го декабря 1917 года был подписан договор о перемирии между Россией—с одной стороны, Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией—с другой, а 22-го декабря начались переговоры о мире.

Считаясь с тогдашним настроением в России, Российская делегация не хотела вести мирные переговоры в Брест-Литовске, но была вынуждена согласиться начать их там. Поэтому, до открытия мирных переговоров, Председатель Российской делегации А. А. Иоффе обратился с письмом к генералу Гофману, в котором указывал, что Российская делегация согласна начать мирные переговоры в Брест-Литовске, но настаивает на прежнем своем плане перенесения их впоследствии в одну из нейтральных стран.

После приезда министров Кюльмана и Чернина, ими было заявлено в частной беседе, что, возражая против переговоров в нейтральной стране, они, тем не менее, понимают нежелание Российских Представителей заключать мир в оккупированной Российской крепости и поэтому готовы переехать впоследствии на русскую территорию и подписать мир, например, в Пскове.

В первый период переговоров отношения между Российскими Представителями и Представителями Четверного Союза носили внешне дружелюбный характер. Германия жаждала сепаратного мира с Россией (известно теперь, что она предприняла в этом направлении ряд шагов еще при царизме). Советская власть боролась за *всеобщий* демократический мир и выдвигала принципы такого мира, одинаково приемлемые для всех. На первом же заседании от 21-го декабря, Российская делегация в своей декларации,—выработанной в Брест-Литовске в перерыве между концом переговоров о перемирии и началом переговоров о мире,—изложила эти принципы.

В своей ответной декларации от 25-го декабря, Представители Четверного Союза не посмели отвергнуть этих принципов, но внешне и чисто фразеологически приняли их, хотя и подвергли значительным ограничениям, на что и было указано в русском ответе.

С русской точки зрения, на этой стадии переговоры должны были быть прерваны: основные принципы всеобщего демократического мира были даны, оставалось пережидать, чтобы достигнутые результаты переварились в сознании широких народных масс,—как Германии и ее Союзников, так и стран Антанты. Поэтому Российская делегация и предложила десятидневный перерыв.

Но Германии был важен самый факт продолжающихся переговоров. Ее предложение продолжать комписсионные переговоры по конкретным вопросам, подлежащим обсуждению между отдельными государствами, даже и при всеобщих мирных переговорах, не могло быть формально отвергнуто. Помимо того, для Российских Представителей было важно узнать полностью все германские притязания. Поэтому начались отдельные переговоры между Россией, Германией и Австро-Венгрией, между Россией и Турцией, между Россией и Болгарией. Политическое значение имеют только первые. По этой причине мы не помещаем в данном отчете протоколов переговоров с Турцией и Болгарией.

К заседанию от 26/13-го декабря 1917 года.

Германии было особенно важно поддерживать иллюзию чисто делового характера работ мирной конференции, с другой стороны, ей нежелательно было слишком рано выявить аннексионистскую и империалистическую сторону своих притязаний; поэтому, перейдя даже к конкретному обсуждению своих требований, Кюльман старательно обходил вопрос об очищении Германией оккупированных ею российских территорий и пытался втянуть Российскую делегацию в обсуждение разных мелочей. Российская делегация, наоборот, всеми способами стремилась добиться ясного ответа на вопрос о территориях. В частных собеседованиях Российские уполномоченные подчеркивали невозможность для них обсуждения экономических и правовых вопросов до обсуждения вопроса о территориях.

К заседанию от 27/14-го декабря 1917 года.

На этом заседании, наконец, удалось добиться обсуждения территориальных вопросов. К этому времени внутри Германии произошли кое-какие политические перемены. Военная партия одержала верх. Ясно было, что Германия, под тем или иным соусом, стремится аннексировать Литву, Курляндию, Польшу и часть Латвии; провозглашенный Россией и фразеологически принятый противной стороной принцип права наций на свободное самоопределение Германия пытается использовать исключительно в своих империалистических интересах. Этому стремлению в значительной мере способствовали националистические и шовинистические тенденции, победившие на некоторых окраинах, особенно на Украине. В конце заседания генерал Гофман пытается сыграть на этих струнах. Впоследствии шовинизм и политическое младенчество Представителей Центральной Рады были весьма ловко использованы германскими империалистами.

К заседанию от 28/15-го декабря 1917 года.

После того, как были даны обе формулировки по территориальному вопросу, и выяснилась полная невозможность соглашения их, Российская делегация не скрывала неприемлемости для России германского мира. Однако во избежание упреков, что переговоры были прерваны до заслушания всех германских предложений, Российская делегация решила продолжать переговоры, исключительно

в целях получения всего проекта германского предложения мирного договора. Этому и посвящено заседание от 28/15-го декабря. Российская делегация по существу не вступала в обсуждение германо-австрийских предложений, а только заслушивала их и принимала к сведению.

К пленарному заседанию от 28/15-го декабря 1917 года.

В виду решимости Российской делегации прервать переговоры и уехать в Петроград, устроено было торжественное пленарное заседание. В своей борьбе за всеобщий демократический мир и в стремлении воздействовать на народы Антанты и Четверного Союза, в смысле выражений их отношения к уже формулированным принципам такого мира,—Российская делегация в этот период не подчеркивала резко проявившихся непреодолимых противоречий между ее точкой зрения и точкой зрения Германии и Австро-Венгрии, ибо Правительства Антанты вообще еще не высказались по этому поводу. Необходимо было подождать их заявлений, не разрывая переговоров. На этом закончилась первая стадия переговоров.

Второй период мирных переговоров.

Российские революционеры никогда не питали иллюзий относительно возможности соглашения с империалистами и приемлемости для них основ демократического мира, провозглашенных Советской властью. Но в том тяжелом положении, в котором находилась Россия, Рабоче-Крестьянское Правительство готово было на серьезные и даже тяжелые уступки.

После того, как выяснилось нежелание Правительств Антанты принять участие в мирных переговорах, и после того, как с тою же очевидностью определилась чрезмерность германских требований и неприемлемость их для России,—дальнейшие переговоры могли иметь исключительно демонстративный характер. Предшествовавшие переговоры,—главным образом, русские декларации,—оказали свое влияние на широкие народные массы. Рабочие повсюду глухо волновались и недвусмысленно демонстрировали свои симпатии к России. Переговоры на территории совершенно изолированной, полуразрушенной крепости приобретали серьезное неудобство, уже не только с точки зрения национального самолюбия, но и с точки зрения чисто практической, с точки зрения той борьбы за всеобщий мир или, вернее, борьбы за мировую пролетарскую революцию, которую вела Советская Россия. Поэтому Российская делегация с большой энергией возобновила свою борьбу за перенесение переговоров из Брест-Литовска в какую-либо нейтральную страну, где Российская делегация могла бы находиться в большем контакте с западно-европейскими пролетарскими массами.

4-го января 1918 года истекал предложенный Российской делегацией срок перерыва в мирных переговорах. 2-го января Председатель Российской мирной делегации А. А. Иоффе обратился к Председ-

дателям Германской, Австро-Венгерской, Турецкой и Болгарской делегаций со следующей телеграммой:

«Правительство Российской Республики считает настоятельно необходимым перенесение дальнейших мирных переговоров на нейтральную почву и, со своей стороны, предлагает город Стокгольм. Российская мирная делегация ожидает ответа на это предложение в Петрограде. Что касается предложения Германской и Австро-Венгерской делегаций от 25-го декабря, то, по крайней мере, поскольку оно касается формулировки первых двух пунктов,—Правительство Российской Республики, как полномочный орган Советов Р. и С. Депутатов, в полном согласии с неоднократно выраженным Российской мирной делегацией мнением, усматривает в этой формулировке противоречие с принципом свободного самоопределения народов, даже в том ограничительном толковании, которому этот принцип подвергся в ответной декларации делегаций Четверного Союза.

Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

3-го января последовал телеграфный ответ, гласивший, что всякое перенесение мирных переговоров из Брест-Литовска решительно отклоняется, и Российская делегация ожидается в Брест-Литовске не позже 5-го января.

4-го января Германский Имперский Канцлер граф Гертлинг в своей речи в бюджетной комиссии Германского Рейхстага заявил, что Российское Правительство возобновило свои домогательства в смысле перенесения мирных переговоров из Брест-Литовска в нейтральную страну, и что это было решительно отвергнуто по техническим соображениям. Он прибавил, что в Брест прибыли Представители Украинской Центральной Рады, с которыми делегации Четверного Союза приступили к мирным переговорам. По поводу принципиального разногласия относительно права наций на самоопределение, нашедшего свое конкретное выражение в двух формулировках (русской и немецкой) первых двух пунктов проекта будущего мирного договора, Гертлинг резко протестовал против ««русских инсинуаций», упрекающих Германию в империализме и аннексионистских стремлениях, и закончил свою речь заявлением, что «Германия, опираясь на свое могущество, лойальный образ мыслей и свое законное право, может спокойно ждать, чем кончится этот инцидент».

Ясно было, что Германия намерена использовать предательство Рады и хочет извлечь политический капиталец из возможности сепаратных переговоров с Украиной; помимо этого, было очевидно, что разбойничий характер ее мирных предложений еще недостаточно выяснился перед широкими массами, и Германскому Правительству попрежнему удастся затушевывать свой аннексионизм.

В тот же день, 4-го января, Российская делегация отправила в Брест следующую телеграмму:

«Господам Председателям делегаций четырех Союзных Держав. Перенесение переговоров на нейтральную почву соответствует достигнутой стадии переговоров. Принимая во внимание то обстоятельство, что Ваши делегации уже прибыли на старое место, Российская делегация, с Народным Комиссаром Иностранных Дел Л. Д. Троцким во главе, завтра выезжает в Брест, в полной уверенности, что соглашение по вопросу о перенесении переговоров на нейтральную почву не составит затруднений.

Российская мирная делегация».

Телеграфные донесения из Бреста продолжали кричать об успешности переговоров с Украиной.

5-го января из Бреста пришла следующая ответная телеграмма:

«Председателю Российской делегации господину Иоффе. Петербург.

В своем ответе на предложения Российской мирной делегации, делегации Четверного Союза установили 25-го декабря некоторые руководящие принципы для немедленного заключения всеобщего мира. Во избежание всяких односторонних толкований, они определенным образом поставили обязательность этих принципов в зависимость от того, обяжутся ли все находящиеся ныне в войне Державы без оговорок и точнейшим образом соблюдать эти условия, в одинаковой мере обязывающие все народы. В согласии с делегациями держав Четверного Союза, Российская делегация после этого установила десятидневный перерыв, в продолжение которого остальные воюющие Державы должны были ознакомиться с установленными в Брест-Литовске принципами немедленного мира и решить вопрос о своем участии в мирных переговорах.

Делегации Четверного Союза устанавливают, что срок десятидневного перерыва истек 4-го января 1918 года, и ни от одной из остальных воюющих Держав к ним не поступило заявления о присоединении к мирным переговорам.

Председатели Союзнических делегаций:

Ф.-Кюльман—за Германию,
Граф Чернин—за Австро-Венгрию,
Попов—за Болгарию,
Нессими-бей—за Турцию».

Поворот был ясен. Германия отказывалась даже от того чисто словесного присоединения к русским принципам демократического мира, которое провозгласила 25-го декабря. Германская пресса откровенно отмечала, что «Верховное Военное Командование, под которым надлежит понимать не генерала Гофмана, но генерала Людендорфа, с каковым солидарен и Гинденбург, упрекает Кюльмана в том, что он в достаточной мере не использовал выгод военного положения Германии и дал себя обойти русским большевикам». 8-го января германский официоз «Северо-Германская Всеобщая Газета» оф.-

циально сообщала: «ни для имевших место до сих пор переговоров, ни для будущих не может итти речь о том, что Германские уполномоченные стремятся к чему-либо или защищают что-либо, не соответствующее полученным ими инструкциям». Газета уже от себя опровергает слух о том, будто «Статс-секретарь ф.-Кюльман, в переговорах с Российскими уполномоченными, вышел за пределы программы, установленной Правительством Германской Империи». В дальнейшем, следовательно, уже не Кюльман и даже не Гофман, а Людендорф (читай: военная партия) должен был определять германские требования.

В этих условиях переговоры *по существу* утрачивали всякий смысл. В дальнейшем все сводилось к агитационному и революционизирующему значению Брестских переговоров. Переговоры по конкретным вопросам необходимо было продолжать, но они велись в экономической и юридической комиссиях (протоколы которых составят второй том настоящего издания),—политическая же комиссия во весь второй период переговоров, которым руководил Л. Д. Троцкий, была сплошной борьбой двух мировоззрений, двух миров—старого и нового. Прокатившаяся по всей Польше, Австро-Венгрии и Германии волна январьских забастовок и уличных демонстраций наглядно показала, на чьей стороне в этом споре были симпатии широких пролетарских и полупролетарских масс.

Борьба за гласность.

После неудавшейся попытки перенести дальнейшие переговоры на нейтральную почву, Российская делегация была вынуждена принять германский ультиматум, что и было констатировано в речи Л. Д. Троцкого на заседании от 10-го января. Переговоры продолжались в Брест Литовске, но Российская делегация сделала попытку хоть несколько разрядить ту атмосферу искусственной изоляции, которая создалась, благодаря переговорам в Бресте и проникновению в германскую прессу только фальсифицированных отчетов Германской делегации. 10-го января Л. Д. Троцкий обратился к ф.-Кюльману со следующим предложением:

«Господин Министр!

В своей декларации от 9-го сего месяца, Российская делегация указывала на трудности при ведении мирных переговоров, вытекающие из того обстоятельства, что переговоры ведутся в совершенно изолированной крепости, в Главной квартире Восточного фронта.

Эти неудобства могли бы быть несколько смягчены, если бы в Брест-Литовск были допущены представители прессы, как Русской, Германской, Австро Венгерской, Болгарской и Турецкой, так и прессы нейтральных стран.

Российская делегация полагает, что, если в цели делегаций Четверного Союза не входит стремление искусственно изолировать ее от общественного мнения Европы, Представители Правительств четырех Союзных Держав согласятся с предложением допустить

в Брест-Литовск указанных представителей печати, без различия направлений.

Народный Комиссар по
Иностранным Делам *Л. Троцкий*».

Российская делегация неоднократно протестовала против искажения отчетов о Брестских переговорах в германской печати. На заседании от 14-го января Л. Д. Троцкий резко протестовал против тенденциозного искажения отчетов. 19-го января, после отъезда Л. Д. Троцкого, А. А. Иоффе послал следующую телеграмму Председателям Германской и Австро-Венгерской делегаций:

«Статс-секретарю ф.-Кюльману, Председателю Германской мирной делегации.

Берлин. Министерство Иностранных Дел.

Министру графу Чернину, Председателю Австро-Венгерской мирной делегации.

Вена. Министерство Иностранных Дел.

В опубликованном в газетах Центральных Держав официальном отчете о последнем пленарном заседании мирной конференции опущены все заявления Народного Комиссара Троцкого относительно того, что и после двухнедельных переговоров Центральные Державы по всем решающим пунктам настаивают на требованиях, резко противоречащих принципам, признанным ими в декларации от 25-го декабря. Российская делегация уже однажды протестовала против тенденциозного сокращения отчетов в прессе Центральных Держав и указывала на опасность, заключающуюся в таком дезориентировании общественного мнения. Оценка, даваемая в немецких газетах нынешнему положению дел, ясно показывает, что утаивание важных заявлений совершенно сбивает с толку общественное мнение. Мы считаем своим долгом еще раз решительно протестовать против этого и опубликовать наш протест, как в русской, так и в иностранной печати.

Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

Русско-украинские отношения

Роль делегации Центральной Рады во время Брестских переговоров была позорной ролью предателя дела революции и дела демократического мира. Германия по принципу «divide et impera» (разделяй, чтобы господствовать), очень ревниво следила за проявлением всяких «самостийных» и сепаратистских стремлений в бывшей Российской Империи. Еще в первый период переговоров, самый факт стремления Украинской Рады к участию в Брестских переговорах был использован ею против Российских уполномоченных. Но до тех пор, пока неизвестно было, будут ли Украинские уполномоченные считать себя стоящими по одну сторону фронта с русскими, эти попытки кончались неудачей, ибо Российская делегация могла еще

говорить «об Украинской части Российской делегации». Зато каким козырем в руках германских империалистов явился приезд самостоятельной Украинской делегации и сепаратные переговоры с нею!

В первый момент Российская делегация вела длительные переговоры с Украинскими уполномоченными и официальные, и неофициальные. Когда выяснилось, что этим политическим младенцам важнее всего их «самостоятельность и независимость», Российская делегация согласилась и с этим, и на заседании от 10-го января Л. Д. Троцкий торжественно признал независимость и самостоятельность Украинской делегации. Но Украинские Представители смотрели на Брестские переговоры только, как на арену, где должно быть определено международное положение и провозглашена независимость Украины. Борьба за всеобщий демократический мир для них не существовала, идеалы и чаяния мировой пролетарской революции были им непонятны. Им нужна была независимость. Российская делегация могла признать независимость Украины, но она не могла признать Центральную Раду единственной и законной представительницей этой независимой Украины, не могла потому, что как-раз в этот момент углублялась классовая борьба на Украине, гражданская война все более обострялась, и большевистское движение на Украине делало все большие и большие успехи. К тому моменту, наконец, когда делегация Центральной Рады заключила сепаратный мир с Германией и ее Союзниками,—по удачному выражению Л. Д. Троцкого,—«единственной территорией, где еще держалась Рада, был Брест-Литовск».

Когда выяснилось, что Украинская делегация продолжает вести сепаратные переговоры с Четверным Союзом, Л. Д. Троцкий 15-го января обратился к ней со следующим письмом:

«Господину Председателю Украинской делегации.

Сегодня, во время переговоров с нами, Председатель Германской делегации заявил, что по вопросу об оккупированных территориях, специально—о границах, ведутся переговоры с Украинской делегацией, которые могут оказать большое влияние на этот вопрос.

Мы, таким образом, снова констатируем, что делегация Генерального Секретариата, вопреки смыслу состоявшегося в первый день соглашения, вопреки смыслу объективного положения, диктующего единство действий против общих врагов, вопреки революционной морали, которая не может допускать закулисных соглашений с империалистами,—ведет попрежнему за нашей спиной переговоры с Австро-Германской делегацией и, вопреки нашему настоянию и первоначальному собственному обещанию, не показывает нам протоколов этих переговоров.

Так как дело идет о жизненных интересах трудящихся масс России и Украины, то мы не только публично снимаем с себя всякую ответственность за Ваши переговоры, но и непосредственно обращаемся к Украинскому Центральному Исполнительному Комитету в Харькове, с приглашением принять меры к тому, чтобы интересы Украинской Народной Республики были достаточно ограждены от

беспринципной и предательской закулисной игры делегации Генерального Секретариата.

Для Вас не тайна, что Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет имеет в настоящее время несравненно больше прав представлять Украинскую Республику, нежели Киевская Рада. И если мы не протестовали против Вашего участия в переговорах, то исключительно в надежде на то, что пред лицом общего врага поведение Ваше будет построено на элементарных демократических принципах и не создаст почвы для конфликтов между Вами—с одной стороны, Харьковским Ц. И. К. и нами—с другой.

Поскольку же Ваша международная политика, в соответствии с политикой внутренней, построена на закулисных сделках и предательстве демократии, мы считаем необходимым показать, что Вы и по фактической своей силе совершенно не в праве говорить от имени независимой Украинской Республики.

Председатель Российской мирной делегации
Народный Комиссар *Л. Троцкий*.

На это последовал нижеследующий ответ:

«Господину Председателю делегации Совета Народных Комиссаров.

Грубо-демагогический тон Вашего обращения к нам от 15-го января 1918 г. заставляет думать, что единственно достаточным ответом на это обращение было бы полное его игнорирование. Но мы узнали, что это обращение дано в газеты. И наш ответ Вам адресуется обществу, которое, не зная настоящего положения вещей, может быть введено Вами умышленно в заблуждение. Ему мы отвечаем на затронутые Вами вопросы.

Соглашение между нашей и Вашей делегацией не состоялось по вине Вашей, так как Вы первый связали Ваше поведение по отношению к нам с поведением Ваших соратников в Петрограде,—в отношении Генерального Секретариата,—отбросив перед заседанием от 9-го января половину текста декларации, принятой нами сообща накануне.

Будучи самостоятельной делегацией, вести заседания непременно с Вами вместе мы не считали для себя нужным; в то время, когда Вы ведете самостоятельно переговоры относительно границ на севере,—мы ведем такие же переговоры о границах, соприкасающихся с нашей Республикой. Принципы, указанные Вами в декларации, не являются монополией Вашей и лежат в основании наших переговоров: мы также не ведем переговоров за Вашей спиной, как Вы за нашей, и никто Вам не мешает присутствовать на наших заседаниях,—они открытые.

Что касается жизненных интересов трудящихся масс Украины, то мы уверены, что защищаем их более, чем Вы, и мы поражены Вашей претензией брать на себя публичную ответственность за наши переговоры; не знаем, кем уполномочены Вы на это, разве правом Вашего «священного насилия».

Наше поведение построено на истинно демократических принци-

нах, и мы до сих пор еще не выносили наших острых разногласий внутри страны на глаза противных делегаций, хотя могли бы это сделать, когда Вы на заседании от 15-го января явно и умышленно извращали факты нашей внутренней жизни.

Нелепое и смешное обвинение нас в предательстве с полным правом должно быть возвращено Вам, ибо острая по форме полемика с немцами нисколько не может скрыть фактического положения вещей, т.-е. сдачи Вами одной позиции за другой.

Имеет ли фактическую силу на Украине так называемый «Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет» в Харькове,— т.-е. кучка убежавших из Киева большевиков, которых Съезд Советов Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов на Украине морально принудил скрыться и в Харькове под защитой советской «священной армии» инсценировать второй съезд украинской демократии без украинцев и организовать так называемый «Всеукраинский Центральный Исполнительный Комитет»,—предоставляем судить Вам.

Фактическую и формально юридическую силу на Украине имеет Генеральный Секретариат, который с значительно большим правом может говорить от имени Украины, чем Народные Комиссары от имени остальной России.

Закулисной игрой мы не занимались ни у себя дома, ни здесь. Наша работа у всех на виду, и пресса наша осведомляется о всех наших намерениях и задачах; и ссылка только на неосведомление Вас о наших заседаниях, когда Вам предоставлена полная возможность присутствия, по меньшей мере, неубедительна.

Отчеты о заседаниях мирной конференции у нас публикуются в прессе на Украине.

Председатель делегации Украинской Народной Республики на мирных переговорах в Бресте

Генеральный секретарь *В. Голубович*».

Все это было неправдой, ибо, как указано, сепаратные и тайные переговоры между Украинской делегацией и делегациями Четверного Союза продолжались все время, и 9-го февраля был подписан сепаратный мир между Украиной—с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией—с другой.

Это было в тот момент, когда Центральная Рада уже на Украине ни на кого более не опиралась, и в составе Российской мирной делегации работали действительные представители трудящихся масс Украины.

18-го января был объявлен перерыв в работах так называемой политической комиссии, ибо переговоры дошли до такой стадии, когда опять необходимо было временно приостановить их для того, чтобы учесть впечатление, оказанное ими на пролетарские массы Европы. Обостренность отношений дошла до высшей точки напряжения. Напомним, что как-раз на этот период приходится волна забастовок и уличных демонстраций, дошедших до кровавых столкновений на улицах Варшавы, Вены и Берлина. Однодневная поездка Л. Д. Троцкого

в Варшаву, где он был восторженно встречен широкими народными массами, усилила то оптимистическое настроение, которое, вопреки непримиримому и вызывающему поведению делегатов Четверного Союза, охватывало Российских уполномоченных. Необходимо было переждать, чтобы учесть и оценить общую политическую ситуацию. 19-го января Л. Д. Троцкий уехал в Петроград. Чтобы не прерывать совершенно переговоров, решено было продолжать работы экономической и юридической комиссий.

Перерывом воспользовались и Кюльман и Чернин для выступлений в Германском и Австрийском парламентах: они выступали с длинными речами, в которых повторяли старую сказку об отсутствии у них агрессивных стремлений, нападали на Российскую делегацию, по их словам, вовсе не желавшую мира, но стремившуюся только к вынесению «на улицу» своих революционных идей, и всячески хвалили разумное и лойяльное поведение Украинских представителей.

21-го января в Брест-Литовск прибыли Представители Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики—Народный Секретарь по Военным Делам т. Шахрай и Председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов т. Медведев. Председатель Российской мирной делегации довел об этом до сведения Союзнических делегаций следующим письмом:

«Господину Председателю Германской мирной делегации.

Господин Министр!

Препровождая при сем копии полученного мною заявления делегатов Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики В. М. Шахрая и Е. Г. Медведева и их мандаты, имею честь сообщить Вам, что Российская делегация, в полном согласии с неоднократно признаваемым ею правом на свободное самоопределение за всеми народами,—в том числе, конечно, и за народом Украинским, не видит никаких препятствий к участию в мирных переговорах Представителей Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики и, согласно выраженному ими желанию, включает их в состав Российской мирной делегации, как уполномоченных представителей Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики.

Доводя об этом до Вашего сведения, господин Министр, я прошу Вас принять уверение в совершенном моем почтении.

Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

«Господину Председателю мирной делегации Российской Республики.

Заявление.

Мы, представители Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики В. М. Шахрай, Народный секретарь по Военным

Делам, и Е. Г. Медведев, Председатель Всеукраинского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, делегированные в Брест-Литовск для ведения мирных переговоров с Представителями Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции, в полном согласии с Представителями Рабоче-Крестьянского Правительства Российской Федеративной Республики, каковым является Совет Народных Комиссаров, настоящим заявляем следующее:

Генеральный Секретариат Центральной Украинской Рады ни в коем случае не может быть признан представительством всего Украинского народа. От имени украинских рабочих, солдат и крестьян, мы категорически утверждаем, что все решения, принятые Генеральным Секретариатом без соглашения с нами, не будут признаны Украинским народом, не могут быть осуществлены и ни в коем случае не будут проведены в жизнь.

В полном согласии с Советом Народных Комиссаров, а, следовательно, с делегацией Российского Рабоче-Крестьянского Правительства, мы в дальнейшем будем вести мирные переговоры с делегациями Четверного Союза в составе Российской мирной делегации.

При сем доводим до Вашего сведения, господин Председатель, следующую резолюцию, принятую Центральным Исполнительным Комитетом Всеукраинских Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов 12-го января 1918 года (30-го декабря 1917 г.):

Центральный Исполнительный Комитет постановляет:

Делегировать для участия в мирных переговорах Председателя Центрального Исполнительного Комитета, товарища Медведева, и Народных Секретарей Затонского и Шахрая, коим поручает категорически заявить, что всякие попытки Украинской Центральной Рады выступать от имени Украинского народа являются самозванными выступлениями буржуазных групп украинского населения против воли и интересов трудящихся классов Украины, и что никакие обязательства, принятые Центральной Радой, не будут признаны ни Украинской Советской властью, ни народом Украинским; что Украинское Рабоче-Крестьянское Правительство считает Совет Народных Комиссаров, как орган Всероссийской Советской власти, правомочным выступать от имени всей Российской Федерации, и что делегация Украинского Рабоче-Крестьянского Правительства, посланная для того, чтобы разоблачить самозванные выступления У. Ц. Р., будет действовать в составе общероссийской делегации и в полном согласии с нею.

П р и л о ж е н и е: мандат, выданный Народным Секретариатом Украинской Рабоче-Крестьянской Республики от 30-го декабря 1917 года.

У к а з а н и е: Народный Секретарь Просвещения Владимир Петрович Затонский в дороге заболел и потому не прибыл вместе с нами.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета
Всеукраинских Советов Рабочих, Солдатских и
Крестьянских Депутатов

Медведев.

Народный Секретарь по Военным Делам *Шахрай.*

21-го января 1918 года».

«Копия.

По постановлению Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины, Народный Секретариат Украинской Республики, именем Рабоче-Крестьянского Правительства Украины, настоящим уполномочивает Председателя Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов Украины Ефима Григорьевича Медведева, Народного Секретаря по Военным Делам Василия Матвеевича Шахрая и Народного Секретаря по Просвещению Владимира Петровича Затонского участвовать от имени Украинской Народной Республики в переговорах с Правительствами Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии об условиях мира между означенными Государствами и Российскою Федеративною Республикою.

Для сего поименованным уполномоченным Ефиму Григорьевичу Медведеву, Василию Матвеевичу Шахраю и Владимиру Петровичу Затонскому предоставляется право во всех случаях, когда они найдут необходимым, делать заявления и подписывать акты от имени Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики.

Все свои действия уполномоченные Украинского Рабоче-Крестьянского Правительства обязаны согласовать с действиями уполномоченных Рабоче-Крестьянского Правительства Российской Федеративной Республики, каковым является Совет Народных Комиссаров.

От имени Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской народной Республики

Народные Секретари:

Междунациональных Дел.
Внутренних Дел.
И. о. Военных Дел.
Судебных Дел.
Продовольствия.
Труда.

Управляющий Делами Народного Секретариата.

Харьков, 12-го января 1918 г. (30-го декабря 1917 г.).

С копией верно: Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

В конце января съехались опять все члены мирных делегаций. Председатель Украинской делегации Голубович не прибыл, а остальные представители Центральной Рады могли проехать только путем обмана, убедив пограничную охрану, что они едут в состав делегации Рабоче-Крестьянского Правительства Украинской Республики, о чем они сами потом с похвальбой рассказывали в Бресте. Это не помешало

им, однако, при возобновлении работ политической комиссии, как это явствует из протоколов, обливать помоями и русских и украинских большевиков и в своих заявлениях поддерживать, повторять и подтверждать все инсинуации и клеветы, распространяемые против них. Этим попрежнему ловко пользовались империалисты Четверного Союза.

Нет никакого сомнения в том, что своим поведением Украинская Центральная Рада значительно облегчила дело союзных империалистов и еще более затруднила дело борьбы за всеобщий демократический мир, борьбы, которую Российская делегация вела в Брест-Литовске, как нет никакого сомнения в том, что впоследствии именно через украинские ворота, открытые благодаря предательству Рады, ринулся империалистический немецкий натиск и на Украину, и на Россию.

Национальные представители.

Вопросы национальные стояли в центре всех Брестских дебатов. Как выразился ф.-Кюльман в своей речи в бюджетной комиссии Рейхстага: «Вторая стадия переговоров после рождественского перерыва сводилась, главным образом, к дискуссии по поводу обоих формулировок двух первых пунктов проекта договора», а эти формулировки заключали в себе сущность всех противоречий и разногласий. В то время, как Российская делегация отстаивала принцип права наций на свободное самоопределение полностью и делала отсюда все надлежащие выводы, как для своих противников, так и для себя,— Германские Представители, стремясь удержать за Германией все почти оккупированные территории, играли словами и старались доказать, что самоопределение в этих областях уже произошло, и что искусственно созданные ими органы и являются действительными представителями народов, населяющих эти территории. Тем не менее, когда представители этих органов выразили желание участвовать в Брестских переговорах, Германия этого не допустила. Когда Л. Д. Троцкий поставил вопрос, почему же эти, по мнению Германии, выражающие волю населения оккупированных областей представители отсутствуют в Бресте,—Кюльман выразил согласие допустить их, если Российская делегация признает в них полномочных представителей этих народов. На это никак нельзя было пойти, ибо именно в том, что самоопределение еще не произошло, и что указанные представители являлись германскими агентами, а не свободными выразителями воли свободных народов, заключалась русская точка зрения. Чтобы доказать еще более ясно, что воля народов, населяющих оккупированные территории, вовсе не такова, как это пытаются изобразить Германо-Австрийские Представители, Российская делегация требовала голоса для представителей трудящихся классов этих народов.

В состав Российской делегации, помимо уже указанных представителей трудящихся Украины, входили т.т. Бобинский и Радек—от польских, Мицкевич-Капсукас—от литовских и Стучка—от латышских трудящихся масс. Декларации Украинская и Польская были оглашены на заседаниях политической комиссии, декларация

Литовская в стенограмму не вошла, ибо оглашена не была, но была приобщена к материалам мирной конференции.

Текст ее нижеследующий:

Декларация

представителя Комиссариата по Литовским Делам (приложенная к протоколам мирной конференции в Брест-Литовске от 10-го февраля 1918 года).

Здесь неоднократно заявлялось г.г. Председателями делегаций Центральных Империй, что население Литвы, как и население Польши и Курляндии, уже самоопределилось, в смысле независимости Литвы: при этом, указывалось на правомерно возникший орган нового государственного образования, который, будто бы, уполномочен выражать волю широких кругов населения Литвы. О каком органе идет дело, мы узнали из речи генерала Гофмана, который на заседании от 12-го января сказал, между прочим, следующее:

«11-го декабря 1917 года Литовский Ландрат, который был признан литовцами, как внутри страны, так и за границей, единственным правомочным органом Литовского народа, объявил о полном разрыве всех государственных связей, которые у него когда-либо существовали с другими государствами».

По этому поводу я считаю необходимым заявить следующее:

Литовский Ландрат состоит из 2 членов, избранных на так называемой Виленской Литовской Конференции (18—22 сентября), в состав которой не входит ни одного рабочего. Эта конференция была составлена произвольно, по приглашению самозванного организационного бюро, а не на основании правильных демократических выборов, без активного участия широких литовских масс, при отсутствии свободы слова и собраний. Она работала при закрытых дверях. Оккупационные власти запретили даже опубликовать отчеты о ее занятиях и не разрешили напечатать резолюции конференции. Это было сделано в виду того, что на конференции со стороны крестьян и других участников раздавались самые решительные протесты против режима оккупационных властей и высказывалось желание во что бы то ни стало от них освободиться. На той же конференции было решено, что она не будет иметь юридической силы и не явится правомочным органом для установления характера отношений к соседям, ибо она не избиралась населением. «Для установления отношения к соседям»,—читаем мы в резолюции конференции,—«должно быть созвано Учредительное Собрание Литвы, избранное на демократических началах всем ее населением».

Ясно, что ни нынешний Литовский Ландрат, ни расширенный по мысли оккупационных властей ландрат, не имеют права провозглашать себя «единственным правомочным органом Литовского народа» и определять его отношения к соседним государствам. Против такого рода притязаний высказалось подавляющее большинство конференции. Главным образом, это было сделано под давлением рабочих и

крестьян, которые ни в коем случае не могут признать правомочным представительством Литовского народа орган, созданный при прямом участии оккупационных властей. Накануне конференции в Вильне была принята следующая резолюция:

«Собравшись 16-го сентября в Рабочем Клубе, представители еврейских, польских, литовских и белорусских демократических и социалистических кругов населения постановили требовать, чтобы право решать вопросы о будущем Литвы, ее управлении и установлении взаимоотношений между соседними государствами или народами, принадлежало только Учредительному Собранию, свободно избранному от всей литовско-белорусской области. В виду этого, собрание решительно протестует против узурпирования верховных прав представительства страны, откуда бы эти покушения ни исходили».

Литовский Ландрат, как и правые буржуазные литовские группы, провозглашающие якобы уже состоявшееся самоопределение Литвы и говорящие без всякого опроса населения от имени всего народа, тем самым узурпируют его верховную власть. Против этого самым решительным образом протестуют литовские рабочие и крестьяне в Литве и Латвии, беженцы в России, эмигранты в Америке и свободно высказывающие там свои взгляды социал-демократические и социалистические организации. В своих многочисленных резолюциях они заявляют, что Литовский трудовой народ не уполномочил кучку представителей Литовской буржуазии и аграриев говорить от его имени.

Заявления Литовского Ландрата и реакционных буржуазных групп представляют собою с их стороны попытку соглашения с Германским Правительством точно так же, как в начале войны те же элементы заключали, в своих классовых интересах, сделки с царским правительством, против собственных трудящихся масс. При господстве военной диктатуры, при полном подавлении свободы слова, собраний и печати, не может быть и речи о действительном самоопределении народов. Между тем, в Литве неоспоримо господствует военная диктатура. Почти всякая общественная самодеятельность там парализована. Уничтожена свобода передвижения, даже члены Литовского Ландрата тщетно добиваются этой свободы. Сам Ландрат совершенно бесправен. В течение двух лет в оккупированной Литве не разрешается издавать ни одной газеты на Литовском языке, если не считать единственной «Дабартис», субсидируемой Германским Правительством. Рабочие организации подавлены, собрания запрещены. Происходят массовые обыски и аресты. Ужасы войны вынудили сотни тысяч жителей покинуть свои родные края, десятки тысяч до сих пор стоят под ружьем в России, прочие насильно уведены в Германию на принудительные работы или же помещены в лагерях для гражданских пленных. Оставшееся трудовое население, под гнетом реквизиций, влачит нищенское существование. При таких условиях нет возможности говорить о самоопределении населения Литвы. Положение еще более осложняется тем, что Германское Правительство даже и после заключения всеобщего мира не обещает в определенный срок вывести из Литвы свои войска, устранить окку-

пационные учреждения и предоставить полноту власти местному населению.

«Все эти области» (Литва, Курляндия, Рига, острова),—заявил генерал Гофман в обоснование политики Германского Правительства,—«не обладают органами управления, не имеют судов и органов судебной защиты, не имеют железных дорог, телеграфа и почты. Все это создано Германией и управляется Германией. Равным образом, в ближайшем будущем эти народы не будут в состоянии иметь свои собственные войска или милицию, за отсутствием соответствующих органов, которые могли бы создать все это».

Поэтому «Верховное Командование считает нужным отклонить очищение Курляндии, Литвы, Риги и островов в Рижском заливе».

Такая оценка положения предполагает, будто Литовский народ не вышел еще из состояния первобытного варварства, и будто до германской оккупации Литва не знала ни железных дорог, ни почты, ни телеграфа. Между тем, поддержание этих технических учреждений ни в коем случае не требует режима военной оккупации, в которой Литовский народ,—в виду того, что оккупация не ограничивается никаким сроком,—видит только форму скрытой аннексии.

Против такого решения вопроса о судьбе Литвы самым энергичным образом протестуют не только литовские революционные с.-д. (большевики), Социал-Демократическая Партия Литвы, Социалисты-Народники Литвы, Литовский Военный Союз, рабочие и крестьянская беднота Литвы, Второй Всероссийский Съезд беженцев,—но и большинство буржуазных организаций, стремящихся к независимости Литвы, за исключением немногочисленных клерикальных и помещичьих групп, которые стремятся оградить себя от влияния рабоче-крестьянской революции. Все влиятельные партии признают, что население Литвы достаточно зрело, чтобы взять управление страной в свои руки и решать свою судьбу без чужой опеки.

Решающее слово о судьбе Литвы, по мнению Литовской рабочей демократии, должны сказать не представители Германского Правительства или Правительства Российской Республики, и не те буржуазные группы, которые раньше поддерживали царизм, а теперь ищут союза с Германским Правительством,—решающее слово принадлежит и не организаторам Виленской Литовской Конференции и Литовскому Ландрату, а демократическому населению Литвы, в первую очередь—рабочим и крестьянской бедноте Литвы, без различия национальностей.

Для того, чтобы они могли свободно самоопределиться, они считают безусловно необходимыми те же условия, которые выдвинула Российская делегация:

1. Немедленный вывод после заключения мира с Россией из оккупированной Литвы немецких войск и жандармерии и устранение всех учреждений, насажденных оккупацией;

2. Предоставление местному населению полноты власти;

3. Гарантия полной свободы слова, печати, собраний и союзов для трудящихся масс;

4. Немедленное возвращение на родину всех, насильственно

изгнанных, переведенных или бежавших из мест военных действий жителей Литвы;

5. Право возвратиться всем эмигрантам из Литвы и предоставление им одинаковых прав со всем населением Литвы;

6. Восстановление наиболее пострадавших от войны областей, за счет международного фонда, составленного из налога на богатые классы всех воюющих стран;

7. Возвращение в Литву всех общегосударственных, административных, общественных и других учреждений и заведений, эвакуированных из Литвы во время войны, а равно фабрик и заводов, за счет того государства, которое их эвакуировало.

Только при таких условиях трудовое население Литвы будет иметь возможность свободно самоопределиться.

В. Мицкевич-Капсукас,
Комиссар по Литовским Делам.

Брест-Литовск. 10-го февраля 1918 г.».

Российская делегация и Германско-Австрийская Социал-демократия.

Пролетариат Европы чутко прислушивался ко всему происходящему в Брест-Литовске. Левые социал-демократы неоднократно пытались вступить в сношения с Российскими уполномоченными. Российская делегация не оставляла без внимания ни одного случая, который можно было использовать в интересах разоблачения двойственной политики Германского и Австро-Венгерского Правительств также и в этом вопросе.

В конце декабря получено было сообщение, что Германская социал-демократическая партия постановила вступить через Швецию в более тесные сношения с Российскими коммунистами, но что Германское Правительство отказало представителям этой партии в выдаче заграничных паспортов.

23-го декабря Председатель Российской мирной делегации обратился по этому поводу к Кюльману с нижеследующим письмом.

«Господин Министр!

Российское Правительство вменило нам в обязанность довести до Вашего сведения следующее:

Проникшие в Россию сведения о том, что Германское Правительство отказало в выдаче паспортов Гаазе, Ледебуру и Каутскому, направлявшимся в Стокгольм, с целью ближайшего ознакомления с русской революцией, произвело в России впечатление, которое может серьезно затруднить дело установления мирных отношений между Русским и Немецким народами.

Российское Правительство полагает, что мир, установлением которого оно озабочено, может быть только миром народов. С самого начала мирных переговоров оно стремилось добиться именно этого

возобновления дружественных отношений между воюющими народами. Личные сношения между представителями широких народных масс, особенно между такими представителями, которые близки друг другу по духу и по убеждениям, могут только способствовать скорейшему заключению мира. И обратно, препятствия в этих сношениях, чинимые правительством одной или другой стороны, могут создать представление, будто такой мир народов нежелателен правительствам.

Обращая внимание Ваше, господин Министр, на это обстоятельство, мы, по поручению Правительства Российской Республики, должны подчеркнуть, что в факте запрещения или, вообще, затруднения сношений германских социалистов с социалистами России, наше Правительство не может не видеть тяжкого удара, наносимого делу мира.

Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

На это последовал такой ответ:

«Брест-Литовск. 25-го декабря 1917 года.

Господин Председатель!

Настоящим подтверждаю получение Вашего письма от 23-го с. м., и по поводу содержащихся в нем заявлений позволю себе заметить нижеследующее.

Мое Правительство вполне согласно с Российским Правительством в том, что мир, к восстановлению которого мы взаимно стремимся, должен быть миром народов, т.-е. таким миром, который должен быть основан на взаимном желании и воле заинтересованных воюющих наций впредь восстановить дружественные взаимоотношения. Мое Правительство согласно с Российским Правительством также и в том, что личные отношения между представителями заинтересованных народов облегчают восстановление мира. На основании этого убеждения, Германское Правительство, в отличие от союзных с Россией Правительств, до сих пор не чинило никаких препятствий созданию и развитию личных отношений между германскими гражданами, к какой бы партии они не принадлежали, и гражданами российскими. Став принципиально на эту точку зрения, Германское Правительство, в отличие от союзных с Россией Правительств, наглядно доказало, что оно не намерено создавать препятствий возобновлению дружественных отношений между народами. Начатие мирных переговоров в Брест-Литовске ничего не изменило в этих *принципиальных* воззрениях моего Правительства; но Правительство мое пришло к убеждению, что в тот момент, когда здесь сошлись полномочные Представители Германского и Русского народов для обсуждения основ будущего мира,—одновременное ведение неофициальных переговоров по подобным же вопросам могло бы повредить достижению намеченной цели.

Рейхс-Канцлер Германской Империи и я излагали, как в пленуме

Германского Рейхстага, так и в комиссиях и на заседаниях с партийными лидерами, те основные принципы мира, которых мы намерены придерживаться в переговорах с Российскими уполномоченными. И наши предложения, в общем и в целом, получили одобрение партий, так что я в праве подчеркнуть, что политика Рейхс-Канцлера имеет полную поддержку громадного большинства Германской нации.

Господин Председатель соблаговолит признать, на основании вышеизложенного, что поведение Германского Правительства в вопросе о паспортах никак не может быть истолковано в том смысле, что Германское Правительство не желает мира народов, и что, наоборот, это поведение проистекает скорее из желания устранить все препятствия в работах облеченных доверием обоих народов на пути к достижению мира.

С совершенным почтением
фон-Кюльман,
Статс-секретарь по Иностранным Делам».

Аналогичный инцидент имел место и в отношении Австро-Венгерского Правительства. В конце января 1918 года вождь Австрийской Социал-демократии, ныне покойный Виктор Адлер, в парламентской речи протестовал против искажения Брестских отчетов в австрийской прессе и требовал участия представителей народов Австрии на мирной конференции. В связи с этим, завязалась следующая переписка:

Телеграмма

«Вена. Министерство Иностранных Дел. Министру графу Чернину.

В своей речи Виктор Адлер протестовал против отсутствия представителей народов Австрии на мирной конференции в Брест-Литовске. Мы точно также живо ощущаем этот недостаток, на что мы неоднократно и указывали. В виду перерыва в мирных переговорах до 29-го числа сего месяца и сосредоточения всей работы в экономической и правовой комиссиях, где не необходимо присутствие всех членов мирной делегации,—я, считаясь с тем обстоятельством, что наши австрийские товарищи, повидимому, недостаточно информированы о ходе мирных переговоров, прошу Вас дать мне возможность поехать на несколько дней в Вену для переговоров с представителями австрийских рабочих, в интересах скорейшего достижения равно необходимого обеим сторонам демократического мира.

24-го января 1918 года.

Председатель Российской
мирной делегации *А. Иоффе*».

Письмо Легационного Советника графа Чакки:

«Брест-Литовск. 26-го января 1918 года.

Господин Председатель!

В ответ на Вашу телеграмму от 24-го с. м., переданную мне для дальнейшей пересылки г. Королевскому и Императорскому Министру

Иностранных Дел, имею честь сообщить, что выраженная Вами в этой телеграмме просьба не может быть удовлетворена.

Вы, господин Председатель, делегированы Вашим Правительством в Брест-Литовск, как уполномоченный для ведения мирных переговоров. Никакие иные мандаты не могут быть признаны за Вами.

Примите, господин Председатель, уверения моего глубочайшего уважения.

Чакки.

Императорский и Королевский Легационный Советник».

Телеграмма Председателя Российской мирной делегации:

«Господину Министру Иностранных Дел графу Чернину.

Вена, Министерство Иностранных Дел.

Господин Министр!

Препровождая при сем копию письма г. Легационного Советника Графа Чакки от 26-го с. м., являющуюся, повидимому, ответом Вашим на мою телеграмму от 24-го с. м., я настоящим довожу до Вашего сведения, что содержащийся в этом письме отказ в разрешении мне поездки в Вену для ведения переговоров с Представителями Австрийского пролетариата в интересах достижения демократического мира, мною принято к сведению, и я принужден констатировать, что в этом ответе соображениями формального характера прикрывается нежелательность допущения личных переговоров между Представителями Рабоче-Крестьянского Правительства России и Представителями Австрийского пролетариата.

Что же касается содержащейся в мотивировочной части письма ссылки на отсутствие полномочий,—ссылки, недопустимой ни по форме, ни по существу,—то я хотел бы обратить Ваше внимание, господин Министр, на то обстоятельство, что право определения объема и характера моих полномочий принадлежит исключительно моему Правительству.

С совершенным почтением Председатель Российской мирной делегации *А. Иоффе.*

26-го января 1918 года».

Подкомиссия по территориальнымъ вопросам.

Переговоры близились к концу. К середине февраля назрел конфликт. Ясно было, что тянуть далее переговоры невозможно. Германские уполномоченные все чаще начинали протестовать против затягивания переговоров русскими. Буржуазная печать шумела. Все агитационные возможности были использованы. Январьское пролетарское движение в Германии и Австро-Венгрии было жестоко и беспощадно подавлено. Военная партия чувствовала себя сильнее, чем когда-либо. Германская революция запаздывала. Нужно было кончать. Но прежде, чем привести в исполнение намечавшееся ре-

шение, необходимо было с полной категоричностью выяснить весь объем германских притязаний. Решено было прекратить принципиальные дебаты и ребром поставить немцам вопрос: «Сколько требуете?»

Была образована подкомиссия из военных экспертов, под председательством уполномоченного М. Н. Покровского, которая и должна была выяснить этот вопрос. В подкомиссии выяснилось, что Германия не только желает аннексировать все ею занятое, но и «выравнивает» стратегическую границу с Россией с явно агрессивной по отношению к России тенденцией. Очевидно было, что такой мир может явиться только прелюдией к новой, еще более тяжелой войне. Нужно было показать это немецким рабочим, и тогда провозглашена была знаменитая формула: «Мира не подписываем, войны не ведем»—безоружные, апеллируем к революционному сознанию Германского пролетариата.

Когда Л. Д. Троцким оглашена была последняя декларация, она грянула, как гром из ясного неба. Ничего подобного немцы не ждали. Все молчали. Кюльман бормотал что-то мало вразумительное. Искали выхода, но не находили. Наконец, предложили созвать пленум. От этого Российская делегация отказалась. Л. Д. Троцкий уехал с частью делегации.

К пишущему эти строки, оставшемуся еще на один день для завершения кое-каких технических дел, на другой день пришел Германский уполномоченный Директор Правового Департамента Криге; он искал в истории прецедентов такому положению и, наконец, нашел его в войне греков с персами. Он пришел не даром, он хотел выяснить, как представляет себе Российское Правительство дальнейший ход событий.

«Было бы безумием, если бы мы теперь опять воевали с Вами»,—говорил он,—«об этом никто и не думает. Необходимо найти выход. Мы можем не иметь мирного договора, но вести переговоры по конкретным вопросам. Нам необходимо будет съехаться с Вами в Стокгольме для того, чтобы переговорить хотя бы о военнопленных». На это ему было отвечено, что Россия заинтересована в скорейшем возвращении своих голодающих в Германии военнопленных, и что от таких переговоров Российское Правительство, наверно, не откажется.

На этом и покончили.

Третий период мирных переговоров.

Но как ни били в кимвалы по поводу «удачного» мира с Украиной, в Германии все же оставалась какая-то неудовлетворенность. Чувствовалось, что победители побиты побежденными. Военная партия волновалась: она не могла снести того, что ей не подчинились и не приняли ее требований; она не могла стерпеть заявления Л. Д. Троцкого, что Россия «возвращает пахаря на его поле, рабочего к его станку», в то время, когда Германский народ принужден еще вести кровопролитную войну. Военная партия хотела «завоевать мир с Россией».

16-го и 17-го февраля произошел следующий обмен телеграммами:

Телеграмма Троцкому:

Брест-Литовск, 16-го февраля.

«Сегодня, в 19 час. 30 мин., от ген. Гофмана мне официально объявлено, что 18-го февраля в 12 час. оканчивается заключенное Российской Республикой перемирие и начинается снова состояние войны. 17-го февраля утром со вверенной мне комиссией я выезжаю на Барановичи и Минск.

Ген. штаба *Самойло*».

Телеграмма Троцкого Правительству Германской Империи:

«17-го февраля 1918 года. Берлин. Правительству Германской Империи.

Сегодня, 1-го февраля, нами получено сообщение по прямому проводу из Брест-Литовска от ген. Самойло, будто ген. Гофман заявил 16-го февраля, что с 18-го февраля в 12 час. дня между Германией и Россией возобновляется состояние войны. Правительство Российской Республики предполагает, что полученная нами телеграмма не официальная, а имеет провокационный характер, так как, если даже допустить прекращение перемирия со стороны Германии, то предупреждение об этом, согласно условиям перемирия, должно быть сделано за 7 дней, а не за 2 дня. Прошу разъяснения по радио.

Народный Комиссар по
Иностранным Делам *Л. Троцкий*.»

Телеграмма Троцкого гр. Чернину:

«Господину Министру Иностранных Дел графу Чернину.

Так как Германское Правительство возобновило войну против России, даже без предупреждения за 7 дней, то настоящим честь имею спросить, считает ли себя также и Австро-Венгерское Правительство в состоянии войны с Россией? Если нет, то считает ли Австро-Венгерское Правительство возможным приступить к практическому осуществлению выработанных в Петрограде соглашений?

Народный Комиссар по
Иностранным Делам *Л. Троцкий*».

18-го февраля в 12 часов дня германские войска перешли в наступление по всей линии фронта. С русской стороны фронта уже не существовало, армии были демобилизованы. Без боя был взят Двинск, а затем Псков. Германские полчища подходили к Петрограду.

Всем памятны те разногласия, которые возникли в партии и в советских кругах по вопросу о том, подписать ли теперь мир с Германией? Здесь не место подробнее останавливаться на этих разногласиях. 19-го февраля в Берлин была отправлена радиотелеграмма следующего содержания:

«В виду создавшегося положения, Совет Народных Комиссаров видит себя вынужденным подписать условия мира, предложенные в Брест-Литовске делегациями Четверного Союза. Совет Народных Комиссаров заявляет, что ответ на поставленные Германским Правительством точные условия будет дан немедленно».

21-го февраля в ответ был получен нижеследующий ультиматум:

Германские условия мира.

«Германия готова возобновить переговоры и заключить с Россией мир на следующих условиях:

1. Германия и Россия объявляют о прекращении состояния войны. Оба народа готовы впредь жить в мире и дружбе.

2. Области, лежащие западнее сообщенной Российским уполномоченным в Брест-Литовске линии, входившие ранее в состав Российской Империи, не подлежат более территориальному суверенитету России. В области Двинска эта линия протягивается до восточной границы Курляндии. Из факта прежней принадлежности этих областей к Российской Империи не проистекает для них никаких обязательств по отношению к России. Россия отказывается от всякого вмешательства во внутреннюю жизнь этих областей. Германия и Австро-Венгрия намерены определить будущую судьбу этих областей в согласии с их населением. Германия готова немедленно, по заключении всеобщего мира и полном окончании русской демобилизации, очистить область, лежащую к востоку от указанной линии, поскольку из ст. 3-ей не вытекает чего-нибудь иного.

3. Лифляндия и Эстляндия немедленно очищаются от русских войск и красной гвардии и занимаются немецкими полицейскими войсками до тех пор, пока местные власти не в состоянии будут гарантировать спокойствия, и не будет восстановлен порядок. Все политические арестованные из местных граждан немедленно выпускаются на свободу.

4. Россия тотчас же заключает мир с Украинской Народной Республикой. Украина и Финляндия без промедления очищаются от русских войск и красной гвардии.

5. Россия всеми имеющимися в ее распоряжении средствами будет способствовать наискорейшему и планомерному возвращению Турции ее Анатолийских провинций и признает отмену турецких капитуляций.

6 а. Полная демобилизация русских армий, включая и вновь образованные нынешним Правительством части, должна быть проведена незамедлительно.

б. Русские военные суда в Черном море, в Балтийском море и в Ледовитом океане должны быть либо переведены в русские порты, где должны быть интернированы до заключения всеобщего мира, либо должны быть тотчас же разоружены. Военные суда Антанты, находящиеся в сфере влияния России, рассматриваются, как русские.

в. Торговое мореплавание в Черном и Балтийском морях не-

медленно восстанавливается,—как это предусмотрено было в договоре о перемирии. Немедленно начинается необходимая для этого очистка от мин. Блокада в Ледовитом океане остается до заключения всеобщего мира.

7. Германско-русский торговый договор от 1904 года снова вступает в силу, как это предусмотрено в статье 7-ой п. 2 а мирного договора с Украиной, при чем исключается предусмотренное в статье 11-ой п. 3-ий абзац 1-ый торгового договора особое благоприятствование в отношении восточных стран; далее, восстанавливается вся первая часть заключительного протокола. К этому присоединяются: гарантии свободного вывоза и право беспошлинного вывоза руды, скорейшее начало переговоров о заключении нового торгового договора; гарантия наибольшего благоприятствования, по мéньшей мере, до конца 1925 гóда, даже в случае заявления о расторжении временного договора, и, наконец, условия, соответствующие статье 7-ой пунктам 3-му и 4-му абз. 1-ый и п. 5-му мирного договора с Украиной.

8. Вопросы правового характера регулируются согласно решениям Русско-Германской юридической комиссии, принятым в первом чтении; поскольку решений не последовало, в силу вступают,—относительно возмещения за убытки частных лиц,—предложения с германской стороны, а в отношении возмещения за содержание военнопленных—русское предложение. Россия допустит и будет по мере сил поддерживать деятельность германских комиссий, в смысле попечения о германских военнопленных, гражданских пленных и переселенцах.

9. Россия обязуется прекратить всякую официальную или поддерживаемую официальными органами агитацию или пропаганду против Союзных Правительств и их государственных и военных учреждений, также и в оккупированных Центральными Державами областях.

10. Вышеуказанные условия должны быть приняты в течение 48 часов. Российские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в течение трех дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже, чем по истечении двух недель.

Берлин, 21-го февраля 1918 года».

24-го февраля в Петрограде состоялось пленарное заседание Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов. Большинством в 126 голосов против 85, при 26 воздержавшихся и 2 не участвовавших в голосовании, решено было принять германский ультиматум. В 7 часов утра в Берлин, Вену, Софию и Константинополь отправлена была следующая радиотелеграмма:

«Согласно принятому Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом Рабочих, Крестьянских и Солдатских Депутатов решению, состоявшемуся 24-го февраля в 4 час. 30 мин. утра, Совет Народных Комиссаров постановил принять предъявленные Герман-

ским Правительством условия мира и направить делегацию в Брест-Литовск для подписания мирного договора.

Председатель Совета
Народных Комиссаров
Владимир Ленин.

Народный Комиссар по
Иностранным Делам
Лев Троцкий».

Принятое решение не раскалывало партию и Правительство, но лишало возможности противников так называемой политики «передышки» работать на прежних постах. Л. Д. Троцкий отказался от поста Народного Комиссара по Иностранным Делам (вскоре затем он был избран на пост Народного Комиссара по Военным и Морским Делам), А. А. Иоффе отказался от председательствования в мирной делегации. Обязанный Ц. К. Р. С. Д. Р. П. все же поехать в Брест-Литовск, хотя бы в качестве консультанта, он подчинился, под условием распубликования по радио нижеследующего заявления:

«Уважаемые товарищи!

Как вам известно, я с самого начала был решительным противником той внешней политики, которую за последнюю неделю проводит большинство Советского Правительства, и, поскольку мог, боролся внутри Ц. К. против принятия германских предложений мира. В виду серьезной опасности раскола в нашей партии, я не считал себя в праве публично выступать против линии большинства Ц. К., но, само собой разумеется, что я не могу проводить этой линии. Поэтому я решительно отказался от всякого участия в мирной делегации, отправляющейся в Брест-Литовск.

Но в виду категорического постановления Ц. К., считающего обязательным мое участие в мирной делегации, хотя бы в качестве консультанта, я вынужден, в интересах сохранения возможного единства партии, подчиниться этому решению и еду в Брест-Литовск, лишь как консультант, не несущий никакой политической ответственности.

С товарищеским приветом:
А. Иоффе (В. Крымский),
член Ц. К. Р. С. Д. Р. П. и бывший Председатель Российской мирной делегации.

24-го февраля 1918 года».

В тот же день 24-го февраля, выехала в Брест-Литовск Российская мирная делегация под председательством Г. Я. Сокольникова.

Несмотря на принятие ультиматума, военные действия с германской стороны продолжались. Прибыв в Псков, Российская делегация немедленно заявила Германскому Командованию решительный протест:

«Господину Командующему Германскими войсками в Пскове.

Полагая, что, если даже военные действия против России не были прекращены с момента вручения Германскому Правительству ноты Российского Правительства от 24-го февраля, во всяком случае, они должны быть приостановлены с момента прибытия Российской мирной делегации на территорию, занятую германскими войсками,—делегация считает необходимым установить, что ее прибытие должно исчисляться с момента приезда Председателя в Псков, т.-е. с 9 часов вечера 25-го февраля 1918 года.

26-го февраля 1918 года.

Председатель мирной делегации *Г. Сокольников.*

Секретарь *Л. Карахан*».

Протест ни к чему не привел, поэтому он был повторен немедленно по прибытии делегации в Брест:

«Господину Председателю Германской мирной делегации.

Когда германские войска, в нарушение взаимно обязательного для обеих сторон договора о перемирии от 15-го декабря прошлого года, двинулись против демобилизовавшей свои армии и, следовательно, беззащитной России, Рабоче-Крестьянское Правительство Российской Республики обратилось по радио к Германскому Правительству с заявлением о своем согласии принять германские предложения. В ответ на это было получено ультимативное заявление с новыми требованиями Германии, о принятии которых Российским Правительством в предопределенный срок, т.-е. 24-го сего месяца, было сообщено Германскому Правительству.

Российская делегация считает нужным установить, что на формальное предложение Российского Верховного Главнокомандующего о перемирии на период ведения мирных переговоров и подписания мирного договора последовало официальное заявление генерала Кенига, командующего германскими войсками в Двинске, что ответ на это предложение будет дан Российской мирной делегации.

Заявляя свой решительный протест против того, что продвижение германских войск не было приостановлено с момента принятия Россией германских условий,—Российская делегация требует немедленного прекращения наступательных действий против России, полагая, что если даже таковые не были приостановлены до сих пор, они во всяком случае должны быть приостановлены к моменту возобновления мирных переговоров, ведущихся на основе уже принятого ультиматума.

Брест-Литовск. 28-го февраля 1918 года.

Председатель мирной делегации *Г. Сокольников.*

Секретарь *Л. Карахан*».

В Бресте выяснилось, что условия германского ультиматума еще ухудшены, ибо зарвавшиеся турецкие империалисты предъявили притязания на области Ардагана, Карса и Батума.

Несмотря на это, Российская делегация решила не обсуждать условий мира, но подписать договор без обсуждения, чтобы ни в коем случае не создалось впечатление какого-либо соглашения между Российской Революцией и империалистами Четверного Союза. Российская делегация заявила решительный протест против новых ухудшений ультимативного мира и в своей декларации резко подчеркнула его насильственный характер.

3-го марта в 5 час. 50 мин. вечера мирный договор был подписан.

Германская буржуазная печать попыталась возликовать по этому поводу. Немедленно полетели телеграммы от Вильгельма к канцлеру и к Гинденбургу, от Гинденбурга к Вильгельму, от Рейхстага к Императору и обратно. Во всех телеграммах превозносилась слава германского оружия и выражались надежды на близкое окончание мировой войны.

Германские империалисты тогда еще не понимали, что, подписав Брестский мир, они подписали свой смертный приговор.

16-го марта Российское Правительство ратификовало мирный договор с Четверным Союзом.

17-го марта он был принят Германским Союзным Советом.

18—22-го марта Германский Рейхстаг единогласно, за исключением независимцев, принял мирный договор с Россией.

А 9-го ноября вспыхнула Германская Революция, которая смела с лица земли и Германскую Монархию и германский милитаризм, и германский империализм, и Союзный Совет, и Рейхстаг, но зато выдвинула Германский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов, созданный по образцу и подобию Всероссийского.

А. Иоффе.

Москва. 29-го апреля 1919 года.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Важнейшие опечатки.

Страница.	Строки сверху	Строки снизу.	Напечатано.	Следует читать.
8		19	кто	кто-нибудь
12		10	что Германские	чтобы Германские
12		9	что	чтобы
45		11	держмвы	державы
52	2		варода	народа
52		20	Герммнской	Гер анской
53		18	пе	не
56		16	об'яснени	об'яснении
60		17	от ельный	отдельных
62	22		декаря	декабря
64		18	Германской Австро-Венгерской	Германской и Австро-Венгерской
64		17	возникнет	возникнут
70	5		упомянуло	упомянул о
77		20	широкях	ш роких
85		1	в начестве	в качестве